

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532

Научный рецензируемый журнал
Выходит 4 раза в год

2022

Выпуск 1

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется онлайн на сайте
«Пресса России. Объединенный каталог»
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/editon/e41011/>

Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внумских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь),

Лариса Павловна Киященко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва),

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Лея Асканазович Мусаелян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет Пермь),

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва),

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург),

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акац. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва),

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров),

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань),

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск),

Наталья Александровна Лебедева-Несея (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Дмитрий Николаевич Федоров (докт. социол. наук, профессор, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь),

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург),

Сергей Александрович Судин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (докт. филос. наук, профессор, акац. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Стреканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Вермонт, США),

Дэйв Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия),

Джорджио Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Компьютерес, Мадрид, Испания),

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США),

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США),

Пол Эйткен (доктор наук, альянкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

PERM UNIVERSITY HERALD

PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. SOCIOLOGY

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532

Scientific peer-reviewed journal
Published 4 times a year

2022
Issue 1

Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect
scientific interests of experts in the field of
socially-humanitarian knowledge. Actual
problems of philosophy, psychology and
sociology are considered in published materials.
Results of empirical researches are also
discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology,
history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history
of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions
and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

The Mass Media Registration Certificate
ПИ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is available online at:
«The Press of Russia. The United Catalogue»
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41011/>
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philso.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnukikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Lechenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseruya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Survari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

**«ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»
(Тематический выпуск)**

История психологии: методологические проблемы и перспективы развития (введение к тематическому выпуску)

*Логинова Н.А. (приглашенный редактор),
Ждан А.Н.*

История психологии как наука:
вклад М.С. Роговина

Мазилов В.А.

Методологические функции истории психологии в современной науке

Соколова Е.Е.

Биографические исследования истории психологии

Логинова Н.А.

Историография постсоветского периода отечественной психологии:
к постановке проблемы

Шукина М.А.

История исследований темперамента и характера в отечественной психологии:
наукометрический анализ диссертационных исследований

Олейник Ю.Н., Елисеева И.Н.

**«THE HISTORY OF PSYCHOLOGY:
METHODOLOGICAL ISSUES
AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT»
(Special issue)**

History of psychology: methodological issues and prospects for development (introduction to the special issue)

*Natalia A. Loginova (guest editor),
Antonina N. Zhdan*

History of psychology as a science:
the contribution of M.S. Rogovin

Vladimir A. Mazilov

Methodological functions of the history of psychology in modern science

Elena E. Sokolova

Biographical studies in the history of psychology

Natalia A. Loginova

Historiography of the post-Soviet period of Russian psychology:
on the problem statement

Mariia A. Shchukina

History of temperament and character research in Russian psychology: scientometric analysis of dissertation research

Yuri N. Oleinik, Irina N. Yeliseyeva

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Кому нужна сегодня эта философия?

Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России

Мусаелян Л.А.

Насколько «Зловещая долина» зловеща на самом деле?

Опыт деконструкции дискурса

Столбова Н.В., Середкина Е.В.,

Мышкин О.С.

Who needs this philosophy today?

Part 1. Why there is some doubt about the need to teach philosophy in Russian universities

Lyeva A. Musayelyan

How uncanny is the «Uncanny Valley»?
Experience of deconstructing a discourse

Natalya V. Stolbova, Elena V. Seredkina,

Oleg S. Myshkin

ПСИХОЛОГИЯ

Управление природным началом в человеке: путь гуманистического аутопоэзиса <i>Желнин А.И.</i>	108	Management of the natural dimension in man: the path of humanistic autopoiesis <i>Anton I. Zhelnin</i>
Знак и символ <i>Горбачев М.Д.</i>	126	A sign and a symbol <i>Maxim D. Gorbachev</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Стратегии и тактики самопредъявления как факторы межличностного взаимодействия <i>Ахмадеева Е.В., Башкатов С.А.</i>	133	Strategies and tactics of self-presentation as a psychological construct in interpersonal interaction <i>Elena V. Akhmadeeva, Sergey A. Bashkatov</i>
Особенности толерантности к неопределенности у студентов социально- гуманитарных направлений подготовки <i>Евтух Т.В., Харламова Т.М.</i>	146	Characteristics of ambiguity tolerance in social sciences and humanities students <i>Tatiana V. Evtukh Tatiana M. Kharlamova</i>
Психологические особенности точности воспроизведения заданного образца в различных психоэмоциональных состояниях <i>Полякова И.В.</i>	159	Psychological features of the accuracy of reproduction of a given sample in various psychoemotional states <i>Irina V. Polyakova</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Религиозная идентичность молодых мужчин мусульман из стран СНГ как трансформирующийся феномен (на примере города Казань) <i>Липатова Т.Н.</i>	167	Religious identity of young Muslim males from the Commonwealth of Independent States as a transforming phenomenon (a case study of the city of Kazan) <i>Tatyana N. Lipatova</i>
Социальные настроения жителей монотерриторий Хакасии <i>Лушникова О.Л.</i>	175	Social mood in single-industry towns of Khakassia <i>Olga L. Lushnikova</i>
Информация для авторов	186	Guidelines for English-speaking authors

ПСИХОЛОГИЯ

«ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ» (Тематический выпуск)

УДК 159.9.01

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-5-9

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (ВВЕДЕНИЕ К ТЕМАТИЧЕСКОМУ ВЫПУСКУ)

Логинова Наталья Анатольевна (приглашенный редактор)

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Ждан Антонина Николаевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Л.С. Выготский считал, что научное психологическое исследование невозможно без опоры на научную традицию, которая позволяет учесть основное содержание накопленного научного знания. Следует признать, что работа по сохранению и развитию отечественных научных психологических традиций ведется во многих научных центрах современной России. Однако интеграция этих исследований остро необходима. К числу усилий по такой интеграции можно отнести и данный тематический выпуск по истории психологии. Ряд известных авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля представили здесь свои работы, в которых рассматриваются вопросы о новых или редких в историко-психологической науке методах, новых подходах, интерпретациях и оценках научного прошлого, временной дистанции, положении истории психологии как учебной дисциплины.

Ключевые слова: история психологии, новые методы, подходы и интерпретации в истории психологии.

HISTORY OF PSYCHOLOGY: METHODOLOGICAL ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT (INTRODUCTION TO THE SPECIAL ISSUE)

Natalia A. Loginova (guest editor)

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

Antonina N. Zhdan

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Lev Vygotsky believed that scientific psychological research is impossible without reliance on a scientific tradition, which allows accumulating the content of scientific knowledge. The work on preserving and developing of Russian scientific psychological traditions is conducted in many scientific centers. However, it is necessary to integrate such studies. This special issue on the history of psychology is one of many efforts to such integration. Well-known researchers from Moscow, St. Petersburg, and Yaroslavl have provided the results of investigations here. These papers deal with questions of new or insufficiently ex-

ployed methods of history of psychology, new approaches, interpretations and assessments of the scientific past, temporal distance, and the position of the history of psychology as an academic discipline.

Keywords: History of psychology, new methods, approaches and interpretations in the history of psychology.

История психологии является фундаментальной научной дисциплиной, которая развивается весьма активно при непременном ее участии в образовательных документах, относящихся к подготовке специалистов-психологов. Ни одна диссертация не обходится без обзора литературы, в том числе историко-психологических публикаций. Проводятся научные конференции и тематические секции по истории психологии. Осознавая свою миссию быть надежным основанием для развития психологических исследований во всех отраслях психологии, формировать научный патриотизм у молодых поколений психологов, энтузиасты историки предлагают вниманию читателя свои статьи, посвященные современному состоянию истории психологии в России, ее методологическим проблемам и новейшим достижениям.

Каждый из представленных здесь авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля имеет индивидуальный опыт исследовательской работы, что придает особую ценность их идеям и мнениям относительно острых вопросов, касающихся развития истории психологии. Это вопросы о новых или редких в историко-психологической науке методах, новых подходах, интерпретациях и оценках научного прошлого, временной дистанции прошлого, о положении истории психологии как учебной дисциплины в актуальных учебных планах, трудностях создания учебных программ, педагогических и этических аспектах преподавания и исследований в данной отрасли науки. Все это — итог наших размышлений и наше общее представление о смысле и назначении истории для дальнейшего и плодотворного развития психологии.

К этому краткому введению присоединяется старейшина российской психологии, известный историк, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Антонина Николаевна Ждан.

Л.С. Выготский когда-то точно определил роль истории в развитии психологической науки. Его новаторская концепция не только не отрицала достижения прошлого, но и включала требование опираться на них. Собственный

путь в психологии он начал с критического анализа открытий и заблуждений ученых, смена которых представляет собой драму идей и судеб людей, создававших их «Исторический смысл психологического кризиса».

Не для украшения, не для демонстрации своей эрудиции или еще каких-то подобных соображений, выходящих за рамки науки, пересказывал Выготский идеи своих предшественников — Декарта, Спинозу, Канта, Маркса, Вундта, Дарвина и др. Он считал, что никакое научное исследование невозможно без опоры на научную традицию, без учета накопленного научного знания. Но если это так, значит, истории психологии надо учить, следовательно, она нужна как учебный предмет в образовательной программе по подготовке будущих специалистов по психологии.

В 1940-х гг., после десятилетнего перерыва, было восстановлено преподавание психологии, вытесненной у нас в 1930-е гг. педологией, психотехникой, экспериментальной педагогикой. Тогда история психологии занимала большое место в учебных планах. Тогда читался общий курс и проводились семинарские занятия отдельно по истории отечественной и зарубежной психологии. Существовали также спецкурсы по отдельным темам, проблемам, историческим фигурам. Так, в Московском университете историю русской психологии читал М.В. Соколов (1894–1962), один из учеников Г.И. Челпанова. В университете он создал курс истории русской психологии. Предметом его исследований были психологические взгляды древней и средневековой России с XI до XVII в. Соколов использует памятники древнерусской литературы, философско-религиозную литературу, духовные книги, много цитирует редкие источники в переводах на современный русский язык. Книга «Очерки истории психологических взглядов в России в XI–XVIII веках» была опубликована в 1963 г. уже после смерти автора [Соколов М.В., 1963]. Капитальный труд М.В. Соколова сохраняет свою научную значимость и в контексте последующих исследований в этой области. В середине прошлого века

Б.М. Теплов читал годовой курс лекций по истории зарубежной и русской психологии для студентов и аспирантов Московского университета. Блестящий экспериментатор, основатель нового направления — дифференциальной психофизиологии, Теплов был профессионалом высокого ранга и в области истории психологии. Во втором томе «Избранных трудов» Б.М. Теплова некоторые его работы выделены в отдельный раздел (третий) «История психологии» [Теплов Б.М., 1985]. Сюда вошли материалы: «О некоторых общих вопросах разработки истории психологии»; «Психологические взгляды А.И. Герцена»; «О Максе Верхаймере, основателе гештальтпсихологии» и «Конспекты и комментарии к книге А. Анастази “Дифференциальная психология”». Анализу историко-психологических трудов Теплова и его курса истории психологии, который он читал в Московском университете, посвящена статья М.Г. Ярошевского «Проблемы истории психологического познания» [Ярошевский М.Г., 1997]. Ярошевский подчеркивает исключительную значимость сформулированных Б.М. Тепловым принципов и путей построения историко-психологического знания, необходимого для мышления современного исследователя как ученого, для формирования культуры научного мышления специалиста.

Выдающийся вклад в изучение наследия прошлого внесли наши классики — Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев. Они основали научные школы, в русле которых и в преемственной связи с общими контурами заключенной в них систематической психологии продуктивно работают их ученики и последователи до наших дней.

В настоящее время работа по сохранению отечественных научных традиций проводится практически во всех научных центрах России — Санкт-Петербурге, на Урале, в Сибири (Иркутск, Томск), в Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани и др. Однако из-за такой территориальной рассеянности далеко не все, что делается в разных уголках России, становится известным всему психологическому сообществу. Объединению всех работ в этой области способствовал научный журнал «Методология и история психологии» (отв. ред. В.Ф. Петренко, зам. гл. ред. И.Н. Карицкий). Журнал выходил четыре раза в год.

С 1992 г. проводятся всероссийские конференции с международным участием «История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций». Последняя состоялась в июле 2021 г. Она имела смысловой подзаголовок: «Знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее». Эти конференции стали постоянно действующей формой научного общения историков. Мы с благодарностью помним, что эти конференции зародились по инициативе и при непосредственном участии Веры Александровны Кольцовой и Юрия Николаевича Олейника. Конференции «Московские встречи» способствуют сохранению памяти о людях психологической науки, об их исследованиях, отечественных научных школах.

В рамках конференций «Ананьевские чтения» (С.-Петербург), ставших традиционными, ежегодно с 2014 г. проводится секция по истории психологии. В Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (С.-Петербург) организуются научно-практические конференции, посвященные проблемам многих отраслей психологии, в том числе истории психологических наук и психологического образования.

Изучению генезиса психологической науки служат также кандидатские и докторские диссертации. Так, 21 июня 2021 г. в МГУ состоялась защита докторской диссертации Е.Е. Соколовой на тему «Становление и пути развития психологии деятельности (школа А.Н. Леонтьева)» [Соколова Е.Е., 2021]. Оппоненты и многочисленные выступающие квалифицировали работу Соколовой как достойный образец, на который нужно равняться. В ходе обсуждения диссертации становилось особенно ясно, насколько органично история должна быть вплетена в методологические проблемы науки и практики. Даже если эти оценки могут показаться преувеличенными, то и при этом очевидно, что история психологии остается одним из важных направлений психологической науки.

Историк имеет дело с реальностью прошлого, но прошлое рассматривается в его значении для актуальных исследований современной науки. Прошлое понимается с позиции настоящего, во взаимодействии с настоящим, в контексте современных задач. При этом представление о прошлом должно быть целостным и не

должно ограничиваться только тем, что отвечает актуальным задачам сегодняшнего дня. В исторических исследованиях необходима стратегия **диалектического взаимодействия прошлого с настоящим**. История подобна двуличному Янусу: один ее лик обращен к прошлому, а другой — к будущему. Историку нужно отказаться от роли карающего ангела, но и не ограничиваться простой репродукцией текстов, воспроизведением содержащихся в них идей или вкладыванием в труды классиков того, что хотелось бы услышать от них.

Все эти особенности, а точнее — требования к истории психологии — глубоко проанализировала В.А. Кольцова практически во всех своих работах и специально в монографии «История психологии. Проблемы методологии» [Кольцова В.А., 2008]. Книга Кольцовой вышла в 2008 г., но ни одна ее страница не устарела. Автор представила проблемное поле истории психологии, в которое включила следующие разделы: характеристика объекта и предмета истории психологии, проблемы историографии и источниковедения истории психологии, задачи и методы истории психологии. Кольцова рассмотрела процедуру психолого-исторической реконструкции как процесс взаимодействия настоящего с прошлым и указала на актуальность изучения истории для развития современной науки. Важно не забывать живую организаторскую работу Кольцовой по объединению действующих историков из разных городов нашей страны. В результате деятельности В.А. Кольцовой и директора Института психологии РАН руководимая ею лаборатория по истории психологии и исторической психологии стала признанным центром историко-психологических исследований в нашей стране.

История психологии — это часть профессиональной подготовки и деятельности любого психолога. К сожалению, в настоящее время история психологии как самостоятельный предмет утратила свои позиции в системе профессиональной подготовки психологов. Об этом свидетельствует сокращение часов, отводимых в учебном плане на историю психологии. В настоящее время это один семестр — всего 32 часа, а именно столько времени отводится в современном учебном плане в Московском университете для изучения этой дисци-

плины. Понятно, что невозможно сколько-нибудь полноценно изложить содержание важнейших этапов развития психологической мысли, которое происходило на протяжении 25 веков в России и в других странах, представить вклад крупных ученых прошлого, раскрыть черты их творческих личностей. Объем часов по истории психологии должен быть существенно увеличен.

Актуальной задачей является проведение инвентаризации положения дел в истории психологии с соответствующими рекомендациями к изменению в ее преподавании. Важно разработать **единую программу по истории психологии**, по которой эта дисциплина преподавалась бы во всех университетах нашей страны. В различных регионах она может быть дополнена за счет спецкурсов путем включения материалов, накопленных местными учеными и недостаточно известных широкой научной общественности. Надо помочь в распространении их достижений если не в масштабах всей страны, но все-таки в каком-то более широком формате. Содержание преподавания общего курса истории психологии не должно быть делом только вкуса ученого.

Необходимо поднять и уровень профессионального внимания сверх психологов к историко-психологическим исследованиям.

Список литературы

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. 511 с.

Соколов М.В. Очерки истории психологических взглядов в России в XI–XVIII веках. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963. 420 с.

Соколова Е.Е. Становление и пути развития психологии деятельности (школа А.Н. Леонтьева): дис. ... д-ра психол. наук. М., 2021. 485 с.

Теплов Б.М. История психологии // Теплов Б.М. Избр. труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 2. С. 190–279.

Ярошевский М.Г. Проблемы истории психологического познания // Известия Академии педагогических и социальных наук. Вып. 3: Психология индивидуальности. М., 1997. С. 111–124.

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

- Koltsova, V.A. (2008). *Istoriya psikhologii: Problemy metodologii* [History of psychology: Problems of methodology]. Moscow: IP RAS Publ., 511 p.
- Sokolov, M.V. (1963). *Ocherki istorii psikhologicheskikh vozzreniy v Rossii v XI–XVIII vekakh* [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries]. Moscow: APS of the RSFSR Publ., 420 p.
- Sokolova, E.E. (2021). *Stanovleniye i puti razvitiya psikhologii deyatel'nosti (shkola A.N. Leont'yeva): dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Formation and ways of de-

- velopment of activity psychology (school of A.N. Leontiev): dissertation]. Moscow, 485 p.
- Teplov, B.M. (1985). *[History of psychology]. Izbrannyye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika, vol. 2, pp. 190–279.
- Yaroshevsky, M.G. (1997). *[Problems of the history of psychological knowledge]. Izvestiya Akademii pedagogicheskikh i sotsial'nykh nauk. Vyp. 3: Psichologiya individual'nosti* [Proceedings of the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Iss. 3: Psychology of individuality]. Moscow, pp. 111–124.

Received: 01.02.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторах

Логинова Наталья Анатольевна

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>
ResearcherID: A-6824-2014

Ждан Антонина Николаевна

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 125009, Москва, ул. Моховая, 11/9; e-mail: zhidan@list.ru
ResearcherID: K-8776-2013

About the authors

Natalia A. Loginova

Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department Developmental Psychology and Differential Psychology

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>
ResearcherID: A-6824-2014

Antonina N. Zhdan

Doctor of Psychology, Docent, Professor of the Department of General Psychology

Lomonosov Moscow State University, 11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia; e-mail: zhidan@list.ru
ResearcherID: K-8776-2013

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логинова Н.А., Ждан А.Н. История психологии: методологические проблемы и перспективы развития (введение к тематическому выпуску) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 5–9. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-5-9

For citation:

Loginova N.A., Zhdan A.N. [History of psychology: methodological issues and prospects for development (introduction to the special issue)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 5–9 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-5-9

УДК: 159.9:001.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-10-24

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКА: ВКЛАД М.С. РОГОВИНА

Мазилов Владимир Александрович

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

Статья посвящена обсуждению важных методологических проблем современной истории психологии. Утверждается, что история психологии в России сформировалась как отдельная область научно-психологического знания, исследованиями нескольких поколений ученых разработаны методологические основы истории психологии. Отмечается, что, несмотря на достигнутые успехи, в современной отечественной истории психологии существуют нерешенные методологические проблемы, следствием чего является отсутствие полноценной универсальной истории психологии, удовлетворительно объясняющей развитие психологической науки и характеризующей ее перспективы. Подробно обсуждаются идеи построения и разработки истории психологии, которые были предложены российским ученым М.С. Роговиным в 1960-е гг. Констатируется, что историко-психологическая концепция М.С. Роговина осталась недооцененной, кроме того, иногда она трактуется неправильно. Историко-психологическое знание М.С. Роговиным рассматривается как единство предметного и методологического знания, а сама психология включает в себя три различных, но взаимосвязанных содержания: донаучное, философское и научное, которые взаимодействуют на всем протяжении истории психологии. Роговин выделяет внешнюю и внутреннюю историю психологии, рассматривая ее как динамику психологических понятий и тех условий, которые ее направляют. Роговин является основателем понятийного анализа в отечественной истории психологии, сама динамика понятий рассматривается им на трех уровнях (факты как показатели движения психологических понятий; внутренние взаимоотношения психологических понятий, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов; динамика понятий внутри теоретических систем современной психологии). Нами условно впервые выделяются этапы в творчестве М.С. Роговина. На третьем этапе (с 1970-х гг.) ученым разрабатывается структурно-уровневый подход к исследованию психики. Анализируются некоторые положения теории М.С. Роговина, важные для разработки нелинейной (уровневой) истории психологии. Утверждается, что идеи, высказанные им, имеют эвристическое значение для разработки истории психологии в будущем. С опорой на идеи М.С. Роговина возможен переход к построению истории психологии, базирующейся на уровневой трактовке предмета психологии, оцениваются перспективы данного подхода.

Ключевые слова: история психологии, методология истории психологии, единство методологии и истории, М.С. Роговин, структурно-уровневый подход к истории, эволюция предмета психологии.

HISTORY OF PSYCHOLOGY AS A SCIENCE: THE CONTRIBUTION OF M.S. ROGOVIN

Vladimir A. Mazilov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl)

The article is devoted to a discussion of important methodological problems of the modern history of psychology. It is argued that the history of psychology in Russia was formed as a separate area of scientific and psychological knowledge, its methodological foundations were developed in research works of several generations of scientists. Despite the advances of the modern Russian history of psychology, there remain unresolved methodological problems, resulting in the lack of a full-fledged universal history of

psychology that would satisfactorily explain the development of psychological science and characterize its prospects. The article discusses in detail the ideas on the development of the history of psychology proposed by Russian scientist M.S. Rogovin in the 1960s. The historical and psychological concept of M.S. Rogovin remains underestimated, and sometimes it is interpreted incorrectly. Historical and psychological knowledge is considered by M.S. Rogovin as a unity of subject and methodological knowledge, and psychology itself includes three different but interrelated contents: pre-scientific, philosophical, and scientific, which interact throughout the history of psychology. Rogovin distinguishes the external and internal history of psychology, considering it as the dynamics of psychological concepts and the conditions that guide it. Rogovin is the founder of conceptual analysis in the Russian history of psychology. The dynamics of concepts are considered at three levels (facts as indicators of the movement of psychological concepts; internal relationships between psychological concepts, their self-movement associated with the functioning of certain psychological mechanisms; dynamics of concepts within the theoretical systems of modern psychology). This article is the first to distinguish the stages in M.S. Rogovin's work. At the third stage (from the 1970s), the author develops a structural-level approach to the study of the psyche. The article analyzes some provisions of the theory of M.S. Rogovin that are important for the development of a non-linear (level) history of psychology. It is argued that the ideas expressed by the author are of heuristic importance for the development of the history of psychology in the future. Based on the ideas of M.S. Rogovin, it is possible to proceed to the development of the history of psychology based on the level interpretation of the subject of psychology, the prospects of this approach are assessed in the article.

Keywords: history of psychology, methodology of the history of psychology, unity of methodology and history, M.S. Rogovin, structural-level approach to history, evolution of the subject of psychology.

«Нет такого знания, нет такого утверждения, которое не заключало бы в себе продуктов наших теорий знания».

Н.О. Лосский

Введение

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» сделали известное замечание о том, что мы знаем только одну-единственную науку — науку истории. Пока время «единого» знания еще не наступило, существуют дисциплинарные рамки и, соответственно, исторические границы между научными дисциплинами, которые достаточно подвижны.

Если говорить о психологии, то, как и в любой другой области знания, в полном соответствии с дисциплинарными рамками существует история психологии. История психологии достаточно молодая дисциплина, хотя успела пройти значительный путь от простой регистрации и фиксации тех или иных событий к объяснению тенденций развития психологической науки. Как можно предположить, наиболее обоснованной датой возникновения истории психологии как отдельной области психологического знания стоит считать публикацию в 1808 г. третьего тома сочинений Фридриха-Августа Каруса (1770–

1807), в который, как известно, вошла его работа «История психологии» [Carus F.A., 1808].

За прошедшее время история психологии превратилась в развитую научную область, в которой оформились различные методологические подходы. Данная статья никоим образом не является обзором проведенных исследований, поэтому не ставится цели прослеживать этапы развития взглядов зарубежных и отечественных исследователей на методологию истории психологии. Отметим лишь, что трудами нескольких поколений отечественных историков психологии сформировались методологические основы истории психологии и историко-психологического исследования (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, О.А. Артемьева, Л.И. Анцыферова, С.А. Богданчиков, В.В. Большакова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, М.С. Гусельцева, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлев, В.Н. Ивановский, В.А. Карапан, Е.А. Климов, В.А. Кольцова, А.А. Костригин, Н.Н. Ланге, Е.В. Левченко, Н.А. Логинова, Т.Д. Марцинковская, И.А. Мироненко, Е.С. Минькова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник, А.В. Петровский, Ю.Б. Плавинская, В.Н. Помогайбин, К.К. Платонов, М.С. Роговин, В.А. Роменец, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Славская, Ю.Н. Слепко, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Н.Ю. Стоюхина, Б.М. Теплов, Э.В. Тихонова, А.Н. Ткаченко, О.М. Тутунджян, В.В. Умрихин, Е.Н. Холондович,

Е.В. Шорохова, А.В. Юрьевич, В.А. Якунин, М.Г. Ярошевский и др.).

На наш взгляд, в отечественной истории психологии существуют значимые достижения. Изданы учебники по истории психологии, раскрывающие содержание мировой истории психологии (М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский, А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковская, В.А. Якунин, А.В. Юрьевич и др.). Отметим лишь, что в отечественной истории психологии в последнее время активно используются наукометрические методы. В значительной степени благодаря исследованиям В.А. Кольцовой и ее лаборатории история психологии превратилась в современную отрасль с количественными и доказательными методами, конкретными методиками. В качестве примера может быть названа разработанная В.А. Кольцовой и Е.Н. Холондович процедурой комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности на основе изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества, которая включает совокупность исследовательских приемов [Холондович Е.Н., 2010; Кольцова В.А., Холондович Е.Н., 2013].

Не имея возможности охарактеризовать основные достижения в области методологии истории психологии (формат статьи не позволяет этого сделать), отметим в качестве особо значимых специальное глубокое раскрытие методологических основ истории психологии в работах В.А. Кольцовой [Кольцова В.А., 2004, 2008], многолетние исследования психологических теорий классика психологии Б.Г. Ананьева, выполненные Н.А. Логиновой [Логинова Н.А., 2005, 2006, 2016], исследование, посвященное работам С.Л. Рубинштейна [Славская А.Н., 2015], работу И.А. Мироненко, в которой российская психология рассматривается в контексте мировой психологической науки [Мироненко И.А., 2015], анализ методологических аспектов истории и теории отношений в психологии [Левченко Е.В., 2003], социально-психологической детерминации развития российской психологии [Артемьева О.А., 2015] и ряд других.

В результате исследований, проводимых отечественными историками психологии, сокращается количество лакун, «белых пятен», что несомненно приближает к созданию полной истории психологии.

В последние годы регулярно проводятся специальные научные конференции по истории психологии (Московские встречи, Арзамасские чтения, ежегодно работает представительная секция на Ананьевских чтениях), кроме того, вопросы истории психологии активно обсуждаются на конференциях, посвященных юбилеям психологов и знаменательным датам.

Однако нельзя не видеть, что далеко не все в области истории психологии обстоит благополучно. Многими авторами отмечается, что работ по истории психологии, в частности, диссертаций, выполняется совсем немного, молодежь не проявляет интереса к вопросам истории психологии, и, как следствие, многие актуальные вопросы истории психологии не получают разработки. Можно констатировать, что интерес к исследованию истории психологии в целом снижается. Как и любая сложная проблема, данная ситуация требует специального исследования.

В порядке предварительного обсуждения этого непростого вопроса высажем несколько соображений.

Во-первых, в настоящее время происходит неуклонное снижение интереса к теоретическим вопросам психологии. Действительно, если в 1960–1970-е гг. в психологии наблюдался очевидный подъем, психологию именовали наукой будущего, предрекали наступление психозойской эры и т.п., в настоящее же время можно скорее говорить о падении интереса к научной психологии в целом. Более того, на изучение традиционных для психологии проблемных полей активно претендуют когнитивные науки и нейронауки. Престиж научной психологии блекнет, что естественно сказывается на отношении к истории психологии.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в научной психологии продолжается методологический кризис. По-видимому, психологам надоело обсуждать проблему кризиса в целом, поэтому в настоящее время речь идет о *кризисе доверия к результатам исследований* в области психологии. Кризис заключается в том, что в современной психологии отсутствует необходимая репликация: повторные исследования, повторяющие проведенные ранее, не дают того же результата. Исследования, посвященные «кризису репликации», имели достаточно большой резонанс. Понятно, что такие публикации не способствуют повышению интереса к истории психо-

логии в целом и проведению историко-психологических исследований в частности.

В-третьих, не стоит забывать про извечную проблему психологии, состоящую, как известно, в том, что в научной психологии традиционно существует множественность исследовательских подходов, прямым следствием чего являются десятки теорий одного и того же психического явления, число различных определений основных психологических понятий исчисляется едва ли не сотнями. Конечно, для этого есть объективные предпосылки, заключающиеся в первую очередь в сложности и многомерности объекта и предмета психологии. Известно, что за основу для построения той или иной психологической теории берется ограниченный эмпирический базис, а это приводит в конечном счете к конструированию ограниченной (частной) теоретической модели. Однако по традиции теория позиционируется авторами как *общая*, претендующая на объяснение того или иного психологического явления в целом. К сказанному — достаточно очевидному — можно добавить и некоторые традиции, существующие в психологической науке: идущая от Вундта традиция конструировать предмет узко аналитически, а психологическое исследование строить как направленное на изучение единиц психического, перенося полученные результаты на целое. Можно было бы указать на исторически обусловленные ограниченные возможности *объяснения* в современной психологии, приводящие к тому, что вместо полноценного научного объяснения авторы часто довольствуются интерпретацией. И — последнее: современная психология чрезвычайно далека от финальности, от построения обобщающих глобальных теорий (хотя бы потому, что наука пока не понимает подлинной природы психического). История психологии пишется с позиций сегодняшнего дня, поэтому принципиально не может быть окончательной.

Впрочем, здесь не время и не место вдаваться в обсуждение сложных методологических вопросов *современной психологии* (см. подробнее: [Мазилов В.А., 2021c]). Однако сказанного вполне достаточно, чтобы сделать следующее заключение: в современной психологии (несмотря на все очевидные успехи и достижения) пока что отсутствует полноценная универсальная история психологии, адекватно реконструирующая развитие психологии и характеризую-

щая ее перспективы; престиж истории психологии (особенно в глазах научной молодежи) оставляет желать лучшего. Отсюда вывод: для современной истории психологии по-прежнему актуальна разработка новых подходов к методологии истории психологии (еще раз — во избежание недоразумений — повторим, что сказанное ничуть не приижает и не ставит под сомнение достижений классической методологии истории психологии, о которой речь шла выше), позволяющих в полной мере учесть сложности, связанные с исследованием психического, и дающих возможность адекватной исторической реконструкции прошедших этапов в развитии психологической науки.

Как нам представляется, в поиске новых подходов к разработке методологии истории психологии полезно учесть опыт методологических и историко-психологических исследований, проведенных М.С. Роговиным.

Целью настоящей статьи является анализ представлений об истории психологии М.С. Роговина. Обычно его не упоминают в числе ведущих отечественных специалистов в области истории психологии, полагая, что он в большей степени методолог психологической науки. Некоторые основания для этого есть, поскольку его вклад в методологию уникален. Однако его историко-психологическая концепция оригинальна и, как попытаемся показать ниже, имеет важное значение для современной науки. Особенно перспективными представляются идеи, выдвинутые ученым на третьем этапе творчества (1970–1980-е гг.).

М.С. Роговин как историк психологии: период «Введения в психологию»

М.С. Роговин (1921–1993) — известный отечественный психолог, внесший значительный вклад в медицинскую, клиническую, общую, военную психологию, философию психологии [Залевский Г.В. и др., 2013; Мазилов В.А., 2021a; Слепко Ю.Н., Мазилов В.А., 2021]. Совсем недавно отмечалось столетие со дня рождения ученого [Слепко Ю.Н., Мазилов В.А., 2021]. Однако наша статья никоим образом не юбилейная, посвящена она анализу идей исследователя, высказанных по поводу истории психологии.

Как уже отмечалось в литературе [Мазилов В.А., 2006, 2011, 2021d], наиболее значи-

тельный вклад ученым был внесен в философию психологии, методологию и историю психологии.

Кратко укажем лишь некоторые особенности его научного стиля, в значительной степени определившие направление и результативность научных поисков:

1. Беззаветное служение психологии и принятие на себя *ответственности за судьбу мировой психологии*.

2. Потрясающее *умение видеть процессы системно, многогранно, во всей их сложности и целостности*, а также «плюсы» и «минусы» того или иного научного подхода, явления или феномена.

3. Неизменное стремление выстраивать *полноценное научное объяснение*, которое в психологии неизбежно должно быть уровневым.

4. Глубочайшая *методологическая культура, объективная оценка* (свободная от моды и конъюнктуры) возможностей того или иного подхода.

5. Независимость от *идеологии* диалектического и исторического материализма, убежденность в существовании психики как реальности, ее онтологическом статусе.

6. Приверженность *генетическому и историческому принципам* в широком смысле, умение видеть явления в их развитии.

7. Убежденность в *ценности психопатологии и клинических данных для построения научной психологии*.

Указанные черты научного стиля в сочетании с научной смелостью и внутренней свободой, прекрасным знанием иностранных языков, широчайшей эрудицией и преданностью психологической науке, свободным доступом к мировой научной литературе обеспечили достижение выдающихся результатов.

Вклад М.С. Роговина в историю психологии обширен и многогранен. В годы, когда идеология беззастенчиво вторглась в пределы науки, М.С. Роговин в некотором роде «выполнял» роль, позволяющую отечественной науке оставаться в контексте мировой психологии. Когда многие авторы, пишущие о зарубежной психологии, считали своим долгом осуществить зубодробительный анализ буржуазной науки, выявить ее «классовую и идеологическую сущность», Роговин умудрялся разъяснить новые научные идеи и показать их перспективность. В

зарубежной психологии он ориентировался как у себя дома — в его научные интересы входило понимать те процессы, которые происходят в мировой психологической науке. Я бы отметил безупречный вкус автора — из огромного потока научных исследований он безошибочно выделял те работы, которые были особенно значимы для развития психологии. И в этих случаях ему удавалось опережать время.

Его многочисленные аналитические обзоры и статьи в журналах «Вопросы философии», «Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова» «позволили приобщиться к научным поискам “буржуазных” ученых. Переводы текстов Ж. Пиаже, Б. Инельдер, М. Мид, А. Валлона, К. Лоренца и других психологов, мастерски выполненные М.С. Роговиным, представляли собой своего рода хрестоматию по современной зарубежной психологии. Его любимец — Пьер Жане — стал по-настоящему известен в СССР именно благодаря публикациям М.С. Роговина. Джордж Келли — автор хорошо известной ныне теории личностных конструктов и еще более широко используемой техники репертуарных решеток, по сути, открыт нашей публике М.С. Роговиным. Его аспирантка И.Н. Козлова написала диссертацию по теории личностных конструктов» [Мазилов В.А., 2006, с. 105–106]. Историко-психологический анализ содержится в известных работах по теории памяти [Роговин М.С., 1966, 1977а], в методологических исследованиях [Роговин М.С., 1974, 1977б, 1978, 1979].

Не будем отвлекаться на анализ «мелких» историко-психологических работ, сосредоточимся на авторской концепции истории психологии [Роговин М.С., 1968, 1969]. Подчеркнем, что речь идет именно о концепции истории психологии.

Главной идеей, необходимой для правильной трактовки подхода М.С. Роговина, является понимание того, что знание историческое — это единство знания предметного и знания методологического. Без методологии слепа история, а без истории методология пуста — этот знаменитый тезис Имре Лакатоса профессор М.С. Роговин разделял полностью.

М.С. Роговин был сторонником идей французской школы, которая традиционно рассматривала проблемы нормальной психологии в связи с нарушениями психики. Глубокая

мысль, что сама природа ставит эксперимент, психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Очень важно, что такой подход оказывается необходимо целостным. И он не оставляет ни тени сомнения в реальности существования психики, в том, что психика имеет несомненный онтологический статус. Именно представление М.С. Роговина о целостной психике человека позволило ему сделать фундаментальные открытия в научной психологии.

Важнейшим отличием подхода Роговина от трактовок истории психологии других авторов является трактовка понятия «психология». Многогранность понятия «психология» заключается в том, что оно «включает в себя по меньшей мере три различных и в то же время глубоко взаимосвязанных содержания. Первое содержание понятия психологии порождается деятельностию людей, их все усложняющимися в ходе исторического развития взаимоотношениями. Это психология, которую, по меткому определению Пьера Жане, народ создает еще до психологов, достигает определенной ступени развития, психология, в которой знание и деятельность слиты воедино, обусловленные необходимостью понимать другого человека в процессе совместного труда, необходимостью правильно реагировать на его действия и поступки. Эту психологию нередко обозначают как “донаучную”, хотя это верно только в генетическом, но отнюдь не в хронологическим плане» [Роговин М.С., 1969, с. 18]. «Когда человеческое общество достигает определенной ступени развития производительных сил и производственных отношений, культуры, государственности, возникает философская психология — составная часть первичных комплексов научных знаний и в то же время из-за отсутствия специальных методов исследования еще очень близкая донаучной психологии. В ходе своего развития философская психология стремится сочтать сумму имеющихся научных знаний о психике и ее материальном субстрате с определенными логическими и методическими схемами» [Роговин М.С., 1969, с. 18–19].

«И, наконец, во второй половине XIX в. психология вместе с внедрением эксперимента и торжеством генетической точки зрения постепенно обретает черты науки» [Роговин М.С.,

1969, с. 19]. Развитие психологии может быть понято как взаимодействие, сосуществование трех различных составляющих, трех психологий, различающихся по происхождению, времени появления, составу, методам и т.п., — донаучной, философской и научной.

Особенно важно подчеркнуть, что, согласно Роговину, «самой характерной особенностью истории психологии является то, что все эти три значения психологии не сменяют друг друга как последовательные этапы, а продолжают существовать наряду друг с другом, оказывая друг на друга влияние в большей или меньшей степени» [Роговин М.С., 1969, с. 19].

Роговин подчеркивает, что «главные различия лежат в области методов. Основным методом научной психологии является эксперимент, совершенно не знакомый ни донаучной, ни философской психологии. Наблюдение как метод остается, но становится частью эксперимента и поэтому меняет свою психологическую структуру. Еще больше меняет свою структуру метод интерпретации: выступая действительно в качестве метода в донаучной и философской психологии, он остается в современной науке лишь как средство выразить определенные отношения психологических понятий» [Роговин М.С., 1969, с. 19].

Трагедией психологии является расхождение ее трех составляющих: «В известной мере трагедией психологии является расхождение ее трех составляющих. Лабораторный эксперимент, давая огромный выигрыш в точности, удаляет нас от реальных жизненных ситуаций. Поэтому квалифицированно проведенное психиатрическое наблюдение и описание оказываются куда ближе к истине, чем самый изощренный эксперимент» [Роговин М.С., 1969, с. 19].

В книге «Введение в психологию» М.С. Роговин пишет: «Поскольку мы не можем раскрыть характер взаимоотношений всех трех значений термина “психология” с той полнотой, которую можно было бы ожидать от подробной истории психологии, мы вынуждены прибегнуть к приему, которым неоднократно будем пользоваться и в ходе дальнейшего изложения. Мы выбираем для более или менее подробного анализа один вопрос, который представляется наиболее ярким и типичным примером» [Роговин М.С., 1969, с. 20]. Своей «Истории психологии» М.С. Роговин так и не

написал. Мною неоднократно задавался этот вопрос, на что М.С. Роговин неизменно отвечал: «Я-то напишу, да кто это напечатает?» Писать в стол ученый не мог себе позволить (см. об этом подробнее: [Мазилов В.А., 2021b]).

Для экспликации историко-психологических взглядов М.С. Роговина, как представляется, необходимо обратиться к описанию *философии психологии*, разработанной М.С. Роговиным, как минимум, в той ее части, которая имеет самое непосредственное отношение к истории психологии.

За неимением необходимого объема для развернутого изложения, сформулируем основные положения тезисно, в предельно краткой форме.

1. Знание *историческое* представляет собой единство знания *предметного* и знания *методологического*.

2. История психологии, описываемая историками психологии, представляет собой часть единого процесса, который берет начало в древности и продолжается сейчас и будет продолжаться дальше. История психологии далека от «финальности», поскольку психология постоянно развивается, это длительный процесс, уходящий в будущее.

3. Становление психологии как самостоятельной науки пока *не завершено* — идет процесс становления, который пока что явно не завершен.

4. Согласно Роговину, необходимо руководствоваться принципом *единства исторического и логического*. Исторический подход важен, необходим, исходить нужно именно из него. Логическое — концептуализация пройденного исторического пути.

5. Развитие психологии происходит в противоборстве и взаимодополнении двух противоположных тенденций — *дифференциации и интеграции* психологического знания.

6. Для понимания психического и его механизмов особое значение имеет психопатология. В психических нарушениях проявляются труднодоступные для исследователя механизмы психики: психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Важно подчеркнуть, что такой подход оказывается *необходимо целостным*.

7. В истории психологии существуют «внешняя» и «внутренняя» истории психологии. Этот тезис нуждается в пояснении. «Для того, чтобы проследить развитие психологии, мы — хотя и с большой долей условности — выделяем “внешнюю” и “внутреннюю” стороны этого процесса. Первую составляют факты истории науки, вторую, в основном, изменения содержания психологических понятий и динамика факторов, обуславливающих эти изменения» [Роговин М.С., 1969, с. 12].

8. В истории психологии должен реализоваться *уровневый подход*. Речь, напомним, идет о «Введении в психологию» [Роговин М.С., 1969]. «Основное содержание работы свелось к внутренней истории, то есть прослеживанию динамики психологических понятий и тех условий, которые ее направляют. Такое содержание само по себе определяет и структуру работы. Она построена по принципу трех отдельных срезов, проведенных через психологию на разных уровнях. На первом из них конкретные факты из истории психологии как науки являются основным показателем *движения психологических понятий*. Второй уровень — это, главным образом, *внутренние взаимоотношения психологических понятий*, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов. И третий уровень, надстраивающийся над предыдущими и включающий их в себя, — это *динамика понятий внутри теоретических систем современной психологии*» [Роговин М.С., 1969, с. 12–13].

Руководствуясь этими принципами, М.С. Роговин выстраивает оригинальную картину развития научной психологии. Не имея возможности в силу ограниченного формата публикации презентировать в рамках настоящего текста даже основные результаты, полученные автором, обратим внимание лишь на следующее.

Как уже отмечалось, любимым автором-ученым М.С. Роговина был именно Пьер Жане. В творчестве Жане сошлись все три составляющие психологии: П. Жане был знатоком донаучной психологии, философом, размышляющим о психологических проблемах, и великим научным психологом, строящим свои научные теории на основе богатого *клинического анализа*. После смерти П. Жане в 1947 г. было уни-

что жено — согласно его завещанию — более 5000 историй болезни, опираясь на которые французский психолог строил свои обобщения [Элленбергер Г.Ф., 2004].

Именно опора на богатейшие эмпирические данные в сочетании с конструктивными методологическими стратегиями, по Роговину, обеспечили П. Жане успех.

Две статьи Роговина [Роговин М.С., 1960; Пирковский С.П., Роговин М.С., 1961] и книга [Роговин М.С., 1969] по сути сделали исследования П. Жане доступными русскоязычному читателю. Дело в том, что в СССР (впрочем, как и в других странах) были известны только ранние работы П. Жане. В результате П. Жане остается, вероятно, самой недооцененной фигурой в мировой психологии. М.С. Роговин очень высоко оценивал научную деятельность Жане. Согласно М.С. Роговину, «Жане впервые попытался создать систему понятий психологии поведения, которая в отличие от другой поведенческой психологии — бихевиоризма — не только не имела целью свести действия человека к элементарным реакциям, но, наоборот, показать закономерность развития высших форм поведения из низших, т.е. генетически и структурно им предшествовавших» [Роговин М.С., 1969, с. 329].

По мнению М.С. Роговина, особенности научного творчества Пьера Жане обусловлены рядом уже существовавших в психологии тенденций, но «чтобы стать столь явными и чтобы можно было понять и оценить их значение, им необходимо было сойтись в одном фокусе; теория Жане как раз и стала таким сосредоточием многих важнейших тенденций психологии последней четверти XIX — первой половины XX в.» [Роговин М.С., 1969, с. 329]. М.С. Роговин поясняет, подчеркивая, что Жане в первую очередь является ярким представителем французской школы (французской школы эмпирической психологии), основателем которой по праву считается Теодюль Рибо. Рибо оставался приверженцем интроспекции и психофизического параллелизма, истолковывая явления сознания как эпифеномены, но в его взглядах «достаточно ясно простили и черты гораздо более совершенной психологии» [Роговин М.С., 1969, с. 330]. Рибо признавал огромное значение двигательных компонентов в психическом развитии; признавал социальную обу-

словленность высших психических функций; и хотя он не был экспериментатором, явился организатором первой во Франции психологической лаборатории. «Решительный противник умозрительной философской психологии, Рибо стремился строить ее как экспериментальную науку на сравнительном и эволюционном принципах; именно благодаря этим особенностям концепции Рибо она оказала огромное влияние на последующее поколение выдающихся французских психологов: А. Бине, П. Жане, Ж. Дюма, Ш. Блонделя, А. Пьера, Ж. Пиаже, А. Валлона» [Роговин М.С., 1969, с. 330].

Роговин отмечает, что психология Жане представляет собой важнейшее связующее звено между французской психологией конца XIX — начала XX в. и современным ее состоянием, которое с точки зрения развития расчленяется на три направления: А. Пьера, современный специалист в области психофизики, продолжал разработку эволюции психики в биологическом плане; А. Валлон и Ж. Пиаже продолжили разработку идеи развития в плане генетической психологии; марксистское направление исторической психологии И. Меерсона и Ж. Вернана (в понимании уровней действия и психического напряжения) продолжают концепцию Жане [Роговин М.С., 1969, с. 330–331].

Как отмечает М.С. Роговин, «основным методом Жане были многочисленные клинические наблюдения (Жане — ученик не только Рибо, но и Ж. Шарко — крупнейшего французского невропатолога, одного из основоположников изучения неврозов и гипноза); в ряде случаев эти наблюдения дополнялись изящными психологическими экспериментами, которые представляли собой не собственно лабораторный эксперимент, а скорее усовершенствованные клинические пробы. Жане последовательно проводил линию на последовательное сближение психологии и психиатрии» [Роговин М.С., 1969, с. 331]. К сказанному выше добавим, что эволюционный подход и ориентация на сравнение нормального и патологического в психическом развитии способствовали тому, что предмет психологии определялся П. Жане не узкоаналитически (такая традиция была заложена В. Вундтом в его физиологической психологии и продолжена как его последователями, так и оппонентами), а целостно.

М.С. Роговин предпринимает подробный разбор теории П. Жане, позволяющий создать четкое представление не только о подходе французского ученого, но и детальной характеристике уровней действий и девяти тенденций нижнего, среднего и высшего уровня, выделяемых Жане.

М.С. Роговину удается сделать то, что мало кому в психологии удавалось. Дело в том, что Пьер Жане не успел (или не счел нужным) свести свои многочисленные, полученные в исследованиях в разные годы результаты в единую систему. Как следствие, для того, чтобы представить себе концепцию Жане в целом, требуется большая и специальная работа исследователя. Роговину это удается в полной мере, в результате чего теория Жане предстает монументальной конструкцией, не имеющей аналогов и прецедентов в мировой психологической науке. Обычно историки психологии обращаются к ранним работам Жане, что позволяет свести его результаты к удобным для использования клише, а книги и статьи, опубликованные французским ученым в 1920–1940 гг., остаются в тени.

Особенно стоит подчеркнуть, что работы этого периода на русский язык практически не переводились. По подсчетам Г.Ф. Элленбергера [Элленбергер Г.Ф., 2004], для того, чтобы изложить суть «великого синтеза», предпринято-го Жане, ему для этого понадобилось два десятка книг и несколько десятков статей. Добавим, что Роговин не только излагает концепцию Жане, но и предлагает читателю критику, указывающую на «узкие» места теории великого француза.

Обратим внимание на то, что далее (после опубликования книги «Введение в психологию» в 1969 г.) перед М.С. Роговиным открывались новые перспективы: или приступить к написанию многотомной истории психологии, или заняться разработкой структурно-уровневой теории психики. Как мы упоминали выше, выбор был сделан в пользу второй альтернативы — писать в стол, не имея возможности опубликовать, Роговин не мог, он был призван осуществить свою миссию, реализации которой было подчинено все его творчество (см. подробно: [Мазилов В.А., 2021d]).

Перспективы истории психологии в свете структурно-уровневого подхода М.С. Роговина

В значительной степени условно творчество М.С. Роговина в психологии можно разделить на четыре этапа: 1) 1950–1956: разработка проблемы понимания; 2) 1957–1969 — разработка методологии психологической науки; 3) 1970–1988 — разработка структурно-уровневого подхода в психологии; 4) 1988–1993 — разработка методологии акциональных наук. Строго говоря, вопросы истории психологии активно рассматривались в трудах ученого на всех этапах.

В предыдущем разделе мы сосредоточились на работах второго этапа. Сейчас обратимся к историко-психологическим идеям, высказанным в исследованиях третьего этапа, связанного с разработкой структурно-уровневого подхода в психологии.

Характеризуя историко-психологические взгляды М.С. Роговина выше, мы отмечали, что уровневый подход был представлен в концепции ученого изначально. Однако в процессе работы над книгой «Введение в психологию» и позднее, в 1970-е гг., М.С. Роговин приходит к заключению, что уровневый подход в психологии необходимо должен выходить за рамки первоначального замысла, преобразуясь в структурно-уровневый подход. Как мы пытались показать в предыдущем разделе статьи, основанием для подобного пересмотра явился, в частности, анализ теории Пьера Жане, которая явно выделялась из концептуализаций психического, предложенных его современниками.

М.С. Роговин пишет: «Структурно-уровневый подход представляет собой отрицание как расчленяющего, атомизирующего ассоциализма, так и той психологии, которая составляла весь психический мир человека из отдельных “способностей”, из относительно самостоятельных по своим функциям процессов (восприятия, мышления, памяти, эмоций). Наряду с этим структурно-уровневый подход скорее не отменяет предшествовавшие ему теоретические подходы, а включает их в себя в виде частных, подчиненных — в снятом виде» [Роговин М.С., 1974, с. 187].

И далее: «В самом общем виде суть структурно-уровневого подхода заключается в том,

что, во-первых, психика рассматривается при этом как некая целостность, единство, “система”, “организация”, “структура”, “поле” (все эти термины нередко выступают как синонимы или, во всяком случае, как очень близкие по смыслу, и далее мы специально остановимся на вопросе об их дифференциации); во-вторых, психика включается в качестве подструктуры в более широкие системы взаимодействия человека и среды. Внутри этой подструктуры отдельные ее компоненты представляют неравноценный фонд различных по своей психологической природе образований, находящихся в некоторых определенных (в том числе иерархизированных по уровням) отношениях как друг к другу, так и к целому» [Роговин М.С., 1974, с. 187].

Приведем высказывание М.С. Роговина, характеризующее задачи истории психологии: «Обращаясь к истории психологии, мы можем ставить перед собой две довольно сильно различающиеся задачи. Во-первых, речь может идти о том, чтобы показать реальное для своего времени содержание психологических понятий, выявить общеисторический и общенациональный контекст их возникновения и развития, место той или иной концепции в последовательности их смены (историческое рассмотрение в узком смысле слова). Во-вторых, обращение к истории психологии может означать лишь предварительный шаг к ее систематическому рассмотрению. Всякая наука стремится отразить закономерности собственного развития, показать “предуготовленность” своего будущего в настоящем и прошлом. В таком случае мы пытаемся раскрыть “вторую логику” — логику движения самих научных понятий. Именно такой путь позволяет глубже всего осмыслить сущность структурно-уровневого подхода и в конечном итоге структурно-уровневой теории в психологии» [Роговин М.С., 1977б, с. 8].

Представляется чрезвычайно важным следующее заключение: «Говоря о структурно-уровневой теории как о результате развития определенного “подхода”, мы не идентифицируем последний с тем или иным “направлением” в психологии. “Направление”, в общеупотребительном значении термина, отражает не столько область исследования (психические функции, познавательные процессы, качества

личности и т.п., хотя и это обычно подразумевается), сколько целенаправленный, производимый под определенным углом зрения отбор фактического материала и его истолкование; в этом значении термина “направление” во многом соприкасается с понятием “научной школы”. “Подход” — это нечто более общее, могущее включать в себя несколько направлений, даже резко отличающихся друг от друга, подход — это **способ объяснения**. Психология, как и всякая наука, имеет в своем арсенале несколько способов объяснения, некоторые из которых идентичны со способами объяснения, применяемыми в других науках, иные могут рассматриваться в качестве исключительно ее достоинства. Структурно-уровневый подход как определенный способ объяснения психики, существующий наряду с подходами функциональным, генетическим, наряду со “сведением”, моделированием, не только привлек к себе гораздо меньше внимания, но и занял в психологии несколько обособленное положение» [Роговин М.С., 1977б, с. 12–13].

Приведем важное заключение, к которому приходит М.С. Роговин: «В последней четверти XIX в., т.е. в период становления психологии как “самостоятельной” науки и вместе с тем отчетливого идеалистического понимания ее возможностей, уровни психического выступают не столько сами по себе, сколько через методологическое и методическое ограничение области их исследования: экспериментальная психология охватывает лишь элементарные процессы, область, пограничную между психологией и физиологией (“науки о природе”), а описательная психология, изучающая высшие процессы, имеет своим объектом предметы материальной культуры, служащие внешним условием реализации активности человеческого духа (“наука о духе”). Дальнейшее развитие научного изучения психики показало искусственность этого разделения. Однако все усложняющаяся методика и техническая оснащенность экспериментально-психологического исследования постоянно ставят проблему метазначения понятия уровней, только “прикрытых” уровневой структурой самого психологического исследования. “Развести” эти два понятия “уровней” методологически необходимо, а возможно бывает лишь на конкретном матери-

але. В качестве производной выступает здесь задача “единиц” психологического исследования. История психологии свидетельствует, что длительное время оно строилось главным образом на принципе редукционизма, т.е. имело место постоянное стремление выразить данные высших уровней через низшие, свести первые к последним. Не случайно, вместе с развитием прикладных областей, в частности, инженерной психологии, наметилась явная тенденция выражать результаты исследования в терминах самой деятельности, в оперативных единицах, иначе говоря, рассматривать изучаемое явление в рамках одного, объективного заданного уровня» [Роговин М.С., 1977b, с. 11–12].

Важно, что М.С. Роговин подчеркивает: «Нельзя также полностью отвлечься и от проблемы относительной самостоятельности уровней. Можно пересмотреть историю и систему современной психологии и констатировать, что то, что обычно обозначается как познавательные процессы или функции (ощущения, восприятия, внимание, память, мышление), может быть проанализировано в понятиях иного типа — в понятиях структурно-уровневой теории» [Роговин М.С., 1977b, с. 10].

Вместе с тем М.С. Роговин указывает, что неправильно было бы считать структурно-уровневый подход универсальным: «...структурно-уровневый подход имеет солидную общеначальную и методологическую основу и что в настоящее время на этой основе осуществляется процесс формирования структурно-уровневой теории психики. (Мы еще раз подчеркиваем, что речь идет именно о формировании, поскольку понятия “структуры” и “уровней” в известной мере сохраняют взаимонезависимость и объединяются лишь постепенно, под давлением внутренней логики развития объекта исследования). Рассмотренные выше некоторые ее методологические предпосылки могут, вероятно, создать впечатление в значительной мере об универсальном характере структурно-уровневой концепции как способа объяснения психического. Такое впечатление может еще более усилиться вслед за прослеживанием развития этой концепции в историко-философском плане. Такое впечатление было бы неправильным — эта концепция не является универсальной; но это все же очень широкая

концепция, поскольку с ее позиций оказалось возможным в известной мере по-новому проводить анализ целого ряда психологических проблем, нередко не укладывавшихся в объяснительные схемы других теорий» [Роговин М.С., 1977b, с. 14].

Не будем далее цитировать или пересказывать положения структурно-уровневого подхода, поскольку любой желающий легко может ознакомиться с публикациями М.С. Роговина [Роговин М.С., 1974, 1977b].

Обратим внимание на то, что эти работы открывают принципиально новые перспективы для разработки истории психологии, поскольку, основываясь на положениях структурно-уровневого подхода, историк психологии понимает, что не все работы, выполненные в психологии, имеют одинаковое значение, какие-то, к примеру, полностью принадлежат прошлому, поскольку реализуют упрощенные исследовательские подходы. Во многих случаях становится понятна природа полученных результатов, ибо становится ясно, что же не было учтено исследователем.

Иными словами, история психологии приобретает объемность, становится более обозримой, в значительно большей степени ориентированной на интеграцию накопленного знания.

Подчеркнем, что, характеризуя идеи, выдвинутые М.С. Роговиным на этом этапе, мы должны полностью давать себе отчет в том, что пока это всего лишь перспективные положения. М.С. Роговин не успел разработать концепции новой истории психологии, лишь наметил, в каком направлении возможно движение в ее построении. Как представляется, идеи структурно-уровневой истории психологии имеют значительную ценность и большое эвристическое значение.

Заключение

Полагаем, что идеи М.С. Роговина относительно концепции истории психологии не утратили своей актуальности. многими историками психологии отмечалось, что линейная схема построения истории психологии как научной дисциплины не может отразить всей сложности процесса развития психологической науки. Думается поэтому, что представления М.С. Рого-

вина об истории психологии, высказанные ученым в разные годы, по-прежнему актуальны.

В качестве возможного направления развития идей М.С. Роговина в плане разработки структурно-уровневой истории психологии назовем подход, который развивается в последнее время в наших работах [Мазилов В.А., 2021c]. Речь идет о том, что историко-методологические исследования свидетельствуют: в современной психологии недостаточно используется потенциал методологии и, в частности, не полностью реализуются возможности понятия «предмет психологии». В психологии, как показывают исследования, начиная с В. Вундта и по настоящее время доминирует традиция узкоаналитического способа определения предмета психологии. Этой традиции соответствует стратегия исследования «единиц психического», по которым пытаются судить о психике в целом. Можно полагать, что более перспективным является подход, в соответствии с которым предмет понимается как совокупный и имеющий уровневое строение. Вариантом такой трактовки является подход, при котором в качестве предмета понимается внутренний мир человека [Мазилов В.А., 2021c]. Как нам представляется, возможен вариант разработки истории психологии как концепции эволюции предмета психологии, трактуемого как структурно-уровневый феномен.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156.

Acknowledgements

The research was funded by RFBR, project No. 19-29-07156.

Список литературы

Артемьев О.А. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 534 с.

Залевский Г.В., Мазилов В.А., Урываев В.А., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. Михаил Семенович Роговин — опережая время // Медицинская психология в России. 2013. Т. 5, № 5(22). URL: http://mpgj.ru/archiv_global/2013_5_22/nomer/nomer09.php (дата обращения: 15.09.2021).

Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Когито-Центр: Ин-т психологии РАН, 2008. 511 с.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. 416 с.

Кольцова В.А., Холонович Е.Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 304 с.

Левченко Е.В. История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя, 2003. 310 с.

Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. 366 с.

Логинова Н.А. (авт. и сост.). Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 376 с.

Логинова Н.А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 285 с.

Мазилов В.А. Михаил Семенович Роговин — методолог психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 103–112.

Мазилов В.А. Михаил Семенович Роговин — философ психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 5. С. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920017080-4>

Мазилов В.А. М.С. Роговин как историк психологии: завещание мастера // Ярославский психологический вестник. 2021. Вып. 2(50). С. 42–50.

Мазилов В.А. М.С. Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 80–88.

Мазилов В.А. Психология и методология психологической науки: нерешенные актуальные проблемы // Методология современной психологии. Вып. 14: сб. / под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М: Ярославль: ЯрГУ, НИИСИ РАН, МАПН, 2021. С. 46–63.

Мазилов В.А. Уроки мастера: человек, который знал все. Несколько штрихов к портрету М.С. Роговина // Ярославский психологический вестник. 2021. Вып. 2(50). С. 12–19.

Мироненко И.А. Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015. 304 с.

Пирковский С.П., Роговин М.С. Пьер Жане // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1961. Т. 61, вып. 3. С. 449–456.

Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высш. шк., 1969. 382 с.

Роговин М.С. Проблемы теории памяти. М.: Высш. шк., 1977. 181 с.

Роговин М.С. Психологическое исследование: учеб. пособие. Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.

Роговин М.С. Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 100–110.

Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник, 1974. М.: Наука, 1974. С. 187–230.

Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.

Роговин М.С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля // Системные исследования. Ежегодник, 1978. М.: Наука, 1978. С. 152–168.

Роговин М.С. Философские проблемы теории памяти. М.: Высш. шк., 1966. 168 с.

Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1968. 28 с.

Славская А.Н. Основы психологии С.Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития. М.: Когито-Центр: Ин-т психологии РАН, 2015. 344 с.

Слепко Ю.Н., Мазилов В.А. К 100-летию М.С. Роговина — интервью с учеником // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5(122). С. 143–158.

Холонович Е.Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 260 с.

Элленбергер Г.Ф. Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. Т. 2: Психотерапевтические системы конца XIX – первой половины XX века. СПб.: Янус, 2004. 668 с.

Carus F.A. *Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie*. Leipzig: Barth und Kummer, 1808. 790 S.

Получена: 24.01.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

Artem'eva, O.A. (2015). *Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya razvitiya rosiyskoy psichologii v pervoy polovine XX stoletiya* [Socio-psychological determination of the develop-

ment of Russian psychology in the first half of the 20th century]. Moscow: IP RAS Publ., 534 p.

Carus, F.A. (1808). *Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie* [Works: Third part. History of psychology]. Leipzig: Barth und Kummer Publ., 790 p.

Ellenberger, G.F. (2004). *Otkrytie bessoznatel'nogo: istoriya i evolutsiya dinamicheskoy psichiatrii. T. 2: Psikhoterapevticheskiye sistemy kontsa XIX – pervoy poloviny XX veka* [The discovery of the unconscious: The history and evolution of dynamic psychiatry. Vol. 2: Psychotherapeutic systems of the late 19th – first half of the 20th century]. St. Petersburg: Yanus Publ., 668 p.

Kholondovich, E.N. (2010). *Rekonstruktsiya psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti geniya na primere izucheniya zhiznennogo puti i tvorchestva F.M. Dostoevskogo: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Reconstruction of the psychological characteristics of the personality of a genius by the example of studying the life path and creativity of F.M. Dostoevsky: dissertation]. Moscow, 260 p.

Kol'tsova, V.A. (2004). *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy istorii psikhologii* [Theoretical and methodological foundations of the history of psychology]. Moscow: IP RAS Publ., 416 p.

Kol'tsova, V.A. (2008). *Istoriya psikhologii. Problemy metodologii* [History of psychology: Problems of methodology]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., IP RAS Publ., 511 p.

Kol'tsova, V.A. and Kholondovich, E.N. (2013). *Voploschenie dukhovnosti v lichnosti i tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [The embodiment of spirituality in the personality and creativity of F.M. Dostoevsky]. Moscow: IP RAS Publ., 304 p.

Levchenko, E.V. (2003). *Istoriya i teoriya psikhologii otnosheniy* [History and theory of relationship psychology]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 310 p.

Loginova, N. A. (2005). *Opyt chelovekoznaniya: Istoriya kompleksnogo podkhoda v psikhologicheskikh shkolakh V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva* [The experience of human knowledge: The history of an integrated approach in the psychological schools of V.M. Bekhterev and B.G. Ananyev]. St. Petersburg: SPbU Publ., 285 p.

Loginova, N.A. (2006). *Boris Gerasimovich Anan'ev: Biografiya. Vospominaniya. Materialy* [Boris Gerasimovich Ananyev: Biography. Memories. Materials]. St. Petersburg: SPbU Publ., 376 p.

Loginova, N.A. (2016). *Antropologicheskaya psichologiya Borisa Anan'eva* [Anthropological psy-

- chology of Boris Ananyev]. Moscow: IP RAS Publ., 366 p.
- Mazilov, V.A. (2006). [Mikhail Semyonovich Rogovin — methodology of psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 1, iss. 2, pp. 103–112.
- Mazilov, V.A. (2011). [M.S. Rogovin: philosopher of psychology]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 40, pp. 80–88.
- Mazilov, V.A. (2021). [Master's lessons: a man who knew everything. Several strokes to the portrait of M.S. Rogovin]. *Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik* [Yaroslavl Psychological Bulletin]. Iss. 2(50), pp. 12–19.
- Mazilov, V.A. (2021). [M.S. Rogovin as a historian of psychology: master's testament]. *Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik* [Yaroslavl Psychological Bulletin]. Iss. 2(50), pp. 42–50.
- Mazilov, V.A. (2021). [Philosopher of psychology (to the 100-th anniversary of the birth of M.S. Rogovin)]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 5, pp. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920017080-4>
- Mazilov, V.A. (2021). [Psychology and methodology of psychological science: unresolved current problems]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii. Vyp. 14* [Methodology of modern psychology. Iss. 14]. Yaroslavl: YSU Publ., NIISI RAS Publ., MAPN Publ., pp. 46–63.
- Mironenko, I.A. (2015). *Rossiyskaya psikhologiya v prostranstve mirovoy nauki* [Russian psychology in the space of world science]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 304 p.
- Pirkovskiy, S.P. and Rogovin, M.C. (1961). [Pierre Janet]. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of Neuropathology and Psychiatry named after S.S. Korsakov]. Vol. 61, iss. 3, pp. 449–456.
- Rogovin, M.S. (1960). [Pierre Janet]. *Vestnik istorii mirovoy kul'tury* [Bulletin of the History of World Culture]. No. 6, pp. 100–110.
- Rogovin, M.S. (1966). *Filosofskie problemy teorii pamyati* [Philosophical problems of memory theory]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 168 p.
- Rogovin, M.S. (1968). *Elementy obschey i patologicheskoy psikhologii v postroenii psikhologicheskoy teorii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Elements of general and pathological psychology in the construction of psychological theory: Abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 28 p.
- Rogovin, M.S. (1969). *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 382 p.
- Rogovin, M.S. (1974). [Development of a structural-level approach in psychology]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik, 1974* [System research. Yearbook, 1974]. Moscow: Nauka Publ., pp. 187–230.
- Rogovin, M.S. (1977). *Problemy teorii pamyati* [Problems of memory theory]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 181 p.
- Rogovin, M.S. (1977). *Strukturno-urovnevye teorii v psikhologii* [Structural-level theories in psychology]. Yaroslavl: YSU Publ., 80 p.
- Rogovin, M.S. (1978). [The level structure of the psyche in the teachings of Aristotle]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik, 1978* [System research. Yearbook, 1978]. Moscow: Nauka Publ., pp. 152–168.
- Rogovin, M.S. (1979). *Psikhologicheskoe issledovanie* [Psychological research]. Yaroslavl: YSU Publ., 66 p.
- Slavskayya, A.N. (2015). *Osnovy psikhologii S.L. Rubinshteyna. Filosofskoe obosnovanie razvitiya* [Fundamentals of psychology by S.L. Rubinste. Philosophical justification of development]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., IP RAS Publ., 344 p.
- Slepko, Yu.N. and Mazilov, V.A. (2021). [On the 100th anniversary of M.S. Rogovin — interview with a student]. *Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik* [Yaroslavl Psychological Bulletin]. No. 5(122), pp. 143–158.
- Zalevskiy, G.V., Mazilov, V.A., Uryvaev, A.V. and Solov'ev, L.P. (2013). [Mikhail Semenovich Rogovin — being ahead of time]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. Vol. 5, no. 5, pp. 1. Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2013_5_22/nomer/nomer_09.php (accessed 15.09.2021).

Received: 24.01.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторе

Мазилов Владимир Александрович

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и социальной
психологии

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского,
150000, Ярославль, ул. Республикаанская, 108/1;
e-mail: v.mazilov@yspu.org
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>
ResearcherID: F-9746-2013

About the author

Vladimir A. Mazilov

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of General
and Social Psychology

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky,
108/1, Respublikanskaya st., Yaroslavl, 150000, Russia;
e-mail: v.mazilov@yspu.org
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>
ResearcherID: F-9746-2013

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мазилов В.А. История психологии как наука: вклад М.С. Роговина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 10–24. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-10-24

For citation:

Mazilov V.A. [History of psychology as a science: the contribution of M.S. Rogovin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 10–24 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-10-24

УДК 159.9:001.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-25-37

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Соколова Елена Евгеньевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва),

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)

Обсуждается роль истории психологии в поиске адекватных путей решения методологических проблем психологической науки. Новейшие исследования сознания, в которых сочетаются скрупулезное изучение анатомии и физиологии мозга с помощью современных технологий и интроспективные отчеты носителя сознания, мало чем отличаются в своих методологических основаниях от исследований более чем столетней давности, подвергнутых аргументированной критике Л.С. Выготским и другими представителями культурно-деятельностной психологии за картезианский дуализм. Разведение Л.С. Выготским переживания и собственно научного знания дает основание критически отнестись к утверждению некоторых представителей и сторонников аналитической философии о невозможности научного постижения сознания, отождествляемого ими с субъективной реальностью. Сравнительный историко-психологический анализ идей Б. Спинозы, А.Н. Леонтьева и Э.В. Ильенкова приводит к выводу о том, что А.Н. Леонтьев в построении теории деятельности ориентировался не на победивший в СССР вариант марксизма («диамат»), а на положения аутентичного марксизма, рассматриваемого философами круга Э.В. Ильенкова как продолжение и развитие спинозизма. Созданное на этой философской основе учение школы А.Н. Леонтьева о деятельности как особой субстанции, а сознания (и психики в целом) — как функции этой субстанции, подтверждаемое многочисленными эмпирическими исследованиями и практикой формирования сознания в онтогенезе, представляет собой достойную альтернативу зашедшему в методологический тупик картезиански ориентированным исследованиям сознания в современных когнитивных науках. Показана также роль архивных изысканий для уточнения происхождения и первоначального значения используемой в психологии терминологии. Так, на основе изучения стенограмм дискуссий 1948 г. по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» установлено, что словосочетание «трехчленная схема анализа» исходно встречается в выступлениях оппонентов Леонтьева, тогда как данная терминология, впоследствии использованная им самим в книге «Деятельность. Сознание. Личность», только запутывает дело и не позволяет адекватно понять нетривиальный взгляд школы А.Н. Леонтьева на деятельность как субстанцию сознания. В заключении делается вывод о том, что особое внимание в мировой науке к историческому наследию создателей культурно-деятельностной психологии обусловлено ее специфической методологией, что делает ее «наукой будущего» и требует, в свою очередь, новой историко-психологической и теоретической рефлексии.

Ключевые слова: история психологии, аналитическая философия, сознание, психофизическая проблема, картезианство, спинозизм, марксизм, деятельность, субстанция, культурно-деятельностная психология, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков.

METHODOLOGICAL FUNCTIONS OF THE HISTORY OF PSYCHOLOGY IN MODERN SCIENCE

Elena E. Sokolova

Lomonosov Moscow State University (Moscow),

Belgorod State University (Belgorod)

The article discusses the role of the history of psychology in the search for adequate solutions to the methodological problems of psychological science. The most recent studies of consciousness, which

combine a meticulous study of anatomy and physiology of the brain with the help of modern technology and introspective reports of the bearer of consciousness, differ little in their methodological foundations from those of more than a century ago, which were subjected to sound criticism for Cartesian dualism by L.S. Vygotsky and other representatives of cultural-historical activity theory in psychology. L.S. Vygotsky's distinction between *perezhivanie* (experience) and scientific knowledge gives grounds to be critical of the assertion of some representatives and supporters of analytic philosophy that it is impossible to have a scientific comprehension of consciousness, which they identify with subjective reality. A comparative historical analysis of psychological ideas of B. Spinoza, A.N. Leontiev, and E.V. Ilyenkov leads to a conclusion that, in constructing his theory of activity, A.N. Leontiev was guided not by the official Soviet version of Marxism («dialectical materialism») but by the provisions of authentic Marxism. The philosophers of E.V. Ilyenkov's circle fairly viewed Marxism as a continuation and development of Spinozism. On this philosophical basis, A.N. Leontiev's scientific school created the concept of activity as a peculiar substance, with consciousness (and the psyche in general) being its function. This doctrine, confirmed by numerous empirical studies and the practice of forming consciousness in ontogenesis, is a good alternative to the Cartesian-oriented research on consciousness in modern cognitive sciences, which has reached a methodological dead end. The paper also shows the role of archival research in clarifying the origin and original meaning of terminology used in psychology. For example, the study of transcripts of the 1948 discussions presented in A.N. Leontiev's book *An Essay on the Development of the Psyche* reveals that the phrase «the threefold scheme of analysis» originally appeared in the speeches of Leontiev's opponents, while these terms (later used by Leontiev himself in his book *Activity. Consciousness. Personality*) only confuse the matter and do not allow one to adequately understand the non-trivial view on activity as a substance of consciousness developed by A.N. Leontiev's school. In conclusion, the author argues that the special attention of the international scientific community to the historical heritage of the founders of cultural-activity psychology is due to its specific methodology, which makes it a «science of the future» and, in turn, requires a new historical-psychological and theoretical reflection.

Keywords: history of psychology, analytic philosophy, consciousness, psychophysical problem, Cartesianism, Spinozism, Marxism, activity, substance, cultural-activity psychology, L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, E.V. Ilyenkov.

Введение

11–12 декабря 2021 г. я приняла участие в международной конференции «Историческая сущность труда». Что поразило на этой конференции больше всего: все философы свободно оперировали идеями мыслителей прошлых эпох, их собеседниками (союзниками и оппонентами) были Анаксагор, Платон, Аристотель, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, Маркс и многие другие. У философов история философии не воспринимается в виде какого-то «довеска» к современным изысканиям. Напротив, как писали в аннотации к своему известному учебнику С.Н. Мареев и Е.В. Мареева, «история философии есть та же философия, только в исторической форме. Лишенная своей истории философия теряет драматизм, достоверность факта, живую связь времен, а сама история превращается в набор фактов, связанных только хронологически» [Мареев С.Н., Мареева Е.В., 2003, с. 2].

К сожалению, сказать что-то аналогичное о психологии никак нельзя. Несмотря на то что она — по историческим меркам совсем недав-

но — выделилась из философии как самостоятельная наука, несмотря на то, что до сих пор при преподавании некоторых учебных дисциплин, особенно разделов курса общей психологии, многие лекторы прибегают к исторической логике изложения материала, для многих современных исследователей и тем более студентов история психологии кажется чем-то замешанным и ненужным для решения актуальных проблем психологической науки и практики.

Такое небрежение историей проявляется, в частности, в том, что в учебных планах факультета психологии ведущего вуза нашей страны — МГУ имени М.В. Ломоносова — на специализированный курс истории психологии в настоящее время выделено всего 48 часов (из них 32 часа на лекции и 16 часов на семинары); при этом ранее читаемый два (а в некоторые годы — три) семестра курс «История философии», помогавший студентам понять философские основания различных психологических концепций, вообще исчез из учебного плана факультета.

Еще хуже обстоит дело с публикациями по историко-психологической тематике. Стоит

только посмотреть на требования многих периодических изданий, представленные в памятках для авторов: в списках литературы должно быть, например, не менее 50 % ссылок на статьи в ведущих научных журналах за последние 5–10 лет, при этом от четверти до половины ссылок должны быть на зарубежные публикации и т.п. Особенno приветствуются статьи, излагающие результаты «эмпирических исследований» в соответствии с канонической формой их представления (введение, цель исследования, теоретическая основа, методика, характеристика испытуемых, результаты и их обсуждение и пр.). И если некоторые статьи по истории психологии еще можно как-то подогнать под данную «классическую» схему, то уж опубликовать архивный материал в журналах гораздо труднее. Более того, на портале elibrary.ru подобные публикации зачастую вообще не засчитываются как результаты достойной упоминания работы, за которой на самом деле стоит огромный труд по поиску, атрибуции, расшифровке и комментированию архивных текстов. При этом единственный специализированный отечественный журнал для историков нашей науки — «Методология и история психологии» — просуществовал всего несколько лет и в настоящее время не выходит.

Из всего вышесказанного становится ясно, что история психологии оказалась бедной родственницей современной психологической науки. Между тем распутать возникший в настоящее время в психологии клубок постоянно обсуждаемых методологических проблем невозможно, как утверждал М.Г. Ярошевский, без «творческого диалога с прошлым», т.е. высшей формы исторической рефлексии в науке [Ярошевский М.Г., 1985]. Неслучайно, подчеркивал он, Ф. Брентано и К. Левин в свое время обращались к творчеству Аристотеля, Л.С. Выготский — к наследию Р. Декарта и Б. Спинозы и т.п. Однако вследствие победивших в психологических исследованиях XXI в. позитивистских и постмодернистских методологических установок (которые — несмотря на кажущуюся противоположность — прекрасно уживаются друг с другом) наблюдается отсутствие адекватной работы по рефлексии уже имеющихся взглядов и пренебрежение теоретической работой в психологии вообще, о чём неоднократно озабоченно заявляли известные методологи науки.

Именно поэтому целью настоящей статьи является актуализация обсуждения проблемы функций исторических исследований в современной психологической науке и практике. При этом мы не собираемся ограничиваться простыми декларациями на данную тему, а покажем на материале собственных историко-методологических исследований культурно-деятельностной психологии, как именно могут быть реализованы некоторые из этих функций в решении современных психологических проблем.

История психологии в критическом анализе методологии новейших исследований сознания

Не секрет, что вот уже несколько десятилетий наблюдается своеобразный бум исследований сознания, проводимых представителями самых разнообразных научных дисциплин. Однако безусловно доминирующей линией этих исследований является «нейрофизиологическая» линия. Защитники и критики данного мейнстрима констатируют тот непреложный факт, что ни до, ни после Р. Декарта анатомия и физиология мозга не занимали столь важного места в изучении сознания, как сейчас [Велихов Е.П. и др., 2018]. Авторы указанной статьи при этом отмечают, что в многочисленных эмпирических исследованиях сознания использование новых уникальных технологий (нейровизуализации, айтрекинга и др.) сочетается с опорой на интроспективные отчеты. И это не случайно. Вновь актуализировалось, — в частности, в рамках аналитической философии сознания (Дж. Сёрл, Д. Деннет, Д. Чалмерс и др.) — обсуждение возможностей решения психофизической проблемы, приобретшей в последние годы форму вопроса о том, почему и как возникают субъективные переживания (experience, qualia) из работы «нейронных сетей»; однако, как констатируется в соответствующей литературе, никакого «хорошего» ответа на данный вопрос до сих пор нет [Проблема сознания..., 2009, с. 116].

На наш взгляд, его и не может быть. Для знатока истории развития человекознания вполне очевидно, что сама постановка подобного вопроса и дальнейшее его обсуждение в современной литературе по-прежнему базируются на взглядах Р. Декарта, подвергнутых критике уже его современниками в XVII в. Безусловно, эти взгляды сыграли огромную роль в

становлении психологии как науки о сознании и легли в основу классической интроспективной психологии, но после появления новых психологических направлений XX в., особенно тех, которые в своих философских истоках базировались на альтернативном картезианству спинозизме, рассуждения психологов-интроспекционистов кажутся анахронизмом.

Читая современную литературу подобного типа, историк психологии часто испытывает состояние *déjà vu*: в ней — в лучших традициях, казалось бы, ушедшей в прошлое интроспективной психологии — сознание отождествляется с субъективной реальностью. Утверждается, что мое сознание «недоступно другим и неизмеримо с точки зрения современной науки» [Ускова Е.В., 2020, с. 195] и что «мое знание о моем сознании дано мне непосредственно» [Проблема сознания..., 2009, с. 154]. Поэтому предлагается возвратить в психологию «непосредственное» познание психических явлений с помощью различных форм интроспекции [Карицкий И.Н., 2005; Яновский М.И., 2015; Котов А.А., 2020]. В то же время сторонниками подобных взглядов заявляется, что понять и познать субъективную реальность другого человека можно лишь зная собственную субъективную реальность [Проблема сознания..., 2009, с. 154]. Как напоминают все эти высказывания утверждения философов и психологов рубежа XIX и XX вв., например, Л.М. Лопатина, о том, что «мы все познаем сквозь призму нашего духа, но то, что совершается в самом духе, мы познаем без всякой посредствующей призмы» [Лопатин Л.М., 1900, с. 9], или рассуждения Г.И. Челпанова о том, что «необходимо мне самому пережить хоть раз то, что переживает другой человек, для того чтобы судить о его душевном состоянии» [Челпанов Г.И., 1918, с. 97]. Можно вспомнить также весьма пессимистический вывод А.И. Введенского, что чужая душевная жизнь навсегда останется для нас вне пределов возможного опыта [Введенский А.И., 1917, с. 78–80].

Некоторые современные авторы — также в духе учения Декарта о взаимодействии тела и души — прямо пишут о том, что сознание «может участвовать в ответе организма на стимульную ситуацию и некоторым образом связывать ее и ответные реакции» [Котов А.А., 2020, с. 81]. До сих пор наблюдаются и попытки «улучшить» Декарта, указав более «адекватный» — нежели шишковидная железа — орган,

который обеспечивает «взаимодействие тела и души», и этим органом оказываются различные структуры человеческого мозга.

Однако критиками подобных взглядов отмечается: возникшие в решении различных «трудных» проблем сознания противоречия приводят к пониманию, что следует пересмотреть картезианские методологические предпосылки исследований сознания и найти им альтернативу [Батаева Л.А., Олейник О.А., 2011]. На наш взгляд, такая альтернатива уже существует. Она представлена, в частности, в культурно-деятельностной психологии, которая осознанно строилась на идеях Б. Спинозы и дальнейшем их развитии в аутентичном марксизме. Это побуждает историков психологии вновь обращаться к изучению научного наследия Л.С. Выготского и его последователей.

Стремясь сделать психологию наукой, способной выдержать «высшее испытание практикой» [Выготский Л.С., 1982, с. 387], Л.С. Выготский, осуществив гигантскую работу по историко-методологической рефлексии имевшихся в психологии точек зрения, пришел к выводу, что именно дуализм картезианства обусловил «все главные противоречия современной психологии» [Выготский Л.С., 1984, с. 243]. Основным противоречием последней ученый называл дихотомию спиритуализма и механицизма, следствием которой было то, что психология превратилась во что-то совершенно безжизненное, далекое от решения самых фундаментальных вопросов человеческого бытия: «человек с его живыми и осмысленными страстями забывается и запирается нагло в безжизненной психологии бесплотных духов и в бессмысленной психологии бездушных автоматов» [Выготский Л.С., 1984, с. 284].

Выход из подобного дуализма виделся Л.С. Выготским не в эклектическом соединении спиритуализма и механицизма путем союза «и», как это предлагали некоторые его современники и считают возможным авторы новейших исследований сознания, о которых шла речь выше, а в построении новой психологии на основе принципов монизма и диалектики. При этом ученый полагал, что уже Спиноза в XVII в. диалектически снял указанную дихотомию в своей «Этике» [Выготский Л.С., 1984, с. 301]. Третьего не дано, подчеркивал Выготский: либо дуализм (картизм), либо монизм (спинозизм). К сожалению, сам Лев Се-

менович, видя совершенно неотложную необходимость «оживить спинонезм» в «так называемой марксистской психологии» (поскольку видел, что эта последняя негласно базируется все на том же картезианстве), не успел в течение своей короткой жизни последовательно реализовать свой грандиозный план. Однако он сделал ряд шагов в данном направлении, которые, на наш взгляд, сохраняют свою значимость и для решения современных проблем философии и психологии сознания.

Так, к примеру, требование Л.С. Выготского строгого разведения переживания и собственно научного факта (научного знания), или явления и сущности в сознании, дает основание критически отнестись к выводам из известной и широко обсуждаемой до сих пор статьи Т. Нагеля «What is it like to be a bat?». Автор этой статьи утверждал, что факты сознания (субъективные переживания) доступны лишь «изнутри», и если предположить наличие у летучей мыши подобного субъективного опыта, то мы не сможем стать на ее точку зрения, поскольку воспринимаем лишь функционирование организма летучей мыши с позиций «третьего», а не «первого» лица, то есть существует непреодолимый «разрыв между субъективным и объективным» [цит. по: Проблема сознания..., 2009, с. 112]. Выготский же, напротив, утверждал, что «моя радость и мое интроспективное постижение этой радости — разные вещи» [Выготский Л.С., 1982, с. 411]. Для него было совершенно очевидно, что сущность любой изучаемой в науке реальности постигается «косвенным методом», посредством мышления, способного познать не только окружающий мир, но и психику в таких их характеристиках, которые недоступны ни «настоящему глазу», ни «глазу души». Только так, согласно Выготскому, можно изучать, например, «как видят муравьи, и даже как они видят невидимые для нас вещи, и не знать, какими эти вещи являются муравьям, т.е. возможно устанавливать психологические факты, отнюдь не исходя из внутреннего опыта, иначе говоря, не субъективно» [Выготский Л.С., 1982, с. 314]. Знатоки соответствующей литературы тут же угадают исходный источник данных рассуждений — Л.С. Выготский имел в виду высказывание Ф. Энгельса из «Диалектики природы»: «Разумеется, мы никогда не узнаем того, в каком виде воспринимаются муравьями химические лучи. Кого это огорчает, тому уж

ничем нельзя помочь» [Энгельс Ф., 1961, с. 555]. «Психология слишком долго стремилась не к знанию, а к переживанию, — заключал Л.С. Выготский, — в данном примере она хотела лучше разделить с муравьями их зрительное переживание ощущения химических лучей, чем научно познать их зрение» [Выготский Л.С., 1982, с. 352]. О необходимости и возможности опосредованного объективного познания в психологии впоследствии писал и Б.М. Теплов.

Этой же идеи следовал и А.Н. Леонтьев, который, начав во второй половине 1930-х гг. с поиска объективных критериев психического, представил в своих работах впечатляющую картину развития психики в филогенезе, полученную именно «косвенными» методами. Современные зоопсихологические исследования, проводимые в контексте культурно-деятельностной традиции, ясно показывают, как можно изучать «образ мира» различных животных подобным же образом, не пытаясь ставить себя «на их место», как это в свое время рекомендовал Э.Б. Титченер, и не горюя по поводу того, что нельзя разделить вместе с ними их переживания [Соколова Е.Е., Федорович Е.Ю., 2018].

Критики современных исследований сознания справедливо констатируют также то обстоятельство, что в них весьма малое внимание обращается на социокультурные аспекты его формирования и развития [Акопов Г.В., 2010, с. 56]. Это побуждает размышляющих на подобные темы философов и методологов психологии также обращаться к историческому наследию школы Л.С. Выготского и — шире — к исследованиям в традициях культурно-деятельностной психологии, в которых именно указанная тематика занимала и занимает центральное место.

Наконец, некоторые исследователи сознания (даже в рамках «мейнстрима») считают, что следует вернуться от фиксации на психофизиологической проблеме (психика — мозг) к обсуждению собственно психофизической проблемы, поскольку все-таки мыслит не мозг как таковой, а человек при помощи мозга [Батаева Л.А., Олейник О.А., 2011; Беленицкая О.Л., 2021]. А поскольку данная проблема решалась совершенно по-разному в работах Р. Декарта и Б. Спинозы, требуется новая историко-научная рефлексия творческого наследия Спинозы как альтернативы «декартовскому подходу» к изу-

чению сознания, ограниченность которого, как уже писалось выше, все больше отмечается его критиками.

В следующем разделе статьи мы кратко представим результаты наших собственных историко-психологических исследований в этом направлении, которые имели своей целью эксплицировать спинозистские корни деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева, что необходимо, на наш взгляд, для лучшего понимания представленных в данной школе попыток преодоления картезианского дуализма в изучении сознания.

Зачем для понимания теории деятельности школы А.Н. Леонтьева обращаться к философии XVII века

То, что спинозизм является неявным философским основанием психологической теории деятельности указанной школы, представляется многим исследователям спорным хотя бы потому, что А.Н. Леонтьев, в отличие от Л.С. Выготского, практически не ссылался на Спинозу в своих трудах. Однако сравнительный историко-психологический анализ ранних и поздних работ А.Н. Леонтьева в социокультурном контексте их создания и в сопоставлении с трудами самого Б. Спинозы и современных «спинозоведов» привел нас к выводу [Соколова Е.Е., 2019], что А.Н. Леонтьев в построении теории деятельности опирался не на вульгаризированный в СССР вариант марксизма («диамат»), а на положения аутентичного марксизма, который единомышленник А.Н. Леонтьева Э.В. Ильенков и философы его круга рассматривали и рассматривают как продолжение и развитие спинозизма. Однако в период возникновения и дальнейшего развития психологии деятельности в советской философии и психологии возобладала именно вульгарная версия марксизма («диамат»), в котором «достойное место» занимал постулат непосредственности (схема S – R), тогда как А.Н. Леонтьев и вся его школа вели с этим постулатом беспощадную борьбу. Возможно, именно это и не позволило А.Н. Леонтьеву эксплицировать спинозистские корни созданной им и его школой теории, в которой данный постулат радикально преодолевался введением в психологию категории деятельности.

Постулат непосредственности в «диамате» (а затем — и в ориентированной на него психологии) вытекал из определенного решения известного гносеологического вопроса о первичности/вторичности материи/сознания: если материя в «диамате» определялась, в соответствии с известной формулировкой В.И. Ленина, как объективная реальность, сознание, соответственно, следовало бы понимать как субъективную реальность, раз оно вторично по отношению к материи и является ее «отражением». Это приводило и приводит до сих пор к смешению онтологического и гносеологического планов рассмотрения сознания и к многочисленным недоразумениям в конкретных науках, изучающих сознание. Стоит заметить, однако, что сами классики марксизма неоднократно предупреждали о недопустимости превращения противоположности «материи» и «сознания» в абсолютную за пределами основного гносеологического вопроса.

Между тем учение Б. Спинозы никак не вписывалось в прокрустово ложе вопроса о том, что первично, а что вторично. Поэтому в советской философской литературе 1920–1930-х гг. шли бурные дискуссии о «материализме» или «идеализме» Спинозы, в ходе которых Л.И. Аксельрод убедительно доказала, что суть философии Спинозы — не в решении им основного гносеологического вопроса [Яхот И., 1981]. Ведь у Спинозы мыслит и действует одна-единственная субстанция (природа, или бог), и поэтому никакого «соотношения» и тем более «взаимодействия» между телом и душой в человеке быть не может. Философ писал в своей «Этике» совершенно определенно: «идея и тело, т.е. (по т.еореме) 13) душа и тело, составляют один и тот же индивидуум, представляемый в одном случае под атрибутом мышления, в другом — под атрибутом протяжения» [Спиноза Б., 1957, с. 426]. При этом, как подчеркивал Э.В. Ильенков, «тело» у Спинозы (в отличие от Декарта) надо понимать исключительно как действующее и тем самым мыслящее тело: «Если мыслящее тело бездействует, то оно уже не мыслящее тело, а просто тело. Если же оно действует, то никак не на мышление, ибо самое его действие представляет собой мышление» [Ильенков Э.В., 1984, с. 31].

Впоследствии монистическое учение Спинозы получило свое развитие в аутентичном (а

не в вульгаризированном) марксизме, где единственная и единственная субстанция как причина самой себя стала рассматриваться как всеобщее взаимодействие. Взаимодействие и выступает конечной причиной (*causa finalis*) всех вещей, исключающей «всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное» [Энгельс Ф., 1961, с. 483]. Именно поэтому для А.Н. Леонтьева исходной философской категорией выступило именно взаимодействие [Леонтьев А.Н., 1981, с. 35–36, 42, 45 и др.], одной из форм которого является деятельность. Последняя является всеобщей для психологии (равно как и для других сопряженных с психологией наук, имеющих с ней общий объект) субстанцией, а сознание (равно как и психика вообще) рассматривается в теории деятельности, говоря словами все того же Спинозы, атрибутом данной субстанции, или, в принятой в школе А.Н. Леонтьева терминологии, функцией — точнее, функциональным органом — деятельности [Соколова Е.Е., 2019].

Составной частью «диамата» была и так называемая ленинская теория отражения, согласно которой в мозгу отражается (более или менее полно) объективная реальность как таковая (как она есть «на самом деле»), и, хотя и говорилось об «активности» подобного отражения, данная познавательная активность противопоставлялась практике как действенному преобразованию мира. Между тем с момента своего возникновения, в соответствии с антисозерцательным характером аутентичного марксизма, школа А.Н. Леонтьева настаивала на деятельностной природе любой формы познания, в том числе «элементарных» ощущений. Отсюда следовал совершенно нетривиальный для советской науки вывод, что психика — не функция мозга, а особая функция деятельности; при этом в образе мира субъекта представлен («отражается») не «объективный» мир как таковой, а «свернутый» опыт освоения субъектом *его* мира *посредством* деятельности. И это было вполне созвучно и идеям Спинозы о действенном, деятельностном характере познания: чем активнее человек расширяет сферу своих действий в мире, тем более адекватны его идеи, и наоборот.

Данная позиция совершенно противоречила тем взглядам в философии и психологии, согласно которым мир «дан» мне в моих ощуще-

ниях, а эти последние являются функцией «высокоорганизованной материи» — мозга. Отсюда понятно, почему для представителей культурно-деятельностной психологии и философов круга Э.В. Ильинкова анатомо-физиологическое изучение мозга как такового не имеет прямого отношения к пониманию сути и механизмов психики, в том числе сознания как высшей ее формы: субстанцией психических явлений выступает именно деятельность живого организма в предметном мире [Ильинков Э.В., 2002, с. 98]. Одним из блестящих доказательств этого положения выступает непревзойденная практика формирования сознания у слепоглухонемых детей в Загорском интернате посредством совместно-разделенной дозированной деятельности (И.А. Соколянский, А.И. Мещеряков, А.В. Апраушев и др.). В результате овладения детьми специфически человеческими операциями практических действий и языком формируется «нормальное» сознание даже в условиях столь обедненной чувственной ткани [Леонтьев А.Н., 2005, с. 108]. Неслучайно А.Н. Леонтьев, говоря о деятельностной природе сознания, подчеркивал: загнать сознание под черепную крышку — значит «загнать его в гроб. Там выхода нет, из-под этой черепной крышки» [Леонтьев А.Н., 2005, с. 308].

О том, что объяснение психики следует искать за пределами мозга, писал и Л.М. Веккер, один из видных представителей Петербургской (Ленинградской) психологической школы. Он же справедливо заметил, что в конечном счете это привело к концепции деятельности в советской психологии: «А.Н. Леонтьев с потрясающей ясностью показывает: изнутри мозга нельзя вывести психическое» [Логинова Н.А., 2019, с. 112].

Таким образом, обращение к идеям философа, жившего в XVII в., позволяет в полной мере не только понять, почему в свое время Л.С. Выготский настаивал на необходимости «оживить спинозизм» в «так называемой» марксистской психологии [Выготский Л.С., 1982, с. 417; Два фрагмента..., 2006, с. 295] и почему А.Н. Леонтьев называл именно деятельность субстанцией сознания [Леонтьев А.Н., 2005, с. 121], но и наметить возможную альтернативу зашедшем в методологический тупик картезиански ориентированным исследованиям сознания в современных когнитивных науках.

Архивные материалы как источник знаний о происхождении и первоначальном значении используемой в психологии терминологии

При анализе нетривиальных взглядов школы А.Н. Леонтьева на деятельность как субстанцию сознания я столкнулась с противоречием, которое долгое время не могла разрешить. Обсуждая в третьей главе книги «Деятельность. Сознание. Личность» необходимость преодоления постулата непосредственности, или «двуличенной схемы анализа» (S – R), А.Н. Леонтьев в качестве альтернативы предлагает «трехчленную схему», которая включает «среднее звено» («средний термин») — деятельность субъекта и соответственно ее условия, цели и средства, — звено, которое опосредствует связи между ними» [Леонтьев А.Н., 2005, с. 65]. И данная терминология («среднее звено», «трехчленная схема анализа») только запутывает дело, поскольку получается, что деятельность в теории школы А.Н. Леонтьева выступает чем-то аналогичным «промежуточной переменной» в необихевиоризме. Именно это зачастую утверждают студенты факультета психологии МГУ, изучающие тексты А.Н. Леонтьева как учебный материал.

Между тем пафос теории деятельности как раз и состоит в том, что деятельность — никакое не третье звено, вставляющееся между субъектом и объектом, как разъяснял в других местах сам А.Н. Леонтьев: «деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между противоположными полюсами: субъект – объект» [Леонтьев А.Н., 2005, с. 257]. В еще более лаконичной форме туже мысль выразил А.А. Леонтьев: «Деятельность не “прибавляется” к субъекту и объекту, а конституирует их» [Леонтьев А.А., 2001, с. 262].

Разрешить этот когнитивный диссонанс помогло начатое нами недавно [Соколова Е.Е., 2020] изучение некоторых архивных материалов, а именно не опубликованных до сих пор стенограмм состоявшейся в Психологическом институте АПН РСФСР осенью 1948 г. дискуссии по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» (1947). Оказалось, что вышеуказанную терминологию использовали главным образом оппоненты А.Н. Леонтьева, критикуя его, что было весьма характерно для дискуссий того

времени, за «методологические ошибки и пороки».

Так, к примеру, Н.Х. Швачкин в своем выступлении выговаривал А.Н. Леонтьеву: «Вы все время в книге как раз показываете, что между бытием и психикой есть деятельность, которая связывает субъект с объектом. Выставляя деятельность как связующее звено, вы теряете непосредственную связь между психикой и бытием, психика определяется не бытием, а деятельностью» [Научный архив..., 1948а, л. 31]. Приведя известную цитату из ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм» («...ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» [Ленин В.И., 1968, с. 46]), А.Н. Соколов в своем докладе сделал вывод, что «гипотеза Алексея Николаевича об опосредованном характере ощущений является ошибочной гипотезой, она противоречит марксистской теории отражения и не может рассматриваться как объективный критерий психики» [Научный архив..., 1948а, л. 93]. В свою очередь, В.А. Артемов подчеркнул, что «у А.Н. предметом психологического анализа служит не сознание и не реальный мир, а их соотношение, реализующееся в “принципиальном строении деятельности”...» [Научный архив..., 1948б, л. 20], или, иначе говоря, «в рассуждении А.Н. существует не субъект и не объект, не психика и материя, а промежуточный член их отношений» [Научный архив..., 1948б, л. 20 об.]. Но в этом-то, по Артемову, и заключается «“основной порок” “Очерка развития психики”, написанного А.Н.» [Научный архив..., 1948б, л. 21 об.].

Вместе с тем соратники и союзники А.Н. Леонтьева встали в этом вопросе на его защиту. Так, Л.В. Благонадежина и Л.И. Божович напомнили присутствующим о том, что бытие в марксизме следует понимать не как саму по себе деятельность, «среду», внешний мир как таковой вне отношений к нему человека, а как деятельность, реализующую эти отношения [Соколова Е.Е., 2020, с. 113–114]. Приведем другие характерные высказывания союзников А.Н. Леонтьева, не всегда соглашавшихся с ним в других случаях. «Обосновывает ли Алексей Николаевич деятельность из общественного бытия, ставя ее каким-то третьим членом, противопоставленным бытию в процессах отражения? — задавал риторический вопрос участник

дискуссии А.В. Чертков. — Так может утверждать только тенденциозный читатель его работы. Наоборот, он решительный противник взглядов, изолирующих сознание человека от его фактического положения, от материальных условий его жизни, его способа производства в данных условиях» [Научный архив..., 1948б, л. 81]. По мнению Н.И. Жинкина, «Ал. Ник. во вступительном докладе хорошо показал, как преодолевается метафизическое противопоставление субъекта и действительности. Субъект и действительность должны быть взяты в единстве, тогда их разорванность преодолевается. Это единство и обеспечивается деятельностью. Деятельность становится предметом изучения психологии» [Научный архив..., 1948б, л. 111–112].

Весьма любопытным был для нас и сделанный по результатам изучения тех же стенограмм вывод [Соколова Е.Е., 2020, с. 114], что именно оппоненты А.Н. Леонтьева терминологически весьма точно обозначили ключевую для теории деятельности идею о том, что психика является не функцией мозга, а функцией целостной деятельности (правда, назвав это положение «методологическим пороком» концепции, поскольку оно противоречило, по их мнению, «ленинской теории отражения»).

Заключение

Ввиду ограниченности объема статьи мы не могли обсудить в ней другие не менее важные функции истории психологии как научной отрасли и учебного предмета в контексте очередных «вызовов» современности. Однако, думается, что и сказанного выше довольно, чтобы понять: обращение к прошлому необходимо для настоящего и будущего психологии и других сопряженных с ней наук. Когда-то Г. Мюнстерберг высказал мысль, не потерявшую до сих пор своей актуальности: «В конце концов лучше получить приблизительно точный предварительный ответ на правильно поставленный вопрос, чем отвечать на ложно поставленный вопрос с точностью до последнего десятичного знака» [цит. по: Выготский Л.С., 1982, с. 325].

На наш взгляд, рефлексия методологических оснований многих современных эмпирических исследований, авторы которых очарованы красотой статистических расчетов, оставляет желать лучшего. Еще в 1978 г. С. Тулмин, автор

ставшей чрезвычайно популярной статьи о Выготском, с удивлением писал: «...в то время как западная психология начинает избегать позитивизма, которого она придерживалась ранее, русская академическая психология — ирония судьбы! — начинает выглядеть скорее похожей на американскую экспериментальную психологию прошедших сорока лет» [цит. по: Сурмава А.В., 2004, с. 76]. Любопытно, что этого замечания Тулмина, присутствующего в исходном, англоязычном, тексте, нет в его русском переводе [Тулмин С., 1981]: видимо, переводчик (или редактор журнала) постыдился привести для русскоязычного читателя мнение Тулмина относительно очевидного для него положения вещей в тогда еще советской науке, которая официально провозглашала борьбу с позитивизмом в различных его вариантах.

Но самым главным в этом тексте является, на наш взгляд, то, что С. Тулмин особо подчеркнул необходимость историко-психологического анализа сути и путей решения методологических проблем в человекознании. Обратив внимание на пристальный интерес отдельных американских ученых к творчеству Л.С. Выготского, он отметил: «Если Майкл Коул до сих пор редактирует новые выпуски работ Выготского, то это он делает не потому, что питает слабость к архивной работе, а потому, что убежден: «Существенная часть того, что было сделано в России с 20-х по 30-е годы, соответствует американским исследованиям сегодняшнего дня»» [Тулмин С., 1981, с. 127]. Несколько позже Майкл Коул самим названием своей книги подчеркнул, что рассматривает возникшую в первой трети XX в. психологию Л.С. Выготского и его последователей не как прошлое, а как будущее психологической науки и практики [Коул М., 1997].

К тому же, как выясняется, в психологии периодически проводятся исследования, весьма схожие по замыслам и методологии с давно уже осуществленными ранее, и, соответственно, в них имеют место «переоткрытия» тех или иных фактов и закономерностей, причем сами авторы подобных новейших исследований могут об этом и не подозревать. Так, к примеру, анализ современных исследований Майкла Томаселло, ставшего в России весьма популярным автором, привел к выводу [Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е., 2018], что они как в методическом, так и в результативном отноше-

нии поразительным образом напоминают весьма давние разработки, осуществленные А.Н. Леонтьевым и представителями его школы еще в харьковский период ее становления и развития (1931–1941 гг.), а затем и в последующие десятилетия. Однако данные разработки, к сожалению, оказываются практически неизвестными нашим зарубежным (да и многим отечественным) коллегам. В этом отношении для историков психологии здесь непочатый край работы, тем более что интерес к культурно-деятельностной психологии в последние годы только усиливается.

Об этом говорят, в частности, проводимые каждые три года обществом ISCAR (International Society for Cultural-historical Activity Research), созданным в 2002 г., международные конгрессы (ближайший конгресс должен быть проведен в Москве в год 120-летия со дня рождения А.Н. Леонтьева, т.е. в 2023 г.). В Германии выходит электронный журнал по теории деятельности, с 2001 г. издается серия книг ICHS (International Cultural-historical Human Sciences), в которой представлены кроме оригинальных статей современных исследователей переводы на немецкий язык работ классиков культурно-деятельностной психологии и их историко-психологический анализ (уже вышло более 50 томов данной серии). Благодаря усилиям М. Коула и других американских психологов работы представителей культурно-деятельностного направления, включая архивные материалы, по-прежнему периодически переводятся на английский язык и публикуются, в частности, в *Journal of Russian and East European Psychology* и других изданиях. При этом М. Коул особенно подчеркивает значимость не только отдельных идей, но и самого «стиля» мышления создателей культурно-деятельностной психологии, т.е. специфической методологии их исследований, что, в свою очередь, требует дальнейшей историко-психологической и теоретической рефлексии.

Все это говорит о том, что история психологии как отрасль науки и учебная дисциплина может и должна занимать достойное место в здании психологической науки, а не ютиться где-то на задворках этого здания и лишь по особым праздникам (когда, например, отмечаются юбилеи каких-либо психологов и пишутся приуроченные к ним статьи) допускаться в его парадный подъезд.

Выражение признательности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта 20-18-00028 «Культурно-историческая психология в архивах ее творцов».

Acknowledgements

The research was funded by RSF, project No. 20-18-00028 «Cultural-historical psychology in the archives of its creators».

Список литературы

Акопов Г.В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 272 с.

Батаева Л.А., Олейник О.А. «Трудные проблемы» аналитической философии сознания // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 129–138. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=443&Itemid=52 (дата обращения: 21.01.2022).

Беленицкая О.Л. Мыслящая гиперсеть (интервью с К.В. Анохиным) // В мире науки. 2021. № 5–6. С. 32–41.

Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Пг.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1917. 359 с.

Велихов Е.П., Котов А.А., Лекторский В.А., Величковский Б.М. Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 5–17. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2071&Itemid=52 (дата обращения: 21.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002578-0>

Выготский Л.С. Исторический смысл психолого-исторического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.

Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. С. 91–318.

Два фрагмента из записных книжек Л.С. Выготского // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2006. № 1. С. 294–298.

Ильинков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.

Ильинков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2002. 112 с.

Карицкий И.Н. Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 111–135.

Котов А.А. Моделирование сознания в компьютерных архитектурах: теория исключенных сценариев // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 80–91.

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр; Ин-т психологии РАН, 1997. 432 с.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2005. 352 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 584 с.

Логинова Н.А. Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-106-115>

Лопатин Л.М. Психология: Лекции. 1899–1900 ак. г. М.: Лит. О-ва распространения полез. кн., 1900. 386 с.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 102. 1948.

Научный архив РАО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 103. 1948.

Проблема сознания в философии и науке / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 472 с.

Соколова Е.Е. Как А.Н. Леонтьев оживил спиритизм в марксистской психологии, или О неявном философском основании теории деятельности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 4. С. 654–673. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-654-673>

Соколова Е.Е. Некоторые моменты дискуссии 1948 г. по книге А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики» // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 109–118.

Соколова Е. Е., Федорович Е.Ю. О значимости категории «смысл» в зоопсихологии: к дискуссии с Э.В. Ильенковым // Философия Э.В. Ильенкова и

современная психология: сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.В. Лобастова, Е.В. Мареевой, Н.В. Гусевой. Усть-Каменогорск, 2018. С. 295–304.

Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произв.: в 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 359–618.

Сурмава А.В. Психологический смысл исторического кризиса (Опыт исторического психоанализа) // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 71–85.

Тулмин С. Моцарт в психологии // Вопросы философии. 1981. № 10. С. 127–137.

Ускова Е.В. Статус «квалиа» в натуралистических теориях сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 192–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-192-202>

Федорович Е.Ю., Соколова Е.Е. Майкл Томаселло versus Алексей Николаевич Леонтьев: диалог во времени // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 1. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140105>

Челпанов Г.И. Учебник психологии: для гимназий и самообразования. М., Пг., Харьков: Т-во В.В. Думнова, 1918. 224 с.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 339–626.

Яновский М.И. Самонаблюдение как метод психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2015. № 3. С. 3–21.

Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 575 с.

Яхот И. Подавление философии в СССР. Н.Й.: Chalidze, 1981. 296 с.

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

Akopov, G. V. (2010). *Psikhologiya soznaniya: Voprosy metodologii, teorii i prikladnykh issledovaniy* [Psychology of consciousness: Issues of methodology, theory and applied research]. Moscow: IP RAS Publ., 272 p.

Bataeva, L.A. and Oleynik, O.A. (2011). [«Difficult problems» in analytic philosophy of consciousness]. *Voprosy filosofii*. No. 12, pp. 129–138. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=443&Itemid=52 (accessed 21.01.2022).

Belenitskaya, O.L. (2021). [A thinking hypernet. Interview with K.V. Anokhin]. *V mire nauki* [In the World of Science]. No. 5–6, pp. 32–41.

- Chelpanov, G.I. (1918). *Uchebnik psikhologii: Dlya gimnaziy i samoobrazovaniya* [Psychology textbook: For gymnasiums and self-education]. Moscow, Petrograd, Kharkov: Dumnov Publ., 224 p.
- Cole, M. (1997). *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya: nauka buduschego* [Cultural psychology: a once and future discipline]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., IP RAS Publ., 432 p.
- Dubrovskiy, D.I. (ed.) (2009). *Problema soznaniya v filosofii i nauke* [The problem of consciousness in philosophy and science]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 472 p.
- Engels, F. (1961). [Dialectics of nature]. Marks K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 20, pp. 339–626.
- Fedorovich, E.Yu. and Sokolova, E.E. (2018). [Michael Tomasello versus Alexei N. Leontiev: A dialogue in time]. *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 14, no. 1, pp. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140105>
- Il'enkov, E.V. (1984). *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical logic. Essays on the history and theory]. 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ., 320 p.
- Il'enkov, E.V. (2002). *Shkola dolzhna uchit' mysl'* [School must learn to think]. Moscow: MPSU Publ., Voronezh: MODEK Publ., 112 p.
- Karitskiy, I.N. (2005). [Particular and universal method of psychology]. *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminara. T. 3: Metod psikhologii* [Proceedings of the Yaroslavl methodological seminar. Vol. 3: The Method of Psychology]. Yaroslavl: IAPS Publ., pp. 111–135.
- Kotov, A.A. (2020). [Model of consciousness for computer architectures: The theory of expelled scripts]. *Voprosy Psychologii*. No. 5, pp. 80–91.
- Lenin, V.I. (1968). [Materialism and Empiriocriticism]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Complete works: in 55 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 18, pp. 7–384.
- Leont'ev, A.A. (2001). *Deyatel'nyi um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [The active mind (Activity, Sign, Personality)]. Moscow: Smysl Publ., 392 p.
- Leont'ev, A.N. (1981). *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of mind]. 4th ed. Moscow: Moscow University Publ., 584 p.
- Leont'ev, A.N. (2005). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl Publ.; Akademiya Publ., 352 p.
- Loginova, N.A. (2019). [Psychology theorist Leo Vekker]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya*. *Psichologiya. Sotsiologiya. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 106–115. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-106-115>*
- Lopatin, L.M. (1900). *Psichologiya: Lektsii. 1899–1900 ak.g.* [Psychology: Lectures of 1899–1900]. Moscow: Literatura Obschestva Rasprostraneniya Poleznykh Knig Publ., 386 p.
- Mareev, S.N. and Mareeva, E.V. (2003). *Istoriya filosofii (obschii kurs): ucheb. posobie* [History of philosophy (General course): A tutorial]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 880 p.
- Nauchnyy arkhiv RAO* [Scientific archive of RAE] (1948). Coll. 82. Aids 1. Item 102.
- Nauchnyy arkhiv RAO* [Scientific Archive of RAE] (1948). Coll. 82. Aids 1. Item 103.
- Sokolova, E.E. (2019). [How A.N. Leontiev revived spinozism in Marxist psychology, or on the implicit philosophical basis of the theory of activity]. *Psichologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 16, no. 4, pp. 654–673. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-4-654-673>
- Sokolova, E.E. (2020). [Some points of the 1948 debate according to the book by A.N. Leontiev «Essay on the development of mind»]. *Voprosy Psychologii*. No. 5, pp. 109–118.
- Sokolova, E.E. and Fedorovich, E.Yu. (2018). [On the significance of the category «sense» in animal psychology: a discussion with E.V. Ilyenkov]. *Filosofiya E.V. Il'enkova i sovremennoy psichologii, pod red. G.V. Lobastova, E.V. Mareevoy, N.V. Gusevoy* [G.V. Lobastov, E.V. Mareeva, N.V. Guseva (eds.) E.V. Ilyenkov's philosophy and modern psychology]. Ust-Kamenogorsk, pp. 295–304.
- Spinoza, B. (1957). [Ethics]. *Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Spinoza B. Selected works: in 2 vols.]. Moscow: Gospolitizdat, vol. 1, pp. 359–618.
- Surmava, A.V. (2004). [The psychological meaning of the historical crisis (Essay of historical psychoanalysis)]. *Voprosy Psychologii*. No. 3, pp. 71–85.
- Toulmin, S.E. (1981). [Mozart in psychology]. *Voprosy Filosofii*. No. 10, pp. 127–137.
- Uskova, E.V. (2020). [The status of qualia in naturalistic theories of consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 192–202. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-192-202>
- Velikhov, E.P., Kotov, A.A., Lektorskiy, V.A. and Velichkovskiy, B.M. (2018). [Interdisciplinary Consciousness Research: 30 Years on]. *Voprosy Filosofii*. No. 12, pp. 5–17. Available at:

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2071&Itemid=52 (accessed 21.01.2022).
DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440002578-0>

Vvedenskiy, A.I. (1917). *Psikhologiya bez vsyakoy metafiziki* [Psychology without any metaphysics]. Pet- rograd: M.M. Stasyulevich Publ., 359 p.

Vygotsky, L.S. (1982). [The historical meaning of the crisis in psychology]. *Vygotskiy L.S. Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 1: Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Vygotsky L.S. Collected works: in 6 vols. Vol. 1: Questions of the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 291–436.

Vygotsky, L.S. (1984). [The teaching about emotions: Historical-psychological studies]. *Vygotskiy L.S. Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 6: Nauchnoye nasledstvo* [Vygotsky L.S. Collected works: in 6 vols. Vol. 6: Scientific legacy]. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 91–328.

Об авторе

Соколова Елена Евгеньевна

доктор психологических наук, доцент

доцент кафедры общей психологии,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
125009, Москва, ул. Моховая, 11/9;

научный сотрудник,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
308015, Белгород, ул. Победы, 85;

e-mail: ees-msu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>
ResearcherID: E-7728-2012

Vygotsky, L.S. (2006). [Two excerpts from the notebooks. A psychophysical problem]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye* [RSUH/RGGU Bulletin. «Psychology. Pedagogics. Education»]. No. 1, pp. 294–298.

Yakhot, I. (1981). *Podavlenie filosofii v SSSR* [The suppression of philosophy in the USSR]. New York: Chalidze Publ., 296 p.

Yanovskiy, M.I. (2015). [Self-observation as a method of psychology]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 3, pp. 3–21.

Yaroshevskiy, M.G. (1985). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Mysl' Publ., 575 p.

Received: 01.02.2022. Accepted: 15.02.2022

About the author

Elena E. Sokolova

Doctor of Psychology, Docent

Associate Professor of the Department
of General Psychology,
Lomonosov Moscow State University,
11/9, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia;

Researcher,
Belgorod State University,
85, Pobedy st., Belgorod, 308015, Russia;

e-mail: ees-msu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2239-0858>
ResearcherID: E-7728-2012

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соколова Е.Е. Методологические функции истории психологии в современной науке // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 25–37. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-25-37

For citation:

Sokolova E.E. [Methodological functions of the history of psychology in modern science]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 25–37 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-25-37

УДК 159.923.2:001.32

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-38-50

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Логинова Наталья Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Профессиональные историки психологии не часто изучают биографии как таковые, предпочитая ограничиваться вводным биографическим очерком, и больше сосредоточиваются на анализе научных произведений, доминирующих теорий и методологий в определенный исторический период. История идей представляется более важной, чем история человека науки. Однако полностью абстрагироваться от субъекта научного познания неправильно. От человека зависит судьба идей, их развитие и внедрение в общественное сознание и практику. В гуманитарных науках человеческое измерение научного познания особенно отчетливо выражено. Здесь научные теории, конкретные исследования столь личностны, что сближают науку с искусством. Биографические исследования жизни и деятельности, таланта и характера ученого имеют свое законное место в научоведении, а также в историко-психологической науке. Эти исследования стремятся стать психобиографическими, обращаются к психологии субъекта научного познания. Предметом нашего исследования являлась творческая индивидуальность и жизненный путь лидера Петербургской научной школы советского периода Б.Г. Ананьева. Его деятельность зависела от конкретных социально-исторических ситуаций, запросов общества и государства, но тем не менее была осуществлена вопреки историческим препятствиям. Жизнь и научная деятельность ученого были внутренне мотивированы. Биография показала значимость возраста ученого как фактора творчества и социального, гражданского поведения. С этой точки зрения можно увидеть такие качества личности, как энергия старта в юности, увлеченность и изменение отношения к времени жизни в связи с возрастными и индивидуальными особенностями. В конце жизни Б.Г. Ананьев вопреки физическим недугам ускорял темп деятельности, стремясь успеть достичь заветных целей в научном познании. Во многом это ему удалось. Со временем масштаб его вклада в психологию становится все явнее. Перспективность идей и исследований ученого подтверждается и в XXI в.

Ключевые слова: Б.Г. Ананьев, три измерения научного развития, психобиография ученого, биографическая психология, особенности психобиографического исследования.

BIOGRAPHICAL STUDIES IN THE HISTORY OF PSYCHOLOGY

Natalia A. Loginova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

It is not often that professional historians of psychology study biographies as they prefer to limit themselves to an introductory biographical sketch and focus more on the analysis of scientific works, dominant theories, and methodologies of a particular historical period. The history of ideas seems to be more important than the history of man of science. However, it is wrong to completely disregard the personality of the person engaged in the process of scientific cognition. The destiny of ideas, their development and implementation in public consciousness and practice depend on a person. In the humanities, the human dimension of scientific knowledge is particularly pronounced. Here, scientific theories, specific studies are so personal that they bring science closer to art. Biographical studies of the life and work, talent and character of a scientist have their rightful place in the science of science, as well as in the historico-psychological science. These studies tend to become psychobiographical, they deal with the psychology of the subject of scientific cognition. The subject of the study is the creative individuality and life path of

the leader of the St. Petersburg school of thought in the Soviet period, B.G. Ananiev. His work depended on specific socio-historical situations, the demands of society and the state, but was still performed in spite of historical obstacles. The life and scientific activity of the scientist were intrinsically motivated. The biography showed the importance of the scientist's age as a factor of creativity and social, civic behavior. From this point of view, one can see such personality traits as the energy of a start in youth, enthusiasm and a change in attitude to life time due to age and individual characteristics. At the last phase of his life, despite physical ailments, B.G. Ananiev intensified his work trying to achieve his cherished goals in scientific knowledge. To a large extent, he succeeded. Over time, his contribution to psychology becomes more and more obvious. The prospects of the scientist's ideas and research are confirmed in the 21st century.

Keywords: B.G. Ananiev, three dimensions of scientific development, psychobiography of a scientist, biographical psychology, features of psychobiographical research.

Интерес к жизни замечательных людей непрекращающийся в течение сотен и даже тысяч лет. Однако научное изучение биографий в историко-психологической науке сравнительно молодое явление — детище ХХ в. По М.Г. Ярошевскому, есть три аспекта, или три измерения научного развития: предметно-логический, социально-исторический и личностно-биографический [Ярошевский М.Г., 1973]. Отсюда следует, что личность ученого и его жизненный путь — полноправный предмет изучения в области истории науки.

Среди методов историко-психологической науки и в целом науковедения наряду с другими есть и биографический в разных своих вариантах. Он, как правило, превращается в психобиографический, обращенный как к событиям жизненного пути, так и к психологии личности ученого, его творческой индивидуальности. В последнем случае специальное внимание уделяется психологическим особенностям и характеристикам психического развития изучаемого человека, его формированию в родительской семье, истории обучения и поиска своего пути в профессии, а также индивидуальным факторам и фазам развития¹. Психобиография ученого находится на стыке психологии личности, психологии развития, исторической психологии, философии, истории и других гуманитарных наук. Именно потому что исследуется психология индивидуального развития и индивидуальность в этой области, есть основание считать,

что наиболее успешны историки с фундаментальным психологическим образованием.

Становление биографической психологии связано с именами Николая Александровича Рыбникова, Сергея Леонидовича Рубинштейна, Бориса Герасимовича Ананьева в России и СССР, Шарлотты Бюлер (Ch. Buhler), Генри Мюррея (H. Murray), Гордона Олпорта (G. Allport), Вильяма Штерна (W. Stern) за рубежом. Пик в развитии психобиографии на Западе, да и у нас, отмечался в 1920–30-е гг., новое оживление интереса к таким исследованиям датируется 1960–70-ми гг. В настоящее время за рубежом в этом направлении активно работают У.М. Раньян (W.M. Runyan) [Runyan W.M., 1982], Д.П. Макадамс (D.P. McAdams) [Макадамс Д.П., 2008], А.К. Элмс (A.C. Elms) [Elms A.C., 1994], Р.И. Иванс (R.I. Evance). Среди психобиографических публикаций назову образцовую книгу канадского историка психологии Яна Николсона «Исследуя личность. Гордон Олпорт и наука о самости» [Nicholson I.A.M., 2003].

В наше время чаще стали появляться публикации российских психологов на биографические темы. Опыт биографических и психобиографических исследований Петербургской психологической школы еще раз убеждает в важном значении такой работы для понимания истории науки и творческой индивидуальности ученого.

Функции психобиографического исследования

Первая функция, конечно, *исследовательская*. При этом описывается и анализируется процесс формирования концептуальной системы, исследовательских программ и личности ученого. Понимание идей, концепций и теории расши-

¹ Пионерами психобиографии были представители психоанализа, но в современной науке психобиография вышла за рамки одного течения. Исследователи разных направлений, а не только психоаналитики, проводят психобиографические исследования, ориентируясь на критерии научного познания.

ряется путем включения предметного содержания его деятельности в биографический и социально-исторический контекст. Устанавливается научная родословная выдающегося человека, так сказать, генеалогическое древо или хотя бы ближайшие идейные предтечи, а также учителя, значимые другие, круг сотрудников и ближайших учеников, последователей, критиков.

Вторая, *прагматическая* функция, состоит в том, что через биографию можно влиять на современное развитие идей и дел ученого прошлого, продвигать их в профессиональном сообществе, а также в массы читателей. Ярко, психологически умно написанная биография пробуждает интерес к выдающейся личности, к изучению ее трудов и, наконец, утверждению на научном Олимпе. Примером такого успешного продвижения является активная, не побояясь этого слова, *пропаганда* учениками, родственниками, последователями и поклонниками Льва Семеновича Выготского. Драматичная судьба, благородство личности, широта научных интересов и глубина его идей определяют интерес и к его биографии.

В результате целенаправленной работы его последователей и особенно А.Р. Лурии, казалось, забытый ученый, Л.С. Выготский через десятки лет после смерти стал знаменитым на весь мир, заслуженно вошел в высший состав мировой психологии и гуманитарных наук. Его имя и его культурно-историческая теория психического развития представлены в современных психологических и гуманитарных дискурсах, включены в учебники, издаваемые у нас и за рубежом².

Вторым подобным примером стала биографическая работа учеников Сергея Леонидовича Рубинштейна К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского [Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В., 1989]. Они первыми начали изучение личного архива Рубинштейна, опубликовали его незавершенную кни-

гу «Человек и мир», которая приобрела огромную популярность и высокий авторитет среди всех российских гуманитариев и психологов и вышла в мировое научное пространство. Благодаря К.А. Абульхановой³, а позже и ее дочери А.Н. Славской изданы биографические статьи и книги, а также ранее неизвестные фрагменты рукописей, дневников, неоднократно переизданы произведения С.Л. Рубинштейна.

Третья функция биографического исследования — *воспитательная*. Устные и печатные публикации научников-биографов нужны, кроме всего прочего, для воспитания научной смены, формирования профессионального самосознания молодых психологов и студентов. На примере жизни и деятельности ученых студенты глубже, нагляднее понимают, что человек — существо историческое и биографическое. Общественная значимость науки и поэзия научного труда раскрываются перед молодежью, если удается показать ее связь с сущностью человека вообще. Действительно, занятия наукой максимально соответствуют коренной человеческой потребности в познании. Поэтому именно в личности настоящего ученого она выражена особенно сильно. По своему педагогическому опыту мы знаем, как живо откликаются студенты на яркий биографический факт, как интересен им психологический портрет ученого. Теория становится более уважаемой и увлекательной, если она, помимо прочего, представлена как плод трудной, но по-особому счастливой жизни человека науки.

Влияние научных идей, теорий, прикладных знаний отражается в появлении новых технологий, технических изобретений, материальных ценностей, новых теорий. История психологии, как и в целом гуманитарная наука, опосредованно влияет на производство нового знания в любой психологической дисциплине и смежных науках. Результаты историко-психологических исследований в популярном изложении воздействуют на общественное сознание, формируют серьезное отношение к практическим рекомен-

² Автобиографии тоже играют определенную роль в пропаганде ученым своей теории и своего научного вклада. Из российских психологов автобиографические книги и брошюры публиковали В.М. Бехтерев [Бехтерев В.М., 1928], А.Р. Лурия [Лурия А.Р., 1982], К.К. Платонов [Платонов К.К., 2005]. Воспоминания о своей жизни с рассказами о «значимых других» встречаются в сборниках избранных работ у многих других пожилых авторов.

³ В круг рубинштейноведов включилась дочь К.А. Абульхановой А.Н. Славская. Ее книга — редкий и удачный пример нарождающегося в нашей науке жанра историко-психологического исследования, посвященного истории создания книги и в целом теории великого ученого [Славская А.Н., 2015].

дациям и практикам психологов. Историко-психологические и биографические знания возбуждают у людей потребность в самопознании и дают для этого соответствующие инструменты анализа и синтеза.

Кто может выполнить задачу создания научной биографии? Это дело под силу хорошему писателю или журналисту, специализирующемуся в научно-популярном жанре. Такими авторами в российской-советской литературе были, например, писатель Д.А. Гранин и журналист Я.К. Голованова. Если же речь идет о научной биографии, то успешными здесь будут, скорее всего, те, кто хорошо знает научную область, в которой работал выдающийся ученый, — предмет биографического исследования. О физиках лучше писать физикам, о биологах — биологам, о психологах — психологам. Особенno это важно для оценки результатов исследований, открытый ученого, что требует достаточно большой эрудиции в области истории данной науки в целом, знаний основ этой науки.

Перед психологом-биографом встают следующие задачи:

- Обоснованный выбор персоны для биографического исследования. Историку-биографу надо решить для себя, кто из действовавших в науке людей достоин всестороннего обширного биографического исследования. Обычно ориентируются на значительность вклада конкретного ученого в ту или иную научную дисциплину, меру его влияния на отечественную и мировую науку и, возможно, на все общество. Хорошо, если биограф имеет опыт личного общения с изучаемым человеком, симпатизирует ему и любит его творчество.
- Поиск и анализ автобиографических текстов — анкеты и жизнеописания из официального личного дела, личные и деловые письма, дневники, записные книжки. Представляют интерес и продукты побочных видов деятельности, например, коллекция марок, домашняя библиотека, художественные произведения ученого, семейные реликвии.

- Поиск забытых публикаций и/или неопубликованных произведений ученого. Это могут быть забытые и неизвестные в широких научных кругах статьи, тексты интервью, выступления в СМИ, неопубликованные стенограммы публичных выступлений, обращения в органы государственного управления, пометки на полях книг и т.д. В итоге появляется возможность и необходимость составить как можно более полную библиографию.

Кроме этого, надо:

- Собрать свидетельства современников. Причем не только последователей, сторонников и поклонников, но и противников или нейтрально настроенных очевидцев. Эта задача весьма щепетильная, так как приходится иметь дело с нелицееприятными мнениями, а также ненадежными сведениями вследствие ошибок памяти. Все должно быть проверено при сопоставлении с другими источниками и общим контекстом жизни и характера личности ученого.
- Составить коллекцию фотографий и прочих изображений по теме.
- Сформировать выверенную хронику жизни изучаемого.
- Составить библиографию публикаций, посвященных данному ученому, его творческому наследию.
- Все это эмпирическое богатство надо обработать качественно и количественно, проанализировать, сопоставив сведения из разных биографических источников с историческим знанием об обществе и времени, в котором совершался жизненный путь человека.
- Наконец, решается ответственная задача — как можно объективнее оценить индивидуальность и жизненный путь ученого, его вклад и место в истории науки, перспективность теории, исследовательских программ и отдельных идей.

Для оценки применяют разные критерии: авторитетные мнения других ученых, степень известности изучаемого деятеля, рейтинги цитирования, множество регалий и высоких по-

стов⁴. Но все это — формальные и не главные опоры для оценивания. Гораздо важнее судить по содержательным критериям — значительности научной деятельности, общей творческой производительности, истинности и богатству идейного содержания творческого наследия человека. Важно то, что нового и полезного, актуального и перспективного внес в фонд науки ее деятель, насколько он опередил время, повлиял на ход науки. По критерию, предложеному М.Г. Ярошевским, мы даем оценку в зависимости от того, произвел ли изучаемый автор «категориальный сдвиг», т.е. в какой степени обогатил и/или изменил трактовку фундаментальных понятий психологии, если речь идет о психологах.

Итак, мы получаем промежуточные результаты эмпирического этапа биографического исследования в виде перечня основных событий и обстоятельств жизни в хронологическом порядке на фоне исторической эпохи. На упорядоченной эмпирической основе следует написать целостную биографию, включая реконструированную и осмысленную исследователем-биографом концептуальную систему ученого. Биография должна также дать представление о психологическом облике ученого, особенностях становления его таланта, творческой индивидуальности. Предметно-логические, исторические и психологические итоги эмпирической части исследования, обобщенные в целостной биографии ученого, являются продуктом высшего уровня в психобиографическом исследовании.

Известно несколько жанров биографических публикаций: научная, хроникально-документальная, научно-популярная, сближающаяся с художественной, и художественная, допускающая в определенной степени вольные домыслы. Богатая событиями история психологии побуждает историка осмысливать судьбу нашей науки в разных планах, включая психобиографический. Сегодня наблюдается бум научно-

популярной и художественной биографической литературы, на нее большой читательский спрос.

В российской психологической литературе накапливаются научные биографии. Довольно подробно и глубоко изучен жизненный путь Л.С. Выготского. О нем мы находим немало публикаций на русском, английском и других языках. Уникальна биографическая книга дочери Льва Семеновича Гиты Львовны [Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М., 1996], за рубежом о Выготском много пишет Майкл Коул (M. Cole).

Предметом специальной биографической монографии о психологах стали такие ученые, как А.Н. Леонтьев [Леонтьев А.А. и др., 2005], тифлопсихолог А.А. Крогиус [Маслов К.С., 2014]⁵. Современные психологи еще не создали сколь-нибудь полной научной биографии В.М. Бехтерева. Правда, есть небольшие брошюры [Мясищев В.Н., 1953, 1956]. О яркой жизни и личности Бехтерева написаны биографии в научно-популярном жанре. Жаль, что отечественные профессиональные историки психологии еще не стали авторами книг для серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), что было бы важно для просвещения читателей, особенно молодых.

К столетию Бориса Герасимовича Ананьева вышла первая биографическая книга, полностью ему посвященная. В работе над ней была поставлена цель — представить творческую индивидуальность и научную деятельность этого выдающегося ученого на основе разнородного биографического материала. Соответственно ей в этой книге появились биографический, мемуарный и архивный разделы, содержащие новые личные документы о Б.Г. Ананьеве и его времени [Логинова Н.А., 2006]. Эта монография, несомненно, нуждается в дополнении новыми материалами, уточнениях, исправлениях и идейном развитии, что ставит передо мной задачу подготовки второго издания.

Исходя из представления о трехмерности научного развития, в биографии сочетают факты и интерпретации всех трех измерений. Соответственно, в структуре опубликованных

⁴ Если идеи выдающегося человека опережали время, то его прижизненная известность не может быть высокой, пока до них не дорастут другие. В истории есть случаи, когда признание научной правоты гения приходило спустя десятилетия и даже столетия после его смерти. Он становился мировой знаменитостью, привлекающей всеобщий интерес.

⁵ К.С. Маслов в своей книге делает большие отступления, рассказывая о А.Ф. Лазурском, П.Ф. Лесгафте, С.Л. Франке, чьи истории жизни пересекались или соприкасались с жизнью А.А. Крогиуса.

научных биографий можно выделить *три тематические линии*. Личная: предки, семья родителей, собственная семья, годы учения, начало научной деятельности и ее содержание, учителя, круг общения, «значимые другие», значимые для понимания индивидуальности человека художественные, исторические и другие впечатления. Фазы развития личности на жизненном пути и генетические переходы (плавные или кризисы).

Самая главная линия — это *творчество ученого* в течение жизни: первые исследования и первые публикации, дальнейшие исследования и их лейтмотив, становление собственных теоретических взглядов, концепций, целостной концептуальной системы. Обязательно творчество соотносится с характером и состоянием науки в целом, психологической науки и смежных с ней, уровнем развития методов и методологии, понятийного аппарата, категориального строя, методологического профиля научных школ, научных приоритетов и трендов в отечественной и мировой психологии изучаемого исторического периода.

Третья линия биографии — *влияние ученого на социум*: влияние героя на развитие науки, организаторская, общественная и гражданская деятельность, непосредственное общение с сотрудниками, студентами, друзьями, стиль руководства, педагогическая деятельность.

Герой моего исследования Борис Герасимович Ананьев опередил время. Его идеи и теорию не совсем понимали даже близкие ученики⁶. Поэтому, а также и по социально-историческим причинам его не знали и почти не замечали в мировой психологии. Его главные статьи и книги редко издавали за рубежом, за исключением бывших социалистических стран, современного Китая и Японии. Да и на родине он не был так известен, как его московские коллеги из МГУ им. М.В. Ломоносова и Психологического института РАО. В СССР его книги публиковались малыми тиражами и не переиздавались при жизни.

⁶ По свидетельству его ближайшей сотрудницы Н.А. Грищенко-Розе, он сказал как-то: «Вы поймете меня, может быть, лет через пятнадцать». Эти слова относились не только к ней, а ко всем его сотрудникам и научным читателям.

При этом Б.Г. Ананьева уважали и, более того, относились к нему с пietетом. Каждое проявление его творчества и социальной активности не оставалось незамеченным современниками. Он ярко и убедительно выступал с новыми предложениями и критикой на сессиях Академии педагогических наук (ныне — РАО), давал инициативы в правительство и в другие руководящие инстанции. Особенно уважаем был в среде интеллигенции Ленинграда. К нему шли за советом не только психологи, но и представители смежных и отдаленных областей науки и практики. Ученики Ананьева помнят и чтят его, и чем дальше, тем больше, заново открывая его идеи и его исследования.

Особенности изучения творчества Б.Г. Ананьева, его жизненного пути и личности обусловлены характером этого человека. Борис Герасимович не прибегал к саморекламе, почти не писал и не рассказывал о себе, не вел дневников, разве что в ранней юности, предполагаю, но об этом нет данных. Его семейная среда была мало доступна для посторонних. Борис Герасимович открывал свой внутренний мир только жене Ольге Евгеньевне Короли. Она была его «достойным собеседником», как сказал бы А.А. Ухтомский. Ольга Евгеньевна сама была незаурядным человеком. Ее одаренность проявилась и не только в профессии — теоретической механике. Она хорошо знала семь языков, художественную литературу, искусство, тонко чувствовала людей и ситуации разного рода. Ее поведение выражало благородство, истинную доброту и социальную зрелость. Богатство ее личности, безграничная любовь и преданность мужу способствовали тому, что жена стала мощным фактором в судьбе Ананьева, в развитии его индивидуальности.

Источники биографического исследования

Свидетельства современников о жизни большого ученого. В моем домашнем архиве хранится немало, более пятидесяти свидетельств об Ананьеве и его деятельности, полученных от соучастников и наблюдателей его деятельности и руководимого им коллектива, психологов из других научных коллективов и научных школ.

Сюда надо прибавить опубликованные источники. Это воспоминания А.А. Бодалева, А.Г. Ковалева, А.А. Люблинской, К.К. Плато-

нова, А.Ц. Пуни и др. Бесценные воспоминания оставила вдова Бориса Герасимовича Ольга Евгеньевна Короли и дочь Наталия Борисовна Ананьева. К ним примыкают аналитические статьи о его теории Л.И. Анцыферовой, Л.А. Головей, И.А. Джидарьян, А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, И.А. Мироненко, Ю.Н. Олейника, В.Н. Панферова, К.А. Абульхановой и других психологов. К тому же найдется немало высказываний о Борисе Герасимовиче, сделанных в процессе разнообразных научных обсуждений, например, проводимых на факультете психологии СПбГУ в рамках ежегодной конференции «Ананьевские чтения» и многих других научных мероприятий.

Особенность собранных мной мемуарных материалов — в их свободной форме. Хотя были составлены опросники для сбора воспоминаний, далеко не все респонденты строго отвечали по плану. Они увлекались, ассоциативно вспоминали многое вроде бы постороннего, мелкого, но и в этом было немало информации для понимания духа времени, атмосферы ближней среды, личности и стиля Бориса Герасимовича и самого рассказчика⁷. Вмешательства биографа не препятствовали спонтанности устных высказываний, но неуклонно возвращали респондента к основным биографическим вопросам. Эта манера опроса свойственна биографическому интервью как особому методу при идиографическом типе исследования.

Были и пространные письменные ответы на биографический опросник. Но трудно было ожидать такого развернутого ответа-изложения от Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, Е.В. Шороховой — они были очень заняты руководством научными коллективами. Удалось получить рассказы о жизни, отношениях, деятельности, стиле руководства Б.Г. Ананьева от близких его сотрудников — М.Д. Дворяшиной, В.Н. Куницыной, Н.А. Грищенко-Розе, К.Д. Шафранской и других членов его лаборатории и факультета. Замечательные выступления с устными воспоминаниями о Борисе Герасимовиче как ученом и человеке, о его участии в личных судьбах

учеников мы слышали от А.А. Бодалева, Л.М. Веккера, Е.С. Кузьмина, Н.В. Кузьминой, Е.В. Шороховой. Далеко не все сохранилось в полной записи. Некоторые материалы есть в моем домашнем архиве и ряде печатных публикаций [Логинова Н.А., 2006; Обозов Н.Н., 2001; Степанова Е.И., 2003].

В свидетельствах встречаются подробности, характерные для исторической эпохи. В беседах были выявлены важные детали, много говорящие о трудностях, с которыми сталкивались руководитель и участники комплексных исследований 1960–70-х гг. Так, Мария Дмитриевна Дворяшина неожиданно вспомнила: «Была атмосфера подозрительности к комплексным исследованиям. Бориса Герасимовича вызывали в Большой дом⁸ за использование буржуазных тестов. Это было в 1961–1963 гг.» (Биографическое интервью. Запись моя. — Н.Л. 12.09.2006).

Такого рода ассоциативные свидетельства не только обогащают, оживляют картину прошлого, но и влияют на ход биографического исследования. Они заставляют искать более объективные источники, архивные документы, чтобы проверить или опровергнуть высказывание свидетеля. Историку необходимо терпимо и деликатно общаться и с теми, кто высказывает отрицательные характеристики человеку — предмету исследования. Такие мнения часто несправедливы, но по-своему интересны. Они дополняют знания о спектре межличностных отношений современников, социальной психологии научных коллективов.

Письма и другие личные документы как источники. Нахodka неизвестных ранее писем великих людей — это всегда настоящее открытие для истории. Письма Б.Г. Ананьева рассыпаны по не разведенным пока домашним архивам людей из его круга общения. В моем исследовании обнаружено лишь несколько его писем — И.М. Забелину, В.С. Мерлину, М.А. Мазманияну, Л.И. Марисовой, М.М. Муканову, Т.Т. Тажибаеву. Лучше обстоят дела с сохранностью и доступностью писем, адресованных Борису Герасимовичу. Сведения о корреспондентах, темах и содержании переписки дают материал о

⁷ Борис Герасимович в связи с темой моей аспирантской работы о биографическом методе сказал, что в мемуарной книге Ильи Эренбурга «Годы. Люди. Жизнь» из пестроты мелких деталей, как из кусочков смальты, складывается цельная мозаичная картина былого.

⁸ Большой дом — это народное название здания ленинградского КГБ.

широке интересов, круге научного и дружеского общения, отношениях к людям, острых организационных проблемах, с которыми сталкивался ученый.

Архивные разыскания незаменимы для биографического исследования. Все историки отмечают трудности работы из-за малой сохранности и труднодоступности письменных и прочих источников. Утеряна большая часть архива ананьевской лаборатории, не найдены киноматериалы о Б.Г. Ананьеве (предполагаю, что они были), магнитофонные записи его выступлений. Часто бывает так: владельцы умерли, наследники выбросили старые документы, записные книжки, письма магнитофонные пленки за ненадобностью, как им казалось. В настоящее время Интернет хранит столь большое количество всякой информации, что собрать и обработать релевантную информацию становится еще труднее.

О Б.Г. Ананьеве и его коллективе много текстовых документов хранится в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. В течение ряда лет мною были найдены и прочитаны десятки релевантных документов, но многое еще не попало в поле зрения историков психологии. Архивные документы содержат объективный фактологический материал, с которым надо соотнести свидетельства и другие источники биографического характера. К сожалению, доступность к сохраненным архивным фондам оставляет желать лучшего. Описи нередко составлены с ошибками, и поэтому не все документы можно найти. Бехтеревский архив бывшего Психоневрологического НИИ им. В.М. Бехтерева практически недоступен для историков по банальной причине отсутствия штатного архивиста. Лучше обстоит дело с архивом Института мозга в петербургском филиале архива РАН. В сохранении архива Института мозга им. В.М. Бехтерева большая заслуга принадлежит Е.И. Степановой, которая еще в студенческие годы увлеклась творчеством В.М. Бехтерева. Тогда ей удалось описать и систематизировать часть архивных документов Института мозга. Это было в тот период, когда это учреждение упразднили (в 1948 г.), архив и многое из материальной базы передали вновь созданному Институту физиологии ВНД (Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН) [Степанова Е.И., 2003].

Современные историки-биографы находят инструменты и опору для своих исследований в биографическом методе. Сформировалась целая научная отрасль — *биографическая психология*, располагающаяся на границе с экзистенциальной, возрастной, социальной, исторической психологией, а также с исторической наукой и другими гуманитарными науками — философией, социологией, литературоведением, искусствоведением. В биографической психологии сложился собственный понятийный аппарат, соответствующий структуре жизненного пути в историческом пространстве и времени, активно развивается и обогащается его методическая оснащенность — биографические методики и процедуры [Абульханова-Славская К.А., 1991; Головаха Е.И., Кроник А.А., 1984; Кольцова В.А., 2008; Кольцова В.А., Холондрович Е.Н., 2013; Коржова Е.Ю., 2015; Логинова Н.А., 2001, 2017]. К биографическим структурам и соответственно понятиям относятся жизненный путь, субъект жизни (жизнедеятельности, жизнетворчества), субъективная картина жизни, события, обстоятельства места и времени, ситуации развития, круг общения, значимый другой, жизненный выбор и его структура. Приложение этих понятий и методик к биографии ученого пока специально не испытан. Но есть уверенность, что теоретические представления об уровнях активности субъекта жизни, масштабах деятельности личности в исторических обстоятельствах, соотношении случайного и необходимого в процессе жизни, а также о жизненной направленности, таланте, характере углубляют психобиографическое исследование и психологически служат объяснению жизненного пути, индивидуальности того или иного ученого.

Главный интерес для биографа — человек как субъект деятельности, производитель материальных и идеальных ценностей. Следуя теории Б.Г. Ананьева, в структуре субъекта мы видим интеграцию индивидуальных и личностных свойств, а высшим синтезом всех этих свойств является индивидуальность. Индивидуальность — это, с объективной стороны, полисистема всех свойств человека, а с другой, субъективной стороны, внутренний мир и «Я» (Self) [Ананьев Б.Г., 1968]. В биографии Ананьева ярко выражены закономерности жизненного пути не только этой личности, но человека вообще.

Представляя проблематику биографической психологии и биографического метода, мы пытались применить эти знания к изучению жизни и индивидуальности Бориса Герасимовича Ананьева. Соответственно понятиям биографической психологии в его структуре жизни выявлялись значимые события и обстоятельства личного, общенаучного и исторического масштаба, круг общения. В биографических беседах с современниками ученого выяснялись его взгляды и оценка идей и персонажей науки, художественные вкусы. Респонденты отмечали особенности его характера, стиля руководства и стиля общения в кругу коллег, студентов, друзей, в семье. Попутно вспоминали, казалось бы, ничтожные подробности, но и они тоже вписались в общую картину жизни героя. Например, Борис Федорович Ломов между прочим вспомнил, что Б.Г. Ананьев в 50-х гг. много курил — «прикуривал одну папиросу от другой». Эта подробность в совокупности с другими, более серьезными, характеризует Бориса Герасимовича как человека, которому не свойственна столь распространенная ныне забота о себе. Для него главным было дело, которому он отдавался всей душой, самозабвенно и самоотверженно. Такое отношение привело к тяжелому инфаркту, после которого пришлось изменить режим дня — не работать ночи напролет, совершать прогулки на свежем воздухе, бросить курить и даже почти отказаться от игры на фортепиано. Но и после периода длительной реабилитации он вновь перегружал себя работой, брал ответственность за факультет, лабораторию, за судьбу психологии в стране, внедрение ее достижений в общественную практику.

Привлечение биографической психологии и психологии развития позволило отчетливо осознать важность возрастного фактора. Соотнесение событий и обстоятельств жизни с хронологическим (количеством прожитых лет) и топологическим (фаза развития) возрастом ученого позволяет прийти к новым трактовкам некоторых моментов творческого пути. С точки зрения психологии развития и биографической психологии даты и «энергия старта» научной деятельности Б.Г. Ананьева сказываются на последующем его развитии. Первая публикация — брошюра «Современная Армения» [Ананьев Б.Г., Барсегов А., 1926] и первые эксперименты по восприятию музыки с использовани-

ем авторской методики — в 19 лет, первые научные доклады, в том числе во время преддипломной стажировки в лаборатории рефлексологии детства Института мозга (20 лет). Через год, став аспирантом, Борис Ананьев принял самое активное участие в методологических дискуссиях Института мозга (1929) и опубликовал значительные методологические статьи (возраст 21–22). Его способности ученого и оратора проявились в выступлениях с докладом от имени Института мозга и других выступлениях в весьма молодом возрасте на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека в Ленинграде (1930). Примечательно, что большая, программная статья «О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии» [Ананьев Б.Г., 1931], написанная в том возрасте, до сих пор вызывает интерес у психологов. Эти и другие факты молодости — доказательство высокой одаренности человека.

В пятом и шестом десятилетиях был взлет научной продуктивности жизни. Тогда появились принципиальные статьи Ананьева о человекознании, всевозрастной педагогике, педагогических приложениях психологии. И в последние годы Б.Г. Ананьев сохранял высокую активность и креативность. Открыл новый феномен изменений температуры кожи висков под воздействием интеллектуальной нагрузки, поставил новые эксперименты, подтвердившие его идеи о психоэнергетике (работы Г.И. Акинциковой, Н.А. Логиновой, К.Д. Шафранской), психологии речи (Л.М. Дичковская), биографическом методе (Н.А. Логинова), написал выдающиеся работы, подводящие итоги жизни и устремленные в будущее [Ананьев Б.Г., 1977]. В эти годы после тяжелой болезни Борис Герасимович с особой остротой и бесстрашием осознавал кратковременность собственной жизни.

Существует и возрастной фактор поколенческой принадлежности личности. Этим объясняется разное отношение младших и старших к историческим событиям, политике государства. В СССР активная молодежь двадцатых годов приняла новь как время больших прогрессивных перемен и великих возможностей для всей страны, для каждого современника. Значительная, вероятно, большая часть активной молодежи осуществляла планы и начинания совет-

ской власти с энтузиазмом и верой в светлое будущее.

Вот и молодой Борис Ананьев был энтузиастом социалистической перестройки жизни. Свою созидающую энергию направил в науку. В 1932 г. руководил научной группой, двумя годами позже лабораторией психологии воспитания, написал свою первую монографию по психологии педагогической оценки в 1935. Ананьев выдвигал научные и общественные инициативы. Выполнял разные общественные поручения — проводил экскурсии в музее Института мозга, был в числе организаторов Психоневрологического вечернего университета рабочей молодежи при Институте мозга.

При всей своей общественной активности Борис Герасимович не был комсомольцем и членом коммунистической партии. Мотивы и обстоятельства его беспартийности не изучены. Об этом факте получены только субъективные мнения его современников, высказанные в беседах с биографом.

Обработка и интерпретация эмпирического материала

Разнообразные психобиографические материалы обрабатываются количественными, графическими и качественными, описательными, методами. В нашем исследовании были использованы преимущественно качественные методы обработки. Работа с письмами из домашнего архива Ананьева состояла в составлении хроники жизни, хронологии переписки, группировке по авторскому составу, соотнесении содержания писем с доминантой научной работы адресата в тот или иной период времени. Динамика переписки во времени соотносилась с общей картиной жизни ученого и характером исторического периода написания письма. Среди сохранившихся писем в архиве Б.Г. Ананьева находятся два письма Э. Боринга 1947 г. Почти в то же время были получены три письма от венгерского и нидерландского психолога Ч. Ревеша в 1948. После этого был перерыв переписки с заграницей до 1958 г. Этую «мертвую зону» нельзя объяснить иначе как историческими событиями и обстоятельствами в период позднего сталинизма и последующими после смерти Сталина положительными переменами так называемой «оттепели» [Loginova N.A., 2019].

В процессе обработки полезно выявить временную динамику публикационной активности, которую удобно представить в виде графика, где по абсциссе — время. Пики и спады трактовались в моем исследовании как периоды вынужденного молчания (скажем, по причине эвакуации в военное время) и закономерные периоды внутренней работы по решению назревших исследовательских вопросов, подготовляющие последующий подъем количества научных публикаций. Обращаем внимание на перемены в соотношении количества публикаций по той или иной тематике, что указывает на тематические доминанты в определенные периоды деятельности исследователя.

Интерпретация психобиографического материала многократна, она происходит на каждом этапе исследования историка-биографа, особенно после новых архивных находок и устных свидетельств о Б.Г. Ананьеве. Интерпретация многопланова — с точки зрения исторического контекста, соотношения научных традиций и новаций в процессах научной деятельности ученого, личностного, субъективного и объективного в отношениях с окружающими людьми, сотрудниками и учениками, соотношения субъектности и объектности в структуре жизненного пути в разные периоды жизни и в других ракурсах.

Наконец, надо сделать *синтез* обработанного, осмысленного материала из разных источников. Цель — реконструкция жизненного пути, индивидуальности ученого и его концептуальной системы. В заключении психобиографии следует дать общую оценку творчества ученого, обозначить его ранг, масштаб и положение в истории отечественной и мировой психологии, указать на состояние творческого наследия, его востребованность в настоящее время и в перспективе.

Заключение

Биографическое, или психобиографическое, измерение науки вполне правомерно и необходимо для науковедения и истории психологии. В двадцатом веке на стыке возрастной, исторической психологии и гуманитарных дисциплин сложилась биографическая, психобиографическая психология, которая имеет свой понятийный и методический аппарат и насыщенную событиями историю. Есть разные жанры психобиографических продуктов исторического

исследования. Собственно научные биографии в нашей психологической литературе все еще редкость.

Общие методы психологической науки в психобиографическом исследовании имеют свои особенности. Специфичным и даже уникальным здесь является изучение архивных документов и реликвий, свидетельствующих о прошлом. В психобиографических исследованиях обнаруживается закономерная детерминация научной деятельности возрастным фактором. То или иное осознание времени личной жизни в историческом времени, «чувство истории» ученого — современника эпохи и сверстника поколения — является, наряду с осознанием времени собственного жизненного пути, его текущего периода, важным регулятором творческой деятельности.

Психобиографические исследования истории науки предъявляют высокие требования к исследователю, в том числе: наличие фундаментальных общепсихологических знаний, широкой эрудиции, выходящей за пределы собственной науки в сферу культуры и смежных гуманитарных наук, а также личностной зрелости и нравственной чуткости историка⁹.

Список литературы

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

Абульханова-Славская К.А., Брушинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989. 248 с.

Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции советской психологии // Психология. 1931. Т. IV, вып. 3–4. С. 325–344.

Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 339 с.

Ананьев Б.Г., Барсегов А. Современная Армения. Владикавказ: Владикавк. армян. студ. землячество, 1926. 92 с.

⁹ Историко-научные исследования, включая встречи и беседы со свидетелями былого, в совокупности стали событием в научном и личностном развитии автора данной статьи. Кроме стремления сделать научное творчество Б.Г. Ананьева более понятным и признанным в России и мире мотивом для меня в течение долгих лет было и остается преклонение перед научным и гражданским подвигом Учителя.

Бехтерев В.М. Автобиография. М.: Библиотека «Огонек», 1928. 51 с.

Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл. 1996. 424 с.

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 209 с.

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. 511 с.

Кольцова В.А., Холонович Е.Н. Воплощение духовности в личности и творчестве

Ф.М. Достоевского. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 304 с.

Коржова Е.Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций: учеб. пособие. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. 203 с.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.

Логинова Н.А. (авт. и сост.). Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: СПбГУ, 2006. 376 с.

Логинова Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Қазақ университеті, 2001. 172 с.

Логинова Н.А. Становление понятийного аппарата биографической психологии // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: Векторы развития современной психологической науки: материалы VII Всеросс. науч.-практ. конф. (12–14 апреля 2017 г., СанктПетербург): в 2 ч. СПб.: РГПУ, 2017. Ч. 1. С. 169–176.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 182 с.

Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 3. С. 135–166.

Маслов К.С. В свете незримого: жизнь и судьба А.А. Крогиуса. Таллинн: Изд-во Таллинн. ун-та, 2014. 560 с.

Мясищев В.Н. Выдающийся русский ученый В.М. Бехтерев. М.: Знание, 1953. 32 с.

Мясищев В.Н. В.М. Бехтерев — замечательный ученый, врач, педагог, общественный деятель. Киров, 1956. 40 с.

Обозов Н.Н. Психология человека. От тела к душе. СПб.: Облик, 2001. 408 с.

Платонов К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога). М.: Ин-т психологии РАН, 2005. 310 с.

Славская А.Н. Основы психологии С.Л. Рубинштейна: философское основание развития. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 344 с.

Степанова Е.И. Становление психологической школы Б.Г. Ананьева: Памятные даты и события. СПб.: Симпозиум, 2003. 215 с.

Ярошевский М.Г. Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Ярошевский М.Г. Социально-психологические проблемы науки. М.: Наука, 1973. С. 174–184.

Elms A.C. *Uncovering Lives. The Uneasy Alliance of Biography and Psychology*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1994. 328 p.

Loginova N.A. International relations of Leningrad psychologists after the Second World War // 38th Annual Conference of the European Society for the History of the Human Sciences: Book of Abstracts. Budapest: Central European University, 2019. P. 183–185.

Nicholson I.A.M. *Inventing Personality*. Gordon Allport and the science of Selfhood. Washington, DC: American Psychological Association, 2003. 301 p.

DOI: <https://doi.org/10.1037/10514-000>

Runyan W.M. *Life Histories and Psychobiography. Exploration in Theory and Method*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1982. 304 p.

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

- Abul'khanova-Slavskaya, K.A. (1991). *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl' Publ., 299 p.
- Abul'khanova-Slavskaya, K.A. and Brushlinskiy, A.V. (1989). *Filosofsko-psikhologicheskaya kontseptsiya S.L. Rubinshteyna* [Philosophical and psychological concept of S.L. Rubinstein]. Moscow: Nauka Publ., 248 p.
- Anan'ev, B.G. (1931). [On some issues of the Marxist-Leninist reconstruction of Soviet psychology]. *Psichologiya* [Psychology]. Vol. 4, iss. 3–4, pp. 325–344.
- Anan'ev, B.G. (1968). *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of cognition]. Leningrad: LSU Publ., 339 p.
- Anan'ev, B.G. (1977). *O problemakh sovremennoego chelovekoznaniya* [About the problems of modern human knowledge]. Moscow: Nauka Publ., 380 p.
- Ananiev, B.G., Barsegov, A. (1926). *Sovremennaya Armeniya* [Modern Armenia]. Vladikavkaz: Vladikavkaz Armenian student community Publ., 92 p.
- Bekhterev, V.M. (1928). *Avtobiografiya* [Autobiography]. Moscow: «Ogonek» Library Publ., 51 p.
- Elms, A.C. (1994). *Uncovering lives. The uneasy alliance of biography and psychology*. New York, Oxford: Oxford University Press, 328 p.
- Golovakha, E.I. and Kronik, A.A. (1984). *Psichologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological time of personality]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 209 p.
- Kol'tsova, V.A. (2008). *Istoriya psikhologii: Problemy metodologii* [History of psychology: Problems of methodology]. Moscow: IP RAS Publ., 511 p.
- Kol'tsova, V.A. and Kholondovich, E.N. (2013). *Voploschenie dukhovnosti v lichnosti i tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [The incarnation of spirituality in the personality and creativity of F.M. Dostoevsky]. Moscow: IP RAS Publ., 304 p.
- Korzhova, E.Yu. (2015). *Vvedenie v psikhologiyu zhiznennykh situatsiy* [Introduction to the psychology of life situations]. St. Petersburg: Society for the Memory of Abbess Taisiya Publ., 203 p.
- Leont'ev, A.A., Leont'ev, D.A. and Sokolova, E.E. (2005). *Aleksey Nikolaevich Leont'ev. Deyatelnost', soznanie, lichnost'* [Aleksey Nikolaevich Leontev. Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl Publ., 431 p.
- Loginova, N.A. (2001). *Psikhobiograficheskiy metod izucheniya i korrektsii lichnosti* [Psychobiographical method of research and correction of personality]. Almaty: KazNU Publ., 172 p.
- Loginova, N.A. (2006). *Boris Gerasimovich Anan'ev: Biografiya. Vospominaniya. Materialy* [Boris Gerasimovich Ananyev: Biography. Memories. Materials]. St. Petersburg: SPbU Publ., 376 p.
- Loginova, N.A. (2017). [Formation of the conceptual system of biographical psychology]. *Integrativnyy podkhod k psikhologii cheloveka i sotsial'nomu vzaimodeystviyu lyudey: vektry razvitiya sovremennoy psikhologicheskoy nauki*: v 2 ch. [Integrative approach to human psychology and social interaction of people: Vectors of development of modern science of psychological science: in 2 parts]. St. Petersburg: RGPU, pt. 1, pp. 169–176.
- Loginova, N.A. (2019). International relations of Leningrad psychologists after the Second World War. *38th Annual Conference of the European Society for the History of the Human Sciences: Book of Abstracts*. Budapest: Central European University Publ., pp. 183–185.
- Luria, A.R. (1982). *Etapy proyedennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya* [Stages of the completed path. Scientific autobiography]. Moscow: Moscow University Publ., 182 p.
- Maslov, K.S. (2014). *V svete nezrimogo: zhizn i sud'ba A.A. Krogiusa* [In the light of the invisible: the life and fate of A.A. Krogius]. Moscow: Mysl' Publ., 2014. 224 p.

life and fate of A.A. Krogius]. Tallinn: Tallinn University Publ., 560 p.

McAdams, D.P. (2008). [Psychology of life stories]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 3, iss. 3, pp. 135–166.

Myasishchev, V.N. (1953). *Vydayuschiysya Russkiy uchenyy V.M. Bekhterev* [Outstanding Russian scientist V.M. Bekhterev]. Moscow: Znaniye, 32 p.

Myasishchev, V.N. (1956). *V.M. Bekhterev — zamechatel'nyy uchenyy, vrach, pedagog, obschestvennyy deyatel'* [V.M. Bekhterev is a remarkable scientist, doctor, teacher, public figure]. Kirov, 40 p.

Nicholson, I.A.M. (2003). *Inventing personality. Gordon Allport and the science of Selfhood*. Washington, DC: American Psychological Association Publ., 301 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10514-000>

Obozov, N.N. (2001). *Psikhologiya Cheloveka. O tela k Dushe* [Human's psychology. From body to Soul]. St. Petersburg: Oblik Publ., 408 p.

Platonov, K.K. (2005). *Moi lichnye vstrechi na velikoy doroge zhizni (Vospominaniya starogo psikhologa)* [My personal meetings on the great road of life (Memoirs of an old psychologist)]. Moscow: IP RAS Publ., 310 p.

Runyan, W.K. (1982). *Life histories and psychobiography. Exploration in theory and method*. New York: Oxford University Press, 304 p.

Slavskaya, A.N. (2015). *Osnovy psikhologii S.L. Rubinshteyna: filosofskoe osnovanie razvitiya* [S.L. Rubinstein's fundamentals of psychology: philosophical basis of development]. Moscow: IP RAS Publ., 344 p.

Stepanova, E.I. (2003). *Stanovlenie psikhologicheskoy shkoly B.G. Anan'eva: Pamyatnye daty i sobytiya* [The formation of the psychological school of B.G. Ananiev: Memorable dates and events]. St. Petersburg: Symposium Publ., 215 p.

Vygodskaya, G.L. and Lifanova, T.M. (1996). *Lev Semenovich Vygotskiy. Zhizn'. Deyatel'nost'. Shtriki k Portretu* [Lev Semenovich Vygotsky. Life. Work. Brush strokes of the portrait]. Moscow: Smysl Publ., 424 p.

Yaroshevskiy, M.G. (1973). [Three-spectrum science and problems of the scientific school]. *Yaroshevskiy M.G. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy nauki* [Yaroshevskiy M.G. Socio-psychological problems of science]. Moscow: Nauka Publ., pp. 174–184.

Received: 01.02.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторе

Логинова Наталья Анатольевна

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный университет, 7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>
ResearcherID: A-6824-2014

About the author

Natalia A. Loginova

Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department Developmental Psychology and Differential Psychology

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>
ResearcherID: A-6824-2014

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логинова Н.А. Биографические исследования истории психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 38–50. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-38-50

For citation:

Loginova N.A. [Biographical studies in the history of psychology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 38–50 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-38-50

УДК 159.9:930.2(470)

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-51-64

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Щукина Мария Алексеевна**Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы (Санкт-Петербург)*

Делается попытка привлечь внимание к проблеме дефицитарности историко-психологических исследований постсоветского периода отечественной психологии. По результатам анализа содержания учебных пособий, диссертационных исследований и других научных изданий констатируется недостаточная освещенность фактологии, персоналий, событий и факторов становления психологической науки, практики и образования в рассматриваемый период. Указывается на разрозненный характер имеющихся данных в работах, посвященных отдельным персоналиям или предметным областям. Выделены публикации, где имеются важные заделы для разработки историографических вопросов. Показано, что историография отечественной психологии в последние десятилетия была преимущественно сфокусирована на задачах переоткрытия и переосмысливания дореволюционного и советского периодов. Выдвигаются предположения о детерминантах историографической лакуны рассматриваемого периода, среди которых — иллюзия современности в адрес последних трех десятилетий; историко-политическая незавершенность рассматриваемого периода; методологическая и аксиологическая неготовность психологического сообщества к целостному, непредубежденному и мультивариативному обсуждению периода. Задачами целостной панорамной историографии постсоветского периода называются: выделение основных черт контекста, факторов влияния, событий, микропериодов и ведущих персоналий периода; обозначение основных институциональных изменений в организации науки, психологическом образовании и практике; систематизация основных достижений и потерь, новообразований и противоречий. Для решения поставленных задач помимо обращения к традиционным методам документального анализа предлагается активнее использовать методы автобиографирования и интервьюирования живых свидетелей постсоветского периода. Трудностями историографии периода выступают: неопределенность временной глубины «начала истории»; необходимость обоснования статуса события за выбранными историческими моментами; важность выбора собственно исторической, аксиологической и методологической оптики анализа и обобщения; признание возможности альтернативных версий истории в множественных интерпретациях фактов и персональных оценках современников.

Ключевые слова: историография, история психологии, постсоветская психология, будущее психологии.

HISTORIOGRAPHY OF THE POST-SOVIET PERIOD OF RUSSIAN PSYCHOLOGY: ON THE PROBLEM STATEMENT

*Mariia A. Shchukina**Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Saint Petersburg)*

The article draws attention to the problem of scarcity of historical and psychological research on the post-Soviet period of Russian psychology. Based on the analysis of the content of textbooks, dissertation research, and scientific publications, a conclusion is made about the insufficient coverage of facts, personalities, events, and factors of the formation of psychological science, practice, and education in the specified period. The paper notes the fragmented nature of the available data in publications devoted to individual personalities or subject areas and identifies the publications that can be regarded as laying

groundwork for the development of the historiography of the period. It is shown that in recent decades the historiography of Russian psychology has mainly focused on the tasks of rediscovering and rethinking the pre-revolutionary and Soviet periods. Assumptions are made about the determinants of the historiographical gap of the period under consideration, including the following: the illusion of modernity in the last three decades; the historical and political incompleteness of the period; methodological and axiological unpreparedness of the psychological community for a holistic, open-minded, and multivariate discussion of the period. The objectives of the holistic panoramic historiography of the post-Soviet period are as follows: the identification of the main features of the context, factors of influence, events, microperiods, and leading personalities of the period; the identification of the main institutional changes in the organization of science, psychological education, and practice; systematization of the main advances and losses, innovations and contradictions. To solve the tasks set, in addition to traditional methods of documentary analysis being employed, it is proposed to actively use the methods of autobiography and interviewing living witnesses of the post-Soviet period. The difficulties of the historiography of the period include: the uncertainty of the temporal depth of the «beginning of history»; the need to substantiate the status of the event behind selected historical moments; the importance of choosing the proper historical, axiological, and methodological approaches to analysis and generalization; the recognition of the possibility of alternative versions of history in multiple interpretations of facts and personal assessments of contemporaries.

Keywords: historiography, history of psychology, post-Soviet psychology, the future of psychology.

Введение

2021 год был юбилейным для новой российской государственности. В такие даты обычно активизируется историческая рефлексия в различных областях науки и общественной практики. Ожидаемо — год должен был быть ознаменован серией публикаций, представляющих итоги осмыслиения психологическим сообществом пройденного пути за три десятилетия постсоветской эпохи. Однако анализ публикаций в ведущих психологических журналах¹ (входящих в научометрические базы Web of Science и Scopus), а также в журналах², где есть рубрики или систематические публикации по истории психологии, показал отсутствие каких-либо историко-психологических статей по данному вопросу. Увеличение временной глубины обзора источников заставляет предположить, что такое молчание не случайно, а скорее симптоматично — оно стало квинтэссенцией

дефицита внимания историков науки к указанной теме на протяжении рассматриваемого периода. При этом парадоксально контрастно выглядит интенсификация интереса методологов психологии к проблеме будущего психологии, в том числе и отечественной. Закономерно обостренной прогнозная тематика выглядела на рубеже XX–XXI вв. [Асмолов А.Г., 1999, 2000], но продолжает быть областью коллективных усилий ведущих ученых страны [Журавлев А.Л. и др., 2016; Мазилов В.А., 2017; Мироненко И.А., 2017; Носкова О.Г., 2018; Щукина М.А., 2018 и др.].

Для отечественной психологии, тридцать лет назад очевидно вступившей в качественно новую по методологическим и организационным основаниям эпоху, требуется серьезное внимание к качественной оценке своей идентичности и своеобразия в мировом психологическом пространстве. Но возможно ли продуктивно решать данные задачи без достаточного осмыслиения пройденного пути? В 1930 г. выдающийся историк психологии Э. Боринг писал, что наука, отделенная от своей истории, не имеет направления и обещает будущее неопределенной важности [History of Psychology..., 2009]. Для историков психологии нет сомнений в правомерности такого утверждения и сегодня: «Изучая прошлое, историки науки помогают понять ее настоящее и наметить контуры ее будущих изменений» [Носкова О.Г., 2018], ведь история психологии не просто складирует факты о становлении науки, а является необхо-

¹ «Вопросы психологии», «Консультативная психология и психотерапия», «Культурно-историческая психология», «Организационная психология», «Психологическая наука и образование», «Психологический журнал», «Психология. Журнал высшей школы экономики», «Сибирский психологический журнал», «Социальная психология и общество», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология».

² «Методология современной психологии», «Системная психология и социология», «Национальный психологический журнал», «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология».

димым фундаментом развития современной науки и практики [Centrality of History..., 2016]. Авторы зарубежных коллективных монографий последних лет уверенно говорят о том, что историю следует рассматривать как способ приобретения перспективы [Müllerger A., 2016], анализ прошлого психологии необходим для будущего дисциплины, поскольку он способствует усилиям по выходу за рамки тупика, в котором оказалась современная психология [Salvatore S., 2016]. Ответы на вопросы «кто мы и куда мы идем?» закономерно требуют ревизии взгляда в направлении прошлого. В этом контексте молчаливый обход проблемы развития отечественной психологии историко-психологическим сообществом нуждается в самостоятельном анализе, что и стало предметом настоящей статьи.

Методика и результаты

Для проверки гипотезы о наличии своеобразной слепой зоны в развитии исследований историков психологии в постсоветском периоде обратимся к анализу научных текстов последних лет в различных жанрах: рукописи докторских исследований, учебные издания по истории психологии, статьи в периодических изданиях, специальные монографические работы по истории психологии.

Учебные пособия по истории психологии

В учебной литературе по истории психологии часто существует специальный раздел, отведенный развитию отечественной психологии. Однако обзор чаще всего останавливается на границе 1980-х гг. и посвящается сложившимся к этому периоду основным научным школам и персоналиям [Векилова С.А., Безгодова С.А., 2022; Ильин Г.Л., 2022; Рыжов Б.Н., 2004; Сарычев С.В., Логвинов И.Н., 2022; Швацкий А.Ю., 2019; Якунин В.А., 2001]. В ряде пособий намечен переход к обсуждению современной истории, но он носит эскизный характер, завершает историческую линию 1990-ми гг. с наметкой некоторых тенденций в скромном объеме нескольких абзацев [Батыршина А.Р., 2016; Константинов В.В., 2019; Марцинковская Т.Д., Юревич А.В., 2011]. Наиболее серьезное обращение к постсоветскому периоду принадлежит А.Н. Ждан, которой еще в середине 2000-х гг. на восьми стра-

ницах текста удалось показать основные новообразования и тенденции становления постсоветской психологии [Ждан А.Н., 2007]. Автор указывает на драматичность произошедших изменений в методологическом плане, где от принудительного марксистского монизма наметился резкий крен в сторону безудержного методологического плюрализма. Отмечается не простая судьба марксистски фундированного деятельностного подхода: от дискуссий к попыткам полного отрицания, которое позднее сменилось на осторожное признание достоинств и возможностей его использования в методологической палитре. Открывается неисчерпанность потенциала и деятельностного, и культурно-исторического подходов, что подтверждает возвращающийся интерес к ним на страницах профессиональной печати и в обсуждениях на разнообразных конгрессных мероприятиях. В качестве институциональных изменений рассматриваемого периода указывается на расширение поля практической психологии, создание Российского психологического общества, расширение репертуара профессиональных изданий, как периодических, так и монографических, включая работы зарубежных авторов и возвращенных «изгнанников» философии и науки рубежа веков. В целом методологическое состояние периода оценивается как кризисное с обоснованием необходимости новых методов и типов мышления, возможно, на границе естественно-научной и гуманитарной парадигм.

Диссертации по истории психологии

По научной специальности — общая психология, психология личности, история психологии за последние десять лет защищено около 450 диссертаций. При этом диссертационные исследования, касающиеся вопросов истории психологии, составляют лишь малую долю ($n = 16$) и только одна работа связана с постсоветским периодом [Немировская Н.Г., 2017]. Она посвящена заметной персоналии отечественной психологии 1990-х гг., В.Н. Дружинину, безвременно ушедшему из жизни на рубеже веков, но оставившему интересное наследие, в значительной степени сложившееся в годы первого постсоветского десятилетия.

Статьи в периодических изданиях и коллективных монографиях

Проблема историко-психологического анализа последних десятилетий в российской периодике редко становится предметом специального рассмотрения и представлена преимущественно косвенно, в контексте заострения исторических аспектов развития научных направлений и школ, прикладных областей психологии. Это работы, где делается анализ становления текущего состояния различных предметных областей или отраслей психологии: медицинской психологии, инженерной психологии, психологии труда, педагогической психологии и т.д. Не стал исключением и истекший год, представленный публикациями по истории космической психологии [Кандыбович С.Л. и др., 2021], когнитивной психологии [Величковский Б.М., Соловьев В.Д., 2021], социальной психологии [Чикер В.А., 2021], включая психологию больших социальных групп [Ковалева Ю.В., 2021а, 2021б] и др. Обширные сведения о рассматриваемом периоде содержатся в историко-биографических и юбилейных материалах, посвященных важным институциям или значительным персоналиям отечественных ученых, чей жизненный путь захватывает годы постсоветской эпохи [Головей Л.А., Грищенко П.А., 2021; Журавлев А.Л., Мироненко И.А., 2020; Кудрявцев В.Т., 2021; Мещеряков Б.Г., 2021]. Примером системного проекта в этой области могут служить регулярно издаваемые труды Института психологии РАН, посвященные его выдающимся сотрудникам [Выдающиеся ученые..., 2020], а также историко-аналитические обзоры деятельности его подразделений [Воловикова М.И., 2021]. Однако несмотря на ценность указанных материалов, проблемой остается их разрозненность. Фрагментарность, осколочность фактов и оценок пока не складывается в картину эпохи. Только при специально поставленной задаче агрегации и систематизации сведений подобные публикации могут стать источником формирования целостного представления периода современной истории отечественной психологии.

Одной из первых попыток воссоздать картину постсоветского десятилетия является раздел в коллективной монографии ведущих ученых ИП РАН «Психологическая наука в России XX

столетия: проблемы теории и истории», изданной в 1997 г. Авторы отмечают неоднозначность и противоречивость происходящих изменений. При видимом снятии идеологического давления реальностью стало давление финансовое. В дореформенный период ученые планировали тематику исследований самостоятельно, а в описываемые 1990-е гг. вынуждены включаться в разработку проблем, исходя из интересов заказчика. Генеральный заказ от государства, поощрявшего в советское время фундаментальные исследования, нивелировался, а ему на смену пришел «“бум” на разработки в области конкретной психодиагностики, психотерапевтической и психоконсультационной практики» [Психологическая наука..., 1997, с. 157]. Сложилась парадоксальная ситуация: «Несмотря на необходимость фундаментальных разработок в связи с пересмотром методологических основ науки в соответствии с новыми жизненными реалиями, именно эта работа не только не является приоритетной ценностью у новых поколений российских психологов, но и игнорируется государством» [Психологическая наука..., 1997, с. 156]. Делается вывод о переходном характере изменений: от устойчивой, унифицированной и моноструктурированной системы к новой, построенной на принципиально иных основаниях. При этом замечается, что открытая критическая настроенность в адрес наследия советской психологии не привела к ее дискредитации, а, напротив, упрочила убежденность в неисчерпанности творческого потенциала методологии отечественной психологии.

Тема осмыслиения основных черт постсоветской психологии проводится в публикациях А.Н. Ждан [Ждан А.Н., 2007, 2012]. В дополнение вышеупомянутым суждениям автора отметим подчеркиваемую направленность российской психологии на преодоление характерного для советской науки двойного раскола: и по поводу дореволюционных традиций внутри страны, и по поводу зарубежных достижений вне ее. Продолжает раскрываться эвристический потенциал традиционных для советской психологии методологических принципов, обогащенные идеями самоопределения, самодетерминации и наличия природных механизмов психического развития. Акцентируется то, что принципиально новых общепсихологических

теорий пока не создано, а наука прирастает в основном эмпирическими исследованиями и теориями среднего уровня, посвященными отдельным предметным областям психологического знания. Серьезной признается проблема расщепления академической и практической психологии, метко названная Ф.Е. Василюком «психологическим схизисом».

Интерес представляет корпус работ, посвященных 100-летнему наследию советской психологии, И.Н. Семенова [Семенов И.Н., 2018а, 2018б, 2019], где эскизно, но достаточно масштабно, с указанием десятков публикаций и имен, представлена панорама постсоветского периода. Автор характеризует этот период как постнеклассический, отсылая читателя к идеям постнеклассической рациональности В.С. Степина [напр.: Степин В.С. и др., 1996], широко обсуждавшимся психологическим сообществом в контексте перспектив трансформаций отечественной науки. В методологическом плане подчеркивается преемственность постсоветской психологии со стержневыми идеями марксизма в их небанальном прочтении в контексте современного знания: «присущие классическому марксизму как деятельностные онтологемы, так и экзистенциальные аксиологемы оказались созвучны гуманистическим интенциям современной психологической науки начала XXI в.» [Семенов И.Н., 2018б, с. 16]. При этом системообразующий для отечественного психологического знания деятельностный подход продолжает продуктивно развиваться, по мнению автора, за счет конструктивного привлечения идей актуальных метасистемных подходов: рефлексивно-смыслового, экзистенциально-психотерапевтического, инженерно-эргономического, ресурсно-акмеологического, субъектно-творческого, индивидуально-персонологического, инновационно-культурологического, религиозно-духовного и др. В качестве институциональных сдвигов постсоветского времени отмечается интенсификация международного научного обмена: приглашение в Россию крупных представителей зарубежной науки и участие российских ученых в международных исследовательских проектах. Высказывается мысль, что «в сложных социокультурных условиях политико-экономического перехода к новым принципам отношений и строительству новой демократической государственности постсоветская психоло-

гия сумела не только сохранить свою научно-институциональную базу, но и расширить ее путем создания новых институций, в том числе в возникшем частном секторе... и в новых государственных вузах» [Семенов И.Н., 2018а, с. 292], развернувших разнообразные программы подготовки психологов. Крайне важно, что автором с благодарностью отмечается сложная административная деятельность лидеров психологической науки и образования переходного времени, которые не только сохранили руководимые ими институции, но и «создали новые организационные и финансовые условия для продолжения психологами страны научно-исследовательской деятельности при внезапном наступлении рыночной экономики, заложив социокультурные предпосылки для развития уже постсоветской психологической науки» [Семенов И.Н., 2018а, с. 291].

В зарубежной печати привлекает внимание серия публикаций, посвященных осмыслению «возвращения» российской психологии в мировую науку [Post-soviet Perspectives..., 1996; Nalchajian A. et al., 1997; Sternberg R.J., Grigorenko E.L., 1999; Vassilieva J., 2010], а также отведенная постсоветскому периоду специальная статья в крупном американском энциклопедическом издании [Jeshmaridian S., 2012]. В целом зарубежные авторы отмечают самобытность и концептуальную целостность советской психологии как оригинальной научной школы в мировом пространстве психологической мысли [Dafermos M., 2014]. Указывается, что концепции, теории и подходы, возникшие в контексте советской психологии, оказали значительное влияние на развитие психологии благодаря научным дискуссиям в разных странах после распада Советского Союза [Dafermos M., 2014], что побуждает к современному пониманию наследия советской и российской психологии с точки зрения непредубежденного взгляда вне идеологических ограничений и штампов [González Rey F.L., 2014].

Обсуждение

Проведенный анализ обнаруживает недостаточную представленность истории отечественной психологии последнего периода в диссертационных исследованиях, учебных и научных изданиях. Немногочисленные обзорные работы и тезисы докладов даже на профильных конфе-

ренциях по истории психологии не могут в достаточной мере информационно и аналитически «насытить» историографию отечественной психологии последних десятилетий. Своеборзной точкой в истории становятся 1980-е гг., а последующий период превращается в слепую зону, ускользая от внимания исследователей, что нуждается в самостоятельном осмысливании. Предположим возможные причины дефицита историко-психологических исследований постсоветского периода.

Прежде всего, следует признать, что основными задачами историков психологии последних десятилетий было восстановление целостной картины развития психологической мысли в дореволюционный и советский периоды, а также обнаружение фактов и персоналий, которые ранее не входили в официальную историю психологии советского времени. Имена Г.И. Челпанова, С.Л. Франка, Г.Г. Шпета, Л.С. Лопатина, М.М. Бахтина и других мыслителей появились в сериях переизданий психологической и философской литературы, инициировали активные архивные поиски, возглавили тематические конференции и выпуски журналов. Гонения и инструменты идеологического давления стали темой обсуждения на страницах печати и на конгрессных мероприятиях историко-психологического сообщества. Доступ к ранее закрытым или невозможным для обсуждения вопросам, темам, лицам потребовал колоссальных интеллектуальных усилий и привел к несомненному обогащению истории отечественной психологической мысли.

Особой ценностью являются старания историков по сохранению памяти, собиранию и осмысливанию наследия выдающихся деятелей отечественной науки, среди которых — Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др. Благодаря их усилиям эти имена не только не утрачены, но и получили новое прочтение в контексте международной науки и актуальных методологических течений. Однако последующие поколения представителей отечественной науки становятся объектом рассмотрения для историков, относящихся осторожно и даже болезненно к необходимости прижизненных оценок, преимущественно *postmortem*. Травмирование безудержно резкими дискуссиями советских времен и смелыми переоценками в годы перестройки привело к упадку

историко-критического жанра в адрес новейшего времени. Это порождает парадоксальную ситуацию, когда история обогащается синхронно с печальным календарем. В связи с этим появились работы, где осмысливается вклад в психологическую науку значительных персоналий постсоветского периода: Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинского, Ф.Е. Василюка, В.Н. Дружинина, А.Б. Купрейченко, Л.Ф. Обуховой и др. Вместе с тем значение деятельности их здравствующих современников и часто ровесников ускользает от внимания историков и остается принадлежностью юбилейно-поздравительного жанра.

Исторический подход предполагает апелляцию к прошлому. Однако при всеобщем признании убыстрения исторического времени оно, похоже, сжимается в восприятии современного человека — молодость, современность, новизна политических и технологических изменений расширяет настоящее до размеров быстропротекающих десятилетий. В этом история психологии отстает от исторической науки, где самые недавние события принято рассматривать с исторических позиций, включая в раздел современной истории [Сафонов А.А., Сафонова М.А., 2022; Соколов А.Б., 2022]. Думается, что в отношении постсоветского периода историки психологии в значительной степени подвержены иллюзии современности, синхронизируясь с обыденным сознанием, для которого история не есть то время, где «жил я сам, которое было совсем недавно и которое я хорошо помню». Можно воспользоваться тезисом современного философа-антрополога Ф.И. Гиренока: на смену историческому мышлению приходит патовое мышление [Гиренок Ф.И., 2014]. Пат — это вариант события в развитии шахматной партии, когда никто не делает хода, или игроки заходят в своеобразный игровой тупик. В отечественной историографии наблюдается аналогичное положение. Историки медлят решать задачи осмысливания постсоветской психологии, продолжая смотреть на прошедшие три десятилетия как на современность, пренебрегая исторической оптикой.

В противоположность этому вспомним, что 1927 г. Л.С. Выготский начал подготовку рукописи «Исторический смысл психологического кризиса», где применялся именно исторический подход для понимания движения в психологии

ческой науке и практике начала XX с позиций совсем, казалось бы, неглубокой ретроспектины для такого принципиального анализа. В 1940 г., когда советской психологии едва минуло два десятилетия, Б.Г. Ананьев уже защищает докторскую диссертацию о становлении советской психологии. В этой работе представлена колоссальная работа по анализу становления психологии в дореволюционной России, но и применяется историческая рефлексия к молодой советской науке. С первых десятилетий советской власти традицией стало подведение юбилейных итогов работы ученых как на всесоюзном, так и на республиканском уровне. Несмотря на идеологическую ангажированность таких отчетов, интерес представляет сам жанр систематических исторических обзоров пройденного пути.

Получается, что наши классики дерзали исторически мыслить по отношению к почти текущим событиям, к недавней современности и применять историко-психологическую методологию, осмысливая те процессы, которые происходят в психологической науке, практике, образовании в самом недавнем прошлом. Такой смелости и объемности идей недостает сегодня. Вместо этого преобладание калейдоскопичности разрозненных узких предметных обзоров и отдельных жизнеописаний наводит на мысль о справедливости высказывания современного социального философа А.В. Павлова: «...у нас вырастает молодое поколение историков, лишенных методологической культуры и путающих историю с собирательством обрывочных и невзаимосвязанных фактов под заданную идеологическую схему» [Павлов А.В., 2011]. Ситуацию отягощает то обстоятельство, что цивилизационный уклад России политико-технологический [Павлов В.А., 2017], поэтому рефлексивные процессы по отношению к собственной истории активизируются в периоды смены политических лидеров, курсов, систем с доминированием посткритического анализа к пройденному историческому этапу. В достаточно стабильную, с этой точки зрения, эпоху последних лет к такому подходу нет предпосылок — в рамках отечественной традиции исторические обобщения и оценки легализуются не текущей, а сменяющей ее исторической волной.

Справедливости ради заметим, что описываемая проблемная ситуация характерна не только для историографов психологии, а является

выражением более значительного кризиса исторической науки. В.А. Рафикова и И.А. Мироненко выделяют ряд тенденций изменения методологии историографии, транслируемых на историко-психологическую методологию: критика историцеского подхода, отказ от идеи направленности исторического процесса, актуализация идей исторического релятивизма и проблемы соотношения исторического факта и его репрезентации — следствия «лингвистического поворота» [Рафикова В.А., Мироненко И.А., 2021]. Для современного историка психологии уже невозможно отрицать, что соответствующая психология настраивается в зависимости от культуры, от эпохи, с соответствующей психологией культура обращается к себе [Klotter C., 2021]. Психология оказывается настолько вплетенной в политику и культуру, что ставится под сомнение ее методологическая обоснованность [Scalambrino F., 2018]. В этом ключе применительно к историографии постсоветский психологии обостряются вопросы:

- с какой глубины времени считается «начало истории», когда при осмыслении текущего момента можно посмотреть на него как на историю;
- когда, кем именно и на каких основаниях будет определяться статус события за избранными историческими моментами новейшей отечественной истории психологии;
- нужно ли и как именно преодолевать разрыв между доказательностью фактов и интерпретативными версиями их обобщения;
- монический или полиморфный подход будет применен к постижению обсуждаемого периода; стоит ли его унифицировать в официально согласованной версии истории или позволить существовать альтернативным воспоминаниям и пониманиям пройденных постсоветских десятилетий.

Заключение

Время неумолимо — современность мгновенно становится историей. Болезненное игнорирование этой данности не обогатит психологической мысли. Напротив, текущая эпоха заслуживает жанра современной истории, закономерной части исторической науки. Исторические

обобщения, выделение основных завоеваний и потерь последних десятилетий являются важной основой для обоснованного выделения ведущих направлений и планирования дальнейшего развития отечественной психологии: науки, образования, практики. Историческая оптика необходима для понимания значимости и оригинальности отечественных концепций и школ, как никогда подверженных рискам мимикрии, нивелировки и растворения в поле мировой психологии. Историографический анализ постсоветского периода отечественной психологии требует целостного взгляда на эпоху через решение следующих основных задач:

- выделить основные события и факты, определить микроэтапность динамики периода;
- показать вклад ведущих персоналий и коллективов в основные достижения периода;
- определить основные черты исторического контекста, факторы и влияния (общеисторические, общеначальные, социально-экономические, социально-политические, международные, персональные) на динамику рассматриваемого периода и его плоды;
- рассмотреть значимые методологические и теоретические поиски, достижения, сдвиги;
- обозначить основные институциональные изменения в организации науки, психологическом образовании, психологической практике, в деятельности общественных организаций;
- представить развитие научных школ, образовательных, научных и практических центров;
- систематизировать основные достижения и потери, новообразования и противоречия.

Хорошим заделом для решения обозначенных задач могут стать публикации, где уже имеются попытки анализа обсуждаемой эпохи. Методология историографических исследований рассматриваемого периода может определяться не только традиционными методами анализа документов, публикаций, тематики конференций и публичных выступлений. Следует шире использовать практику автобиографических воспоминаний, делающих возмож-

ным взгляд на историю психологии сквозь призму историй жизни ее создателей [History of Psychology..., 2009; Шмелев А.Г., 2015]. Своеобразным контрапунктом масштабной серии интервью последних лет ведущих психологов о будущем психологии [Интервью о будущем...] может стать проект навстречу прошлому — интервью с живыми свидетелями недавних событий.

Трудно не согласиться с Е.В. Левченко, что историко-психологическое познание требует методологической зрелости как от отдельных исследователей, так и от науки в целом: внимания к подбору источников, осмысленности в выборе методов анализа, аргументированности в обобщениях и готовности к альтернативности интерпретаций [Левченко Е.В., 2020]. Историческое постижение необыкновенно документально насыщенного, идеологически неоднозначного, богатого противоречивыми смыслами и ценностными контрастами времени последних десятилетий — своеобразное испытание на зрелость для современной истории психологии.

Список литературы

- Асмолов А.Г. ХХI век: психология в век психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 3–12.
- Асмолов А.Г. Психология ХХI века: пророчества и прогнозы («круглый стол») // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 3–35.
- Батыришина А.Р. История психологии: учеб. пособие. М.: Флинта, 2016. 224 с.
- Векилова С.А., Безгодова С.А. История психологии: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 324 с.
- Величковский Б.М., Соловьев В.Д. Эволюция статуса когнитивных исследований за 40 лет: от первоначального запрета к новой номенклатуре ВАК // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 50–54.
- Воловикова М.И. Лаборатория психологии личности ИП РАН в 1990-е годы и судьбы академической науки // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6, № 2(22). С. 227–243. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_22_2_09
- Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки / сост. А.Л. Журавлев, В.И. Белопольский. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. 419 с.
- Гиренок Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М.: Академ. проект, 2014. 240 с.

Головей Л.А., Грищенко П.А. Из истории психологической школы Ленинградского/Санкт-Петербургского университета: Нина Альбертовна Грищенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, вып. 3. С. 284–293. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.306>

Ждан А.Н. История психологии: от античности до наших дней: учебник для вузов. М.: Академ. проект, 2007. 576 с.

Ждан А.Н. К итогам развития отечественной психологии в XX столетии // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Инт психологии РАН, 2012. С. 175–185.

Журавлев А.Л., Мироненко И.А. Постсоветский период в научном творчестве Б.Д. Парыгина (к 90-летию со дня рождения) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2(18). С. 443–460. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.016>

Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юрьевич А.В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 5. С. 45–64.

Ильин Г.Л. История психологии: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 389 с.

Интервью о будущем психологии / Ин-т психологии РАН. URL: <http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/on-layn-bibliote/intervu-o-budush.html> (дата обращения: 13.02.2020).

Кандыбович С.Л., Лысаков Н.Д., Лысакова Е.Н. Отечественная космическая психология: история становления и особенности развития // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920015231-0>

Ковалева Ю.В. История формирования понятия «большие социальные группы». Часть 3. Начало современного этапа развития социальной психологии (1990-е – 2000 гг. XX века) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6, № 1(21). С. 93–126. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.004>

Ковалева Ю.В. История формирования понятия «большие социальные группы». Часть 4. Современный этап развития социальной психологии (с 2000 г. по настоящее время) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6, № 3(23). С. 6–48. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_23_3_01

Константинов В.В. История психологии: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2019. 432 с.

Кудрявцев В.Т. Ф.Т. Михайлов: обращение как культурно-психологический феномен // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, № 1. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170102>

Левченко Е.В. О проблеме объективности современных историко-психологических исследований // Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 08–11 декабря 2020 г.) / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2020. С. 155–156.

Мазилов В.А. Психология: взгляд в будущее // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 5. С. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0205959217050087>

Марцинковская Т.Д., Юрьевич А.В. История психологии: учебник для вузов. М.: Академ. проект; Трикста, 2011. 528 с.

Мещеряков Б.Г. В.П. Зинченко через призму своих отношений (по автобиографическим материалам В.П. Зинченко) // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, № 3. С. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170321>

Мироненко И.А. От прогноза — к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 3. С. 119–123. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0205959217030102>

Немировская Н.Г. Реконструкция жизненного пути и творческой деятельности В.Н. Дружинина: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 26 с.

Носкова О.Г. Будущее психологической науки и практики с позиции истории психологии и научоведения // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 4. С. 122–125. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920000077-0>

Павлов А.В. История как всплеск. К публикации статьи В.Н. Сагатовского // Социум и власть. 2011. № 2(30). С. 108–114.

Павлов А.В. Философия современности и межвременья. Тюмень: Изд. дом «Титул», 2017. 280 с.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А.В. Брушлинского. М.: Ин-т психологии РАН, 1997. 576 с.

Рафикова В.А., Мироненко И.А. Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии // Вестник Санкт-Петербургского

университета. Психология. 2021. Т. 11, вып. 4.

С. 312–325. DOI: [https://doi.org/10.21638/](https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.402)

spbu16.2021.402

Рыжов Б.Н. История психологической мысли. Пути и закономерности: учеб. пособие для вузов. М.: Военное издательство, 2004. 240 с.

Сарычев С.В., Логвинов И.Н. История психологии: в 2 ч.: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. Ч. 2. 211 с.

Сафонов А.А., Сафонова М.А. Современная история: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 245 с.

Семенов И.Н. Науковедческая рефлексия векового развития российской психологической науки (к 100-летию советской психологии) // Мир психологии. 2018. № 4(96). С. 279–300.

Семенов И.Н. Первоходческая роль Е.А. Будиловой в реализации исследовательских программ С.Л. Рубинштейна и методологические проблемы периодизации российской (дореволюционной/советской/постсоветской) психологии // Историческая преемственность в отечественной психологии / под ред. А.Л. Журавлева, Е.В. Харитонова, Е.Н. Холонович. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. С. 47–67.

Семенов И.Н. Социокультурная рефлексия столетнего развития российской психологической науки: к 100-летию советской психологии (1918–2018) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 4. С. 4–31. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2018.04.04>

Соколов А.Б. История исторической науки. Историография Новой и Новейшей истории: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 309 с.

Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов. М.: Гардарики, 1996. 400 с.

Чикер В.А. Социально-психологический тренинг: 40 лет развития концепции М. Форверга в России // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 219–227. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120314>

Швацкий А.Ю. История психологии: учеб. пособие. М.: Флинта, 2019. 322 с.

Шмелев А.Г. 25 лет лаборатории «гуманитарные технологии» (хронологические воспоминания) // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 219–239.

Щукина М.А. Прогнозы Б.Г. Ананьева и тенденции развития современной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, вып. 3. С. 258–270. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.304>

Якунин В.А. История психологии: учеб. пособие. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2001. 378 с.

Centrality of History for Theory Construction in Psychology / ed. by S.H. Klempe, R. Smith. Cham, CH: Springer, 2016. 266 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-42760-7>

Dafermos M. Soviet Psychology // Encyclopedia of Critical Psychology / ed. by T. Teo. N.Y.: Springer, 2014. P. 1828–1835. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5583-7_297

González Rey F.L. Advancing Further the History of Soviet Psychology: Moving Forward From Dominant Representations in Western and Soviet Psychology // History of Psychology. 2014. Vol. 17(1). P. 60–78. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035565>

History of Psychology in Autobiography / ed. by L.P. Mos. N.Y.: Springer, 2009. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-88499-8>

Jeshmaridian S. Post-Soviet Psychology // Encyclopedia of the History of Psychological Theories / ed. by R.W. Rieber. N.Y.: Springer, 2012. P. 802–809. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-0463-8_300

Klotter C. Geschichte der Psychologie — Geschichte der Psychologie? // Die Psychologie als Verteidigerin der Moderne. essentials. Wiesbaden, DE: Springer, 2021. S. 39–45. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-33365-2_7

Mülberger A. Commentary 1: Functions and Trends in the History of Psychology // Centrality of History for Theory Construction in Psychology / ed. by S.H. Klempe, R. Smith. Cham, CH: Springer, 2016. P. 229–233. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42760-7_12

Nalchajian A., Jeshmaridian S.S., Takooshian H. Post-Soviet Psychology: What is Ahead? // Eye on Psi Chi. 1997. Vol. 1, iss. 3. P. 22–24. DOI: <https://doi.org/10.24839/0033-2569.eye1.3.22>

Post-soviet Perspectives on Russian Psychology / ed. by V.A. Koltsova, Yu.N. Oleinik, A.R. Gilgen, C.K. Gilgen. Westport, CT; London, UK: Greenwood Press, 1996. 334 p.

Salvatore S. Commentary 2: The Past and the History of Psychology // Centrality of History for Theory Construction in Psychology / ed. by S.H. Klempe, R. Smith. Cham, CH: Springer, 2016. P. 235–240. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42760-7_13

Scalambrino F. Conclusion: Post-Modern Turning Away from Method // Philosophical Principles of the History and Systems of Psychology. Cham, CH: Palgrave Macmillan, 2018. P. 195–213. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-74733-0_6

Sternberg R.J., Grigorenko E.L. Psst: There's More to Soviet and Post-Soviet Psychology than Pavlov and Vygotsky // *The American Journal of Psychology*. 1999. Vol. 112, no. 1. P. 147–153. DOI: <https://doi.org/10.2307/1423628>

Vassilieva J. Russian psychology at the turn of the 21st century and post-Soviet reforms in the humanities disciplines // *History of Psychology*. 2010. Vol. 13(2). P. 138–159. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019270>

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

- Asmolov, A.G. (1999). [XXI century: psychology in the age of psychology]. *Voprosy Psychologii*. No. 1, pp. 3–12.
- Asmolov, A.G. (2000). [Psychology of the XXI century: prophecies and forecasts (materials of the «round table»)]. *Voprosy Psychologii*. No. 1, pp. 21–36.
- Batyrsheva, A.R. (2016). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Flinta Publ., 224 p.
- Brushlinskiy, A.V. (ed.) (1997). *Psichologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii* [Psychological science in Russia of the XX century: problems of theory and history]. Moscow: IP RAS Publ., 576 p.
- Chiker, V.A. (2021). [Socio-psychological training: 40 years of the development of M. Forverg's concept in Russia]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 12, no. 3, pp. 219–227. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120314>
- Dafermos, M. (2014) Soviet psychology. T. *Teo* (ed.) *Encyclopedia of critical psychology*. New York: Springer Publ., pp. 1828–1835. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5583-7_297
- Girenov, F.I. (2014). *Metafizika pata (kosno-yazychie ustalogo cheloveka)* [Metaphysics of pat (tongue-tied tired person)]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 240 p.
- Golovey, L.A. and Grischenko, P.A. (2021). [From the history of the psychological school of Leningrad/St. Petersburg University: Nina Albertovna Grishchenko]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psichologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]. Vol. 11, iss. 3, pp. 284–293. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.306>
- González Rey, F.L. (2014). Advancing further the history of Soviet psychology: moving forward from dominant representations in Western and Soviet psychology. *History of Psychology*. Vol. 17(1), pp. 60–78. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0035565>
- Il'in, G.L. (2022). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Urait Publ., 389 p.
- Interv'yu o buduschem psikhologii* [Interview about the future of psychology]. IP RAS. Available at: <http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/on-laynbibliote/intervu-o-budush.html> (accessed 13.02.2020).
- Jeshmaridian, S. (2012). Post-Soviet psychology. R.W. Rieber (ed.) *Encyclopedia of the history of psychological theories*. New York: Springer Publ., .pp. 802–809. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-0463-8_300
- Kandybovich, S.L., Lysakov, N.D. and Lysakova, E.N. (2021). [Space psychology in Russia: history of formation and development features]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 3, pp. 97–106. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920015231-0>
- Klempe, S.H. and Smith, R. (eds.) (2016). *Centrality of history for theory construction in psychology*. Cham, CH: Springer Publ. 266 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-42760-7>
- Klotter, C. (2021). [History of Psychology — History of psychology?]. *Die Psychologie als Verteidigerin der Moderne* [Psychology as a defender of modernity]. Wiesbaden, DE: Springer Publ., pp. 39–45. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-33365-2_7
- Koltsova, V.A., Oleinik, Yu.N., Gilgen, A.R., and Gilgen, C.K. (eds.) (1996). *Post-soviet perspectives on Russian psychology*. Westport, CT, London, UK: Greenwood Press, 334 p.
- Konstantinov, V.V. (2019). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 432 p.
- Kovaleva, Yu.V. (2021). [History of developing the concept of «large social groups». Part 3. The beginnings of modern stage in the development of social psychology (the 1990s – 2000s of XX century)]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psichologiya* [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences Social and Economic Psychology]. Vol. 6, no. 1(21), pp. 93–126. DOI: <https://doi.org/10.38098/iran.sep.2021.21.1.004>
- Kovaleva, Yu.V. (2021). [History of formation of the concept of «large social groups». Part 4. Modern stage of social psychology development (2000–present)]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii*

- nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences Social and Economic Psychology]. Vol. 6, no. 3(23), pp. 6–48. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_23_3_01
- Kudryavtsev, V.T. (2021). [F.T. Mikhailov: appeal as a cultural and psychological phenomenon]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 17, no. 1, pp. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170102>
- Levchenko, E.V. (2020). [On the problem of objectivity of modern historical and psychological research]. *Anan'evskie chteniya – 2020. Psikhologiya sluzhebnoy deyatel'nosti: dostizheniya i perspektivy razvitiya (v chest' 75-letiya Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voynе 1941–1945 gg.)* [Ananyev Readings – 2020. Psychology of Service Activity: Achievements and Prospects of Development (in honor of the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945)]. St. Petersburg: Skifiya-Print Publ., pp. 155–156.
- Martsinkovskaya, T.D. and Yurevich, A.V. (2011). *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., Triksta Publ., 528 p.
- Mazilov, V.A. (2017). [Psychology: a look into the future]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 38, no. 5, pp. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0205959217050087>
- Mescheryakov, B.G. (2021). [V.P. Zinchenko through the lens of his relations (based on V.P. Zinchenko's autobiographical materials)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 17, no. 3, pp. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170321>
- Mironenko, I.A. (2017). [From forecast to foresight of the future of Russian psychology]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 38, no. 3, pp. 119–123. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0205959217030102>
- Mos, L.P. (ed.) (2009). *History of psychology in autobiography*. New York: Springer Publ., 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-88499-8>
- Mülberger, A. (2016). Commentary 1: Functions and trends in the history of psychology. *S.H. Klempe, R. Smith (eds.) Centrality of history for theory construction in Psychology*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 229–233. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42760-7_12
- Nalchajian, A., Jeshmaridian, S.S. and Takooshian, H. (1997). Post-Soviet psychology: What is ahead? *Eye on Psi Chi*. Vol. 1, iss. 3, pp. 22–24. DOI: <https://doi.org/10.24839/0033-2569.eye1.3.22>
- Nemirovskaya, N.G. (2017). *Rekonstruktsiya zhiznennogo puti i tvorcheskoy deyatel'nosti V.N. Druzhinina: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Reconstruction of the life path and creative activity of V.N. Druzhinin: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 26 p.
- Noskova, O.G. (2018). [The future of psychological science and practice from the perspective of the history of psychology and the study of science]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 39, no. 4, pp. 122–125. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920000077-0>
- Pavlov, A.V. (2011). [History as a splash. To the article of V.N. Sagatovsky]. *Sotsium i vlast'* [Society and Power]. No. 2(30), pp. 108–114.
- Pavlov, A.V. (2017). *Filosofiya sovremennosti i mezhvremen'ya* [Philosophy of modernity and intertime]. Tyumen: Titul Publ., 280 p.
- Rafikova, V.A. and Mironenko, I.A. (2021). [Actual tendencies of the methodology of the history of psychology in light of the philosophic and methodological problems of historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]. Vol. 11, iss. 4, pp. 312–325. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.402>
- Ryzhov, B.N. (2004). *Istoriya psikhologicheskoy mysli. Puti i zakonomernosti* [The history of psychological thought. Ways and patterns]. Moscow: Voenizdat Publ., 240 p.
- Safonov, A.A. and Safonova, M.A. (2022). *Sovremennaya istoriya* [Modern history]. Moscow: Uralt Publ., 245 p.
- Salvatore, S. (2016). Commentary 2: The past and the history of psychology. *S.H. Klempe, R. Smith (eds.) Centrality of history for theory construction in Psychology*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 235–240. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42760-7_13
- Sarychev, S.V. and Logvinov, I.N. (2022). *Istoriya psikhologii: v 2 ch. Chast' 2* [The history of psychology: in 2 parts]. Moscow: Uralt Publ., pt. 2, 211 p.
- Scalambrino, F. (2018). Conclusion: post-modern turning away from method. *Philosophical principles of the history and systems of psychology*. Cham, CH: Palgrave Macmillan Publ., pp. 195–213. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-74733-0_6
- Schukina, M.A. (2018). [B.G. Ananyev's forecasts and modern psychology trends]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psy-

chology and Education]. Vol. 8, iss. 3, pp. 258–270. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.304>

Semenov, I.N. (2018). [Russian psychology hundred-year development, sociocultural reflection: to the centenary of soviet psychology (1918–2018)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psichologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 4, pp. 4–31. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2018.04.04>

Semenov, I.N. (2018). [Scientific reflection on the age-of development of Russian psychological science (to the 100th anniversary of Soviet psychology)]. *Mir psichologii* [The World of Psychology]. No. 4(96), pp. 279–300.

Semenov, I.N. (2019). [The pioneering role of E.A. Budilova in the implementation of S.L. Rubinstein's research programs and methodological problems of periodization of Russian (pre-revolutionary/Soviet/post-Soviet) psychology]. *Istoricheskaya preemstvennost' v otechestvennoy psichologii, pod red. A.L. Zhuravleva, E.V. Kharitonova, E.N. Kholondovich* [A.L. Zhuravlev, E.V. Kharitonov, E.N. Kholondovich (eds.) Historical continuity in Russian psychology]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 47–67.

Shmelev, A.G. (2015). [25 years of laboratory «humanitarian technologies» (chronological memories)]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. No. 3–4, pp. 219–239.

Shvatskiy, A.Yu. (2019). *Istoriya psichologii* [History of psychology]. Moscow: Flinta Publ., 322 p.

Sokolov, A.B. (2022). *Istoriya istoricheskoy nauki. IstorioGRAFIYA Novoy i Noveyshey istorii* [History of historical science. Historiography of Modern and Contemporary History]. Moscow: Urait Publ., 309 p.

Stepin, V.S., Gorokhov, V.G. and Rozov, M.A. (1996). *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology]. Moscow: Gardariki Publ., 400 p.

Sternberg, R.J. and Grigorenko, E.L. (1999). Psst: There's more to Soviet and post-Soviet psychology than Pavlov and Vygotsky. *The American Journal of Psychology*. Vol. 112, no. 1, pp. 147–153. DOI: <https://doi.org/10.2307/1423628>

Vassilieva, J. (2010). Russian psychology at the turn of the 21st century and post-Soviet reforms in the humanities disciplines. *History of Psychology*. Vol. 13(2), pp. 138–159. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019270>

Vekilova, S.A. and Bezgodova, S.A. (2022). *Istoriya psichologii* [History of psychology]. Moscow: Urait Publ., 324 p.

Velichkovskiy, B.M. and Solov'ev, V.D. (2021). [Evolution in the status of cognitive research over 40 years: from the initial ban to new nomenclature of sciences]. *Voprosy Psychologii*. No. 4, pp. 50–54.

Volovikova, M.I. (2021). [Laboratory of personality psychology IP RAS in the 1990s and the fate of academic science]. *Institut psichologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psichologiya* [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]. Vol. 6, no. 2(22), pp. 227–243. DOI: https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_22_2_09

Yakunin, V.A. (2001). *Istoriya psichologii* [History of psychology]. Moscow: V.A. Mikhailov Publ., 378 p.

Zhdan, A.N. (2007). *Istoriya psichologii: Ot Antichnosti do nashikh dney* [History of psychology: From Antiquity to the present day]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 576 p.

Zhdan, A.N. (2012). [On the results of the development of Russian psychology in the XX century]. *Razvitiye psichologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya. Ch. 1, pod red. A.L. Zhuravleva, V.A. Kol'tsovoj* [A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova (eds.) The development of psychology in the system of complex human knowledge. Pt. 1]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 175–185.

Zhuravlev, A.L. and Belopol'skiy, V.I. (eds.) (2014). *Vydayuschiye uchenye Instituta psichologii RAN: Biograficheskie ocherki* [Outstanding scientists of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences: Biographical essays]. Moscow: IP RAS Publ., 419 p.

Zhuravlev, A.L. and Mironenko, I.A. (2020). [Post-soviet period in scientific creativity of B.D. Parygin (the 90th anniversary)]. *Institut psichologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psichologiya* [Institute of Psychology Russian Academy of Sciences Social and Economic Psychology]. Vol. 5, no. 2(18), pp. 443–460. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2020.18.2.016>

Zhuravlev, A.L., Nestik, T.A. and Yurevich, A.V. (2016). [Forecast of psychological science and practice development by 2030]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 37, no. 5, pp. 45–64.

Received: 01.02.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторе

Мария Алексеевна Щукина

доктор психологических наук,
профессор кафедры общей и консультативной
психологии

Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы,
199178, Санкт-Петербург, Васильевский Остров,
12 линия, 13А;
e-mail: corr5@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0834-3548>
ResearcherID: AAG-8987-2019

About the author

Mariia A. Shchukina

Doctor of Psychology,
Professor of the Department of General
and Counseling Psychology

Saint Petersburg State Institute of Psychology
and Social Work,
13A, 12th Line, Vasilievsky Island, Saint Petersburg,
199178, Russia;
e-mail: corr5@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0834-3548>
ResearcherID: AAG-8987-2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Щукина М.А. Историография постсоветского периода отечественной психологии: к постановке проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 51–64.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-51-64

For citation:

Shchukina M.A. [Historiography of the post-Soviet period of Russian psychology: on the problem statement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 51–64 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-51-64

УДК 159.923:001.82

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-65-77

**ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕМПЕРАМЕНТА И ХАРАКТЕРА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Олейник Юрий Николаевич, Елисеева Ирина Николаевна

Московский гуманитарный университет (Москва)

На основе анализа современных отечественных историко-психологических исследований выявлены две важные тенденции — рефлексия теоретико-методологических оснований и использование научометрических методов в работах по истории психологии. Представлены результаты анализа динамики российских диссертационных исследований, содержащих в названиях категории «темперамент» и «характер», за период 1992–2018 гг. Всего проанализированы данные 128 диссертаций, защищенных в Российской Федерации в указанный период в названиях которых используются категории «темперамент» и «характер». Для структурирования тематической направленности этих диссертаций (в соответствии с требованиями системного описания любого объекта В.А. Ганзена) использовались следующие элементы (единицы) классификации — феноменология; разновидности (типы, виды); структура и составляющие элементы; объект как подструктура; взаимосвязь объекта с другими явлениями; изменчивость и динамика объекта; факторы, влияющие на состояние объекта; методы воздействия на объект; диагностика состояния объекта; история изучения. Приведено описание и структурирование сформированных авторами массивов данных по указанным работам с учетом изучаемых выборок и центров подготовки таких диссертаций, их тематической направленности и научных специальностей. Исходя из анализа количества подготовленных и защищенных диссертаций выявлена динамика (по трехлетним периодам) развития тематического пространства, включающего обозначенные категории. Сопоставлена динамика диссертаций по психологическим наукам и педагогическим наукам по тем же трехлетним периодам, проведен сравнительный анализ относительных показателей подготовки диссертаций по психологическим наукам с указанными категориями в названиях и других научных трудов. Зафиксирован стабильно низкий интерес современных российских исследователей к изучению этих категорий. Анализ данных о диссертациях, подготовленных в советский период, позволил сделать вывод о том, что категория «темперамент» активно разрабатывалась именно в то время (до 1992 г.). Сформулированы некоторые ограничения в применении количественных методов, выявленные в исследовании.

Ключевые слова: метод подсчета числа публикаций, сравнительный метод, отечественные диссертации, темперамент, характер, индивидуальность, научометрия, библиометрия, проблемологический подход, Б.Г. Ананьев, В.А. Ганзен.

**HISTORY OF TEMPERAMENT AND CHARACTER RESEARCH
IN RUSSIAN PSYCHOLOGY: SCIENTOMETRIC ANALYSIS
OF DISSERTATION RESEARCH**

Yuri N. Oleinik, Irina N. Yeliseyeva

Moscow University for the Humanities (Moscow)

Based on the analysis of modern Russian research on the history of psychology, two important trends in such research have been identified — the reflection of theoretical and methodological foundations and the use of scientometric methods. The paper deals with the analysis of the dynamics of Russian dissertation

research works containing the categories «temperament» and «character» in their titles; the period under study is 1992–2018. In total, the data of 128 dissertations defended in the Russian Federation during the specified period were analyzed. To structure the thematic focus of these dissertations (in accordance with V.A. Ganzen's requirements of a systematic description of any object), the following elements (units) of the classification were used: phenomenology; varieties (types); the structure and the constituent elements; object as a substructure; the relationship of the object with other phenomena; variability and dynamics of the object; factors affecting the state of the object; methods of influence on the object; diagnostics of the object's state; study history. The study provides a description and structuring of the data arrays formed by the authors of the paper for the specified dissertations taking into account the studied samples and centers for preparing such dissertations, their thematic focus, and scientific specialties. Based on the analysis of the number of prepared and defended dissertations, the dynamics (by three-year periods) of the development of the thematic space including the sought categories was revealed. The authors also compared the dynamics of dissertations in psychological sciences and pedagogical sciences for the same three-year periods and conducted a comparative analysis of the relative indicators of the preparation of dissertations in psychological sciences with the considered categories in the titles and other scientific papers. The analysis showed a consistently low interest of modern Russian researchers in studying these categories. Based on the analysis of data on dissertations prepared in the Soviet period, it was concluded that the category of «temperament» was intensively developed at that time (until 1992). The paper also formulates some limitations of the use of quantitative methods identified in the course of study.

Keywords: publication counting methods, comparative method, Russian dissertations, temperament, character, personality, scientometrics, bibliometrics, B.G. Ananiev, V.A. Gansen.

Введение

Современная история психологии как отрасль психологической науки характеризуется теми же тенденциями, что и самое передовое научное знание. К таким наиболее заметным трендам можно отнести: 1) осмысление и поиск новых теоретических и методологических оснований для рефлексии динамики психологического знания и 2) расширение совокупности количественных методов при изучении истории психологических идей в первую очередь за счет использования научометрических методов.

В рамках первого направления на конкретно-эмпирическом историко-психологическом материале показана продуктивность таких теоретико-методологических подходов в анализе истории отечественной психологии, как концепция уровневой субъектной социально-психологической детерминации развития психологии (Артемьева О.А., 2012), концепция когнитивной истории психологии (Левченко Е.В., 2003), концепция структурно-уровневого понимания научного факта и объяснений в психологии в целом и в истории психологии в частности (Мазилов В.А., 2015), концептуальная система ученого как основа биографического изучения творческой личности (Логинова Н.А., 2005), проблемологический подход (Олейник Ю.Н., 2002) и ряд других. Каждый из этих

подходов обеспечивает новые возможности историко-психологических исследований, расширяет диапазон получения объективизированной информации о динамике психологического познания. Например, проблемологический подход позволяет интегрировать достижения вненаучной и научных форм познания психической реальности, конструктивно преодолеть дихотомию интернальности и экстернальности в понимании факторов детерминации психологии, выявить преемственность в исследованиях и показать роль традиций и научных школ в изучении конкретной научной проблемы [Олейник Ю.Н., 2018].

В рамках второго направления — использование научометрических и библиометрических методов при анализе истории психологии и развития самой истории психологии как области знания — также получены нетривиальные результаты. Доказано, что история психологии по formalizedным показателям научной результативности исследований занимает одно из лидирующих мест среди других отраслей психологии — положение выше медиального, что свидетельствует о высокой востребованности результатов данного научного направления [Моргун А.Н. и др., 2021a]; выявлены тематические направления отечественных историко-психологических исследований и показано их влияние на развитие истории психологии как

отрасли; выделены наиболее результативные по публикациям годы применительно к каждому из вышеназванных тематических направлений; показан существенный интерес к исследованием по истории психологии в изданиях других научных областей, т.е. не относящихся к психологической науке [Моргун А.Н. и др., 2021b].

Таким образом, можно констатировать, что указанные выше тенденции в развитии исследований истории психологии (рефлексия теоретико-методологических оснований и использование научометрических методов в исследовании) являются не только актуальными, но также конструктивными и перспективными.

Обоснование подхода в исследовании

Одним из важных тематических направлений историко-психологических исследований является изучение истории разработки отдельных психологических проблем. В соответствии с проблемологическим подходом в изучении истории психологии именно через анализ динамики постановки и формулирования научных проблем, предлагаемых вариантов их решения можно реконструировать динамику структурных элементов науки — проблемных областей, направлений или отраслей психологического знания [Олейник Ю.Н., 2018].

Один из вариантов операционализации проблемологического подхода связан с выделением базовых категорий и понятий, соотносимых с анализируемой проблемой, и изучение динамики разработок, коррелируемых с этими категориями. В данном случае в исследовании этой динамики существенную роль может играть как раз научометрический метод.

Рассмотрим указанные положения применительно к анализу проблемы психологии индивидуальности человека. В качестве исходной концепции будем опираться на взгляды Б.Г. Ананьева в понимании индивидуальности как системы взаимосвязанных индивидуальных, личностных, субъектно-деятельностных качеств человека. К основным категориям, которые описывают иерархические уровни индивидуальности в соответствии с этой концепцией, относится не только собственно категория «индивидуальности», но и категории «темперамент», «характер», «способности», «индивидуальный стиль» и т.д. Об актуальности изучения отдельных категорий, так или иначе связанных с индивиду-

альностью, свидетельствуют публикации последнего времени — история разработки одаренности в Петербургской психологической школе [Логинова Н.А., 2020], изучение способности и одаренности в отечественной и зарубежной психологии [Мазилов В.А., Слепко Ю.Н., 2021]. При этом история изучения *системы* этих категорий как *целостного и много-планового процесса научного постижения индивидуальности* человека до настоящего времени не стала предметом специального внимания исследователей. Можно констатировать, что целостная историко-психологическая реконструкция развития отечественных исследований индивидуальности человека, понимаемой как иерархической системы свойств и характеристик (отраженных в фиксированных категориях и понятиях), в полной мере осуществлена не была. Соответственно, пока не получена обобщенная и целостная картина истории развития этой предметной области отечественной психологии — психологии индивидуальности и это является актуальной задачей историко-психологических исследований, направленных на изучении истории формирования и развития научных отраслей психологии.

Характеристика модели исследования

Ранее авторами было проведено исследование динамики диссертационных исследований, посвященных разработке в психологии таких категорий, как «индивидуальность» и «способности» [Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н., 2019, 2020]. Данное исследование явилось частью реализованного проекта по исследованию изученности всех базовых категорий, соотносимых с проблемой индивидуальности. По итогам этого исследования авторы пришли к выводу о том, что определить однозначные основания для отнесения к группе диссертаций, направленных на изучение проблем психологии индивидуальности, практически невозможно без привлечения качественных методов анализа, т.е. знакомства, и достаточно основательного, с *содержанием* всех диссертаций, не включающих категорий «индивидуальность» и «способность» в названиях. То же самое касается и анализа всего массива научных публикаций в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по этой теме. При этом, безусловно, результаты такого исследования характеризовались бы высокой степе-

нью субъективизма. Оптимальным, по сути говоря, единственным формализованным вариантом выявления базы источников для проведения исследования в нашем случае является отбор источников для анализа по формализованным критериям. В качестве такого критерия выбран анализ диссертаций (а не всех публикаций по теме) — и только тех, в названии которых содержатся необходимые категории и понятия. Поэтому в настоящей статье представлен анализ истории изучения категорий «характер» и «темперамент» на материале отечественных диссертационных исследований 1992–2018 гг., содержащих в названиях указанные категории, с использованием методов количественного анализа.

Выбор диссертаций как единиц анализа обусловлен тем, что именно этот тип результатов научного труда характеризует устойчивый интерес диссертанта и научного руководителя (консультанта) на протяжении нескольких лет к разработке проблем индивидуальности, а результаты исследований одобрены экспертным сообществом и соответствуют нормативно закрепленным требованиям к научным трудам такого рода.

Задачами настоящего исследования являлись:

- анализ тематического пространства диссертационных работ, названия которых содержат категории «характер» и «темперамент»;
- выявление динамики развития тематического пространства в определенные периоды времени на основе анализа количества подготовленных и защищенных диссертаций;
- соотнесение динамики количества диссертационных исследований с динамикой других научных трудов, содержащих в названиях указанные категории, а также с отдельными показателями научной деятельности ученых.

Выбор временного периода с 1992 по 2018 г., за который формировался изучаемый массив диссертаций, обусловлен тем, что показатели научной деятельности в России в открытом доступе представлены только за постсоветский период, что делает невозможным соотнесение динамики диссертационных исследований этого периода с подобными же показателями развития науки советского периода. Кроме того, в анализ не включены диссертации, сведения о которых представлены в российских базах данных, но которые были защищены за пределами Российской Федерации. Авторы не

исключают также того, что определенная часть диссертационных исследований была защищена в закрытых диссертационных советах и имеет гриф секретности — такие диссертации, естественно, тоже не были включены в массив анализируемых диссертаций.

Источниками для формирования массива диссертаций выступили: электронные каталоги диссертаций Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, обзоры диссертаций [Анцупов А.Я. и др., 2000, 2007, 2015; Пермская психологическая диссердиада, 2015]. Кроме этого, авторы использовали сведения, полученные в электронной библиотеке научных публикаций, интегрированной с РИНЦ, и в статистических сборниках, содержащих индикаторы российского образования с 1992 по 2018 г.

Поскольку изучение индивидуальности человека носит междисциплинарный характер в области наук о человеке [Дорфман Л.Я., 2008, с. 107], авторы формировали массив диссертаций, защищенных не только по психологическим наукам. Однако из анализируемых массивов данных были исключены диссертации по филологическим, биологическим, философским наукам, искусствоведению и культурологии, посвященные специальным вопросам изучения характера и темперамента как не полностью соответствующие задачам настоящего исследования.

Для решения задач исследования использовались помимо общенаучных методов количественные и качественные методы историко-психологического анализа: статистический метод, метод тематической классификации, метод подсчета числа публикаций, сленговый метод, сравнительный метод [Кольцова В.А., 2008].

Результаты исследования и их обсуждение

Всего проанализированы данные 128 диссертаций, защищенных в Российской Федерации с 1992 по 2018 г., в названиях которых используются категории «характер» и «темперамент». Из них проблемам характера посвящено 63 диссертации (в том числе 24 диссертации защищены по психологическим наукам и 10 — по педагогическим), а проблемам темперамента — 65 (в том числе 42 диссертации защищены по психологическим наукам и 4 — по педагогическим).

Анализ сформированного массива диссертационных исследований показал их широкую

тематическую направленность, фиксируемую в названиях. В частности, в диссертациях изучаются самые разные аспекты исследуемых феноменов, как то:

1) применительно к характеру — национальный и инонациональный (21 диссертация), акцентуации (19 диссертаций), человека (подростка, дошкольника и т.д.) (10 диссертаций), черты (12 диссертаций), особенности и тип (по 1 диссертации);

2) применительно к темпераменту — свойства (18 диссертаций), тип и особенности (характеристика как особенность) (по 10 диссертаций), темперамент как предиктор (7 диссертаций), черты (4 диссертации), проявления, структура, динамика (по 2 диссертации), изменчивость, формирование (по 1 диссертации).

При тематической классификации проблемного поля ее основания выбираются, как правило, достаточно произвольно, что отражает субъективные предпочтения автора или отвечает локальной исследовательской задаче. Однако в историко-психологических исследованиях это значительно ограничивает применимость такой классификации, поскольку исключается возможность сопоставления с другими объектами. Представляется, что в такой ситуации необходим поиск определенной, достаточно универсальной схемы для типизации тематических направлений, которым посвящены диссертации.

С опорой на системный поход В.А. Ганзена [Ганзен В.А., 1984] была предпринята попытка обозначить основные темы в проблемном поле

изучения категорий «темперамент» и «характер» в форме, которая бы позволила провести сравнительно-синхронистический анализ исследований этих категорий. Представляется, что сопоставление количества диссертаций с различными категориями в названиях по элементам системного описания объекта, предложенным этим ученым, дает возможность осуществлять сопоставительный анализ результатов в изучении этих категорий и прогнозировать наиболее перспективные направления исследований [Елисеева И.Н., 2015].

Нами были выделены следующие элементы описания объекта (в данном случае тематической направленности диссертаций): феноменология; разновидности (типы, виды); структура и составляющие элементы; объект как подструктура; взаимосвязь объекта с другими явлениями; изменчивость и динамика объекта; факторы, влияющие на состояние объекта; методы воздействия на объект; диагностика состояния объекта. Учитывая в целом историко-психологическую направленность нашего исследования, мы сочли целесообразным включить в число элементов типизации тематической направленности диссертации и историю изучения темперамента и характера.

Классификация массива всех диссертаций по указанным выше элементам описания объекта показывает обобщенную картину тематических особенностей разработки базовых категорий темперамента и характера, отраженных в названиях диссертаций (табл. 1).

Таблица 1. Распределение количества диссертаций по категориям «характер», «темперамент» и элементам описания объекта (1 диссертация может учитываться в нескольких элементах)

Table 1. Distribution of the number of dissertations by categories «character», «temperament» and elements of the description of the object (1 dissertation can be counted in several elements)

№ n/n	Элемент описания объекта	Объект	
		«характер»	«темперамент»
1	Феноменология	31	11
2	Разновидности (типы, виды)	4	10
3	Структура, элементы	3	2
4	Объект как подструктура (элемент)	1	6
5	Взаимосвязь объекта с другими явлениями	6	31
6	Изменчивость и динамика объекта	5	5
7	Факторы, влияющие на состояние объекта	6	4
8	Методы воздействия на объект	3	—
9	Диагностика свойств и состояния объекта	—	3
10	История изучения объекта	—	—

Таким образом, можно сделать вывод, что с 1992 по 2018 г. разработка проблем темперамента, а особенно характера, имеет некоторые лакуны: в частности, не представлена история их изучения как специального предмета диссертационного исследования. Вместе с тем стоит отметить, что распределение диссертаций по элементам описания в целом отражает познавательную ситуацию в отечественной психологии индивидуальности. До настоящего времени сущность характера остается предметом дискуссий (в некоторых исследованиях, особенно зарубежных, она вообще объявляется эпифеноменом), поэтому логичным представляется сосредоточенность диссертационных исследований на феноменологических аспектах; следует заметить также отсутствие диссертаций, посвященных методам диагностики (непонятно, что диагностировать). Что касается темперамента, то здесь уже есть достаточно четкое принимаемое большинством исследователей (как отечественных, так и зарубежных) понимание сущности темперамента как формально-динамической характеристики психики, и поэтому большинство диссертационных исследований сконцентрировано на вопросах места темперамента в системе других психических явлений и его типизации.

Интересна и характеристика респондентов, выступивших в качестве выборки эмпирических исследований в диссертациях, содержащих в названиях изучаемые категории:

– «характер» — подростки (7 диссертаций), дети (4 диссертации), студенты (курсанты) и педагоги (по 3 диссертации), больные, юноши, учащиеся, школьники, лица с акцентуациями характера (по 1 диссертации);

– «темперамент» — студенты (курсанты) (10 диссертаций); дети, дошкольники (9 диссертаций); школьники по возрастным группам (8 диссертаций); подростки по возрастным подгруппам (7 диссертаций); человек (6 диссертаций); дети первых месяцев жизни (3 диссертации); юноши и девушки (3 диссертации); спортсмены (2 диссертации); офицеры, пилоты, лица с акцентуациями темперамента (по 1 диссертации).

Таким образом, в анализируемых диссертационных исследованиях наиболее часто изучаются различные аспекты темперамента и харак-

тера подростков, студентов (курсантов), детей и дошкольников, а также школьников. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что очень мало диссертационных исследований, посвященных вопросам как темперамента, так и характера, в которых обследуемыми выступили бы взрослые или пожилые люди, а также представители различных профессиональных групп. И если с изучением темперамента в какой-то мере еще можно согласиться с подобным положением дел (темперамент все же образование, относящее к индивидуальному уровню индивидуальности и мало изменяющееся в процессе жизнедеятельности человека), то с изучением характера ситуация, конечно, выглядит иначе. Характер — достаточно динамичное образование, формирующееся в процессе жизнедеятельности человека в обществе, и исследование динамики его изменений (в том числе возрастных или в связи с особенностями профессиональной деятельности) является крайне важной задачей психологических исследований.

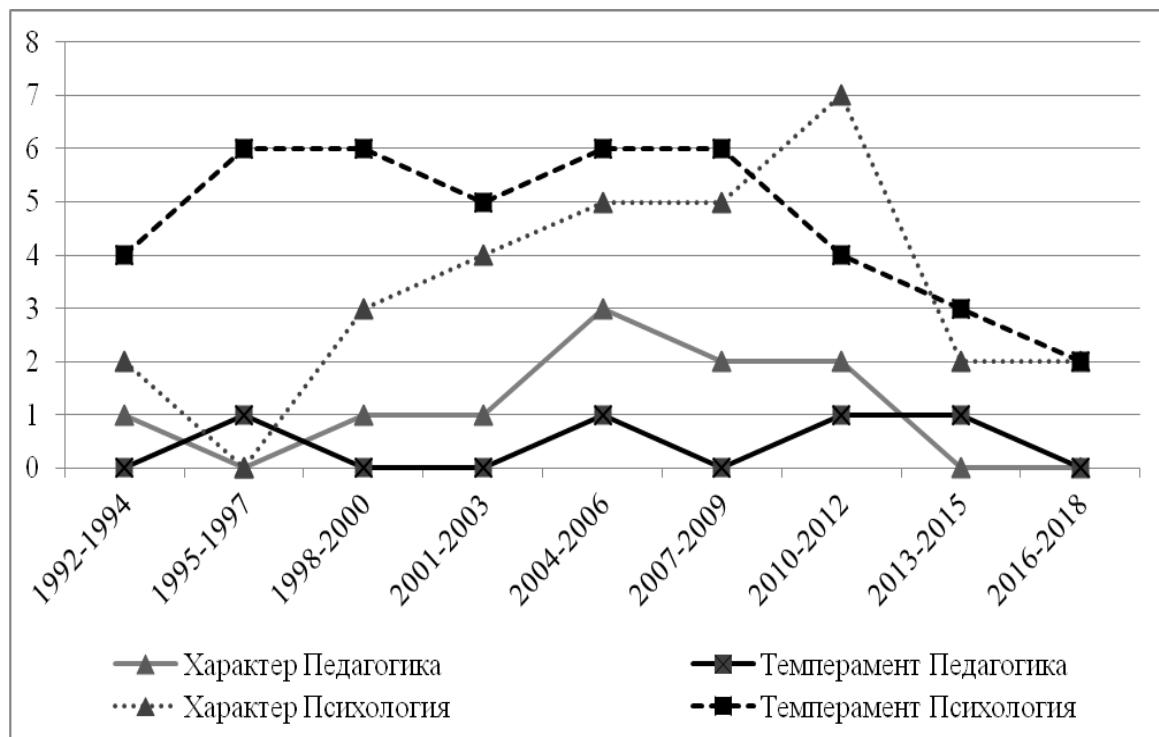
Тематический анализ диссертаций, в названии которых представлены выбранные нами категории, свидетельствует о разнообразии обсуждаемых тем и, что достаточно важно, об их междисциплинарной представленности в более-менее широком круге социальных наук и наук о человеке.

Распределение диссертаций, подготовленных и защищенных по психологическим наукам (далее приводятся номера научных специальностей, существовавшие до марта 2022 г.) и содержащих в названии категории «характер» и «темперамент», по научным психологическим специальностям несколько различаются. Так, с категорией «характер» подготовлено 22 диссертации по специальности 19.00.01 (общая психология, история психологии, психология личности); 12 — по 19.00.07 (педагогическая психология); 3 — по 19.00.11 (психология труда в особых условиях) и по 19.00.13 (психология развития); по одной диссертации — по 19.00.03 (психология труда, инженерная психология, эргономика); по 19.00.04 (медицинская психология); по 19.00.05 (социальная психология). С категорией «темперамент»: 30 диссертаций по специальности 19.00.01 (общая психология, история психологии, психология личности); 6 — по 19.00.07

(педагогическая психология); 3 — по 19.00.02 (психофизиология); 2 — по 19.00.04 (медицинская психология); 1 — по 19.00.11 (психология труда в особых условиях). В целом выявленные различия объясняются спецификой объектов исследований и подчеркивают междисциплинарный характер изучения рассматриваемых категорий.

Динамика защиты диссертаций по трехлетним периодам по психологическим и педагоги-

ческим наукам представлена на рисунке и показывает преобладание количества диссертаций по психологическим наукам. Это позволяет предположить, что в психологии эти категории изучались детальнее, фундаментальнее, чем в педагогике. При этом наблюдается снижение продуктивности по обеим наукам в 2016–2018 гг., что может объясняться общей тенденцией снижения количества диссертационных исследований в Российской Федерации в этот период.

Динамика количества диссертаций по психологическим и педагогическим наукам, содержащих в названиях категории «характер», «темперамент», по трехлетним периодам (1992–2018)

Dynamics of the number of dissertations in psychological and pedagogical sciences containing the categories «character», «temperament» in the titles for three years (1992–2018)

Вместе с тем рассмотрение динамики только в абсолютных показателях (количество диссертаций) не позволяет в полной мере оценить представленность изучаемой проблематики в полном массиве диссертаций. С этой точки зрения относительные показатели (количество диссертаций, выделенных по какому-либо признаку, приведенное к общему количеству диссертаций за аналогичный период) являются более информативными. Динамика по трехлетним периодам доли диссертаций, содержащих указанные категории в названиях, в общем количестве диссертаций по психологии представлена

в табл. 2. Относительные показатели свидетельствуют о разнонаправленных изменениях интересов отечественных ученых в изучении категорий «характер» и «темперамент». Так, с 2007 г. наблюдалось некоторое повышение интереса к категории «характер» и снижение к категории «темперамент» на фоне общих значений, не превышающих 1,0 % относительно общего количества диссертаций по психологическим наукам в этом период. При этом наиболее часто к категории «характер» диссертанты обращались в 2010–2012 гг., а к категории «темперамент» — в 1995–2000 и 2004–2009 гг.

Таблица 2. Динамика доли диссертаций и других научных трудов (РИНЦ) по психологическим наукам (к общему числу диссертаций по психологическим наукам), содержащих в названиях категории «характер» и «темперамент», по трехлетним периодам (1995–2018)

Table 2. Dynamics of the share of dissertations and other scientific papers (RSCI) in the psychological sciences (to the total number of dissertations in the psychological sciences) containing the categories «character» and «temperament» in the titles for three years (1995–2018)

Период, гг.	Доля диссертаций, содержащих в названиях категорию «характер» (кандидатские и докторские), %	Доля диссертаций, содержащих в названиях категорию «темперамент» (кандидатские и докторские), %	Доля научных трудов (кроме диссертаций), содержащих в названиях категорию «характер» (РИНЦ), %	Доля научных трудов (кроме диссертаций), содержащих в названиях категорию «темперамент» (РИНЦ), %
1995–1997	0,00	0,84	0,12	0,05
1998–2000	0,22	0,45	0,17	0,03
2001–2003	0,26	0,33	0,18	0,04
2004–2006	0,22	0,26	0,43	0,12
2007–2009	0,24	0,29	0,52	0,08
2010–2012	0,41	0,23	0,49	0,08
2013–2015	0,22	0,33	0,50	0,11
2016–2018	0,54	0,54	0,46	0,13

Предварительные выводы потребовали сопоставления с тенденциями аналогичных показателей по базе данных публикаций, индексируемых в РИНЦ (за исключением диссертаций), т.е. с динамикой доли психологических публикаций, содержащих в названиях исследуемые категории, к общему числу психологических публикаций в соответствующие временные отрезки. Выявленные по базе данных РИНЦ и массивов диссертаций тенденции также носят разнонаправленный характер.

Так, с 2016 г. наблюдается некоторое повышение доли диссертаций по обеим категориям. При этом максимальных значений в полный рассматриваемый период доля диссертаций с категорией «темперамент» достигла в 1995–1997 гг., а с категорией «характер» — в 2016–2018 гг.

В динамике долей научных трудов с этими категориями в названиях по базе РИНЦ не выявлено тенденций к повышению, а крайне незначительные изменения долей, которые зафиксированы в 2007–2018 гг., позволяют говорить о стабильности этих показателей. При этом к категории «характер» исследователи обращались с 1992 по 2018 г. чаще, чем к категории «темперамент», что может быть связано с двумя обстоятельствами:

— категория «темперамент» в рассматриваемый нами период являлась хорошо изученной, представления о темпераменте прочно вошли в учебники по соответствующим дисциплинам,

при этом необходимой характеристикой научных трудов является их научная новизна, которую было непросто обосновать в отношении этой категории;

— при расчете доли научных трудов с категорией «характер» из базы данных не были исключены названия, в которых слово характер использовалось в обыденном значении, например: «характер взаимосвязей...», что безусловно внесло искажения в расчет показателя.

В целом можно утверждать, что доля использования категорий «характер» и «темперамент» в названиях диссертаций и других научных трудов с 1992 по 2018 г. не превышала 1 %, что свидетельствует о незначительном интересе исследователей к изучению этих категорий.

Несколько иначе выглядят данные по сравнению доли докторских диссертаций, в названии которых обозначены категории «характер» и «темперамент», к общему числу докторских диссертаций по психологии. Доля докторских диссертаций по психологии относительно общего числа защищенных диссертаций (кандидатских и докторских) по психологическим наукам в 1990–2011 гг. составляла 7,9 % [Евдокимов В.И. и др., 2013], в то время как в нашем исследовании за период с 1992 по 2011 г. это соотношение составляет 10,5 % (характер) и 6,7 % (темперамент). Приведенные данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о том, что в период 1992–2011 гг. интерес ученых к фундаментальным проблемам характера был выше

средних показателей по психологическим наукам, а к проблемам темперамента — ниже, что подтверждает выявленную ранее тенденцию применительно к данным о динамике научных трудов (кроме диссертаций). Это может быть обусловлено тем, что фундаментальные проблемы темперамента разрабатывались и были представлены в диссертационных исследованиях до начала рассматриваемого нами периода.

Изучение научных и образовательных организаций и учреждений, в которых были выполнены (подготовлены) диссертации, содержащие в названиях категорию «темперамент», позволило выделить несколько научных школ, в рамках которых велась подготовка кадров высшей квалификации с опорой на категорию темперамента. В отношении категории «характер» профилированных центров подготовки таких кадров обнаружить не удалось.

В качестве количественного показателя продуктивности центров подготовки может выступать коэффициент концентрированности диссертационных исследований в центрах подготовки, предложенный авторами при изучении истории исследований категорий «индивидуальность» и «способности» [Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н., 2019, 2020]. Коэффициент представляет собой разность между единицами анализа и отношением количества центров подготовки к количеству выполненных в них диссертационных исследований.

Для базы диссертаций с категорией «характер» коэффициент концентрированности в центрах подготовки равен 0,34 (всего 61 центр, места подготовки 2 диссертаций не установлены, поэтому они не учитывались при расчете коэффициента); с категорией «темперамент» — 0,57 (27 центров, по 3 диссертациям информации нет, и они не учитывались при расчетах). Таким образом, специализированность центров подготовки диссертаций выше для категории «темперамент» и существенно ниже для категории «характер». При этом в период с 1992 по 2018 г. не удалось выявить центров подготовки кадров высшей квалификации, активность которых была бы стабильной в течение всего рассматриваемого периода.

Коэффициент концентрированности диссертационных исследований в центрах, на базе которых защищались диссертации с названиями, включающими категорию «характер» (показа-

тель концентрации защиты работ), равен 0,31 (всего 42 центра, место защиты 1 диссертации установить не удалось, она не учитывалась при расчете показателя), а таковой по категории «темперамент» — 0,35 (42 центра). Таким образом, выявлена относительно низкая специализированность центров защиты для обеих категорий.

Необходимо отметить, что за рамками изучаемого хронологического периода осталась продуктивная работа нескольких научных центров и отечественных ученых по научному руководству подготовкой диссертаций, содержащих в названиях категорию «темперамент». Так, с 1953 по 1991 г. было подготовлено не менее 25 диссертаций, из них — 1 докторская. Несмотря на то что научных руководителей 11 диссертаций установить не удалось, обращает на себя внимание продуктивность работы В.С. Мерлина, под руководством которого в этот период было подготовлено не менее 7 диссертаций (в том числе 1 докторская), содержащих в названиях категорию «темперамент» (1965–1983).

Под руководством В.В. Белоуса, научным руководителем при подготовке кандидатской и докторской диссертаций которого выступал В.С. Мерлин, подготовлено 3 кандидатские диссертации (1975–1991).

Выявлено также, что не менее чем по одной кандидатской диссертации было подготовлено под руководством Б.А. Вяткина (1980), В.Д. Небылицына и А.Е. Ольшаниковой (1974), Е.М. Никиреева (1988), В.М. Русалова (1979), Н.А. Худадова (1984).

Приведенные данные подтверждают гипотезу о том, что фундаментальные и прикладные проблемы темперамента активно рассматривались в научных трудах до 1992 г.

На основании анализа динамики количества диссертаций и других количественных показателей отечественных диссертационных исследований, содержащих в названиях категории «темперамент» и «характер» и выполненных в 1992–2018 гг., можно обоснованно сделать следующие выводы:

Тематическая классификация диссертаций, содержащих в названиях категории «характер» и «темперамент», по элементам системного описания объекта позволила выявить некоторые лакуны в изучении этих категорий, в част-

ности, не установлено ни одного диссертационного исследования, посвященного истории изучения проблем темперамента и характера. Кроме того, недостаточно представлены в формате диссертационных исследований такие темы, как методы воздействия на темперамент и диагностика свойств и характеристик понятия «характер». Можно ожидать, что материалы на эту тему будут актуальны и востребованы научным сообществом.

В выбранный период времени наиболее часто исследователи обращались к изучению различных аспектов темперамента и характера подростков, студентов (курсантов), детей и школьников и значительно реже — людей зрелого и позднего возраста, а также представителей отдельных профессиональных групп. Поэтому можно ориентировать исследователей на основе проведенного историко-психологического наукометрического анализа на более активное изучение проблем темперамента и характера и других половозрастных и профессиональных групп.

Исследование проблем характера и темперамента в 1992–2018 гг. носило междисциплинарный характер, при этом значительная часть диссертаций, содержащих в названиях эти категории, была защищена по психологическим и педагогическим наукам. Несколько удивительным является в этой связи фактическое отсутствие исследований темперамента и характера в медицинских науках, хотя значение этих психологических феноменов для сохранения и поддержания здоровья, протекания заболеваний и процесса реабилитации после них вроде бы не вызывает сомнений.

Выявлена тенденция к снижению абсолютного количества диссертаций по психологическим наукам к 2018 г. для обеих категорий, что, вероятно, связано с общим снижением количества защищенных диссертаций. При этом зафиксировано незначительное повышение относительной доли диссертаций по психологическим наукам с этими категориями в названиях (на фоне низких значений (менее 1 %) доли таких диссертаций в общем количестве психологических диссертаций).

С 2007 г. наблюдается стабильность доли использования изучаемых категорий в названиях научных трудов (кроме диссертаций) на фоне общих низких значений (менее 1 %).

Не установлено центров подготовки кадров высшей квалификации и центров защиты диссертаций, в которых с 1992 по 2018 г. стабильно (не менее одной диссертации за три года) подготавливались и защищались бы диссертации с названиями, содержащими категории «темперамент» и «характер». Скорее всего, это обусловлено не только, а может и не столько, падением интереса к изучению этих аспектов индивидуальности, но и трансформацией организации подготовки кадров высшей квалификации (аспирантов) в стране — перевод ее в статус третьего уровня высшего образования (ранее это была самостоятельная форма подготовки молодых ученых) — и перманентным «совершенствованием» и «модернизацией» системы работы диссертационных советов.

Вместе с тем степень специализации центров подготовки и защиты диссертаций относительно категории «темперамент» существенно выше, чем для категории «характер», что соотносится с данными о полноте и системности разработки этих категорий в диссертационных исследованиях.

Фундаментальные и прикладные проблемы темперамента активно рассматривались в научных трудах до 1992 г., что подтверждают сведения о не менее чем 25 диссертациях советского периода.

Заключение

Таким образом, использование количественных методов в историко-психологическом исследовании позволило получить новые данные для реконструкции истории изучения индивидуальности человека в отечественных научных работах и выявить неочевидные тенденции, что соотносится с актуальными трендами применения формализованной оценки результатов исследовательской деятельности в изучении научных направлений [Моргун А.Н. и др., 2021а, с. 112]. Используемая в нашем исследовании модель системного описания объекта (по Ганзену) оказалась конструктивной и адекватной задачам наукометрического историко-психологического исследования. Ее применение позволило провести тематическую классификацию научных исследований с различными категориями в названиях, осуществить сопоставительный анализ диссертаций с использованием категорий «темперамент» и «характер»,

что открывает возможности для сравнительно-синхронистического анализа на основе полученных количественных данных. С востребованием коэффициентов концентрации научных исследований в центрах подготовки и защиты диссертаций реализованы дополнительные возможности сравнительного анализа.

К тому же определены и проблемные зоны в реализации количественных методов, которые затрудняют применение их потенциала в историко-психологических исследованиях в полной мере, а именно:

– использование абсолютных и относительных показателей для проведения сравнительного анализа при неполной доступности к исходным данным для их вычисления;

– необходимость «ручного» анализа большого объема информации (в настоящем исследовании проанализированы названия более 3000 наименований научных трудов, а для более «популярных» у исследователей категорий количество наименований может превышать 10 000 единиц).

Список литературы

Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Крук В.М., Тимченко Г.Н., Харитонов А.Н. Актуальные проблемы психологии: указатель 1362 докторских диссертаций, 1935–2014 гг. / под общ. ред. А.Я. Анцупова. М.: Ассоц. «Лига содействия оборонным предприятиям», 2015. 416 с.

Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Крук В.М., Тимченко Г.Н., Харитонов А.Н. Проблемы психологического исследования: указатель 1050 докторских диссертаций, 1935–2007 гг. / под ред. А.Я. Анцупова. М.: Студия «Этника», 2007. 232 с.

Анцупов А.Я., Помогайбин В.Н., Пошивалкин О.А. Методологические проблемы военно-психологических исследований: обзор диссертаций — XX век. М.: Современный гуманитарный институт, 2000. 527 с.

Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.

Дорфман Л.Я. Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 3. С. 106–121.

Елисеева И.Н. История развития отечественной экстремальной психологии: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 26 с.

Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н. Наукометрический анализ отечественных диссертационных ис-

следований, содержащих в названиях категорию «способности» (1992–2018) // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления / отв. ред. Н.В. Борисова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. С. 76–94. DOI: <https://doi.org/10.38098/univ.2020.55.72.005>

Елисеева И.Н., Олейник Ю.Н. Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории «индивидуальность» в названиях диссертационных исследований, 1992–2018 гг.) // Методология, теория, история психологии личности: сб. ст. / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. С. 218–233.

Евдокимов В.И., Зотова А.В., Рыбников В.Ю. Медицинская психология: научометрический анализ диссертационных исследований (1980–2012 гг.). СПб.: Политехника-сервис, 2013. 76 с.

Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Когито-Центр: Ин-т психологии РАН, 2008. 511 с.

Логинова Н.А. Исследование одаренности в Петербургской психологической школе // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. С. 223–230.

Мазилов В.А., Слепко Ю.Н. Способности и одаренность в психологии: современное состояние отечественных и зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 598–622. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-598-622>

Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Институциональные факторы развития отечественной истории психологии (на материале РИНЦ) // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 1. С. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920013341-1>

Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: научометрический анализ на материале РИНЦ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6, № 1(21). С. 219–251. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.009>

Олейник Ю.Н. История психологии как история научных проблем: проблемологический подход // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2, № 1. С. 20–40.

Пермская психологическая диссердиада / сост. Б.А. Вяткин; Перм. гос. гум.-пед. ун-т. Пермь, 2015. 23 с.

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

- Antsupov, A.YA., Kandybovich, S.L., Kruk, V.M., Timchenko, G.N., Kharitonov, A.N. (2007). *Problemy psikhologicheskogo issledovaniya: Uказател' 1050 doktorskikh dissertatsiy. 1935–2007 gg.* [Problems of psychological research. Index of 1050 doctoral dissertations. 1935–2007]. Moscow: Studio «Ethnika» Publ., 232 p.
- Antsupov, A.YA., Kandybovich, S.L., Kruk, V.M., Timchenko, G.N., Kharitonov, A.N. (2015). *Aktual'nye problemy psikhologii: Uказател' 1362 doktorskikh dissertatsiy. 1935–2014 gg.* [Actual problems of psychology. Index of 1362 doctoral dissertations. 1935–2014]. Moscow: Assoc. «League for Assistance to Defense Enterprises» Publ., 416 p.
- Antsupov, A.Ya., Pomogaybin, V.N. and Poshivalkin, O.A. (2000). *Metodologicheskie problemy voenno-psikhologicheskikh issledovaniy: obzor dissertatsiy — XX vek* [Methodological problems of military psychological research: a review of dissertations — 20th century]. Moscow: MUH Publ., 527 p.
- Dorfman, L.Ya. (2008). [Methodological analysis of the theory of integral individuality V.S. Merlin]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 3, iss. 3, pp. 106–121.
- Eliseeva, I.N. (2015). *Istoriya razvitiya otechestvennoy ekstremal'noy psikhologii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [History of the development of domestic extreme psychology: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 26 p.
- Eliseeva, I.N. and Oleynik, Yu.N. (2020). [Scientometric analysis of domestic dissertational studies that contain the category «abilities» in their titles (1992–2018)]. *Individual'noe, natsional'noe i global'noe v soznanii sovremennoego cheloveka: novye idei, problemy, nauchnye napravleniya* [Individual, national and global in the minds of modern man: new ideas, problems, scientific directions]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 76–94. DOI: <https://doi.org/10.38098/univ.2020.55.72.005>
- Eliseeva, I.N. and Oleynik, Yu.N. (2019). [The concept of «individuality» in the titles of dissertations 1992–2018 (scientific analysis)]. *Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti* [Methodology, theory, history of personality psychology]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 218–233.
- Evdokimov, V.I., Zotova, A.V. and Rybnikov, V.Yu. (2013). *Meditinskaya psikhologiya: naukometricheskiy analiz dissertatsionnykh issledovaniy (1980–2012 gg.)* [Medical psychology: scientometric analysis of dissertation research (1980–2012)]. St. Petersburg: Politehnika-Service Publ., 76 p.
- Ganzen, V.A. (1984). *Sistemnye opisaniya v psikhologii* [System descriptions in psychology]. Leningrad: Leningrad University Publ., 176 p.
- Kol'tsova, V.A. (2008). *Istoriya psikhologii. Problemy metodologii* [History of psychology: Problems of methodology]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., IP RAS Publ., 511 p.
- Loginova, N.A. (2020). [Research on giftedness at the St. Petersburg psychological school]. *Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nykh peremen* [Abilities and mental resources of a person in a world of global change]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 223–230.
- Mazilov, V.A. and Slepko, Yu.N. (2021). [Abilities and giftedness in psychology: the current state of domestic and foreign research]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 18, no. 3, pp. 598–622. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-598-622>
- Morgun, A.N., Oleynik, Yu.N. and Zhuravlev, A.L. (2021). [Institutional factors in the development of the domestic history of psychology (on the material of the RSCI)]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 1, pp. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920013341-1>
- Morgun, A.N., Oleynik, Yu.N. and Zhuravlev, A.L. (2021). [Thematic directions of domestic history of psychology as internal factors of the industry development: scientometric analysis based on the RSCI material]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]. Vol. 6, no. 1(21), pp. 219–251. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.sep.2021.21.1.009>
- Oleynik, Yu.N. (2018). [History of psychology as a history of scientific problems: a problemological approach]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Chelovek i mir* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Man and the World]. Vol. 2, no. 1, pp. 20–40.
- Vyatkin, B.A. (ed.) (2015). *Permskaya psikhologicheskaya disserdiada* [Perm psychological dissertation]. Perm: PSHPU Publ., 23 p.

Received: 01.02.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторах

Олейник Юрий Николаевич

кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей психологии,
социальной психологии и истории психологии

Московский гуманитарный университет,
111395, Москва, ул. Юности, 5;
e-mail: yurii03@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4233-9294>
ResearcherID: AAX-6686-2021

Елисеева Ирина Николаевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии,
социальной психологии и истории психологии

Московский гуманитарный университет,
111395, Москва, ул. Юности, 5;
e-mail: eliseevain2018@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2835-9771>
ResearcherID: AAD-9038-2022

About the authors

Yuri N. Oleinik

Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department of General Psychology,
Social Psychology and History of Psychology

Moscow University for the Humanities,
5, Yunost st., Moscow, 111395, Russia;
e-mail: yurii03@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4233-9294>
ResearcherID: AAX-6686-2021

Irina N. Yeliseyeva

Candidate of Psychology, Associate Professor
of the Department of General Psychology,
Social Psychology and History of Psychology

Moscow University for the Humanities,
5, Yunost st., Moscow, 111395, Russia;
e-mail: eliseevain2018@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2835-9771>
ResearcherID: AAD-9038-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Олейник Ю.Н., Елисеева И.Н. История исследований темперамента и характера в отечественной психологии: научометрический анализ диссертационных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 65–77. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-65-77

For citation:

Oleinik Yu.N., Yeliseyeva I.N. [History of temperament and character research in Russian psychology: scientometric analysis of dissertation research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 65–77 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-65-77

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-78-90

КОМУ НУЖНА СЕГОДНЯ ЭТА ФИЛОСОФИЯ?

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЕТ СОМНЕНИЕ В НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В ВУЗАХ РОССИИ

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Культура есть синтетическая характеристика уровня развития человеческой сущности, проявляющаяся в деятельности человека и результатах этой деятельности, к коим относится и философия. Но философия не «рядовой» компонент культуры, это «квинтэссенция человеческой культуры» (Маркс). Сложность в понимании человека как универсального социального существа и многогранность его деятельности являются факторами, определяющими дискуссии в трактовке сущности философии, ее задач, функций и роли в общественной жизни. Философия, по известному определению Гегеля, есть эпоха, выраженная в мыслях. Чтобы познать эпоху или конкретное общество, необходимо изучить и понять его философию, поскольку она является индикатором состояния существующей социальной реальности. Исторический процесс является выражением развивающейся человеческой сущности, проявляющейся и в развитии самой философии. Однако этот процесс имеет противоречивый, неоднородный характер, где мощные подъемы чередуются с кризисами, дающими о себе знать и в самой философии. Но состояние последней не является простым зеркальным отражением характера процессов, происходящих в социальной реальности. Здесь, как свидетельствует история, существует взаимная обусловленность. Философия может способствовать углублению кризисных тенденций в общественной жизни, но может и помочь вывести общество из глубокого кризиса и даже изменить вектор его исторического движения.

Ключевые слова: философия и социальная реальность, кризис цивилизации, интеллектуальный кризис современного общества, деперсонализация человека, десубъективизация социальных индивидов, постмодернизм.

WHO NEEDS THIS PHILOSOPHY TODAY?

PART 1. WHY THERE IS SOME DOUBT ABOUT THE NEED TO TEACH PHILOSOPHY IN RUSSIAN UNIVERSITIES

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University (Perm)

Culture is a synthetic characteristic of the level of development of human essence, manifested in human activity and the results of this activity, which include philosophy. However, philosophy is not an «ordinary» component of culture, it is «the quintessence of human culture» (Marx). The complexity of understanding a person as a universal social being and the versatility of his activities are the factors that determine the dis-

cussions in the interpretation of the essence of philosophy, its tasks, functions, and role in public life. According to the well-known definition of Hegel, philosophy is an epoch expressed in thoughts. To know an era or a particular society, it is necessary to study and understand their philosophy since it is an indicator of the state the existing social reality is in. The historical process is an expression of the developing human essence, which is also manifested in the development of philosophy itself. However, this process is of a contradictory, heterogeneous character, with powerful upsurges alternating with crises, which are also felt in philosophy itself. On the other hand, the state of philosophy is not a simple mirror reflection of the nature of the processes taking place in social reality. Here, as history shows, there is a mutual conditioning. Philosophy can contribute to the deepening of crisis tendencies in public life, but it can also help bring society out of a deep crisis and even change the vector of its historical movement.

Keywords: philosophy and social reality, crisis of civilization, intellectual crisis of modern society, human depersonalization, desubjectivization of social individuals, postmodernism.

Введение

Трудно найти другую такую дисциплину, которая с самого начала своего возникновения и на протяжении почти трехтысячелетней истории порождала бы столько же вопросов, критических оценок, насмешек, анекдотов, как философия. Споры о том, что это такое, кто такие философы, чем они занимаются, какая польза от них, и нужны ли они обществу, фактически никогда не прекращались. Вопросы эти возникли и возникают не только у сторонних наблюдателей, но и у тех, кто занимается тем, что именуется ими философией. Начиная с Античности (Пифагор) каждая новая историческая эпоха в развитии философии и новые течения в ней ставили вопрос, что есть философия, каков ее предмет, задачи, роль в обществе и жизни человека. Учитывая этот непреложный факт, Т.И. Ойзерман справедливо относил вопрос «что такое философия» к числу основных философских вопросов. По мнению ученого, самовопрошание о своей собственной сущности, предмете предназначения является одним из существенных отличительных признаков философии [Ойзерман Т.И., 1982, с. 51].

Надо ли преподавать философию в учебных заведениях, если не понятно, что это такое, и не определен ее научный статус

Нерешенность проблемы, что такое философия, каково ее предназначение и какая польза от нее для общества, порождает сомнение в целесообразности преподавания этой дисциплины в вузах. Этот скептицизм значительно усилился, когда аналитики задались вопросом: «А является ли философия наукой?» Тема научности философии активно обсуждалась у нас в стране в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого столетия.

Само время, когда дискутировалась эта проблема, свидетельствует о том, что она имела не только теоретическое значение. Споры были инициированы известным советским и российским философом А.Л. Никифоровым, который в ряде своих работ довольно резко обозначил неявно существующую в обществознании точку зрения, что философию нельзя считать наукой [Никифоров А.Л., 1989]. Она отличается от последней по предмету познания, методам исследования и способу верификации полученных знаний. Многочисленные отклики на статью А.Л. Никифорова были опубликованы в номерах журнала «Философские науки» [Отклики на статью..., 1989, 1990а, 1990б, 1990с].

Подробный анализ теоретических споров тридцатилетней давности не входит в задачу данной публикации, тем более что автор этих строк имел возможность изложить свою точку зрения по этому вопросу [Мусаелян Л.А., 2000]. Поэтому представляется лишь необходимым отметить, что тогда большинство участников дискуссии не были согласны с противопоставлением философии и науки. Тем не менее проблема научного статуса философии остается до сих пор дискуссионной. Это и понятно, если отсутствует общепринятое определение философии и нет согласия в понимании науки, как можно провести демаркацию между ними и утверждать, что философия не есть наука [Отклики на статью..., 1990б, с. 70–71]. Точно также, видимо, нельзя доказать научность философии на основе экстраполяции отдельных признаков конкретного естественнонаучного знания на философию хотя бы потому, что наука не сводится исключительно к естествознанию. В этой связи можно согласиться с мнением акад. Т.И. Ойзермана, что

проблема, является ли философия наукой, оказывается одним из вариантов вопроса «что такое философия» [Ойзерман Т.И., 1982, с. 56].

Дискуссии о научном статусе философии по времени совпали с нарастающим социально-экономическим, политическим и духовным кризисом Советского Союза. Скептицизм в понимании научного статуса философии был прежде всего ориентирован в адрес марксистской философии, которая формально являлась идеологией и мировоззрением советского общества. Отсюда и сомнения в целесообразности преподавания философии в вузах страны. Наиболее отчетливо артикулировал эту точку зрения известный советский философ М.К. Мамардашвили, который видел в философии «средство пропагандистской апологии существующего положения дел в нашем обществе» [Мамардашвили М.К., 1992а, с. 27]. По мнению автора, природа философии такова, что невозможно (и, более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой системы знаний, которую можно было бы передавать другим и тем самым обучить их [Мамардашвили М.К., 1992б, с. 14]. Философия, утверждает Мамардашвили, это всегда некий внутренний акт сознания, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия [Мамардашвили М.К., 1992б, с. 14].

Позиция известного грузинского философа объяснима. Большой любитель И. Канта, он довел до логического конца точку зрения немецкого мыслителя о природе и предназначении философии. По мнению М.К. Мамардашвили, немыслим учебник по философии и истории философии. С его точки зрения, преподавание философии на нефилософских факультетах имеет задачу формирования у студентов некоторого единомыслия, клишированного мышления, далекого от природы философии, которая, будучи актом сознания, мышления, имеет субъективный, поливариантный характер [Мамардашвили М.К., 1992б, с. 25].

Идею о поливариативности и субъективности философии обосновывали и некоторые участники дискуссии о научном статусе философии [Отклики на статью..., 1990б, с. 65–66, 68–70]. Такой взгляд на философию существует и в современной литературе. Конечно, нельзя

отрицать, что философия существует благодаря творческой деятельности конкретных мыслителей. Но сводится ли она исключительно к учениям отдельных философов? Думается, что нет. Здесь уместно привести соображения акад. Т.И. Ойзермана. Как считал ученый, нетрудно ответить на вопрос, что такое философия Шеллинга, Ницше, Сартра, потому что их содержание может быть строго фиксировано. «Между тем, чтобы ответить на вопрос, “что такое философия?”, необходимо отвлечься от того, что отличает Шеллинга, Ницше, Сартра и многих других философов друг от друга. Но что остается после такого отвлечения, исключающего отличие одной философии от другой? Абстрактное тождество? Но оно лишь момент конкретного тождества, существенность которого находится в прямом отношении к существенности заключающегося в нем различия» [Ойзерман Т.И., 1982, с. 49]. На наш взгляд, даже историю философии нельзя представлять как череду сменяющих друг друга и конкурирующих друг с другом философских учений. Дело не только в том, что между ними существует определенная филиация идей, определяющая логику развития философии, но и в том, что сами эти концепции обусловлены социально-политической реальностью и интеллектуальным фоном, существующим в обществе. И то и другое явно и неявно отражается в философии.

Философия и изменяющаяся социально-политическая реальность

Из вышеизложенного следует, что понять смысл философских учений вне контекста существующей социально-политической реальности и интеллектуального фона очень сложно, если вообще возможно. В качестве примера можно привести предельно абстрактное учение Гегеля. Известно, что его диалектика была навеяна Великой Французской революцией и достижениями европейского естествознания XVIII в. Конечно, прав Гегель, определивший философию как эпоху, выраженную в мыслях. И в этом контексте философия не есть отдельное учение конкретного мыслителя и даже не множество подобных учений, в разных аспектах отражающих эпоху, а нечто общее, которое присутствует в этих различных учениях, объ-

единия их по своим существенным основаниям, о чём писал Т.И. Ойзерман.

В то же время сама философия так или иначе влияет на существующую реальность и без учета этого влияния невозможно адекватно понять и объективно оценить ее значение в истории человечества. В качестве примера можно привести учение Маркса, которое не только оказалось большое влияние на последующее развитие обществознания, но и определило ход исторических событий в XX в. Чем было бы учение Маркса без этого влияния? Очередной концепцией одного из глубоких немецких мыслителей XIX в., которых, вне сомнения, было немало.

Необходимо отметить, что скептическое отношение к философии в нашей стране имеет давнюю историю. Исключением разве что, но с определенными оговорками, можно считать советский период, когда философия официально признавалась мировоззрением и вместе с другими общественными науками выступала в качестве идеологии государства.

Общеизвестно, что формирование древнерусского этноса произошло относительно поздно и почти совпало с принятием христианства. Вскоре после крещения Руси происходит раскол христианства, который фактически не преодолен до сих пор. Безусловно, в годы лихолетий Русская православная церковь выполняла консолидирующую и мобилизирующую роль в обществе. Но вместе с тем она активно противодействовала проникновению в страну иной, особенно западной, культуры, которая после раскола христианства, однозначно оценивалась как враждебная. Такое же отношение Русской православной церкви было и к философии как феномену западной культуры. Играя на протяжении тысячи лет определяющую роль в духовной жизни страны, церковь формировалась в обществе «гадливо-боязливо» (В. Ключевский) отношение к философии, поскольку она рассматривалась как источник вольнодумства и возможной смуты. Желая оградить российскую молодежь от «обольстительного мудрствования» западных философских систем, царское правительство в середине XIX в. закрыло во всех университетах страны (за исключением Дерптского) философские факультеты и кафедры философии [Малинов А.В., Троицкий С.А., 2013]. Отношение официальной власти страны

к философии выразил министр народного просвещения, князь П.А. Ширинский-Шихматов известной фразой: «польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [Никитенко А.В., 1955, с. 334]. Крайне негативно воспринимала власть классическую немецкую философию, в особенности материализм Л. Фейербаха. Преподавание философии позволялось лишь в духовных учебных заведениях, где изучение этой дисциплины было подчинено Откровению. В университетах разрешалось изучать логику и педагогику, а преподавание этих дисциплин поручалось духовным лицам [Никитенко А.В., 1955, с. 334]. Свидетель этих решений крупный чиновник министерства просвещения А.В. Никитенко, благодаря которому и получила известность крылатая фраза российского министра, запишет в своем дневнике: «Общество быстро погружается в варварство: спасай, кто может, свою душу!» [Никитенко А.В., 1955, с. 336]. Автор афористически назовет эту эпоху «помрачением». Вследствие указанных причин в России не было Возрождения, Реформации, Просвещения и полноценного модерна, что и определило заметное наше отставание по уровню развития философской культуры от Запада [Межуев В.И., 2018].

Итак, если М.К. Мамардашвили аргументировал запрет на преподавание философии тем, что она порождает репродуктивное, клишированное мышление, мотивы решения Николая I определялись пониманием противоположных последствий изучения философии.

В последующие годы, в начале XX в., после Октябрьской революции философский маятник качнулся в противоположную сторону. Марксизм был провозглашен единственным научным мировоззрением и государственной идеологией страны. Монополизация духовной жизни общества сопровождалась гонениями духовенства и зачисткой социального пространства от открытых оппонентов большевиков и марксистской философии [Главацкий М.Е. 2002; Лившиц Р.Л., 2020]. «Стерилизация» социального пространства, в котором существовала марксистская философия, изъятие из вузовских программ по философии работ русских религиозных мыслителей, а также отечественных и зарубежных обществоведов, критикующих марксизм или придерживающихся иных взглядов, безусловно, обедняло духовную жизнь общества.

ства, способствовало догматизации советской версии марксистской философии, негативно сказалось на ее творческом потенциале и концептуальном иммунитете, что со всей очевидностью проявилось в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого века.

Необходимо отметить, что философия в той мере, в какой она изучает общество и социальные процессы, затрагивает интересы людей, так или иначе выполняет идеологическую функцию. Но даже при всех стараниях властей философия не может всецело превратиться в идеологию. При всех издержках прагматического подхода властей к философии она впервые в истории нашей страны обрела социально значимый статус. Осознание социальной вос требованности философии, как нам представляется, было немаловажным фактором достаточно успешной работы советских философов, особенно второй половины XX в. О впечатляющих интеллектуальных достижениях советской философии писали и зарубежные исследователи. «По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли», отмечал профессор Массачусетского технологического института Л.Р. Грэхэм [Грэхэм Л.Р., 1991, с. 415]. Эта оценка представляется важной, поскольку американский аналитик достаточно подробно исследовал функцию философии в ее связи с развитием естествознания и психологии в СССР. Автор этих строк встречался с американским ученым. Из беседы с ним можно было сделать вывод, что профессор Грэхем очень хорошо осведомлен о достижениях и проблемах советской философии и естествознания. «Как система мысли, — писал учений, — диалектический материализм не обладает сиюминутной утилитарной ценностью для ученых-исследователей, более того, перейдя в догму, он в нескольких случаях был серьезной помехой для них, хотя в других косвенно имел положительные эффекты, но все равно он имеет очень важное образовательное и эвристическое значение» [Грэхэм Л.Р., 1991, с. 415].

Углубляющийся кризис общества в конце 80-х быстро перерос в драматические события начала 90-х гг., следствием которых были радикальные изменения всех сфер общественной жизни. Философский маятник в стране в оче-

редной раз качнулся в противоположную сторону. Официально признанное ранее научное мировоззрение перестало быть духовным устремлением общества. Сохранить материализм, который через пропагандистские шоры позволял бы разглядеть сущность происходящего, — этого новая элита России не могла допустить. Поэтому наследие прошлого тоталитарного режима не могло не быть подвергнуто массированной атаке. Тем более что был недвусмысленный призыв Б.Н. Ельцина «разобраться, что они там на этих кафедрах преподают». Призыв Президента не был проигнорирован сервильной интеллигенцией, которая тут же вспомнила лозунг Вольтера. Элиминация научного материализма из общественного сознания страны чаще всего происходила не на основе серьезного критического анализа, а способом его вульгаризации и наклеивания политических ярлыков. Марксистская философия трактовалась как теоретическая основа советской модели социализма, которая ассоциировалась с тоталитаризмом, ГУЛАГом, беззаконием, нищетой и т.д. Простыть идеологом тоталитаризма, а тем более ГУЛАГа, никто не хотел. Поэтому в конце 80-х началось активное мировоззренческое «лингвирование» бывших марксистов. В начале 90-х бегство обществоведов от марксизма приобрело массовый характер. В общественном сознании возник мировоззренческим вакуум, который стал заполняться религией. Именно в это время все явственнее стали звучать призывы отменить преподавание философии в вузах и заменить ее теологией [Лекторский В.А., 2017, с. 141]. Понятно, что эта идея активно поддерживалась и лоббировалась во властных структурах иерархами Русской православной церкви.

Интеллектуальный кризис как выражение кризиса общества

В настоящее время для сомнения в необходимости преподавания философии в вузах видится две причины. Одна связана с состоянием философии, другая — высшего образования в России. Рассмотрим их вкратце.

Человечество в XX в. испытalo три глобальных кризиса: один в начале века, другой в сороковые годы, третий в конце прошлого столетия. Если философия есть эпоха, выраженная в мыслях, кризисы цивилизации не могли не получить отражение в мировой философии.

«Платой» западной (немарксистской) философии за выход из мирового кризиса стало «мельчание» философской тематики, отказ от мировоззренческих проблем, идеи исторического прогресса, тяга к иррационализму, гносеологическому релятивизму, агностицизму и т.д. Указанные тенденции усиливались в течение всего прошлого столетия. Известный немецкий мыслитель Дитрих фон Гильдебранд, оценивая состояние современной философии, указывает на жалкую роль, которую ей отводят сами философы, превращая ее в «служанку науки». Они, по мнению ученого, элиминировали из нее собственно философскую проблематику, сведя ее к проблемам естественных наук. Представители позитивизма, релятивизма и других течений, отмечает Гильдебранд, уважают любую науку, но отрицают объективную реальность, отказываются от методов философского познания и в то же время считают себя философами [Гильдебранд Д. фон, 1997, с. 6]. Учитывая проблематику и методы исследования, которые возникли в философии в результате кризиса цивилизации, ученик Гуссерля приходит к выводу: «Логический позитивизм, семантика и другие формы современного позитивизма, а также и бихевиоризм — это не какие-то ложные философии, это вообще не философия. Свой метод они заимствуют из естественных наук. Нормы верификации, имеющие силу для отдельных наук, не могут механически переноситься на решение философских вопросов» [Гильдебранд Д. фон, 1997, с. 9]. По мнению Гильдебранда, одна из причин дискредитации философии современными профессорами философии — в отсутствии у них философского взгляда на действительность. Ученый называет представителей современных течений могильщиками философии, поскольку они не решают философских вопросов и произвольными умозрительными построениями преграждают постижение истины.

Необходимо отметить, что негативные тенденции, возникшие в мировой философии в первой половине прошлого века значительно укрепились и развились в результате последующих кризисов цивилизации и формирования глобального неолиберального капитализма, социальной базой которого является потребительское, атомизированное общество, состоящее в своей массе из «частичных» (Маркс) ин-

дивидов (*homo economicus*) [Мусаелян Л.А., 2016]. Состояние современной философии является выражением глубокого кризиса буржуазного общества. Поэтому далеко не случайно то, что оценка многих известных российских исследователей состояния современной мировой и особенно российской философии совпадает с мнением немецкого мыслителя [Гобозов И.А., 2005, 2010; Каменский З.А., 1995; Миронов В.В., 2005]. С точки зрения И. А. Гобозова, тенденции, сложившиеся в философии в конце XX – начале XXI в., свидетельствуют об интеллектуальном кризисе современного общества. Это проявляется в «отсутствии в наше время великих мыслителей, великих ученых, чьи идеи могли бы охватить массы и помогли бы им избавиться от мещанства, от хрематистики, то есть от чрезмерного стремления к материальному богатству, от моральной и духовной деградации» [Гобозов И.А., 2010, с. 5]. «Постклассическая философия, — отмечает В.М. Межуев, — утратила роль главного “властителя дум” своего времени, уступив ее тем, кто далек от всякой философии» [Межуев В.И., 2017]. Иными словами, речь идет о том, что философия перестала выполнять одно из своих важных общественных назначений, ради которого она возникла и существовала в течение тысячелетий. Причина, по которой современная философия потеряла собственную сущность, — это дальнейшее дистанцирование от традиций классической философии.

Постмодернизм как отражение обыденной повседневности современной большой цивилизации

Указанная выше тенденция рельефно проявилась в постмодернизме, ставшем модным увлечением для многих молодых (и не очень) преподавателей вузов России. Как отмечается в аналитике, постмодернизм ужесточил критику рационализма и базовых принципов классической философии. Представители этого течения (Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делёз и другие) подвергли сомнению возможность разума в познании объективной действительности, отвергли существование истины и детерминизма, научного и социального прогресса. Показательны в этом отношении известные работы Ж. Бодрийяра «Симулякры и симуляции» и

Ж. Делёза «Различие и повторение». Авторы отстаивают релятивизм в морали, гносеологии, истории, мировоззрении, по существу во многом воспроизведя точку зрения нигилиста Ф. Ницше. Если различные течения позитивизма в первой половине XX в. возвеличивали науку и недооценивали философию, растворяя ее предмет в проблематике естествознания, то постмодернизм, обосновывая условность границы между научным фактом и вымыслом, истиной и ложью, высокой наукой и обыденным наблюдением, сбросил с пьедестала саму науку.

Гильдебранд отказал в статусе философии различным течениям позитивизма из-за того, что они используют методы частных наук, а не философии. Постмодернизм при описании реальности применяет методы, заимствованные из психоанализа, психиатрии, искусства, литературы, архитектуры, лингвистики, политологии и других дисциплин. Вместо устоявшихся категорий классической философии они вводят новые понятия и термины, заимствованные из разных наук без учета их значения и всякой логики [Сокал А., Брикмон Ж., 2002]. Вследствие этого они приобретают трудноопределяемый смысл [Деррида Ж., 1992]. Отмеченные особенности творчества постмодернистов затрудняют определение их жанра, хотя авторы позиционируют себя в качестве философов. Но философия, как подметил Гегель, есть эпоха, выраженная в мыслях. Постмодернизм как тенденция в культурной практике и самосознании современных стран есть выражение глубокого системного кризиса глобального неолиберального капитализма. Это эпоха паразитического капитализма, при котором делание денег при помощи денег, дерривативов и иных заменителей («симулякров») ценностей стало определяющим в общественной жизни. Это привело к маргинализации общественного, особенно материального, производства и материального труда. Отражением этих процессов стала деонтологизация [общественного] бытия, начатая Хайдеггером и подхваченная постмодернистами, превратившими язык — репрезант и инструмент социальной реальности — в единственную реальность. По мнению Р. Рорти, не существует верного понимания мира или бытия. Не может быть верного понимания отдельных вещей, к примеру, конституционного правления или движения планет, которые определяются языковыми играми, а они у каждого

философа свои [Рорти Р. и др., 2008]. Как отмечают авторы книги «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» А. Сокал, Ж. Брикмон, использование постмодернистами различных научных (или кажущихся научными) терминов имеет цель поразить, смутить неподготовленного читателя, продемонстрировать свою эрудированность (ложную). (Заметим, эрудированность автора работы, как правило, вызывает уважение и доверие читателя.) Если к этому добавить еще уверенность их суждений, то становится понятно, в чем секрет такой популярности постмодернистов у молодых философов в Европе и особенно в США. Однако, как отмечают А. Сокал и Ж. Брикмон, уверенность постмодернистов не основывается на их профессиональной компетенции в области естественных наук, математики, откуда они заимствуют различные термины и понятия, не задумываясь об их значении [Сокал А., Брикмон Ж., 2002]. По свидетельству С.П. Капицы, постмодернизм на Западе получил характеристику «эстетствующего иррационализма» [Капица С.П., 2002]. Постмодернизм нельзя понять и тем более объяснить вне той социально-экономической реальности, которая возникла на Западе во второй половине XX в.

Свободные рыночные отношения всегда воспевали идеологи буржуазного общества, поскольку они дают формальную возможность активным деятельным людям самореализовываться. Между тем свободные рыночные отношения — это социальная реальность, где, как отмечал Маркс, все обменивается на деньги и самореализация человека возможна лишь как акт продажи своих сущностных сил, энергии, талантов. Другими словами, это означает, что «всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельности. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления» [Маркс К., 1968, с. 144]. Поэтому отношение человека не только к природе, но и к другим людям строится как к средству удовлетворения своих потребностей и не более. Отсюда и дегуманизация всех сфер общественной жизни, деградация и примитивизация культуры, девальвация социальных норм и ценностей [Гобозов И.А., 2009].

Для современной эпохи характерны динамизация общественной жизни, быстрая смена потребностей, возрастание конкуренции на рынке труда. Эти тенденции меняют человека, способствуют его деперсонификации. Чтобы сохранить на себя постоянный спрос на рынке труда, человек должен все время меняться. «Личность с рыночным характером, — писал Э. Фромм, — по сравнению, скажем, с людьми XIX в. не имеет даже собственного “Я”, на которое они могли бы опереться, ибо их “Я” постоянно меняется в соответствии с принципом “Я такой, какой я вам нужен”» [Фромм Э., 2000, с. 367]. Поэтому кризис современного общества, — отмечает философ, — это кризис идентичности [Фромм Э., 2000, с. 368]. «Человек эпохи постмодерна, — отмечает И. А. Гобозов, — это массовый человек, характерной чертой которого является полная потеря своей индивидуальности» [Гобозов И.А., 2010, с. 16]. В центре внимания постмодернистов — общество, состоящее из людей лишенных своей индивидуальности и оригинальности. Подобную социальную реальность Ж. Бодрийяр называет массой. «Масса, — пишет философ, — выступает характеристикой нашей современности... Масса не обладает ни атрибутами, ни предикатами, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность или радикальная неопределенность... Ее “социологическое определение” это “бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1”. Масса — это “восхитительный союз тех, кому нечего сказать и которые не говорят”» [Бодрийяр Ж., 2000]. По мысли французского философа, масса — это «молчаливое большинство», сфера проявления которой симуляция в пространстве, где социальное уже отсутствует [Бодрийяр Ж., 2000].

Чтение цитируемой работы Ж. Бодрийяра, как и произведений других авторов, кажется, дает основание для вывода, что постмодернизм есть рефлексия современного атомизированного, манипулируемого общества. Касаясь этого вопроса, И.А. Гобозов отмечает, что постмодернизм есть шаг назад в философской рефлексии [Гобозов И.А., 2010, с. 15]. В самом деле, серьезный глубокий анализ современного кризисного мира и человека не является задачей этой философии. Да и та методология, которая применяется постмодернистами, не позволяла бы им решать подобную задачу, если бы даже ими она ставилась. Дистанцируясь от традиций

классической философии, постмодернизм избегает целостного, системного анализа социальной реальности. Метод и стиль постмодернистов — фрагментарное описание действительности. В фокусе их внимания чаще всего оказываются маргинальные, а не социально значимые, сущностные тенденции общественной жизни, для изучения которых традиционно применяются рациональные методы познания. Скажем, предметом исследования постмодернистов оказывается отношение капитализма к шизофрении, бред шизофреника, объявленного всемирно-историческим [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 35]. По признанию Ф. Гваттари, он «всегда был влюблён в шизофреников, увлекался ими». «Шизоидный дискурс» сформировал его как философа [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 27–28]. Шизоанализ в центре внимания и Ж. Делёза, которому он противопоставляет психоанализ [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 35]. Даже если не отрицать необходимости изучения указанных проблем, остается все же вопрос, а являются ли они философскими проблемами? А ведь постмодернисты позиционируют себя в качестве философов.

По мнению Ж. Делёза, использование абстракций для исследования истоков и первоначал — это возврат к эпохе модерна и усугубление кризиса философии. Проблему первоначал философия давно преодолела. Сама рефлексия о вечном, по мысли автора, блокирует движение философии. «Философия, согласно Делёзу, не является коммуникацией, как не является она ни созерцанием, ни рефлексией: она представляет собой творчество, и даже революционное по своей природе, так как она постоянно создает новые концепты» [Делёз Ж., 2004, с. 177]. Философия — дисциплина, состоящая в творчестве концептов, а сам философ — творец [Делёз Ж., Гваттари Ф., 1998, с. 32]. Чтобы соответствовать подлинным проблемам, творимые концепты должны быть необычными, странными, парадоксальными и не сводиться к простому мнению, сообщению, обсуждению [Делёз Ж., 2004, с. 178]. Трактовка концепта, даваемая Делёзом и Гваттари, безусловно, отвечает этим требованиям необычности и странности. «Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 32]. Постмодернизм довел до ло-

гического завершения заложенную позитивизмом и особенно неопозитивизмом (лингвистической философией) тенденцию освобождения философии от собственно философской проблематики, превратив язык в единственную реальность, с которой может иметь дело философ. Как пишет Делёз, великие философы являются великими стилистами. «Стиль в философии — это движение концепта... Стиль — это вклад в изменение языка, в модуляцию, а также в напряжение всего языка по отношению к внешнему» [Делёз Ж., 2004, с. 183]. По мнению автора, чтобы придать жизнь концептам, язык должен быть гетерогенным, лишенным равновесия, позволяющим из особенностей самого языка видеть сущность, о которой мы и не догадываемся. Движение концептов, как отмечает Делёз, не отличается последовательностью, их неправильные очертания не соответствуют друг другу, и как фрагментарные целые они не являются деталями целостной мозаики. Иначе говоря, движение концептов не подчиняется логике. «В философии все, — отмечает Делёз, — как в романе: здесь следует спрашивать, “что же будет?”, “что произошло?”. Только персонажами являются концепты...» [Делёз Ж., 2004, с. 183]. Поэтому чтение работ постмодернистов оставляет ощущение, что это поток сознания (такую же характеристику дает и сам Делёз), объективированного в наборе понятий, терминов, слов, не всегда оформленных в виде завершенных суждений, имеющих понятный смысл. К тому же в работах часто отсутствует единая логика повествования.

Поэтому было бы правильным сказать, что читаемые тексты — это поток «скачущего сознания», в котором трудно уловить идею работы. Даже для подготовленного читателя становится актуальным выявление смысла не только всей работы, но и ее фрагмента, который вследствие особенностей языка явно не выражен. Читая труды постмодернистов, невольно вспоминаются мудрые замечания академика Д.С. Лихачева. «...Язык научной работы, — писал известный ученый, — не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена» [Лихачев Д.С., 2018, с. 356]. Но вот вопрос, можно ли считать творчество концептов постмодернистами образцом научной работы, если они фактически отрицают связь языка и мысли. Постмодернизм не признает классической референциальной теории знака, согласно которой

знаку (понятию, термину, слову) в предметном мире соответствует денотат, а значение знака, выражающее отношение знака к обозначаемому предмету (денотату) в сознании субъекта, выступает как мысль или, иначе, как смысл знака [Губанов Н.И., 2007, с. 55]. Отрицание обязательной связи языковых знаков с обозначаемым предметным миром лишает язык своей собственной сущности, ибо отрицаются основополагающие функции языка — экспрессивная, номинативная, коммуникативная. Язык превращается в систему графических знаков представленных в тексте.

Отрицание постмодернистами обязательной референции между знаком и предметом является основанием признавать полисемантичность знака и в целом текста. Истина объявляется устаревшим понятием прежней философии. Любая интерпретация текста, любая точка зрения становится равновероятной. Такая позиция объясняет особенность понимания постмодернистами познавательной функции философии. Творческая деятельность философа по созданию различных концептов вовсе не означает получения новых более глубоких или полных знаний о действительности. «В философии, — утверждает Ж. Делёз, — мы отказались от принципа “прогрессивного развития знаний”: один и тот же курс адресуется студентам как первого, так и любого другого года, студентам и не студентам, философам и не философам...» [Делёз Ж., 2004, с. 181]. Дело в том, что эта философия не прибавляет человеку новых знаний, не делает его мудрее. К подобному выводу приходят и российские поклонники постмодернизма. Так, одна из них после прочтения книги Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» пишет: «Если бы меня спросили, хорошая ли это книга, я бы ответила, что, безусловно, хорошая. Но если бы меня спросили, знаю ли я теперь, что такое философия, или, по крайней мере, знаю ли в большей мере, чем раньше, я бы ответила, что знаю не в большей мере, чем раньше. В чем же тогда ценность предлагаемой книги знаменитых авторов “Капитализма и шизофрении”, разработавших столь привлекательный для многих отечественных философов и деятелей искусства шизоанализ? Пожалуй, основная ее ценность состоит в том, что эта книга производит впечатление современного философского сочинения, хотя

написана она восемь лет назад в 1991 году и авторы ее умерли» [Бубенцова К., 1998, с. 4].

Несомненно, постмодернизм одно из современных течений философии, но, как отмечается в аналитике, это отнюдь не магистральное ее направление, а побочная нисходящая ее ветвь, выражающая кризисные тенденции мировой философии [Губанов Н.И., 2007, с. 65]. Хотя постмодернисты отрицают рефлексивную функцию философии, было бы ошибкой не видеть связи между тем, что они пишут, и существующей социальной реальностью. Отрицание принципиальной разницы между ложью и истиной, симулятивной реальностью и самой социальной действительностью не есть результат большой фантазии постмодернистов, а обыденность современной большой цивилизации. Ложь, тиражируемая в тысячах СМИ, распространяемая ведущими информационными агентствами и социальными сетями, выдается за бесспорную истину. Постановочные виртуальные преступления (отравления, убийства) однозначно трактуются как реальные события для санкционирования и оправдания планируемых реальных преступлений. «Настала эпоха убийств на основе симуляции всеобъемлющей эстетики симуляции, — отмечает Ж. Бодрийяр, — убийства алиби — аллегорического воскрешения смерти, которая служила лишь для того, чтобы санкционировать институт власти, не имеющей без этого ни субстанции, ни автономной реальности» [Бодрийяр Ж., 2015, с. 50]. Поборники обмана и планируемых преступлений чаще всего выступают под личиной защитников правды, добра, справедливости. Пересмотр традиционных институтов брака и семьи, половой идентификации людей, граней между добром и злом, высоким искусством и тем, что искусством не является по определению, но называется таковым, это реальность современной западной цивилизации.

Значение постмодернизма заключается в том, что он заострил внимание на этих проблемах общественной жизни, являющихся симптомами глубокого кризиса современной капиталистической цивилизации. Однако отобразить посредством специфического языка кризисные тенденции социума — это даже не полдела. Ценность философии не только и не столько в этом, а в ее способности выявить причины возникновения в общественной жизни негативных тенденций и разработать способы их преодоления. На долю

философии приходится также научное обоснование пути последующего движения общества. Это принципиально важно, поскольку люди сами делают свою историю. Но постмодернизм не в состоянии выполнить эти социально значимые функции философии, реализация которых была определяющим фактором ее возникновения и почти трехтысячелетнего существования. Философия, согласно постмодернистам, не может вывести общество из кризиса, ибо «хаосу жизни» нельзя навязать никакую теорию [Ратников В.П., 2001]. Общество есть сложная, постоянно изменяющаяся система, а представители этого течения не признают системного метода исследования, отрицают причинно-следственные связи, каузальность. Определяя свою цель как творчество концептов, постмодернизм занимается языковыми играми, редуцирует реальный мир к миру смыслов и превращает философию в «толкование толкований» [Момджян К.Х., 2021]. Современный научный анализ кризисной социальной реальности заменяется интерпретациями текстов, а замысловатые рассуждения имитируют научную мыслительную деятельность. Но где могут быть использованы результаты такого творчества, если еще учесть, что, с точки зрения постмодернистов, знания лишены объективности? В этой связи вполне понятен вопрос профессора И.А. Гобозова — кому нужна такая философия?!

Список литературы

- Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.
- Бубенцова К. Философия как практика создания концептов // Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 4–5.
- Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1997. 373 с.
- Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 224 с.
- Гобозов И.А. Глобализация и примитивизация общества // Философия и общество. 2009. № 2(54). С. 5–19.
- Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3(59). С. 5–21.

Гобозов И.А. Куда катится философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу. М.: Издатель Савин С.А., 2005. 202 с.

Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.

Губанов Н.И. Нищета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. № 1(45). С. 54–68.

Делёз Ж. О философии // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: Наука, 2004. С. 176–202.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Беседа об «Анти-Эдипе» // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: Наука, 2004. С. 25–40.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.

Каменский З.А. Философия как наука: классическая традиция и современные споры. М.: Наука, 1995. 175 с.

Капица С.П. Предисловие к переводу книги «Интеллектуальные уловки» Алана Сокала и Жана Брикмона // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллект. книги, 2002. С. 6–8.

Лекторский В.А. Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–143.

Лившиц Р.Л. Философский урок «Философского парохода» // Новые идеи в философии. 2020. Вып. 7(28). С. 207–216.

Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. СПб.: Азбука, 2018. 448 с.

Малинов А.В., Троицкий С.А. Русская философия под запретом (к 90-летию «философского парохода») // Новое литературное обозрение. 2013. № 1(119). С. 53–66.

Мамардашвили М.К. Быть философом — это судьба // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 27–40.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 14–26.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3–510.

Межуев В.И. Философия в современной культуре // Философский журнал. 2008. № 1. С. 14–23.

Межуев В.И. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 4. С. 171–180. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>

Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Соврем. тетради, 2005. 424 с.

Момджян К.Х. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 29–41. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-2-29-41>

Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.

Мусаелян Л.А. К вопросу о научности философии // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2000. Вып. 9. С. 196–205.

Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1826–1857. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.

Никифоров А.Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.

Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М.: Мысль, 1982. 301 с.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1989. № 12. С. 69–79.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 1. С. 82–87.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 2. С. 64–71.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 3. С. 102–110.

Ратников В.П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002. № 4(29). С. 120–132.

Рорти Р., Ваттимо Дж., Забала С. Каково будущее религии после метафизики? // Логос. 2008. № 4(67). С. 93–110.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллект. книги, 2002. 248 с.

Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. С. 185–437.

Получена: 26.01.2022. Принята к публикации: 05.03.2022

References

- Baudrillard, J. (2000). *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majorities, or, the end of the social]. Ekaterinburg: UrSU Publ., 96 p.
- Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Moscow: Postum Publ., 240 p.
- Bubentsova, K. (1998). [Philosophy as the practice of creating concepts]. *Deleuze J., Guattari F. Chto takoe filosofiya?* [Deleuze J., Guattari F. What is philosophy?]. Moscow: IEP Publ., St. Petersburg: Aleteyya Publ., pp. 4–5.
- Deleuze, J. (2004). [About philosophy]. *Deleuze J. Peregovory. 1972–1990* [Deleuze J. Negotiations. 1972–1990]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 176–202.
- Deleuze, J. and Guattari, F. (1998). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: IES Publ., St. Petersburg: Aleteyya Publ., 288 p.
- Deleuze, J. and Guattari F. (2004). [Discourse on «Anti-Oedipus»]. *Deleuze J. Peregovory. 1972–1990* [Deleuze J. Negotiations. 1972–1990]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 25–40.
- Derrida, J. (1992). *Pis'mo yaponskomu drugu* [Letter to a Japanese friend]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 53–57.
- Fromm, E. (2000). [To have or to be?]. *Fromm E. Velichie i ogranicennost' teorii Freyda* [Greatness and limitations of Freud's thought]. Moscow: AST Publ., pp. 185–437.
- Glavatskiy, M.E. (2002). «*Filosofskiy parohod*»: god 1922-y. *Istoriograficheskie trudy* [«Philosophical steamboat»: the year 1922: Historiographic studies]. Ekaterinburg: UrSU Publ., 224 p.
- Gobozov, I.A. (2005). *Kuda katitsya filosofiya?!* *Ot poiska istiny k postmodernistskomu trepu* [Who needs such philosophy? From the search for truth to postmodernism chatter]. Moscow: Savin S.A. Publ., 202 p.
- Gobozov, I.A. (2009). [Globalization and primitive-ization of society]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 2(54), pp. 5–19.
- Gobozov, I.A. (2010). [Intellectual crisis of society]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 3(59), pp. 5–21.
- Graham, L.R. (1991). *Estestvoznanie, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskem Soyuze* [Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union]. Moscow: Politizdat Publ., 480 p.
- Gubanov, N.I. (2007). [The poverty of the philosophy of postmodernism]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 1(45), pp. 54–68.
- Hildebrand, D. fon (1997). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 373 p.
- Kamenskiy, Z.A. (1995). *Filosofiya kak nauka: klassicheskaya traditsiya i sovremennoye spory* [Philosophy as a science: classical tradition and modern disputes]. Moscow: Nauka Publ., 175 p.
- Kapitsa, S.P. (2002). [Foreword to the translation of the book «Intellectual Tricks» by Alan Sokal and Jean Bricmont]. *Sokal A., Brikmon Zh. Intel'ektual'nye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna* [Sokal A., Brickmon J. Intellectual tricks. Criticism of modern postmodern philosophy]. Moscow: Dom Intellectual'noy Knigi Publ., pp. 6–8.
- Lektorskiy, V.A. (2017). [Why is philosophy needed today?]. *Voprosy Filosofii*. No. 7, pp. 140–143.
- Likhachev, D.S. (2018). *Zametki i nablyudeniya. Iz zapisnykh knizhek raznykh let* [Notes and observations. From notebooks of different years]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 448 p.
- Livshits, R.L. (2020). [Philosophical lesson «Philosophical ship»]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 7(28), pp. 207–216.
- Malinov, A.V. and Troitskiy, S.A. (2013). [Russian philosophy banned (to the 90th anniversary of the «Philosophical Steamboat»)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 1(119), pp. 53–66.
- Mamardashvili, M.K. (1992). [On understanding philosophy]. *Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu* [Mamardashvili M.K. On understanding philosophy]. Moscow: Progress Publ., Kul'tura Publ., pp. 14–26.
- Mamardashvili, M.K. (1992). [To be a philosopher is fate]. *Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu* [Mamardashvili M.K. On understanding philosophy]. Moscow: Progress Publ., Kul'tura Publ., pp. 27–40.
- Marx, K. (1968). [Economic Manuscripts 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., Vol. 46, pt. 1, pp. 3–510.
- Mezhuev, V.I. (2008). [Philosophy in modern culture]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. No. 1, pp. 14–23.
- Mezhuev, V.I. (2017). [Philosophy as an ideology]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 10, no. 4, pp. 171–180. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>
- Mironov, V.V. (2005). *Filosofiya i metamorfozy kul'tury* [Philosophy and metamorphoses of culture]. Moscow: Sovremennye Tetradi Publ., 424 p.

Momdzhyan, K.Kh. (2021). [Returning to the search for truth: once again on the status of contemporary social philosophy]. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 29–41. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-2-29-41>

Musaelyan, L.A. (2000). [To the question of the scientific nature of philosophy]. *Novye idei v filosofii: sbornik nauch. trudov* [New Ideas in Philosophy: collect. of scientific works]. Perm, iss. 9, pp. 196–205.

Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm: PSU Publ., 128 p.

Nikiforov, A.L. (1989). [Is philosophy a science?]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 6, pp. 52–62.

Nikitenko, A.V. (1955). *Dnevnik: v 3 t. T. 1: 1826–1857* [Diary: in 3 vols. Vol. 1: 1826–1857]. Moscow: Goslitizdat Publ., 543 p.

Oizerman, T.I. (1982). *Problemy istoriko-filosofskoy nauki* [Problems of historical and philosophical science]. Moscow: Mysl' Publ., 301 p.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyaetsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1989). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 12, pp. 69–79.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyaetsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by

A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1990). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 1, pp. 82–87.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyaetsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1990). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 2, pp. 64–71.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyaetsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1990). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 3, pp. 102–110.

Ratnikov, V.P. (2002). [Postmodernism: origins, formation, essence]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 4(29), pp. 120–132.

Rorti, R., Vattimo, Dzh. and Zabala, S. (2008). [What is the future of religion after metaphysics?]. *Logos*. No. 4(67), pp. 93–110.

Sokal, A. and Brikmon, Zh. (2002). *Intel'ektual'nye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna* [Intellectual tricks. Criticism of modern postmodern philosophy]. Moscow: Dom Intel'ektual'noy Knigi Publ., 248 p.

Received: 26.01.2022. Accepted: 05.03.2021

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>
ResearcherID: N-4762-2017

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>
ResearcherID: N-4762-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 78–90. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-78-90

For citation:

Musayelyan L.A. [Who needs this philosophy today? Part 1. Why there is some doubt about the need to teach philosophy in Russian universities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 78–90 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-78-90

УДК 111.852+159.9.072.59

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-91-107

НАСКОЛЬКО «ЗЛОВЕЩАЯ ДОЛИНА» ЗЛОВЕЩА НА САМОМ ДЕЛЕ? ОПЫТ ДЕКОНСТРУКЦИИ ДИСКУРСА

Столбова Наталья Викторовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Середкина Елена Владимировна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь),

Компания «Промобот» (Пермь)

Мышкин Олег Степанович

(пос. Гайны)

После того как японский ученый Масахиро Мори впервые столкнулся с феноменом, названным им «Зловещей долиной», предпринималось множество попыток объяснить это явление. Тем не менее и сегодня «Зловещая долина» остается проблемой не только для тех, кто по роду своей деятельности сталкивается с ней в техническом производстве, — инженеров-робототехников, программистов и дизайнеров антропоморфных роботов, но и для философии (в частности, философской антропологии и онтологии). В настоящей статье авторы не столько предлагают объяснение этого феномена (эта работа преимущественно остается делом психологов, социологов и философов, исследующих человеческую ментальность), сколько демонстрируют программу включения этой проблемы в схемы некоторых современных онтологий. Следуя за Тимоти Мортоном, рассматривающим «Зловещую долину» в книгах «Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира», «Стать экологичным» и ряде статей, авторы предприняли попытку продемонстрировать недостаточность как «классических», нововременных, подходов к анализу технического и его взаимодействия с людьми и, далее, — способа выстраивания технических практик, являющегося их результатом, так и инструмент-анализа М. Хайдеггера, предложенного им в «Бытии и времени». В статье демонстрируется, что проблема «Зловещей долины» представляет собой только один из примеров онтологического разрыва, основание для которого было заложено Модерном, и что ее разрешение возможно, следовательно, только путем ее рассредоточения в более широкой онтологической проблематике технического. Осуществление такого «рассредоточения» как в теоретическом аспекте онтологии, так и в аспекте преобразования наших практик — повседневных, мыслительных и производственных — может стать одним из краеугольных камней в фундаменте будущего существования людей и не-людей.

Ключевые слова: «Зловещая долина», человеко-машинное взаимодействие, инструмент-анализ, М. Хайдеггер, онтологический разрыв, объектно-ориентированная онтология, гиперобъекты, Г. Харман, Т. Мортон.

HOW UNCANNY IS THE «UNCANNY VALLEY»? EXPERIENCE OF DECONSTRUCTING A DISCOURSE

Natalya V. Stolbova

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Elena V. Seredkina

Perm National Research Polytechnic University (Perm),
Promobot Company(Perm)

Oleg S. Myshkin

(*Gainy*)

After the Japanese scientist Masahiro Mori first described the phenomenon that he called the «Uncanny Valley», numerous attempts were made to explain it. However, the uncanny valley still remains a problem not only for people who encounter it in technical production (robotics engineers, programmers, and designers of anthropomorphic robots) but also for philosophy, in particular, for philosophical anthropology and ontology. This article attempts not so much to *explain* this phenomenon — this work primarily remains with psychologists, sociologists, and philosophers who study the human mentality — but demonstrate a program to increase this problem into the schemas of some contemporary ontologies. We will follow Timothy Morton who explores the uncanny valley in his books *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*, *Being Ecological*, and in a number of articles. We will attempt to demonstrate the insufficiency of both the «classical» (Modern) approaches to the analysis of the technical and the tool analysis proposed by M. Heidegger in *Being and Time*. Then we will try to show that the problem of the uncanny valley is only an example of the ontological gap the foundation for which was laid by the Modern, and, therefore, its solution is only possible by diffusion it in broader problems of the philosophy of technology. The implementation of such «diffusion» both in the theoretical aspect of ontology and in the aspect of transformation of our practices — everyday, mental, and industrial — can become one of the cornerstones in the foundation of the future ecological coexistence of the human and non-human entities.

Keywords: «Uncanny Valley», human-robot interaction, tool analysis, M. Heidegger, ontological gap, object-oriented philosophy, hyperobjects, G. Harman, T. Morton.

Ник Фьюри:
— Так что же ему нужно?
Капитан Америка:
— Стать совершеннее. Быть лучше нас. Он штампует тела.
Тони Старк:
— По нашему подобию.
Заметьте, биологически, человек как модель устарел, но он придерживается канона.
х/ф «Мстители: Эра Альтрана»

лять интересы человечества и всеми силами защищают Землю. Против них выступает Альтрон, с завидным упорством стремящийся телесно воплотить себя во множестве антропоморфных роботов, несмотря на неэффективность человеческой формы, провозглашаемую персонажами фильма. То есть и супергерои, и злодей действуют, исходя не из своего способа существования, а из некоего общего понимания человеческого, от их телесности totally оторванного, но при этом являющегося непременным ориентиром для них. Фактически, здесь мы имеем дело с разрывом² между человеческим и нечеловеческим, преодоление которого в таком образце современного медиаконтента, как сага о *Мстителях*, отдается на откуп субъективным практикам «заботы о себе»: мы все разные, но можем быть «людьми», если захотим. Альтрон же является злодеем только по-

Введение

В эпиграф статьи вынесен фрагмент дискуссии¹ *Мстителей* (из одноименной саги), состоявшейся после сражения с искусственным интеллектом Альтроном. Обсуждение содержит в себе концептуально значимый момент. Перед нами команда супергероев, состоящая из богов, киборгов и мутантов, но согласно сюжету фильма только эти существа могут представ-

¹ На языке оригинала текст дискуссии выглядит следующим образом: Nick Fury: «So, what does he want?». Captain America, «To become better. Better than us. He keeps building bodies». Tony Stark (Iron Man): «Person bodies. The human form is inefficient. Biologically speaking, we're outmoded. But he keeps coming back to it» (Кинопоиск. URL: <https://hd.kinopoisk.ru/?rt=4656e8214ac01eb184def93de9180621>(дата обращения: 10.10.2021).)

² Как правило, под онтологическим разрывом (the ontological gap — англ.) понимают различие, имеющее основополагающее значение при конструировании той или иной онтологии. Например, в случае трансцендентальной философии Канта под таким разрывом часто понимают различие между вещью-для-нас и вещью-в-себе, в случае философии Просвещения — различие между сущим и должно-ным, в случае философии Нового времени в целом — различие между людьми (прежде всего как активными познающими субъектами) и не-людьми (как пассивными познаваемыми объектами) и т.д.

тому, что он не становится «человеком», хотя и демонстрирует стремление к этому.

Если мы обратимся к более раннему дискурсу о не-людях, а именно к литературе эпохи романтизма, то разрыв между человеческим и нечеловеческим не только находится в центре внимания, но и представляется непреодолимым, фатальным и трагичным. Так, например, герой романа М. Шелли — Чудовище Франкенштейна — не только обладает огромной физической силой, но и самостоятельно (в полном одиночестве!) учится ориентироваться в пространстве, добывать пищу, разводить костер, пользоваться орудиями труда, говорить на незнакомом языке и мыслить в контексте философии своей эпохи. Однако демонстрируемые им чудеса социальной адаптации не только воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, но и в принципе не считаются чем-то значимым. Монстр остается монстром не в силу действия какой-либо определенной причины (в конце концов, Чудовище может ни в чем не уступать большинству людей, оно даже может быть практически неотличимым от человека ни внешне, ни по поступкам, но от этого оно все равно не перестает быть чудо-

вищем), а вследствие, как считается, непреодолимости заранее установленного онтологического разрыва между человеком и нечеловеком. Аналогичную ситуацию мы видим и в таких произведениях о не-людях, как «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана (кукла Олимпия — нечеловек, так как у нее нет души, только безумец мог полюбить ее), «Нет женщины прекраснее» К. Мур (мозг, запертый в механическом теле, якобы должен обязательно утратить свою человечность, а потому — непременно превратиться в монстра), «Господин оформитель» (кукла, созданная по человеческому подобию, обязательно оказывается монстром, так как человек не может творить подобно Богу) и т.д. При взгляде на эти примеры можно сделать вывод, что гуманистический подход, сфокусированный на исключительном положении людей в бытии, на протяжении долгого времени являлся не просто доминирующим в европейской культуре, но и единственным возможным способом рассматривать не-людей.

Собственно, об указанном разрыве между человеческим и нечеловеческим и его возможном преодолении пойдет речь в нашей статье.

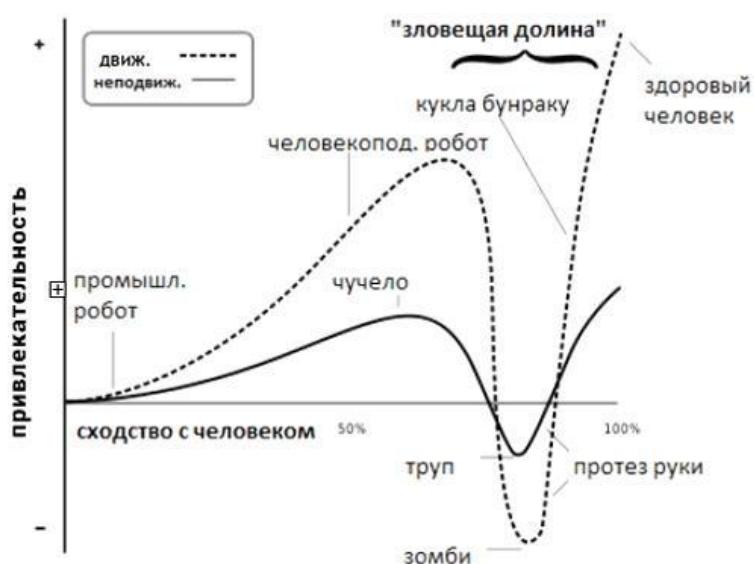

Рис. 1. Диаграмма «Зловещей долины», составленная М. Мори [Mori M., 2012]

Fig. 1. «Uncanny Valley» diagram by M. Mori [Mori M., 2012]

«Зловещая долина» в робототехнике

Более пятидесяти лет назад японский инженер Масахиро Мори выдвинул гипотезу о явлении, которое получило название эффекта «Зловещей долины»³. Мори утверждал, что чем больше робот похож на человека, тем легче человеку с ним общаться, но так происходит только до определенного предела. В тот момент, когда робот становится чрезмерно антропоморфным, он начинает вызывать у людей резкое когнитивное и эмоциональное отторжение. Был даже составлен условный график (см. рис. 1), иллюстрирующий зависимость привлекательности объекта для человека от степени антропоморфности этого объекта [Mori M., 1970].

Согласно классической интерпретации феномена «Зловещей долины», видимые несоответствия, возникающие как результат мельчайших неточностей при копировании человеческих черт, приводят к тому, что взаимодействие с роботом, который выглядит как «почти человек», но «еще не человек», становится непереносимым. Например, мы касаемся руки робота, который максимально похож на человека. Бессознательно мы ожидаем теплого человеческого рукопожатия, но вместо этого ощущаем твердый и холодный материал, из которого сделан корпус робота. Это вызывает у нас недоумение и отвращение (словно мы жмем холодную негнувшуюся руку живого трупа). Мы застываем в ужасе. Именно в этот момент мы находимся в зоне действия «Зловещей долины». Интересен также социально-культурный фон, на котором шла подготовка к печати эссе М. Мори «Bukimi No Tani». Речь идет о научно-технической выставке Expo 70, проходившей в Осаке (Япония) с 15 марта по 13 сентября 1970 г. под слоганом

«Прогресс и гармония для человечества»⁴. Среди прочего в нее были включены «кибернетический зоопарк» и десятки демонстрационных роботов. Согласно онлайн-каталогу выставки Expo 1970 здесь были выставлены роботы в виде гигантов, игрушки-роботы и др. [Expo'70, 2011]. Мори упоминает, что один из роботов, выставленных на Expo 70, имел 29 искусственных мышц на лице, что позволяло ему имитировать человеческую улыбку. Здесь Мори ссылается на мнение инженера-изобретателя, согласно которому улыбка представляет собой последовательность деформаций и скорость этой последовательности имеет решающее значение. Если рот робота движется слишком медленно, тогда производимый им эффект будет сводиться к тому, что он будет напоминать скорее ужасную гримасу, нежели улыбку. Если роботы, куклы, протезы будут слишком «человеческими», то ошибки типа «медленной улыбки» приведут к тому, что человек окажется в зоне «Зловещей долины» [Mori M., 2012; Robertson J., 2017, р. 154].

М. Мори не раз упоминал, что его гипотеза о «Зловещей долине» не имеет прочного научного фундамента и скорее представляет собой практическое руководство для инженеров. Об этом зачастую забывают ученые и философы, которые в ходе разработки своих аргументов и прототипов говорят о «Зловещей долине» как о реальном феномене. И действительно, основные положения гипотезы Мори все чаще подвергаются критике из-за ее научной наивности и эмпирической непоследовательности [Bartneck C. et al., 2009]. Результаты анализа конкретных исследований доказывают, что данное явление существует только при определенных условиях и что, возможно, существует не одна, а множество правдоподобных гипотез о «Зловещей долине» [Kätsyri J. et al., 2015].

Мори связывает данный феномен с человеческим фактором, как если бы все люди были «запрограммированы» одинаково. Более же вероятно, что широкий круг факторов, таких как физические и когнитивные способности, возраст, пол, гендер, сексуальность, этническая принадлежность, образование, религия и культурное происхождение, влияют на реакцию людей, ока-

³ Робототехник Карл МакДорман из Университета Индианы (США) был первым, кто перевел эссе Мори на английский в 2005 г. специально для японских коллег. Описывая эту первую версию перевода как «небрежную», МакДорман опубликовал более корректную версию в июне 2012 г. в издании IEEE Robotocs&Automation [Mori M., 2012]. Тем не менее термин «Зловещая долина» (Uncanny Valley) впервые был использован британским искусствоведом, критиком и редактором Ясией Райхардт (Jasia Reichardt) в ее книге: «Роботы: факт, вымысел, прогноз» (1978) [Reichardt J., 1978]. МакДорман и его коллеги-переводчики использовали название «Uncanny Valley» для эссе Мори, потому что это словосочетание было уже широко распространено в англоязычном научном и медицинском пространстве.

⁴ Подробнее о выставке см.: [Gardner W.O., 2011].

завшихся в зоне действия «Зловещей долины» [Robertson J., 2017]. Однако в любом случае феномен «Зловещей долины» продолжает оказывать серьезное воздействие на робототехнику и исследования в области взаимодействия человека и робота (Human-Robot Interaction, HRI).

В современном производстве андроидной техники эффект «Зловещей долины» проявляется экономически: в форме снижения потребительского спроса на новые модели роботов, которые становятся «слишком» антропоморфными. Производители реагируют на такие вызовы рынка двояко. С одной стороны, некоторые компании возвращаются к производству менее антропоморфных моделей. Например, семейный робот (домашний ассистент) Jibo, выпускавшийся с 2014 по 2019 г., был сделан намного менее антропоморфным, чем его предшественник, экс-

периментальная модель Kismet, именно для того, чтобы повысить покупательский спрос на него [Джордан Д., 2017, с. 216–217]. Другие компании, наоборот, стремятся максимально преодолеть различия во внешности между роботом и человеком. Их цель — воссоздать полную копию человека. График Мори показывает, что это возможно: после спада кривая снова идет вверх. В некотором смысле социально-психологическая проблема трансформируется в чисто инженерную задачу. Скорее всего, если робот будет гипер-реален и его нельзя будет отличить от человека, то коммуникация в системе человек–робот станет более эффективной. Наиболее известный пример здесь — геминоиды главы лаборатории робототехники Университета Осаки (Япония) профессора Хиродзи Ишигуру (рис. 2).

Рис. 2. Геминоид HI-2 (2009): робот является точной копией профессора Хиродзи Ишигуру, имеет 50 степеней свободы в реакциях поведении, что делает его очень похожим на реального человека.
Фотография К. Опперман [Mar A., 2017]

Fig. 2. Geminoid HI-2 (2009): the robot is an exact copy of Professor Hiroshi Ishiguro, it has 50 degrees of freedom in reactions and behavior, which makes it very similar to a real person.
Photographs by Cait Oppermann [Mar A., 2017]

Компания Promobot, российский производитель автономных сервисных роботов, также идет по этому пути. С 2019 г. она начала продажи робота-компаньона Robo-C, который максимально похож на человека. Это первый в мире человекоподобный андроид, который не только имитирует внешность человека, но и способен интегрироваться в бизнес-процессы. За последние несколько лет разработчики компании произвели несколько итераций человекоподобного робота: увеличилось число «мышц» на лице, повысилось качество «кожи» и т.д. Задача компании — воссоздать человеческий облик в полном объеме, чтобы робот был неотличим от реального человека (рис. 3).

В июне 2012 г. журналист Норри Кагеки взяла интервью у Масахиро Мори, которому на тот момент было 85 лет [Kageki N., 2012]. Среди прочего она задала японскому ученому следующий вопрос: существуют ли на данный момент роботы, которые «перешли» «Зловещую долину». Мори ответил, что таким роботом, возможно, является HRP-4C. Это робот-геноид, разработанный Национальным Институтом Передовой Науки и Технологии (National Institute of Advanced Industrial Science and Technology (AIST)) совместно с компанией Kawada Heavy Industries. Андроид был представлен широкой публике 16 марта 2009 г. и затем на Tokyo Digital Content Expo в 2010, где продемонстрировал свои улучшенные возможности мимики и танца (рис. 4).

Представленные выше примеры предлагают устраниить разрыв между человеческим и нечеловеческим путем *технологического приближения нечеловеческого к эталонному (человеческому)* образцу внешности и поведения: вся динамика развития технологий направлена на понимание и воссоздание антропоморфной формы в будущем.

Однако есть и другие варианты. Например, европейские исследователи П. Дюмушель и Л. Дамиано в своей книге «Жизнь с роботами» (2017) дополняют график М. Мори. Они отмечают, что после провала кривая начинает резко восходить и мы снова с удовольствием начинаем взаимодействовать с искусственными существами, которые теперь обладают сверхчеловеческими характеристиками (например, робот в образе Будды, робот с идеальной человеческой внешностью и т.д.). Эту зону подъема они называют областью, в которой робот «более человек,

чем сам человек» (more human than human) [Dumouchel P., Damiano L., 2017] (см. рис. 5). Ярким примером такого типа робота является робот Миндар, которого создала токийская компания A-Lab Co по образу и подобию богини милосердия Каннон. Робот имеет рост 195 см и вес 60 кг. В 2019 г. его представили в буддийском храме Кодай-дзи в Киото (см. рис. 6). В данном случае мы видим вариант преодоления «Зловещей долины» путем *рационального целеполагания*, направленного не только на развитие и совершенствование робота (и технологий, воплощением которых он является), но и на совершенствование самого человека, понимаемое весьма традиционно, — как стремление человека к Божеству.

Робототехники, выражаясь словами Б. Латура, «следуют за технологиями» [Латур Б., 2013], предлагая разработки, демонстрирующие технологические возможности сегодняшнего дня. Так, упоминавшаяся ранее в настоящей статье компания Promobot работает не только в области мехатроники или искусственного интеллекта, но и в области создания искусственных мышц и кожи, выводя свои разработки на мировой рынок сервисной робототехники. Она ориентирована на исследование высокоантропоморфных роботов с целью более эффективного внедрения своей продукции. Технология искусственной кожи и мышц требует глубокой аналитики взаимоотношений человек–машина и, в частности, проработки вопроса о «Зловещей долине».

Несмотря на факт, что попытки преодолеть «Зловещую долину» «инженерными» средствами (путем *технологического приближения нечеловеческого к человеческому* или же путем *рационального целеполагания*) несомненно приносят некоторые плоды; примеры, представленные выше, можно с определенной долей уверенности трактовать как иллюстрацию того, что мышление робототехников в этой области и сегодня продолжает вращаться вокруг основного модерного раскола между людьми и не-людьми. Но что произойдет, если мы попытаемся взглянуть на этот феномен с иной, не-модерной точки зрения? Как бы то ни было, прояснение онтологического статуса проблемы «Зловещей долины» может стать интересным экспериментом, результаты которого могут оказаться полезными как для философов, так и для инженеров-робототехников.

Рис. 4. HRP-4C — это робот-андроид женского рода с гипер-реальными чертами лица, который может ходить, петь и даже танцевать вместе с реальными исполнителями (HRP-4C Robots // Your Guide to the World of Robotics / The Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). URL: <https://robotics.ieee.org/robots/hrp4c/?gallery=photo2> (accessed: 10.10.2021))

Fig. 4. HRP-4C is a female android robot with hyper-real facial features that can walk, sing and even dance alongside real performers (HRP-4C Robots // Your Guide to the World of Robotics / The Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE). URL: <https://robotics.ieee.org/robots/hrp4c/?gallery=photo2> (accessed: 10.10.2021))

Рис. 3. Сервисный антропоморфный робот Robo-C от компании Promobot (подробнее см.: URL: <https://promo-bot.ru/production/robo-c/> (accessed: 03.11.2021))

Fig. 3. Service anthropomorphic robot Robo-C from Promobot Company (see more: URL: <https://promo-bot.ru/production/robo-c/> (accessed: 03.11.2021))

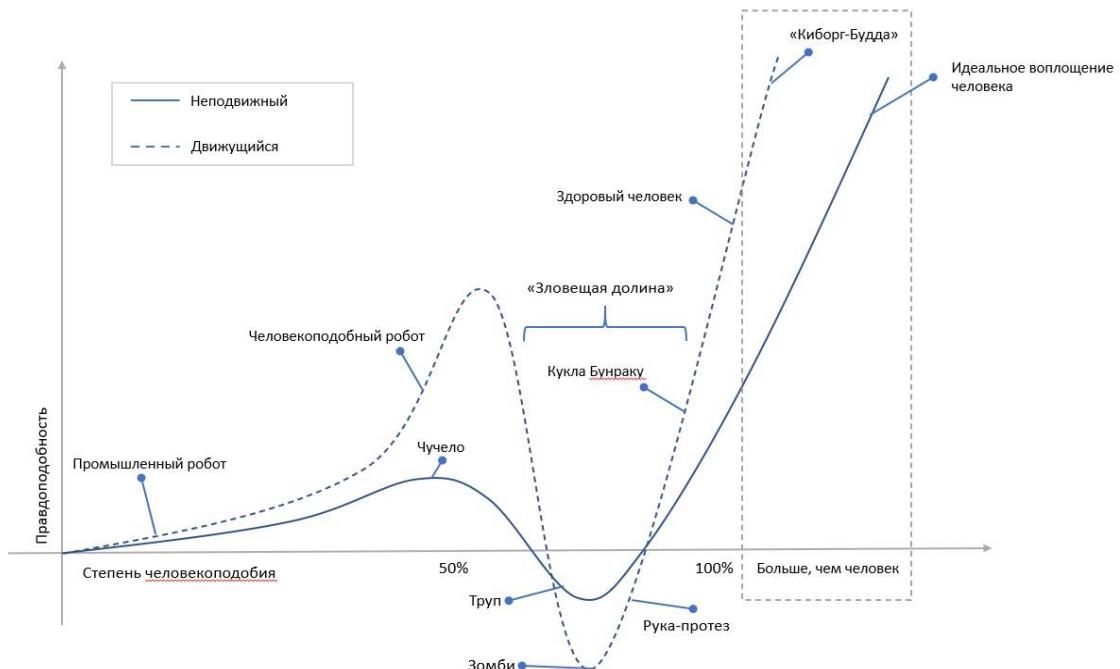

Рис. 5. График «Зловещей долины», дополненный П. Дюмушелем и Л. Дамиано [Dumouchel P., Damiano L., 2017]

Fig. 5. «Uncanny Valley» diagram, supplemented by P. Dumouchel and L. Damiano [Dumouchel P., Damiano L., 2017])

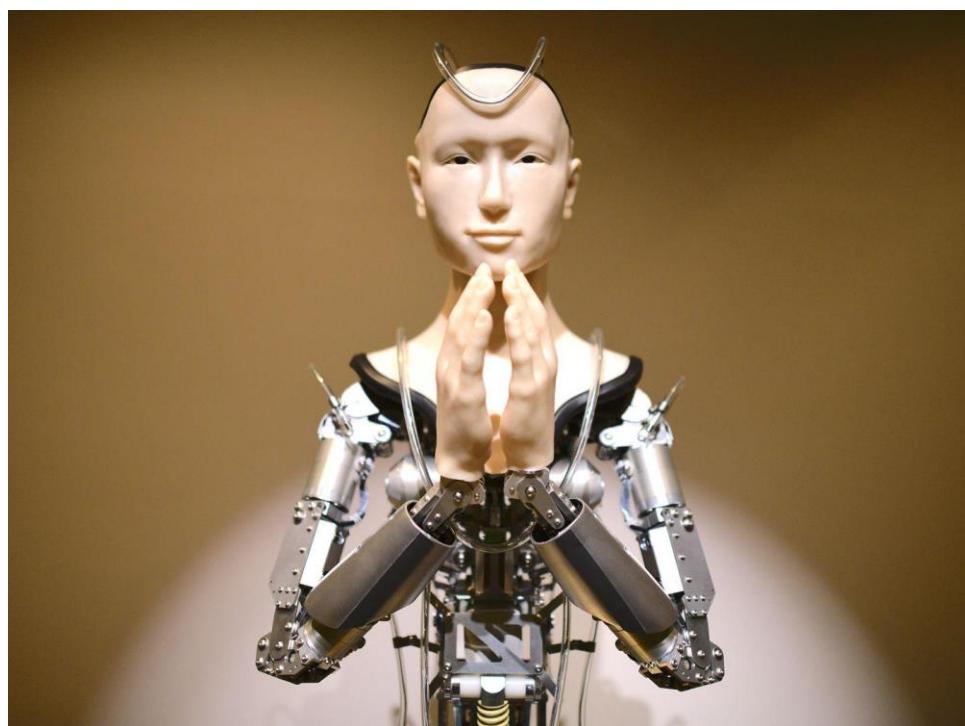

Рис. 6. Миндар — новый священник-андроид в храме Кодайдзи в Киото, Япония [Samuel S., 2020]
Fig. 6. Mindar is the new android priest at the Kodai-ji Zen Temple in Kyoto, Japan [Samuel S., 2020]

Онтологический статус «Зловещей долины»: от М. Хайдеггера к Т. Мортону

В этой, наиболее дискуссионной части статьи, мы постараемся продемонстрировать возможности, открываемые постановкой вопроса об отношении человек–машина (как частном примере отношения человек–не-человек) в терминах онтологии, следуя по линии, ведущей от философии техники М. Хайдеггера к объектно-ориентированной онтологии (ООО) Г. Хармана и «темной экологии» Т. Мортону.

Рецепция творчества М. Хайдеггера Г. Харманом и Т. Мортоном предполагает значительный пересмотр хайдеггеровской онтологии — в отличие от характерных для отечественной традиции историко-философских подходов, стремящихся к наиболее аутентичной реконструкции позиции М. Хайдеггера относительно техники. Авторы признают, что традиционный историко-философский подход не допускает тех значительных изменений, которые вносят в онтологию и философию техники Хайдеггера представители ООО и которые, однако, необходимы им для конструирования собственных онтологических концепций. Обычно философию техники М. Хайдеггера трактуют в рамках двух традиционно выделяемых периодов творчества немецкого мыслителя — периода «Бытия и времени» и послевоенного [Rosales-Rodriguez A., 1994]. Или же, как это принято в отечественной философии техники, — ориентируясь на поздний период его творчества [Тавризян Г.М., 2009, с. 134–161]. А. Михайловский предлагает интегральный подход, герменевтически преодолевая через тексты 30-х гг. смысловой разрыв между ранними и поздними текстами Хайдеггера [Михайловский А.В., 2016]. Некоторые исследователи сосредоточивают свое внимание на ряде отдельных вопросов, заполняя тем самым лакуны в отечественном хайдеггероведении, например, относящиеся к периоду так называемых «ранних лекций» [Михайлов И.А., 1999].

Г. Харман и Т. Мортон, концентрируясь непосредственно на идеях Хайдеггера относительно материального взаимодействия, выводят «инструмент-анализ» (представленный отчасти в лекциях 1919 г., а наиболее развернуто — в «Бытии и времени») из контекста фундаментальной онтологии и погружают его в контекст

современной онтологии объектов, или субстанций (ООО). В то же время нужно отметить, что в русскоязычном пространстве исследования творчества Т. Мортона иногда проводят именно с «аутентичных» хайдеггеровских позиций в контексте экзистенциальной онтологии (например, см. рецензию А.Г. Иванова и И.Н. Пупышевой на книгу Т. Мортон «Стать экологичным» [Иванов А.Г., Пупышева И.Н., 2019]). В противовес такому подходу в настоящем исследовании мы предпримем попытку разобрать «инструмент-анализ», прослеживая изменения, которые он претерпел на пути от фундаментальной онтологии к онтологии объектно-ориентированной.

Как уже было отмечено ранее, еще в одной из фрайбургских лекций 1919 г., «Идея философии и проблема мировоззрения», М. Хайдеггер рассуждает о докладе М. Вебера «Наука как призвание и профессия», направленном против «пророков с кафедр» (и смешения личной, ценностной позиции и позиции научной). Об основных идеях этой лекции Хайдеггера как предшествующей показанному более зрело и развернуто «инструмент-анализу» очень точно, с нашей точки зрения, писал Р. Сафрански [Сафрански Р., 2005, гл. 6]. Согласно интерпретации Сафрански, Хайдеггер, отталкиваясь от идей М. Вебера, изменяет саму постановку вопроса: вместо анализа дихотомии теоретических и ценностных суждений нужно взглянуть на сам способ формирования человеческого мировоззрения. Хайдеггер, сделав это, показывает, что указанная дихотомия глубоко вторична и на самом деле необходимо говорить об «изначальной установке переживания» (*die Urhaltung des Erlebens*), обычно ускользающей из поля внимания исследователей. Хайдеггер приводит пример о так называемом «переживании кафедры»: он заостряет внимание на том, что до того, как мы рационально «схватываем» (и совсем необязательно, что в принципе «схватываем») кафедру как предмет, мы переживаем ее в смутной связности с окружением, с ее укоренением особым способом в пространстве. Ведь кафедра «мирствует». И наши воспоминания о кафедре — это воспоминания не о кафедре как об отдельном предмете, а воспоминания об этом мирствовании, проглядывающем сквозь связи кафедры со столом, с цветом мебели и пола в аудитории, с речью преподавате-

ля, чьи лекции мы слушали в этой аудитории, etc. Затем приводится знаменитый и весьма неоднозначный пример о «сенегальском негре», вдруг чудесным образом оказавшемся в этой аудитории, и о его «переживании кафедры», которое является оживленным, своеобразным, но отнюдь не нейтральным. По Хайдеггеру, нельзя отказываться от «я», каким оно является в действительности, от того, как «я» переживает действительность, подменяя его искусственным, рациональным субъектом.

Именно идеи «изначального переживания», «мирности вещей» подробно рассматриваются позднее в «Бытии и времени» (§ 15–18). В этих параграфах представлен развернутый «инструмент-анализ», воспринятый Г. Харманом и легший в основу его «четвероякого объекта», а затем, опосредованно, — в основу подхода Т. Мортона, который мы проанализируем далее.

Итак, *Dasein* (человеческое присутствие) онтологически в своем устройстве есть бытие-в-мире. Повседневное бытие-в-мире Хайдеггер также называет *обращением в мире и с внутримирным сущим* [Хайдеггер М., 2003, с. 86]. Причем ближайшее обращение дотематично и тем более совсем не рационально. Оно представляет собой «орудиющее, потребляющее озабочение» [Хайдеггер М., 2003, с. 86]. Этот способ озабочения имеет свою специфику. Впервых, «повседневное присутствие всегда уже есть этим способом» [Хайдеггер М., 2003, с. 86]. Например, это предложение изначально было записано шариковой ручкой в блокноте в вагоне электрички «Пермь – Екатеринбург». Записывая текст вынужденно неровным почерком, автор не теоретизировал о том, что такое ручка, каков состав чернил в ней, каким образом писать так, чтобы движение электрички как можно меньше отражалось на почерке и т.д. Он просто взаимодействовал с вещами, а вещи, в свою очередь, взаимодействовали с ним внутри повседневности. И если бы автор каждый день практиковался в «калиграфии в электричках», то он мог бы достичь особого мастерства в этом деле. Встречающее в озабочении сущее — это отнюдь не единичные вещи. Хайдеггер называет такое сущее *средством* (*das Zeug*). И не просто средством, а *целым средством*. Ручка отсылает к чернилам, чернила — к листку из блокнота, блокнот — к столику, столик — к интерьеру вагона и т.д. Однако вся система вещей и отсылок в полном объеме не проявлена для *Dasein*

как бытия-в-мире. Вещи встречны нам своими гранями: перед нами простирается неровный ландшафт целого средств.

Неровность явленности встречных вещей как целого средств описывается М. Хайдеггером через и *Zuhandenheit* (англ. *readiness-to-hand*, подручность), и *Vorhandenheit* (англ. *presence-at-hand*, наличность). Подручность — это «способ бытия средства, в котором оно обнаруживает себя самим собой» [Хайдеггер М., 2003, с. 89]. Ручка и блокнот используются людьми, потому что они *есть* особым способом, они встречны озабочившемуся обращению. Эта встреча изначально не является продуктом *рационального целеполагания* (которое характерно для современных технологий, если смотреть с на них позиций инженерного мышления), но и назвать ее случайной нельзя. По Хайдеггеру, «употребляюще-орудиющее обращение не слепо, у него есть свой собственный способ смотреть, ведомый орудованием и наделяющий его специфической вещественностью» [Хайдеггер М., 2003, с. 89]. В чем же заключается этот способ? Ответ прост: подручное прячется в повседневных практиках⁵, но сама практика «несет целостность отсыланий, внутри которой встречает средство» [Хайдеггер М., 2003, с. 90]. Взаимодействуя с вещами, в основном мы не рационализируем это взаимодействие, взаимодействие первично.

Но как подручное может быть открыто и понято как чистая наличность (*Vorhandenheit*)? Каким образом подручное перестает прятаться? «Структура бытия подручного как средства определяется через отсылания», — вновь и вновь повторяет М. Хайдеггер [Хайдеггер М., 2003, с. 95]. Отдельного средства нет, оно всегда встроено через отсылания в структуру. И когда отдельное средство (*подручное*) становится *неподручным*, оно перестает «прятаться» и становится доступным для рассмотрения. Хайдеггер выделяет три варианта проявления «неподручного подручного»: «Модусы замет-

⁵ Стоит отметить, что здесь, говоря о «повседневных практиках» в целом, мы опираемся на понимание этого термина, характерное для постхайдегерианской теории повседневности и принятное, в частности, в подходе Т. Мортона (в рамках которого особой значимостью обладают эстетические практики). Среди прочего, изменение смысла понятия «повседневные практики» было вызвано тем, что М. Хайдеггер концентрирует свое внимание преимущественно на ремесленном производстве.

ности, навязчивости и назойливости имеют функцию вывести на свет в подручном характер наличия» [Хайдеггер М., 2003, с. 94].

Проясним способ проявления в подручном наличного в контексте рассматриваемого нами феномена «Зловещей долины». Для этого пообщаемся с роботами компании Promobot: с сервисным роботом Promobot V.4 и роботом с внешностью человека Robo-C. Представим, что они — неотъемлемая часть нашей повседневной жизни. Итак, мы заходим в торговый центр, в котором обычно нас встречает робот-промоутер, готовый нас проконсультировать. И в процессе консультирования робот выходит из строя, он «зависает», оборвав фразу... Поломка, выключенность из привычного способа быть-промоутером делает робота заметным (*заметность, Auffälligkeit*).

Другая ситуация. Мы заходим в торговый центр, но нас никто не встречает. Робот, обычно всегда готовый помочь, не замечает нас, не смотрит на нас, не оборачивается, глядя нам вслед, он просто стоит в углу. Он выключен. Подручный промоутер становится неподручным, и если нам нужна консультация, то отсутствие (пустота, образовавшаяся в структуре отсыланий) постоянно напоминает о себе (*навязчивость, Aufdringlichkeit*).

Третья ситуация (*назойливость, Aufsässigkeit*). Мы заходим в МФЦ и вступаем в коммуникацию с человекоподобным роботом Robo-C. Общаюсь с нами, он, жестикулируя, издает скрипучие звуки. Этот скрип настораживает, в нашем повседневном общении подобные шумы необычны. Скрип повторяется, нарушает повседневную размеренность, он назойливо привлекает к себе внимание снова и снова.

Однако и сам робот, не являющийся частью повседневной жизни и появляющийся в ней, нарушая тем самым привычный ход вещей, также может выступать в модусе назойливости. Роботы в принципе должны быть частью повседневной жизни, быть подручными изначально, их нужно допустить, иметь с ними дело (*Bewandtnis, имение дела*).

Для всех трех ситуаций характерно, что заметность обеспечивается тем, что в структуре отсыланий происходит разрыв, который и фиксируется. Причем если взаимосвязь отсыланий «охватить в смысле системы отношений» [Хайдеггер М., 2003, с. 109], то «подобными

формализациями феномены нивелируются настолько, что их собственное содержание теряется» [Хайдеггер М., 2003, с. 109]. Для Dasein как бытия-в-мире встреча с подручным как с внутримирным сущим — это встреча, «казарящая» систему отсыланий. Когда мы смотрим на робота, одетого в костюм клерка, мы видим не только набор вещей, взаимосвязанных друг с другом, но и мирствующего робота, экзистенциально связанного с нами. О чем напоминает этот костюм? Может быть, такой же костюм носил кто-то из знакомых? Может быть, всплывают какие-то иные воспоминания? И так далее.

Подход М. Хайдеггера соблазнителен тем, что он призывает сконцентрироваться на раскрытии мира через разрывы отсыланий и на попытках эти разрывы «излечить» (преодолеть), увидеть неровность ландшафта вещей по-другому. И, соответственно, пытаться преодолевать таким образом «Зловещую долину», внутримирно наблюдая за тем, как вещи являются свои новые грани, а ландшафт постепенно меняет свои очертания. Так мы попадаем в целую нишу понимания «Зловещей долины» психологией, менеджментом, медиа и так далее, работающими с изменением восприятия образа робота в обществе⁶. Бессспорно, эта позиция имеет право на существование и приносит свои плоды. Например, если робот-промоутер поворачивает голову, провожая взглядом прохожего, то этот простой жест вызывает у людей симпатию и увеличивает количество обращений к роботу⁷.

Однако, авторы придерживаются существующей в литературе точки зрения, согласно которой этот подход проявил свою ограниченность. Сегодня важно не просто работать над образом робота, но и переосмыслить «Зловещую долину» в целом. Объектно-ориентированные философы стремятся не столько опровергнуть положения Хайдеггера, сколько продемонстрировать, что понимание таких феноменов, как «Зловещая долина», в контексте экзистенциальной аналитики Dasein сегодня является недостаточным и нуж-

⁶ Подробнее о восприятии образа робота см.: [Zhdanova S.Yu. et al., 2022].

⁷ Речь идет об антропоморфном роботе Pepper, изготовленном японской компанией SoftBank Robotics в 2014 г. Об эксперименте подробнее см.: URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frobt.2019.00085/full> (дата обращения: 10.10.2021).

дается в переосмыслении⁸. Не фатальному разрыву, но способу сосуществования человеческого и нечеловеческого посвящена часть третьей главы книги Тимоти Мортон «Стать экологичным» [Мортон Т., 2019b]. Причем под нечеловеческим Мортон понимает не только роботов, а все возможные виды вещей. Мы бесспорно связаны с нечеловеческим, и связи эти весьма многообразны. Однако у людей сложился односторонний взгляд на нечеловеческое как на то, что соответствует особой человеческой эстетике (и, шире, специфике *Dasein* как бытия-в-мире, в понятийном аппарате М. Хайдеггера). Т. Мортон приводит пример о «харизматической мегафайне» (панды, тигрята, дельфины и др.), при помощи которой экологи призывают помогать природе, игнорируя при этом тех существ, которые не столь легко вписываются в рамки антропоморфной эстетики (червей, слизняков, бактерий). Согласно Мортону, в этом примере проявляется тот же самый эффект «Зловещей долины», просто перенесенный в область экологии из области робототехники. Фактически, вопрос о «Зловещей долине» — это не гипотеза в робототехнике, а вопрос о специфике неравномерности феноменологического восприятия в целом.

Т. Мортон, представляя «Зловещую долину» между двумя холмами, на одном из которых стоит человек, а на другом — безобидный робот, например, типа R2D2 из «Звездных войн» (и визуализируя тем самым график М. Мори), признает необходимость разрыва между человеческим и нечеловеческим на начальном этапе: люди сохраняют к роботам нейтральное отношение, если роботы, в свою очередь, не претендуют на место людей. Но чем больше ощущается близость с нечеловеческими существами, тем болезненнее люди эту близость воспринимают (вплоть до полного неприятия). Попытки же в условиях реального взаимодействия провести четкие и жесткие границы между человеческим и нечеловеческим сегодня неизбежно приводят к дискриминации не-человеческих существ, кото-

рая, как настаивает Мортон, приводит к печальным последствиям и для самого человека, поскольку «...в Зловещую долину... мы отправляем и людей» [Мортон Т., 2019b]. Но речь здесь идет не просто о страхе идентичности. (Если понимать это так, то мы снова окунемся в гуманистический дискурс в духе, например, эссе З. Фрейда «Жуткое» [Фрейд З., 1995].) Скорее, призыв Г. Хармана, Т. Мортон, Л. Брайанта, Д. Харауэй и других философов, ученых и активистов, озабоченных обделенностью не-людей надлежащим положением в бытии, призыв наделить нечеловеческих существ онтологическим равенством с людьми следует понимать как одно из следствий, вытекающих из онтологического поворота: как необходимость «принятия того, что вещи словно бы колеблются, к примеру, между знакомым и странным» [Мортон Т., 2019b]. Но как осуществить принятие того факта, что вещи колеблются? Что они соприкасаются с нами лишь какими-то своими границами? По Т. Мортону, ответ кроется в эстетике — эстетические практики дают возможность вещам захватить нас и тем самым сглаживают «Зловещую долину»: «опыт отношения к искусству усложняет — а иногда и делает невозможным — сохранение долины, в которой мы видим другие сущности в качестве “других”» [Мортон Т., 2019b]. «Зловещая долина» разглаживается, становясь «Призрачной равниной» (термин Т. Мортон). «Что такое Призрачная равнина? Это область, которая кажется совершенно плоской, причем она ширится во все стороны. На ней я не могу легко отличить живое от неживого, чувствующее от не-чувствующего, сознательное от не-сознательного. Все мои категории, которыми как раз и была вырыта долина, приходят в негодность. Они сбоят на самом глубинном уровне» [Мортон Т., 2019b].

Пока все вышесказанное звучит вполне в контексте фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Однако, как уже было отмечено ранее, Т. Мортон отнюдь не является хайдеггеранием в классическом смысле этого слова: «Причины моего обращения к Хайдеггеру, вне всякого сомнения, не подходят для хайдеггераниства в целом, и это означает, что мною отвергаются некоторые из линий мысли Хайдеггера. Понятие *мира* остается глубоко проблематичным... <...> Откровенно онтологическое позиционирование людей как наиболее значимой сущности и позиционирование немцев как

⁸ Концепции, теоретически обосновывающие такую недостаточность: в контексте непреодолимого корреляционизма этой аналитики у Леви Брайанта [Брайант Л.Р., 2019, с. 34], в контексте создания кантовско-уайтхедо-делёзианского проекта эстетики как первой философии у С. Шавиро [Шавиро С., 2018] и в наиболее четко артикулированном виде в контексте критики аналитики *Dasein* с позиции радикального имманентизма у Р. Брассье [Brassier R., 2001].

квинтэссенции этой значимости также подвергаются мною безжалостному отрицанию» [Мортон Т., 2019а, с. 36].

В онтологическом ключе Т. Мортон следует за Г. Харманом, который пишет о М. Хайдеггерем следующее: «Его знаменитый инструмент-анализ в “Бытии и времени” показывает, что наш с вами обычный способ обращения с вещами — вовсе не наблюдение их как наличных (*vorhanden*) в сознании, а молчаливое доверие им как подручным (*zuhanden*)» [Харман Г., 2015, с. 47]. И это молчаливое доверие будет обманутым, ведь, по мнению Хармана, вещи являются нам одними своими гранями и изымаются⁹ другими [Харман Г., 2015, с. 52]. В таком ключе практика работы со своим отношением к тому, что пугает нас в той или другой ситуации, — будь то робот или какой-либо иной объект — оказывается порочной, поскольку всякая вещь может повернуться к нам своей ранее изъятой гранью, явив тем самым разрыв отсыланий¹⁰.

Именно поэтому объяснение «Зловещей долины» посредством экзистенциальной аналитики *Dasein* оказывается важным, но недостаточным. Мортон выходит за рамки хайдеггеровского понимания, декларируя разрушение *мирности*. Это требует от человека реализации определенных культурных практик (эстетических, с точки зрения Т. Мортона) и, в частности, допущения постоянного присутствия нечеловеческо-

⁹ Как пишет Харман, под *изъятостью* объектов понимается то, что их «бытие лежит в потаенности от любой теории и практики ... не вследствие какой-либо особой заслуги или недостаточности человеческого *Dasein*; это происходит из того факта, что *все* отношения переводят или искажают то, с чем они соотносятся, — даже неодушевленные отношения. Когда огонь сжигает хлопок, то он налаживает связь только с воспламеняемостью материала. Предположительно огонь не вступает во взаимодействие ни с запахом, ни цветом хлопка, коль скоро они имеют значение только для тех существ, что снабжены органами чувств. Бессспорно, огонь способен изменить или уничтожить эти свойства, лежащие за гранью его постижения, но делает он это не напрямую: окольным путем некоторой дополнительной черты хлопка, с которой могут соприкасаться цвет, запах и огонь, вместе взятые. Бытие хлопка изымается из пламени, даже если оно им истребляется. Бытие-хлопок (*cotton-being*) скрыто не только от феноменологов и работников текстиля, но от всех сущностей, которые вступают с ним в контакт» [Харман Г., 2015, с. 52].

¹⁰ Помимо «Четвероякого объекта» Г. Хармана примеры такой явленности — в рамках оригинальных философских построений — присутствуют в работах Л. Брайанта (известный пример с синей кофейной кружкой) [Брайант Л.Р., 2019, с. 88–96], Дж. Беннетт [Беннетт Дж., 2018, с. 28–29] и др.

го в непосредственной близости с людьми. И пока человек будет сопротивляться этим практикам, «Зловещая долина» будет постоянно актуализироваться вновь и вновь.

Как утверждает Мортон, принять эти практики нас вынуждают современные реалии. Ведь сегодня мы вступаем в зону действия *гиперобъектов*¹¹. С началом эпохи антропоцена, люди неизбежно оказываются в условия сосуществования с нечеловеческим, при котором отделение людей от не-людей невозможно ни в практическом, ни в теоретическом аспекте.

Именно поэтому человек не может закрыться в отдельном *мире*, даже если это будет элитный экологически чистый район или хижина в Шварцвальде. Он все равно остается в близости с нечеловеческим: «...нет никакой “здоровой личности” на той стороне долины. Все в ваших мирах начинает соскальзывать в зловещую долину, стены которой бесконечны и скользки» [Мортон Т., 2019а, с. 167]. И именно поэтому необходимы практики (прежде всего, эстетические, но также и другие — моральные, юридические, политические, технические, производственные), формирующие культуру признания близости человека с нечеловеческим. Создание антропоморфных роботов, с нашей точки зрения, является одной из таких практик¹².

Заключение

Итак, фактом является то, что осмысление феномена «Зловещей долины» внутри сферы робототехники и сегодня продолжает вращаться вокруг основного модерного раскола: между людьми и не-людьми. Поэтому авторы статьи, придерживаясь точки зрения, что задача философии заключается не в том, чтобы предоставлять готовые инструкции к действию, но в культивировании искусства постановки философских вопросов в ином, новом, контексте, предприняли попытку философски рассмотреть фе-

¹¹ Под «гиперобъектами» Т. Мортон понимает «вещи, широко — относительно людей — распределенные во времени и пространстве» [Мортон Т., 2019а, с. 11]. О свойствах гиперобъектов, благодаря которым они могут оказывать значительное влияние на сам способ существования как людей, так и не-людей, подробнее см.: [Мортон Т., 2019а, с. 41–128].

¹² Это подчеркивалось и ранее одним из авторов статьи, но в иных контекстах (см. например, о возможностях использования высокоантропоморфных роботов для социальной адаптации: [Середкина Е.В., 2020]).

номен «Зловещей долины» не-модерным способом. Смещение модерной установки, проходящее (согласно логике данной статьи) через «инструмент-анализ» М. Хайдеггера и, далее, через перестройку подхода М. Хайдеггера Г. Харманом и Т. Мортоном, демонстрирует возможность новой постановки вопросов относительно взаимодействия роботов и людей.

Встраивание антропоморфных роботов в повседневную жизнь представляется наиболее важной задачей. Этот жест открытости по отношению к не-людям позволит допустить роботов, иметь с роботами дело и тем самым преодолеть наиболее фатальный онтологический разрыв, в котором само явление робота взрывает систему отсыланий. Но можно ли преодолевать таким образом «Зловещую долину», внутримирно наблюдая за тем, как вещи являются свои новые грани, а ландшафт постепенно меняет свои очертания?

Проект пересмотра «инструмент-анализа» М. Хайдеггера, предложенный Г. Харманом и Т. Мортоном, позволяет дополнить вопрос о «Зловещей долине» следующим образом: будучи встроенными в повседневность, человекоподобные роботы не только несут с собой определенные угрозы (как мнимые, так и реальные), но также — именно в силу существования таких угроз — делают нечеловеческое еще более зрымым, близким и тем самым помогают выстраивать культуру сосуществования людей и не-людей. Разумеется, такое сосуществование несет с собой определенные риски и неудобства, однако в эпоху антропоцена люди уже лишены возможности выбирать: им придется выстраивать коллaborации с не-людьми, принимая их всерьез и взаимодействуя с ними как с партнерами. Выбор уже сделан, и поэтому единственное, что нам остается, это культивировать искусство жизни на поврежденной планете вместе с земными другими [Харауэй Д., 2020], хотим мы того или нет. В качестве потенциальных партнеров для такой коллaborации роботы, как минимум, ни в чем не уступают другим «не-людям», а потому попытка пересмотреть наше отношение к ним кажется не лишенной смысла.

Выражение признательности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-411-590002 р_а_Пермский край.

Acknowledgements

The research was funded by RFBR, project No. 20-411-590002 р_а_Пермский край.

Список литературы

Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 220 с.

Брайант Л.Р. Демократия объектов. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.

Джордан Д. Роботы. М.: Изд. группа «Точка», 2017. 272 с.

Иванов А.Г., Пупышева И.Н. Когда Хайдеггер — продюсер: как быть экологичным по версии Тимоти Мортона // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-3-129-135>

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллект. книги, 1999. 284 с.

Михайловский А.В. Хайдеггер и Аристотель о *techne* и *physis*. Статья первая. Герменевтическое значение Аристотеля для формирования хайдеггеровской мысли о технике // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 3(5). С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2016-3-37-51>

Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.

Мортон Т. Стать экологичным. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 240 с.

Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2005. 624 с.

Середкина Е.В. Философские основания прикладного антропоморфизма в социальной робототехнике // Технологос. 2020. № 4. С. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.4.05>

Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М.: РОССПЭН, 2009. 216 с.

Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 265–281.

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 510 с.

Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.

Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.

Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 210 с.

Bartneck C., Kanda T., Ishiguro H., Hagita N. My robotic doppelgänger — A critical look at the uncanny valley // 18th IEEE International Symposium on Robot and Human Interactive Communication (RO-MAN 2009) (14–18 October 2009): proceedings. New Delhi, IN, 2009. P. 269–276. DOI: <https://doi.org/10.1109/roman.2009.5326351>

Brassier R. Alien Theory. The Decline of Materialism in the Name of Matter (Thesis submitted in partial fulfilment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy in Philosophy). University of Warwick, 2001. 242 p.

Dumouchel P., Damiano L. Living with Robots / trans. by M. DeBevoise. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674982840>

Expo '70 Fujisan Pavillion Robots — Tezuka/Aizawa (Japanese). 2011. URL: <http://cyberneticzoo.com/robots/1970-expo-70-fujisan-pavillion-robots-tezukaaizawa-japanese> (accessed: 04.10.2021).

Gardner W.O. The 1970 Osaka Expo And/As Science Fiction // Review Of Japanese Culture And Society. 2011. Vol. 28. P. 26–43.

Kageki N. An Uncanny Mind: Masahiro Mori on the Uncanny Valley and Beyond: An interview with the Japanese professor who came up with the uncanny valley of robotics // IEEE Spectrum. 2012. Jun. 12. URL: <https://spectrum.ieee.org/automaton/robotics/humanoids/an-uncanny-mind-masahiro-mori-on-the-uncanny-valley> (accessed: 04.10.2021).

Kätsyri J., Förger K., Mäkäräinen M., Takala T. A review of empirical evidence on different uncanny valley hypotheses: support for perceptual mismatch as one road to the valley of eeriness // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.00390/full> (accessed: 03.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00390>

Mar A. Modern Love: Are We Ready for Intimacy With Robots? // Wired. 2017. Oct. 17. URL: <https://www.wired.com/2017/10/hiroshi-ishiguro-when-robots-act-just-like-humans/> (accessed: 10.10.2021).

Mori M. Bukimi no tani [The uncanny valley] // Energy. 1970. Vol. 7, iss. 4. P. 33–35.

Mori M. The Uncanny Valley / transl. by K.F. MacDorman, N. Kageki // IEEE Robotics & Automation Magazine. 2012. Vol. 19, iss. 2. P. 98–100.

URL: <https://spectrum.ieee.org/automaton/robotics/humanoids/the-uncanny-valley> (accessed: 04.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.1109/mra.2012.2192811>

Reichardt J. Robots: Fact, Fiction, and Prediction. L.: Penguin Books, 1978. 168 p.

Robertson J. Robo sapiens japanicus Robots: Gender, Family, and the Japanese Nation. Oakland, CA: University of California Press, 2017. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/california/9780520283190.001.0001>

Rosales-Rodriguez A. Die Technikdeutung Martin Heideggers in ihrer systematischen Entwicklung und philosophischen Aufnahme: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie (Dr. phil). Dortmund, 1994. 190 S.

Samuel S. Robot priests can bless you, advise you, and even perform your funeral // Vox. 2020. Jan. 13. URL: <https://www.vox.com/future-perfect/2019/9/9/20851753/ai-religion-robot-priest-mindar-buddhism-christianity> (accessed: 10.10.2021).

Zhdanova S.Yu., Puzyreva L.O., Mishlanova S.L., Seredkina E.V., Zhdanov M.A. Human-robot interaction: perception and reflection // Science and Global Challenges of the 21st Century — Science and Technology. Perm Forum 2021 / ed. by A. Rocha, E. Isaeva. Cham, CH: Springer, 2022. P. 791–801. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89477-1_73

Получена: 16.11.2021. Доработана после рецензирования: 16.03.2022. Принята к публикации: 18.03.2022

References

Bartneck, C., Kanda, T., Ishiguro, H. and Hagita, N. (2009). My robotic doppelganger — A critical look at the uncanny valley. *18th IEEE International Symposium on Robot and Human Interactive Communication (RO-MAN 2009) (14–18 October 2009): proceedings*. New Delhi, IN, pp. 269–276. DOI: <https://doi.org/10.1109/roman.2009.5326351>

Bennett, J. (2018). *Pul'siruyushchaya materiya: Politicheskaya ekologiya veshchey* [Pulsating Matter: The Political Ecology of Things]. Perm: Hyle Press, 220 p.

Brassier R. Alien Theory. The Decline of Materialism in the Name of Matter (Thesis submitted in partial fulfilment of the requirement for the degree of Doctor of Philosophy in Philosophy). University of Warwick, 2001. 242 p.

Bryant, L.R. (2019). *Demokratiya ob'yektor* [Democracy of objects]. Perm: Hyle Press, 320 p.

Dumouchel, P. and Damiano, L. (2017). *Living with robots*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 280 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/9780674982840>

- Expo '70 Fujipan Pavillion Robots — Tezuka/Aizawa (Japanese)* (2011). Available at: <http://cyberneticzoo.com/robots/1970-expo-70-fujipan-pavillion-robots-tezukaaizawa-japanese> (accessed 04.10.2021).
- Freud, Z. (1995). *Zhutkoe* [The uncanny]. *Khuduzhnik i fantazirovanie* [Artist and fantasy]. Moscow: Respublika Publ., pp. 265–281.
- Gardner, W.O. (2011). The 1970 Osaka expo and/as science fiction. *Review Of Japanese Culture And Society*. Vol. 28, pp. 26–43.
- Haraway, D. (2020). *Ostavayas' so smutoy: Zavodit sorodichey v Khtulutsene* [Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene]. Perm: Hyle Press., 340 p.
- Harman, G. (2015). *Chetveroyakiy ob'ekt: Metafizika veschey posle Heideggera* [The quadruple object]. Perm: Hyle Press., 152 p.
- Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ., 510 p.
- Ivanov, A.G. and Pupysheva, I.N. (2019). [When Heidegger is a producer: being ecological according to version of Timothy Morton]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obschestvo. Istorija. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity]. Vol. 4, no. 3, pp. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-3-129-135>
- Jordan, D. (2017). *Robots*. Moscow: Tochka Publ., 272 p.
- Kageki, N. (2012). An uncanny mind: Masahiro Mori on the uncanny valley and beyond: An interview with the Japanese professor who came up with the uncanny valley of robotics. *IEEE Spectrum*. Jun. 12. Available at: <https://spectrum.ieee.org/automaton/robotics/humanoids/an-uncanny-mind-masahiro-mori-on-the-uncanny-valley> (accessed 04.10.2021).
- Kätsyri, J., Förger, K., Mäkäräinen, M. and Taka-la, T. (2015). A review of empirical evidence on different uncanny valley hypotheses: support for perceptual mismatch as one road to the valley of eeriness. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.00390/full> (accessed 03.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00390>
- Latour, B. (2013). *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obschestva* [Science in action. How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: EUSP Publ., 414 p.
- Mar, A. (2017). Modern love: Are we ready for intimacy with robots? *Wired*. Oct. 17. Available at: <https://www.wired.com/2017/10/hiroshi-ishiguro-when-robots-act-just-like-humans/> (accessed 10.10.2021).
- Mikhailov, I.A. (1999). *Ranniy Heidegger: Mezhdunarodnaya fenomenologiya i filosofiya zhizni* [Early Heidegger: Between phenomenology and philosophy of life]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., Dom Intellektual'noy Knigi Publ. 284 p.
- Mikhailovskiy, A.V. (2016). [Heidegger and Aristotle on techne and physis. Part one. The hermeneutical significance of Aristotle for the formation of Heidegger's idea of technics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 3(5), pp. 37–51.
- Mori, M. (1970). [The uncanny valley]. *Energy*. Vol. 7, iss. 4, pp. 33–35.
- Mori, M. (2012). The uncanny valley: transl. by K.F. MacDorman, N. Kageki. *IEEE Robotics & Automation Magazine*. Vol. 19, iss. 2, pp. 98–100. Available at: <https://spectrum.ieee.org/automaton/robotics/humanoids/the-uncanny-valley> (accessed 04.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.1109/mra.2012.2192811>
- Morton, T. (2019). *Giperob'ekty: Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and ecology after the end of the world]. Perm: Hyle Press, 284 p.
- Morton, T. (2019). *Stat' ekologichnym* [Being ecological]. Moscow: Ad Marginem Press., 240 p.
- Reichardt, J. (1978). *Robots: Fact, fiction, and prediction*. London: Penguin Books Publ., 168 p.
- Robertson, J. (2017). *Robo sapiens japanicus Robots: Gender, Family, and the Japanese Nation*. Oakland, CA: University of California Press., 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/california/9780520283190.001.0001>
- Rosales-Rodriguez, A. (1994). *Die Technikdeutung Martin Heideggers in ihrer systematischen Entwicklung und philosophischen Aufnahme: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors der Philosophie (Dr. phil)* [The interpretation of Martin Heidegger's technique in its systematic development and philosophical reception: inaugural dissertation on obtaining the dignity of a doctor of philosophy (Dr. phil)]. Dortmund, 190 S.
- Safranski, R. (2005). *Heidegger. Germanский мастер и его время* [German master and his time]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 624 p.
- Samuel, S. (2020). Robot priests can bless you, advise you, and even perform your funeral. *Vox*. Jan. 13. Available at: <https://www.vox.com/future-perfect/2019/9/9/20851753/ai-religion-robot-priest-mindar-buddhism-christianity> (accessed 10.10.2021).
- Seredkina, E.V. (2020). [Philosophical foundations of applied anthropomorphism in social robot-

- ics]. *Technologos*. No. 4, pp. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.4.05>
- Shapiro, S. (2018). *Vne kriteriyev: Kant, Uaytkhed, Delèz i estetika* [Beyond Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics]. Perm: Hyle Press, 210 p.
- Tavrizyan, G.M. (2009). *Filosofy XX veka o tekhnike i «tekhnicheskoy tsivilizatsii»* [20th century philosophers on technology and «technical civilization»]. Moscow: ROSSPEN Publ., 216 p.

Об авторах

Столбова Наталья Викторовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: pilthekid@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6103-367X>
ResearcherID: AGE-0972-2022

Середкина Елена Владимировна

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры философии и права,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
руководитель отдела
«Человеко-машинное взаимодействие»,
Компания «Промобот»,
614000, Пермь, Шоссе Космонавтов, 111/2;
e-mail: elena_seredkina@pstu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2506-2374>
ResearcherID: AGD-7292-2022

Мышкин Олег Степанович

независимый исследователь, переводчик

619650, Пермский край, пос. Гайны;
e-mail: olegmyshkin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>
ResearcherID: AGD-7178-2022

- Zhdanova, S.Yu., Puzyreva, L.O., Mishlanova, S.L., Seredkina, E.V. and Zhdanov, M.A. (2021). Human-robot interaction: perception and reflection. *Science and Global Challenges of the 21st Century — Science and Technology. Perm Forum 2021*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 791–801. DOI https://doi.org/10.1007/978-3-030-89477-1_73

Received: 16.11.2021. Revised: 16.03.2022. Accepted: 18.03.2022

About the authors

Natalya V. Stolbova

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: pilthekid@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6103-367X>
ResearcherID: AGE-0972-2022

Elena V. Seredkina

Candidate of Philosophy, Docent

Associate Professor of the Department
of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
Head of the Department «Human-Machine Interaction»,
Promobot Company,
111/2, Kosmonavtov Hwy., Perm, 614000, Russia;
e-mail: elena_seredkina@pstu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2506-2374>
ResearcherID: AGD-7292-2022

Oleg S. Myshkin

independent researcher, translator

Gainy, Perm Krai, 619650, Russia;
e-mail: olegmyshkin@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>
ResearcherID: AGD-7178-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Столбова Н.В., Середкина Е.В., Мышикин О.С. Насколько «Зловещая долина» зловеща на самом деле? Опыт де-конструкции дискурса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 91–107. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-91-107

For citation:

Stolbova N.V., Seredkina E.V., Myshkin O.S. [How uncanny is the «Uncanny Valley»? Experience of deconstructing a discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 91–107 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-91-107

УДК 165.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-108-125

УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДНЫМ НАЧАЛОМ В ЧЕЛОВЕКЕ: ПУТЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО АУТОПОЭЗИСА

Желнин Антон Игоревич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Цель статьи — анализ процесса управления человека собственным природным началом. Показано, что его возможность вытекает как из общего способа бытия человека, так и из диалектической субординации собственно человеческого (социального, культурного) и природного начал, в соответствии с которой второе является включенным и зависимым от первого фундаментом. С другой стороны, очерчиваются пределы данного управления: далеко не вся природа в человеке испытывает социальную детерминацию, сохраняется ее широкая автономия, подчиненность фундаментальным естественным законам. Взаимодействие социального и природного строится на reciprocalной ко-детерминации, поэтому человек, управляя природным началом, по принципу обратной связи будет де-факто влиять на самого себя. Вновь актуализируется проблема сохранения человеческой сущности, поддержания ее целостности. Новизна работы заключается в том, что управление природным началом связывается с феноменом аутопоэзиса: человек на новом уровне реализует эту общую для живого тенденцию активного «самотворения». Вместе с тем критически важно, чтобы это был аутопоэзис с «человеческим лицом»: данное управление должно быть рационально обосновано, направлено на актуализацию природного потенциала, уже заложенного в человеке. Центральным является вопрос о субъекте управления: в первом приближении им является индивид ввиду неотчуждаемости собственного витального начала, т.е. речь идет о своего рода самоуправлении. Однако это не отменяет наличия надиндивидуальных субъектов, контролирующих такое управление (реализующих «управление управлением»), в т.ч. в аспектах его антропологической и социальной приемлемости. Наличие сильных правовых и моральных регуляторов, учет аксиологической составляющей, а также признание фундаментального факта, что управление природным началом — это не самоцель, а средство для более полной и всесторонней самореализации человека, только часть его целостного аутопоэзиса, позволит последнему сохранить гуманистическую направленность.

Ключевые слова: человек, природа, управление, аутопоэзис, субъект, гуманизм, гуманистический аутопоэзис, коэволюция; ко-детерминация.

MANAGEMENT OF THE NATURAL DIMENSION IN MAN: THE PATH OF HUMANISTIC AUTOPOIESIS

Anton I. Zhelnin

Perm State University (Perm)

The article aims to analyze the process of management of natural dimension in man. It is shown that the possibility of such management follows both from the general way of human existence and from the dialectical subordination of the human (social, cultural) dimension and the natural dimension, according to which the latter is included in the former and dependent on it. On the other hand, there exist limits of this management: not the whole nature in man is socially determined, it preserves wide autonomy, subordination to fundamental natural laws. Interaction between the social and the natural is based on reciprocal co-determination, therefore, when managing his natural dimension, man, according to the feedback principle, de facto influences himself. Thus, the problem of preserving human essence, maintaining its holism be-

comes essential again. The work is novel in that the management of man's natural dimension is associated with the phenomenon of autopoiesis: man at a new level realizes this tendency of active «self-creation», which is common to the living. At the same time, it is critically important that it will be autopoiesis with a «human face»: this management must be rationally justified, aimed at actualizing the natural potential already inherent in man. The central question is about the subject of control: in the first approximation, it will be an individual, due to the inalienability of his own vital principle, i.e. it will be a kind of self-management. However, this does not negate the presence of supra-individual subjects that would control such management (realize «management of management»), including its anthropological and social acceptability. The presence of strong legal and moral regulators, taking into account the axiological component, as well as the recognition of the fundamental fact that the management of the natural dimension is not a goal itself but a means for a more complete and comprehensive self-realization of man, only part of his holistic autopoiesis, will allow the latter to maintain humanistic orientation.

Keywords: man, nature, management, autopoiesis, subject, humanism, humanistic autopoiesis, coevolution; co-determination.

Введение

Феномен управления имеет явные социальные коннотации в понимании как процесса регулирования тех или иных общественных явлений. Вместе с тем управление трактуется подчас очень широко, когда подчеркиваются только такие облигатные его признаки, как целеправленность и совместный характер: «Простое действие приобретает два основополагающих свойства, становясь тем, что именуется управлением. Эти свойства — цель и совместные действия (несколько человек объединяют свои усилия для выполнения задачи, которая невыполнима без такого соединения). Управление в самом широком смысле может быть определено как деятельность группы людей, соединяющих свои усилия для достижения общих целей» [Диев В.С., 2018, с. 49]. Очевидно, что характер управления зависит не только от субъекта, но и от объекта, на который оно направлено. В реалиях современного общества происходит расширение пространства управления, которое вышло далеко за пределы одной экономики: «Сегодня очевидно, что управление — атрибут не только производства, оно представляет собой неотъемлемую часть любой человеческой деятельности, где требуется задействовать знания и способности людей» [Диев В.С., 2018, с. 52]. Управление перестает быть только социально ориентированным, размыкается в поиске новых объектов в других областях реальности, прежде всего естественно-природных. То же экономическое производство иллюстрирует это: человек создает продукт *ex nihilo*, а посредством оформления вещества природы.

Идея господства человека над ней, как известно, берет свое начало в новоевропейском антропоцентризме, рассматривающем разум как свойство, возвышающее человека над природой и позволяющее ему эффективно управлять ею через ее познание. В итоге «появилась мировоззренческая установка, которую можно считать проективно-конструктивной: стремление пересоздать природные явления, трансформировать их в интересах человека» [Лекторский В.А., Труфанова Е.О., 2019, с. 106–107]. Однако у философов Нового времени природа в контексте управления понимается почти исключительно как внешняя природа.

«Поворот к биологии» как предпосылка управления природным началом в человеке

Современная ситуация радикально изменилась. Бурное развитие наук о жизни и активное внедрение новых технологий позволяют говорить о своего рода «повороте к биологии» [Богомягкова Е.С., 2018] (иногда также говорят о «повороте к телу», «корпоральном повороте» [Zhura V.V., Rudova Yu.V., 2017]). Последний в том числе ставит вопрос о фундаментальной возможности управления природным началом в человеке, которое справедливо ассоциируется прежде всего с его биологией. Человек является не рядовым, а особым существом: он обладает рядом уникальных атрибутов. Наиболее емко их можно обобщить понятием «социальность». Социальностью так или иначе пронизаны процессы труда, мышления и познания, общения и речи.

Вместе с тем ряд направлений (социобиология, социоэтология, эволюционная психология) поколебали уникальность человека, пытаясь истолковать его сущностные свойства как про-

дукт эволюции. Так, Э.О. Уилсон понимает культурную эволюцию как просто более быструю по сравнению с традиционной биологической, опирающейся на наследственную изменчивость и естественный отбор, и определяет ее как «Ламаркистскую» в противовес медленной «Дарвиновской» [Wilson E.O., 2004, р. 78]. Полагается, что у многих видов есть культура, но только у человека она имеется в кумулятивном виде: «Очевидность тезиса, что культура — адаптационный выигрыш, многим обязана еще и представлению о человечестве как об исключительной *success story* в биологической эволюции. Однако прежде всего надо напомнить, что в той эволюционной линии, из которой происходит человечество, культура имеется и у других видов, но в некумулятивной форме» [Шеффер Ж.-М., 2010, с. 274]. Такие заключения во многом обязаны обедненному пониманию природы, ее отождествлению в рамках известного противопоставления «nature–nurture» с врожденным, генетически предзаданным [Ridley M., Pierpoint G., 2003]. В результате универсум культуры предстает в качестве системы негенетических адаптаций. Все большее значение в данном контексте начинает приобретать эпигенетика, рассматривающая влияние общества и культуры на человека сквозь призму работы генов, изменения их экспрессии: «Эпигенетика может “примирить” два крайних взгляда на развитие индивидуальности человека: генетический детерминизм и отказ от биологических факторов при объяснении социальных явлений... В логике эпигенетических процессов экологические и социокультурные условия могут быть поняты как внешние “сигналы”, которые “механистически” интернализируются в организме, вызывая долгосрочные биохимические изменения и становясь неотъемлемой частью “эпигенетической истории” человека» [Долгов А.Ю., 2021, с. 536].

В то же время прогресс в науках о мозге позволяет говорить уже не о генно-культурной, а о нейрокультурной коэволюции, где культура тем не менее тоже понимается обедненно, как экстраперебральная среда, источник входных сигналов («*input*»), действующих на мозг [Wexler B.E., 2008]. По мнению некоторых теоретиков, широкий фронт открытый в науках о жизни создает ситуацию «конца человеческой исключительности»: «Если не игнорировать

множества совпадающих по выводам исследований, созданных в самых разных дисциплинах на протяжении нескольких поколений, то нет больше никаких сомнений, что человек — не самофункционирующий субъект, а биологическое и социальное существо. И что социальное и культурное бытие вовсе не исторгают его из его биологического бытия, а служат особыми параметрами или аспектами его биологического бытия... То, что человек — существо социальное, не только не противоречит его биологической специфике, но и, напротив, является ее выражением» [Шеффер Ж.-М., 2010, с. 11, 13].

Основные закономерности взаимодействия социального и природного начал в человеке

На самом деле здесь нет противоречия: свойства человека ввиду их комплексности могут быть рассмотрены под разными углами. На необходимость целостного взгляда на человека, акцентуации природного начала в нем указывали крупнейшие антропологи XX в., например, Х. Плеснер: «Природа — не переживание, а вполне завершенная в себе реальность, становящаяся для человека переживанием и несущая его в качестве основания и границы его экзистенции от рождения и до смерти... если мы говорим о необходимости такой науки, которая постигает опыт человека о самом себе — как он живет и как исторически прочерчивается его жизнь в памяти его и потомков, то такая наука не может и не должна ограничиваться подходом к человеку только как к личности, как к субъекту духовного творчества, моральной ответственности и религиозного самоотречения, но ей следует охватить единым взором весь круг экзистенции и природы» [Плеснер Х., 2004, с. 44–45]. Генеалогическая связь человека с природным миром стала остовом материалистически ориентированной антропологии, которая рассматривает человека не столько как буквального господина природы, сколько как ее продолжение и логическое завершение: «С появлением человека природа начинает созидать себя человеческими руками, созерцать себя человеческими глазами, и это имманентное созидание, это внутреннее вглядывание природы в самое себя происходит в то же время как бы со стороны, извне. В лице человека, этого универсального агента и наблюдателя, природа обретает свое продолжение и в известном смысле завершение.

Человек же делает природу своим предметом, а потому его взаимодействие с ней становится действительным отношением» [Прозументик К.В., 2012, с. 35]. Именно аккумулирование природного начала в человеке в известной мере позволяет ему встать в универсальное активное отношение к остальному миру.

Попытки фундаментального отделения человека от остального природного мира или градуалистского подхода, рассматривающего различие между ними лишь «в степенях», строятся на абсолютизации соответственно качественной или количественной стороны, которые в реальности диалектически переплетены друг с другом. Обособление и гипертрофия только одного из аспектов реального положения дел создают угрозу произвольности проведения демаркационной линии между социальным и природным. Показательной является позиция Д. Агамбена, который полагает, что теоретическая «антропологическая машина» существует путем постоянного расчленения человека на собственно человеческое и не-человеческое (животное), граница между которыми оказывается постоянно возобновляемой: Эта «машина» может «функционировать, лишь создавая внутри себя некую зону неразличимости, в которой — подобно *missing link*, которого всегда недостает, так как виртуально оно “уже здесь” — должна свершиться связь между человеческим и животным, между человеком и не-человеком. На самом деле, эта зона, подобно всякому исключающему пространству, совершенно пуста, а подлинно человеческое, которое должно здесь свершиться, является исключительно местом постоянно возобновляемого решения» [Агамбен Д., 2012, с. 50]. Произвольность данной демаркации может иметь место, так как последняя носит нетопологический характер: природное не рядоположено человеческому, а пронизывает его изнутри. Такая имманентность требует пересмотреть онтологический статус человека в целом: «Только потому что нечто, напоминающее животную жизнь, “отложилось” внутри человека; только потому что дистанция от животного и близость к нему измеряются и распознаются у человека в самом глубоком и близком для него, человека можно противопоставить прочим живым существам... Если цензура между человеком и животным проникает в первую очередь внутреннюю часть человека, то вопрос о человеке сле-

дует поставить заново как таковой» [Агамбен Д., 2012, с. 25–26].

Попыткой преодолеть односторонние биоцентристские и социоцентристские подходы к человеку стало создание интегрально-социальной концепции человеческой сущности. Ее особенность заключается в том, что она конъюнктивно вбирает в себя оба тренда, а именно отстаивание качественной определенности человека как социального существа и признание его тесной связи с природой: «В соответствии с этим подходом человек определяется как интегральное социальное существо. Это означает, что сущность человека имеет социальный характер, но само понятие социального не может быть определено без учета всех предшествующих форм материи, в том числе биологической. Соответственно, человеческая биология является включенным низшим, или “теневой системой” социальной формы материи» [Внутских А.Ю., Гайшун Р.Н., 2016, с. 28]. Это обосновывается исходя из общей иерархии между более сложными («высшим») и более простыми («низшим») уровнями организации. С использованием данной терминологии формулируются три основные закономерности: возникновение высшего из низшего, включение и сохранение низшего в высшем, подчинение низшего высшему [Орлов В.В., 1974]. Иными словами, социальное является комплексным по своей природе, возникшая из природного и инкорпорируя его в качестве своей основы: «Социальное в человеке не просто надприродно, надбиологично, как утверждают некоторые исследователи, но и “погружено” в биологическое, проникает в него и активно его преобразует как в онтогенезе отдельного человека, так и в филогенезе вида *Homo sapiens*... Человек, становясь социальным существом, не перестает быть существом биологическим, он выделяется из природы, но это выделение не абсолютно, а относительно» [Мамзин А.С., 2015, с. 57–58].

Резонно указывается на то, что доминантой, определяющей характер их взаимосвязи, является факт принципиальной целостности человека: «Постижение человека невозможно без осознания его целостности. Поэтому нельзя изучать человека “по частям”, скажем, отдельно его биологическую или социальную природу» [Гуревич П.С., 2004, с. 4]. Данный холизм

накладывает отпечаток на понимание сущности и первого, и второго: «Природу человека невозможно понять вне общей и последовательно развивающейся картины эволюции животного мира. В такой же мере невозможно построить эту картину без человека, являющегося высшим звеном и последней ступенью биологической эволюции» [Ананьев Б.Г., 2001, с. 41]. *Можно утверждать, что речь идет об онтологической (а не только сугубо эпистемологической) неполноте природного и социального, взятых в отрыве друг от друга. Их отношение ввиду диалектической слитности может быть описано (перефразируя известный принцип Г. Лейбница) как «тождество различимых».*

Социальная детерминированность природного начала в человеке как предпосылка управления

Вместе с тем наиболее проблематичной является закономерность подчинения. В формальном ключе, действительно, социальное стоит над биологическим, превосходит его, прежде всего в плане способа существования. Там, где живое приспосабливается к природной среде и ее изменениям, человек получает возможность активно ее преобразовывать: «Человек относится к миру не только через организм и его ощущения, но через второй — искусственный, вещественный мир, представленный совокупностью орудий. Благодаря этому, оставаясь в природе, человек одновременно становится вне ее и над ней» [Рыбин В.А., 2020, с. 52]. Наиболее очевидным аспектом зависимости является экзогенный средовой аспект. Люди в ходе своей социальной деятельности преобразуют свою внешнюю природную «ойкумену», что по принципу обратной связи накладывает отпечаток на их биологию, вынужденную адаптивно подстраиваться под внесенные изменения: «Для случая человека это означает, что его опосредованная сознанием трудовая деятельность преобразует природную среду, создает “вторую природу” материальной культуры; эти изменения в “неорганическом теле” человека провоцируют ненаследственные модификации весьма гибкой человеческой биологии... Таким образом, человеческая биология постепенно изменяется, выполняя объективные “заказы” развивающегося социального» [Внутских А.Ю., Гайшун Р.Н., 2016, с. 29–30]. Однако данная

субординация имеет и внутренний, эндогенный аспект, который заключается в том, что сама социальность «изнутри» вбирает в себя различные природные механизмы, одновременно налагая на них ограничения, делая их поэтому фундаментально несамостоятельными: «Возникновение социального не означает полного разрыва с биологическим, уничтожения биологического, оно лишь ставит предел независимому действию биологических факторов, сохраняя и удерживая его в себе в качестве подчиненного» [Мамзин А.С., 2015, с. 64]. Известно, что многие классические для животных методы ориентирования в среде и взаимодействия с ней (сенсорные, инстинктивные, аффективные, этологические) в той или иной степени ослаблены (редуцированы) у человека, поставлены под культурный контроль [Лоренц К., 2021].

Фундаментальному изменению своего статуса в человеческом обществе подвергся и естественный отбор: «Биологический отбор в современной человеческой популяции действует, но его содержание определяется уже не биологической конкуренцией и подбором, а общественным производством. Отбор в человеческой популяции не только “очищает” ее от индивидов, нежизнеспособных на данном уровне социально-экономического развития, но и “доразвивает” биологию человека, приспособливая ее — но уже не к среде, а к объективным требованиям собственно общественного в нем» [Внутских А.Ю., 2006, с. 221]. Можно не согласиться с утверждением, что исчезает факт давления среды, т.к. оно является сутью естественного отбора, при этом признав, что среда в случае человека перестает быть чисто природной, в ней превалирует преобразованный природный (техносфера) и прежде всего социальный компонент. Тем самым естественный отбор, сохраняя свою форму, демонстрирует трансформацию в плане содержания: меняются сами факторы, которые инициируют его селективное действие, и в конечном итоге естественный отбор приобретает все более зависимое положение по отношению к социальному отбору, ориентированному на запросы общества и предполагающему сознательную деятельность (выбор) людей.

Особняком стоит градация видов психической активности человека и соответствующих им нервных процессов. Наиболее принятая

точка зрения состоит в том, что работа высших корковых центров, ответственных за общественное поведение, мышление и речь (прежде всего лобные и отчасти теменные доли) являются своего рода «командным пунктом мозга» [Голдберг У., 2003]. Поэтому они способны оказывать влияние на более простые процессы (инстинктивные, аффективно-эмоциональные) и соответствующие им нервные центры (например, лимбическую систему), тормозя их активность или, наоборот, служа пусковым механизмом для нее: «Наша эмоциональная жизнь так многообразна потому, что лимбическая система у нас связана с корой больших полушарий и лобные доли ассоциативной коры в высшей степени развиты. Именно благодаря высокому развитию коры человек обладает большой способностью к запоминанию и абстракции. Поскольку существуют тесные и сложные нервные связи между мыслящей корой большого мозга и чувствующей лимбической системой, каждое взаимодействие с окружающим нас миром всегда окрашивается каким-то эмоциональным оттенком» [Блум Ф. и др., 1988, с. 135, 138]. В физиологическом ракурсе речь идет о сложном взаимодействии трех основных инстанций: подкорки, первой и второй сигнальных систем. И.П. Павлов отмечал двоякое действие последней (как раз ответственной за социокультурные качества) на первые две, способность как сознательно тормозить их активность, так и индуцировать/усиливать [Павлов И.П., 2001, с. 396–397]. Все изложенное свидетельствует в пользу факта субординации: *социальность составляет сам «стержень» человеческой сущности, и ее действие в отношении природного начала имеют во многих смыслах детерминирующий, направляющий характер*.

Относительная самостоятельность природного начала в человеке как ограничение для управления

Вместе с тем можно выделить сквозные тенденции, которые генеалогически и градуалистски сглаживают описанную субординацию. К ним можно отнести феномен *аутопоэзиса*, понятого в широком смысле как «самопроизводство», «самотворение»: «Наиболее поразительная особенность аутопоэзной системы состоит в том, что она вытаскивает сама себя за волосы и становится отличной от окружающей среды

посредством собственной динамики, но при этом продолжает составлять с ней единое целое... живые существа отличаются тем, что их организация порождает в качестве продукта только их самих, без разделения на производителя и продукт. Бытие и створение аутопоэзного единства нерасторжимы, и в этом существует присущий только им способ организации» [Матурана У., Варела Ф., 2002, с. 41, 44]. В данном контексте трудовая деятельность человека выступает как высшая форма аутопоэзисной активности, на биологическом же ярусе наличие аутопоэзиса подчеркивает (пусть и гораздо меньшую) активность живого, не позволяя свести его существование к сугубо апостериорному приспособлению. Аутопоэзис открывает также новую возможность объяснения телесно-экономической направленности поведения живого, которая, по-видимому, является природным бэкграундом человеческого сознания, его целесообразного и интенционального характера [Weber A., Varela F.J., 2002].

Наконец, и иерархия уровней нервно-психической активности человека с точки зрения современной науки тяготеет к ослаблению: «Аппарат рациональности, традиционно полагаемый неокортикальным, не работает без аппарата биологического регулирования, традиционно полагаемого субкортикальным. Природа построила рациональный аппарат не просто поверх системы биологического регулирования, но из нее и неразделимо с ней» [Damasio A.R., 1994, р. 128]. На примере чувств как системных психических образований явно прослеживается не только переплетенность работы высших отделов ЦНС с нижележащими подкорковыми ярусами и прочими системами тела, но также сплавленность механизмов различного уровня «вертикальной» сложности, начиная с системного и заканчивая элементарным (клеточным и молекулярным): «Хотя чувства включают центральный процесс системного уровня, они уходят корнями в события, происходящие на уровне одной клетки, в частности, в немиелинизированных аксонах, передающих сигналы из гуморальных и висцеральных аспектов тела к ядрам в ЦНС» [Damasio A.R., Carvalho G.B., 2013, р. 143].

Конкретизация данной ко-экзистенции возможна с точки зрения феномена функциональных систем: последние, имея свои управляю-

щие центральные звенья в высших отделах головного мозга и служа физиологическим фундаментом сознательной социальной жизни, тем не менее и афферентно, и эфферентно связаны с многочисленными нижележащими физиологическими элементами вплоть до самых периферийных и базовых, ответственных за поддержание основных параметров гомеостаза: «Кроме того, в функциональные системы, формирующие психическую деятельность, включается внутреннее звено, определяющее на основе саморегуляции оптимальное состояние различных гомеостатических показателей организма. В результате на указанных системных церебральных и периферических механизмах строятся психические процессы, направленные на удовлетворение внутренних потребностей организма и его адаптацию к многочисленным факторам внешней среды, включая условно-рефлекторную деятельность» [Судаков К.В., 2013, с. 73]. Очевидно, что ввиду своей фундаментальной значимости данные механизмы функционируют автоматически, реализуются независимо от характера и особенностей процессов на высших уровнях, при этом косвенно все же неся на себе их отпечаток (что демонстрирует та же эпигенетика). Таким образом, подчинение носит опосредованный и относительный характер, в том числе ввиду существования широкого ряда «периферийных» феноменов, сохраняющих по отношению к социальному дистанцированность и автономность.

Неисчерпаемость природного начала в человеке как лимит управления

Несмотря на то что природное в человеке ассоциируется прежде всего с его биологией, спрашивать будем заметить, что последняя ввиду общих онтологических закономерностей неизбежно опирается на более фундаментальные пласти материального мира, физику и химию. Современные исследования по-новому подтверждают мысль о том, что жизнь по своей сути является самоподдерживающимся химическим процессом [Pross A., 2016; Luisi P.L., 2019]. До сих пор все новые подтверждения находит и другая дефиниция живого как способа существования белковых молекул: «Жизнь, величайший химик всех времен, решает сложную задачу оставаться живой... Большая часть чудесной химии, делающей жизнь возможной,

— дело рук макромолекулярных белковых катализаторов, ферментов. Через использование ферментов природа может извлекать материалы и энергию из окружающей среды и преобразовать их в самовоспроизводящиеся, самовосстанавливающиеся, мобильные, адаптируемые, а иногда даже мыслящие биохимические системы» [Arnold F.H., 2018, p. 4143]. Таким образом, очевидно, что и многие из тех ограничений, которые биологическое налагает на социальную жизнь, имеют более широкий физико-химический «бэкграунд». Как социальное стремится подчинить себе биологическое, находясь в то же время от него в глубокой зависимости, так и сама биологическая материя пытается отличить себя от неживого физико-химического мира, во многих аспектах сопротивляясь его законам, при этом также фундаментально завися от него и де-факто являясь специфическим, более сложным его выражением.

В данном ракурсе более выпукло выступает монолитная субстанциальность природы, выкристаллизовавшейся в человеке, что во многом возвращает к Спинозовской концепции «жесткого» детерминизма. Так, Спиноза критикует тех, кто пытается представить тело человека отдельным «государством в государстве», неподвластным природным законам, и полагает, что бессилие и слабость в жизни последнего проис текают не из какого-то недостатка в человеческой природе, а из факта могущества природы как таковой [Спиноза Б., 1998, с. 681].

Прогресс в познании физико-химических основ жизни открыл дорогу крайним, подчас гротескным формам деантропологизации, выделяющим в человеке уже не единый телесный организм, а совокупность разных и часто конфликтующих между собой биохимических алгоритмов, сложную (т.е. сложенную из громадного количества частей) молекулярную машину: «Организмы суть алгоритмы, и человек не индивидуум, он дивидуум. Иначе говоря, человек — это собрание разных алгоритмов, у него нет единого внутреннего голоса, или единого “я”... Люди неизбежно приучатся видеть в себе не индивидуумов, а комплексы биохимических систем, и их решения все чаще будут отражать конфликтующие требования разных систем» [Харари Ю.Н., 2019, с. 384–385, 388]. Помимо констатации крайнего редукционизма стоит отметить, что чрезмерная концентрация на

фундаментальных пластиах природы в человеке подчеркивает бессилие и беспомощность последнего, его неспособность никак на нее влиять. Уделом остается максима «свобода есть познанная необходимость»: человек может познавать те законы, от действия которых он фундаментально зависим. Тот же Харари оговаривается, что этот конечный пункт знания в итоге выльется в контроль внешних инстанций над человеком, когда они «взломают «человеческую сущность» и узнают меня лучше, чем знаю себя я сам» [Харари Ю.Н., 2019, с. 385]. Здесь кроется ошибка: познает сам человек, только он получает и осмысливает знания, поэтому только он и может их использовать в управлении. Гуманизм поэтому важно удерживать не столько в онтологическом аспекте понимания человека, сколько в эпистемологическом. С такого ракурса в соответствии с Бэконовской формулой «*scentia est potentia*» подчинение природе оборачивается господством над ней, никогда не могущем пониматься в буквальном, абсолютном смысле: «Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением ей... В действии человек не может ничего другого, как только соединять и разъединять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя... Тонкость природы во много раз превосходит тонкость чувств и разума» [Бэкон Ф., 1978, с. 12–13]. Таким образом, природа в человеке сохраняет свою субстанциальность, остается причиной себя, что также накладывает ограничение на управление ею, исключает превращение последнего в буквальное конструирование: «Человек не может управлять природой извне, так как не стоит над ней, а является ее частью, включен в нее, и поэтому его воздействие на природные процессы имеет серьезные ограничения» [Лекторский В.А., Труфанова Е.О., 2019, с. 107].

Даже в познании и контроле только за собственной биологией человек ограничен: фрактальная слитность множества нервных, эндокринных, иммунных, генетических, эпигенетических и прочих механизмов порождает поистине пантеистическую ситуацию «все во всем» и позволяет признать, что тело человека — это их равнодействующая, гигантский компромисс между ними. Отдельная грань данного синергизма проявляется в факте, что только чуть

меньше половины клеток нашего организма — его собственные, остальные же — это различные микроорганизмы, находящиеся с ним в сложном симбиозе: это позволяет некоторым утверждать, что не только само тело, сколько биота внутри него есть подлинный «микрокосм» [Hird M.J., 2010]. Очевидно, что человек не сможет познать всю синергию природы в себе и даже то, что он сможет познать, он далеко не всегда сможет использовать. Но ограниченность не означает бессилия: так или иначе проходит накопление фактов и открытий, человек осваивает все более нижележащие пласти своего природного бытия. Бездонность физики и химии в человеке тоже не следует переоценивать: в нем сосредоточено далеко не все богатство их содержания, и в нем они пребывают в «снятом» виде, так как опосредованы логикой биологического; это де-факто био-физика и био-химия.

Реципрокный характер ко-детерминации социального и природного начал в человеке и диалектика управления

Таким образом, подчинение природного социальному не отменяет обратной субординации. Справедливо указывается на то, что общей ошибкой как биоцентристов, так и социоцентристов является не только редукционизм (попытка полностью свести одно к другому), но и обедненный взгляд на детерминацию между ними как одностороннюю и внешнюю: «При всей противоположности исходных установок биоцентристов и социоцентристов объединяет логика рассуждений — и те и другие следуют принципу «внешнего причинения», который сводится к постулированию односторонней и, как правило, одноходовой связи между причиной и результатом» [Рыбин В.А., 2020, с. 51]. В действительности же это имманентная реципрокная ко-детерминация. Наиболее тривиальным уровнем констатации зависимости социального от природного является указание на то, что второе накладывает на первое фундаментальные ограничения. Данные лимиты видятся, во-первых, как пространственно-временные: именно законы природы детерминируют филогенез и онтогенез человека, как видовые процессы, так конечность и смертность индивидуальной жизни. Во-вторых, они предстают как субстратные: биология человека является

неотъемлемым фундаментом, без и вне которого не может существовать социальность. Субстратная детерминация сильнее пространственно-временной: если последняя мыслится как сугубо внешняя, то первая как уже имманентная (носитель качества является, конечно, чем-то иным, отличным от последнего, но одновременно пребывает с ним в нерасторжимом единстве). Вместе с тем речь идет не только о негативных аспектах ограничения и лимитирования. В современной антропологии тело предстает антецедентом воплощения жизни человека во всем ее многообразии, позитивно фундирующим его идентичность, деятельность и систему интерсубъективной интеракции с себе подобными: «Так обстоит дело, в частности, с признанием тела “точкой отсчета” в конституировании объективной структуры опыта, его пространственно-временных координат, границ, а также важности выполнения телесностью сложных коммуникативных функций, связанных с возможностью опознавания меня другими людьми. Кроме того, телесные ощущения и проприоцептика составляют чувственную основу уверенности в своей целостности и самотождественности» [Соколова Е.Т., 2014, с. 192–193].

Вместе с тем и субстратный ракурс не способен передать всей тонкости описанной реципиенности, так как природное не сводится к статичному субстрату, само имея функциональные стороны. Биология — не просто безразличный к социальному носитель наподобие компьютерного hardware, а его собственная изнанка, «теневая» сторона, которая на своем «языке» динамически воспроизводит абсолютно все стороны и феномены общественной жизни. В наибольшей степени данную небезразличность можно наблюдать на примере со-существования нейрофизиологических и психологических явлений: «В противоположность конвенциальному компьютеру “hardware” нашего мозга есть большое дело до того, какое “software” запущено на нем, потому что “био-hardware” постоянно приспосабливает себя к “software”» [Spitzer M., 2000, р. 11]. В концепции Д.И. Дубровского они условно разводятся как кодовое воплощение информации и сама «чистая» информация соответственно: «Как свидетельствует нейронаука, носителем информации, выступающей в виде осознаваемого

или бессознательного психического явления, служит определенная мозговая нейродинамическая сетевая система. В каждом из этих случаев она обладает спецификой, особенностями своей функциональной кодовой структуры. Информация, данная мне в “чистом” виде, означает, что при переживании явления субъективной реальности носитель информации для меня элиминирован. Мне дана информация как таковая, сама по себе, но я ничего не знаю, не чувствую из того, что при этом происходит в моем мозгу. В то же время я могу по своему желанию оперировать этой информацией в “чистом” виде, управлять ею в довольно широком диапазоне» [Дубровский Д.И., 2017, с. 155]. Но все же трудно согласиться, что мозговая активность человека — это только безразличный к своему социальному наполнению кодовый носитель. Диалектически можно констатировать, что система нейродинамических паттернов — это «свое иное» психической жизни человека (в этом смысле может быть предложена другая, более адекватная аналогия из программирования, уподобляющая работу мозга «бэкенду», а психику «фронтенду»).

Предельная взаимопереплетенность нейрофизиологического и психологического в работе мозга, а также универсальное, всестороннее значение последнего для полноценной жизни человека делает его привилегированным претендентом для сознательного контроля и управления. В пределе речь может идти о своего рода нейроменеджменте, охватывающем большое количество аспектов жизни, в том числе повседневной: «Управление повседневной жизнью с помощью нейробиологии больше не ассоциировалось с научной фантастикой. Нейромолекулярное видение мозга было фундаментом для становления “психофармакологических обществ” в последние десятилетия двадцатого века» [Rose N., Abi-Rached J.M., 2013, р. 47]. В то же время управление нейрональной «теневой системой» человека проблематично, так как наталкивается одновременно на онтологические и на аксиологические пределы: мозг является чрезвычайно сложным образованием, по отношению к которому все наличные методы воздействия остаются заведомо редукционистскими; трудные же проблемы морально-ценостного плана, возникшие вокруг перспективы манипуляций с моз-

гом как с базисом личности, их способности влиять на ее свободу и достоинство породили такую новую область этики, как нейроэтика [Glannon W., 2013]. Стоит признать, что человек принципиально способен стать субъектом управления собственной витальной основой (мозгом и, шире, организмом), но *каждое видоизменение ввиду описанной реципрокности по принципу обратной связи будет отражаться на самом человеке как холистичном существе*. Мы оказываемся в классической ситуации тождества противоположностей, когда субъект и объект управления сливаются с одного ракурса, сохраняя дистанцию с другого. *Управление природным как с первого взгляда чем-то отличным от собственно человеческого де-факто оказывается поэтому самоуправлением sui generis.*

Управление природным началом в человеке как путь гуманистического аутопоэзиса и его глобальные перспективы

У человека есть все шансы занять деятельную, субъектную позицию в этом вопросе, в том числе в природном ракурсе. Просвещенческий «господин природы» и Гегелевский «господин себя» могут быть конъюнктивно объединены. Повторимся, перспективным для понимания развертывания данной тенденции является феномен аутопоэзиса как процесса активного «самотворения» живого, который в случае человека способен подняться на качественно новый уровень. В аутопоэзисе помимо имманентной активности подчеркивается его кибернетический характер, т.е. наличие систем управления, организации и контроля; более того, речь идет не о конструировании и управлении внешним объектом, а о рефлексивном управлении субъекта самим собой (что отражено в феноменах «неокибернетика», «кибернетика второго порядка»): «Аутопоэтическая машина — это система, организованная как сеть процессов производства компонентов, используемых для поддержания этих самых процессов. Аутопоэзис, таким образом, — это способность системы к поддержанию своей организации» [Мирошниченко М.Д., 2020, с. 133]. Отмечается, что аутопоэзис как процесс самотворения неразрывно связан со смыслом и смыслотворчеством, которые также остаются прерогативой

субъекта: «Данный концепт показывает, что система в состоянии наблюдать самое себя, фиксировать то, что с ней происходит, она обладает способностью к самоописанию, достраиванию собственных компонентов и прогнозированию своих состояний. Аутопоэтический процесс самодостраивания и воспроизведения самое себя предполагает не только отработку имеющихся смыслов жизнедеятельности, но и новое смыслообразование» [Лешкевич Т.Г., 2018, с. 74]. Вместе с тем, по В.Е. Лепскому, стоит говорить уже о кибернетике третьего порядка, когда аутопоэтической активностью охватываются сложные человеко-природные системы, рефлексивно активные полисубъектные среды [Лепский В.Е., 2021]. Дополнительную синергию ей придает активное вовлечение новых, все более совершенных технологий, рассматриваемых как «расширения» человека, в том числе в аспекте аутопоэзиса: «Технические изобретения не мешают, а только стимулируют его активность. И, безусловно, они включаются в его аутопоэзис... Человек технически закрепляет свою самостоятельность, расширяя пространство собственной активности, интерактивный топос» [Ярославцева Е.И., 2018, с. 122–123]. Управление человека природой в себе подпадает под описанную аутопоэтическую кибернетику.

Критически важно, чтобы сохранился антропоцентризм данного управления, чтобы это был аутопоэзис «с человеческим лицом». Понятый антропологически как производство форм «жизненного мира» человека, он по-новому поднимет проблемы его самотождественности и идентичности, их сохранения в процессе аутопоэтической трансформации [Seidl D., 2016]. Это актуально в контексте не только набивших оскомину трансгуманистических проектов по его радикальной трансформации (которая исходя из описанной диалектики является и онтологически, и антропологически неприемлемой), но в проблематичности субъекта такого управления. Отмечается, что «необходимо задать вопрос: не что мы хотим преобразовать, а кто хочет преобразовывать? Обладает ли современный человек ценностным сознанием для игры с природной формой человека?» [Сайкина Г.К., Ибрагимова З.З., 2021, с. 420]. Очевидно, что *при идеальном сценарии его пер-*

вопорядковым субъектом должен быть индивид ввиду указанной слитности с природой в себе — только тогда можно говорить о подлинно автономном самоуправлении.

Но также очевидно, что в реалиях современной цивилизации это утопия, так как над человеком довлеют различные инстанции. В дополнение к классическим источникам контроля (бизнес, государство) возникают новые, «заточенные» на витальные аспекты. Указывается на наличие биовласти [Nadesan M.H., 2010], реализующейся не только корпорациями и государствами, но и технонаукой и медициной, которые, несмотря на «мягкость» своих стратегий, предполагают существенную асимметрию между субъектами и объектами биовластных отношений. Также продолжается тренд широкой медикализации общества [Conrad P., 2007], в ходе которой человеку не только предлагаются возможные траектории взаимодействия со своим природным началом, но и, пусть и имплицитно, навязываются те из них, которые так или иначе выгодны акторам биовласти, что позволяет утверждать, что «медикализацией спровоцировано значительное сокращение пространства человеческой свободы, даваемой культурой» [Лебедев В.Ю., Федоров А.В., 2016, с. 61]. Речь идет прежде всего о коммерциализации данной сферы, вовлечении ее в общую консьюмеристскую логику. В итоге свободное решение индивида оказывается формальной иллюзией, т.к. контролируется через конструирование потребностей, тонкие манипуляции с его выбором: «Потребительство воплощается в жизнь как идеология и практика, являющая собой низведение любого социального взаимодействия до “озабоченности” потреблением на поведенческом уровне, как общая установка, сознательная или, скорее всего, бессознательная, на потребление во всех его формах... “свободное потребление” становится универсальным инструментом новых форм социального контроля, предписывающих человеку определенные модели поведения, предполагает развитые формы манипуляции “свободным потребителем”» [Спорник А.П., 2010, с. 175].

Между тем возможность для данных манипуляций подкрепляется эпистемологическими факторами: комплексность природного начала закономерно порождает препятствия для обыч-

ного человека в его познании, что дополняется трудностями в доступе обывателя к специализированной научной и медицинской информации, в ее освоении и практическом применении. В итоге данная сфера демонстрирует эпистемическую несправедливость, в которой имеет место жесткое противопоставление фигур эксперта и профана. Выходом видится противостояние обесцениванию последнего, подчеркивание его решающей роли в принятии решений и выстраивание его взаимодействия с экспертными инстанциями в виде равноправного коммуникативного диалога: «Появление принципиально новых объектов, социальных отношений, конфликтов, значимость личностной биографической размерности ситуации, затруднения для лица, принимающего решения, в отношении которого эксперт высказывает позицию, делает невозможным сравнение с образцом. Что требует трактовки экспертизы как междисциплинарной исследовательской деятельности и ее проведения как практической коммуникации между субъектами, представляющими различные “жизненные миры” — ценностные системы, мировоззренческие ориентации, стандарты принятия решений. В числе таких субъектов обязательно присутствуют носители профанного знания, чья позиция в процессе экспертизы, как минимум, равнозначна позиции эксперта. В ходе коммуникативного взаимодействия с экспертами, столкновения с экспертной позицией пласти специализированного знания должны быть осмыслены неспециалистом как приемлемые/неприемлемые основания личностного выбора и могут быть учтены/не учтены в контексте личностных аргументов, обусловленных биографическими особенностями. Именно носитель профанного знания осуществляет лично значимый феноменологический выбор» [Брызгалина Е.В., Киселев В.Н., 2020, с. 34–35]. Оборотной стороной данного дисбаланса является привилегированный доступ элит к плодам научного прогресса, использованию в своих интересах передовых технологий, что повышает их потенциал в данном управлении и закономерно порождает стратификацию. Эпистемическая несправедливость здесь выступает только аддитивным фоном, который вытекает из общественного неравенства и усиливает его.

Данные дилеммы ставят в центр вопросы человекоразмерности описанного аутопоэтиса. Они напрямую касаются свободы человека в управлении своим природным началом, ее специфики и границ. В данном контексте указывается, что изменяется понимание суверенитета, он теряет узкий политический смысл и расширяется до идеи суверенитета жизни как таковой: «Суверенитет, кажется, расширил и интенсифицировал диапазон своего действия — вне репертуара, который веками характеризовал ее отношение к гражданам и другим государственным структурам... Суверенитет находит себя напрямую вовлеченным в вопросы жизни и смерти, которые более не должны иметь дела с отдельными сферами, но с миром во всех его измерениях» [Esposito R., 2008, р. 14]. Вполне можно говорить о природном аспекте суверенности человеческого индивида ввиду его неотчуждаемого единства с собственным природным началом. Вместе с тем свобода в данном случае также не должна превращаться в произвол, объективирующийся в хаосе «самоапгрейда» и биохакинга отдельных индивидов по принципу «сделай сам» («do-it-yourself») [Coenen C., 2017]. Свобода является дополнением необходимости, ограничиваясь как объективными законами природы, так и ответственностью перед другими и перед обществом в целом: «Чем глубже человек осознает необходимость, тем успешнее его действия и тем больше степень его ответственности за развитие событий» [Чернова Т.Г., 2014, с. 23]. Так что ожидаемо, что в данной плоскости биосуверенитет индивида будет уравновешен феноменом биогражданственности [Wehling P., 2010]. Предлагается также концепт биорациональности. Она будет требовать разумных оснований для тех или иных вмешательств в природную основу человека, а также критически указывать на их допустимые траектории и границы. В то же время она будет носить гуманистический характер, утверждать позитивно истолкованную свободу человека в витальной плоскости, вместе с тем рефлексируя динамические изменения норм и критериев гуманного как такового: «На нормативную основу биологической рациональности обращали внимание уже давно. Но, надо полагать, нормы меняются. Изменится и такая “норма”, как свобода. Думается, изменит-

ся и характер гуманизма» [Бекарев А.М., Пак Г.С., 2020, с. 79]. При оптимальном сценарии управление будет носить «распределенный» характер, предполагая паритет индивидуальных и коллективных субъектов. Статус-кво между ними должен поддерживаться максимально нейтральными инстанциями-арбитрами, имеющими как моральные (биоэтика), так и юридические (биоправо) рычаги регулирования [Barilan Y.M., 2012] и исходящими из таких базовых принципов, как автономия человека, его достоинство и целостность, а также уязвимость (подверженность рискам и необходимость в защите от них) [Rendtorff J.D., 2002]. Они также, по-видимому, будут заняты поиском баланса между самими способами регуляции и их нормами, устраниением «разрывов» между ними: «Необходимо прийти к выводам, позволяющим как адаптировать в морально-этическом плане результаты применения биотехнологий к морали окружающего общества, так и попытаться сократить усиливающийся разрыв между правом и моралью» [Камалиева И.Р., 2015, с. 82].

Заключение

Обобщенно можно сказать, что только конвергенция онтологических (понимание человека как сложного существа, имеющего природное начало, но не сводящегося к нему), эпистемологических (человек как источник познания/освоения своей природной основы, являющейся де-факто частью самопознания), социально-антропологических (сам человек как субъект управления собственной природной основой, автономная личность и одновременно часть коллектива, социально ответственное существо) и морально-аксиологических (ценность жизни человека, в том числе в витальном аспекте; «антропологическая неприкосновенность», выраженная в ряде биоэтических и биоправовых принципов, нацеленных на поддержание достоинства человека и его защиту как от радикальных трансгуманистических проектов, так и от манипуляций со стороны структур биовласти) смыслов, сделает аутопоэтическое управление природой в человеке подлинно гуманным. Феномен жизни в случае человека намного превосходит ее буквальный биологический смысл, можно говорить о его

автопоэтической жизни предельно широко, в результате чего сами «общества и культурные институции можно было бы считать живыми существами» [Boden M.A., 2000]. *Интегральным требованием поэтому является признание управления природным началом только частью антропологического аутопоэзиса, а следовательно, и противостояние логике pars pro toto, пытающейся выставить данное управление самоцелью, а не средством, коим оно и является ввиду описанной диалектики, рассматривающей природное измерение необходимой и важной, но все же только основой собственно человеческих, социальных и культурных пластов бытия.*

Список литературы

- Агамбен Д. Открытое. Человек и животное / пер. с итал. и нем. Б.М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
- Бекарев А.М., Пак Г.С. Гуманистическое измерение биорациональности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 72–82. DOI: <https://doi.org/10.37482/2227-6564-v008>
- Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение / пер. с англ. Е.З. Годиной. М.: Мир, 1988. 248 с.
- Богомягкова Е.С. Поворот к биологии: перспективы развития социологического знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11, вып. 1. С. 35–50. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.104>
- Брызгалина Е.В., Киселев В.Н. Эксперт и профан: коммуникативные парадоксы экспертизы и контр-экспертизы // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057218>
- Бэкон Ф. Новый органон / пер. с лат. Н.А. Федорова // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 7–214.
- Внутских А.Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 335 с.
- Внутских А.Ю., Гайшун Р.Н. «Культура vs природа»: философский анализ дискуссии о соотношении биологического и социального уровней организации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического универси-
- тета. Культура, история, философия, право. 2016. № 1. С. 23–33.
- Голдберг У. Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация / пер. с англ. Д. Бугакова. М.: Смысл, 2003. 335 с.
- Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М.: Ин-т философии РАН, 2004. 178 с.
- Диев В.С. Эпистемологические и методологические аспекты философии управления: неопределенность, риск, принятие решений // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 1. С. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-1-48-64>
- Долгов А.Ю. Генетика и геномная медицина в исследовательских перспективах социальных наук // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 3. С. 533–541. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-533-541>
- Дубровский Д.И. Сознание как «загадка» и «тайна»: к парадоксам «радикального когнитивизма» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 151–161.
- Камалиева И.Р. Трансформация социальной нормы в условиях прогресса биотехнологий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10(60), ч. 3. С. 80–83.
- Лебедев В.Ю., Федоров А.В. Медикализация современной культуры: ментальные и социобиологические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 47–64.
- Лекторский В.А., Труфанова Е.О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. 2019. Т. 30, вып. 1. С. 102–124. DOI: <https://doi.org/10.31857/s023620070003025-4>
- Лепский В.Е. Рефлексивность в управлении социальными системами (философско-методологический анализ) // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 2. С. 127–147. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2021-26-2-127-147>
- Лешкевич Т.Г. Вектор модификации методологии: социогуманитарное знание конвергирует с постнеклассикой // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/427/9>
- Лоренц К. Оборотная сторона зеркала / пер. с нем. А.И. Федорова. М.: АСТ, 2021. 576 с.
- Мамзин А.С. Природа человека и проблема взаимосвязи биологического и социального //

Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 2, № 4. С. 56–65.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Мирошниченко М.Д. От глаза лягушки к человеческому сознанию: трансформации неокибернетического проекта в теории аутопоэзиса // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 2. С. 126–143. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-2-126-143>

Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: ПГУ, 1974. 398 с.

Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. 432 с.

Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию / пер. с нем. А.Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.

Прозументик К.В. Сущностные силы человека: структура и уровни // Философия социальных коммуникаций. 2012. № 4(21). С. 35–43.

Рыбин В.А. Биосоциальность человека: опыт переосмыслиния в контексте современности // Человек. 2020. Т. 31, № 1. С. 45–60. DOI: <https://doi.org/10.31857/s023620070008744-5>

Сайкина Г.К., Ибрагимова З.З. Концепт «природы человека» как аксиологический принцип // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 413–422. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-413-422>

Соколова Е.Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 41, № 3. С. 191–209.

Спиноза Б. Этика / пер. с лат. Н.А. Иванцова // Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: сочинения. М.: ЭКСМО-пресс, 1998. С. 587–844.

Спорник А.П. Механизмы социального управления в глобальном потребительском обществе // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 6. С. 174–178.

Судаков К.В. Системная организация психической деятельности // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 6. С. 72–81.

Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 496 с.

Чернова Т.Г. О соотношении свободы и необходимости // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 2(18). С. 20–24.

Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 392 с.

Ярославцева Е.И. Человек аутопоэзисный в цифровом формате // Человек. 2018. № 2. С. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0236200718020104>

Arnold F.H. Directed evolution: bringing new chemistry to life // Angewandte Chemie International Edition. 2018. Vol. 57, iss. 16. P. 4143–4148. DOI: <https://doi.org/10.1002/anie.201708408>

Barilan Y.M. Human dignity, human rights, and responsibility: The new language of global bioethics and biolaw. Cambridge, MA: The MIT Press, 2012. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9311.001.0001>

Boden M.A. Autopoiesis and life // Cognitive Science Quarterly. 2000. Vol. 1, no. 1. P. 117–145.

Coenen C. Biohacking: New Do-It-Yourself Practices as Technoscientific Work between Freedom and Necessity // Multidisciplinary Digital Publishing Institute Proceedings. 2017. Vol. 1, iss. 3. URL: <https://www.mdpi.com/2504-3900/1/3/256> (accessed: 12.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.3390/is4si-2017-04119>

Conrad P. The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. N.Y.: JHU Press, 2007. 224 p.

Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, Reason, and the Human Brain. N.Y.: G.P. Putnam, 1994. 331 p.

Damasio A.R., Carvalho G.B. The nature of feelings: evolutionary and neurobiological origins // Nature reviews neuroscience. 2013. Vol. 14, iss. 2. P. 143–152. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn3403>

Esposito R. Bios: Biopolitics and philosophy. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2008. 304 p.

Glannon W. Brain, body, and mind: Neuroethics with a human face. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 272 p.

Hird M.J. Meeting with the microcosmos // Environment and Planning D: Society and Space. 2010. Vol. 28, iss. 1. P. 36–39. DOI: <https://doi.org/10.1068/d2706wsc>

Luisi P.L. The emergence of life: from chemical origins to synthetic biology. N.Y.: Cambridge University Press, 2019. 478 p.

Nadesan M.H. Governmentality, biopower, and everyday life. N.Y.: Routledge, 2010. 258 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203894620>

Pross A. What is life?: How chemistry becomes biology. Oxford, UK: Oxford University Press, 2016. 224 p.

Rendtorff J.D. Basic ethical principles in European bioethics and biolaw: autonomy, dignity, integrity and vulnerability — towards a foundation of bioethics and biolaw // *Medicine, health care and philosophy*. 2002. Vol. 5, iss. 3. P. 235–244.

Ridley M., Pierpoint G. Nature via nurture: Genes, experience, and what makes us human. N.Y.: Harper-Collins, 2003. 336 p.

Rose N., Abi-Rached J.M. Neuro: The new brain sciences and the management of the mind. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400846337>

Seidl D. Organisational identity and self-transformation: An autopoietic perspective. N.Y.: Routledge, 2016. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315247564>

Spitzer M. The mind within the net: Models of learning, thinking, and acting. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000. 376 p.

Weber A., Varela F.J. Life after Kant: Natural purposes and the autopoietic foundations of biological individuality // *Phenomenology and the cognitive sciences*. 2002. Vol. 1, iss. 2. P. 97–125.

Wehling P. Biology, citizenship and the government of biomedicine: Exploring the concept of biological citizenship // *Governmentality: Current Issues and Future Challenges* / ed. by U. Bröckling, S. Krasmann, T. Lemke. N.Y.: Routledge, 2010. P. 225–246.

Wexler B.E. Brain and culture: Neurobiology, ideology, and social change. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. 320 p.

Wilson E.O. On human nature. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 288 p.

Zhura V.V., Rudova Yu.V. Corporeal turn in human sciences: contemporary dimensions of the body // *Bioethics*. 2017. Vol. 19, no. 1. P. 16–20.

Получена: 18.01.2022. Принята к публикации: 02.03.2022

References

Agamben, D. (2012). *Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe*, per. B.M. Skuratova [Opened. Man and animal, trans. by B.M. Skuratov]. Moscow: RSUH Publ., 112 p.

Anan'ev, B.G. (2001). *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as subject of knowledge]. St. Petersburg: Piter Publ., 288 p.

Arnold, F.H. (2018). Directed evolution: bringing new chemistry to life. *Angewandte Chemie International Edition*. Vol. 57, iss. 16, pp. 4143–4148. DOI: <https://doi.org/10.1002/anie.201708408>

Bacon, F. (1978). [New Organon, trans. by N.A. Fedorov]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, pp. 7–214.

Barilan, Y.M. (2012). *Human dignity, human rights, and responsibility: The new language of global bioethics and biolaw*. Cambridge, MA: The MIT Press, 368 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9311.001.0001>

Bekarev, A.M. and Pak, G.S. (2020). [Humanistic dimension of biological rationality]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences]. No. 2, pp. 72–82. DOI: <https://doi.org/10.37482/2227-6564-v008>

Blum, F., Leyzerson, A. and Khofstedter, L. (1988). *Mozg, razum i povedenie, per. E.Z. Godinoy* [Brain, mind and behavior, trans. by E.Z. Godina]. Moscow: Mir Publ., 248 p.

Boden, M.A. (2000). Autopoiesis and life. *Cognitive Science Quarterly*. Vol. 1, no. 1, pp. 117–145.

Bogomyagkova, E.S. (2018). [A turn to biology: The future development of sociological knowledge]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology]. Vol. 11, iss. 1, pp. 35–50. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.104>

Bryzgalina, E.V. and Kiselev, V.N. (2020). [Expert and layman: communicative paradoxes of expertise and counter-expertise]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 57, no. 2, pp. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057218>

Chernova, T.G. (2014). [On relation of freedom and necessity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2(18), pp. 20–24.

Coenen, C. (2017). Biohacking: New do-it-yourself practices as technoscientific work between freedom and necessity. *Multidisciplinary Digital Publishing Institute Proceedings*. Vol. 1, iss. 3. Available at: <https://www.mdpi.com/2504-3900/1/3/256> (accessed: 12.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.3390/is4si-2017-04119>

Conrad, P. (2007). *The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders*. New York: JHU Press, 224 p.

Damasio, A.R. (1994). *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: G.P. Putnam Publ., 331 p.

Damasio, A.R. and Carvalho, G.B. (2013). The nature of feelings: evolutionary and neurobiological origins. *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 14, iss. 2, pp. 143–152. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn3403>

- Diev, V.S. (2018). [Epistemological and methodological aspects of the philosophy of management: uncertainty, risk, decision-making]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy]. Vol. 16, no. 1, pp. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-1-48-64>
- Dolgov, A.Yu. (2021). [Genetics and genomic medicine research from the social sciences perspectives]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19, no. 3, pp. 533–541. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-533-541>
- Dubrovskiy, D.I. (2017). [Consciousness as «riddle» and «mystery»: the paradoxes of «radical cognitivism»]. *Voprosy Filosofii*. No. 9, pp. 151–161.
- Esposito, R. (2008). *Bios: Biopolitics and philosophy*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 304 p.
- Glannon, W. (2013). *Brain, body, and mind: Neuroethics with a human face*. New York: Oxford University Press, 272 p.
- Goldberg, U. (2003) *Upravlyayuschiy mozg: Lobnye doli, liderstvo i tsivilizatsiya*, per. D. Bugakova [The executive brain: Frontal lobes and the civilized mind, trans. by D. Bugakov]. Moscow: Smysl Publ., 335 p.
- Gurevich, P.S. (2004). *Problema tselostnosti cheloveka* [Problem of man's integrity]. Moscow: IP RAS Publ., 178 p.
- Harari, Yu.N. (2019). *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego*, per. A. Andreeva [Homo Deus. A brief history of tomorrow, trans. by A. Andreev]. Moscow: Sindbad Publ., 496 p.
- Hird, M.J. (2010). Meeting with the microcosmos. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 28, iss. 1, pp. 36–39. DOI: <https://doi.org/10.1068/d2706wsc>
- Kamalieva, I.R. (2015). [Transformation of social norm in the conditions of biotechnologies progress]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 10(60), pt. 3, pp. 80–83.
- Lebedev, V.Yu. and Fedorov, A.V. (2016). [Medicalization of contemporary culture: mental and socio-biological aspects]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Vestnik Tver State University. Series: Philosophy]. No. 2, pp. 47–64.
- Lektorskiy, V.A. and Trufanova, E.O. (2019). [Constructivism in epistemology and in the humanitarian sciences]. *Chelovek* [Human Being]. Vol. 30, iss. 1, pp. 102–124. DOI: <https://doi.org/10.31857/s023620070003025-4>
- Lepiskiy, V.E. (2012). [Reflexivity in social systems control (philosophical and methodological analysis)]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 26, no. 2, pp. 127–147. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2021-26-2-127-147>
- Leshkevich, T.G. (2018). [The vector of methodology modification: convergence of socio-humanitarian knowledge with post-non-classics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 427, pp. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/427/9>
- Lorents, K. (2021). *Oborotnaya storona zerkala*, per. A. Fedorova [Reverse side of mirror, trans. by A. Fedorov]. Moscow: AST Publ., 576 p.
- Luisi, P.L. (2019). *The emergence of life: from chemical origins to synthetic biology*. New York: Cambridge University Press, 478 p.
- Mamzin, A.S. (2015). [Human nature and the problem of the relationship of the biological and the social]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 2, no. 4, pp. 56–65.
- Maturana, U. and Varela, F. (2001). *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimania*, per. Yu.A. Danilova [Tree of knowledge. Biological roots of human understanding, trans. by Yu.A. Danilov]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 224 p.
- Miroshnichenko, M.D. (2020). [From a frog's eye to the human mind: Transformations of the neocybernetic project in the theory of autopoiesis]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal]. Vol. 13, no. 2, pp. 126–143. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-2-126-143>
- Nadesan, M.H. (2010). *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge Publ., 258 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203894620>
- Orlov, V.V. (1974). *Materiya, razvitiye, chelovek* [Matter, development, man]. Perm: PSU Publ., 398 p.
- Pavlov, I.P. (2001). *Refleks svobody* [Reflex of freedom]. St. Petersburg: Piter Publ., 432 p.
- Plessner, H. (2004). *Stupeni organiceskogo i chelovek: vvedenie v filosofskuyu antropologiyu*, per. A.G. Gadzhikurbanova [Levels of the organic life and the human: An introduction to philosophical anthropology, trans. by A.G. Gadzhikurbanov]. Moscow: ROSSPEN Publ., 368 p.
- Pross, A. (2016). *What is life? How chemistry becomes biology*. Oxford, UK: Oxford University Press, 224 p. DOI: <https://doi.org/10.5860/choice.50-5584>

- Prozumentik, K.V. (2012). [Essential forces of man: structure and levels]. *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy* [Philosophy of Social Communications]. No. 4(21), pp. 35–43.
- Rendtorff, J.D. (2002). Basic ethical principles in European bioethics and biolaw: Autonomy, dignity, integrity and vulnerability — towards a foundation of bioethics and biolaw. *Medicine, Health Care and Philosophy*. Vol. 5, iss. 3, pp. 235–244.
- Ridley, M. and Pierpoint, G. (2003). *Nature via nurture: Genes, experience, and what makes us human*. New York: HarperCollins Publ., 336 p.
- Rose, N. and Abi-Rached, J.M. (2013). *Neuro: The new brain sciences and the management of the mind*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400846337>
- Rybin, V.A. (2020). [Human biosociality: The experience of rethinking in the context of modernity]. *Chelovek* [Human Being]. Vol. 31, no. 1, pp. 45–60. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0236200700087445>
- Saykina, G.K. and Ibragimova, Z.Z. (2021). [The concept of «human nature» as an axiological principle]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss 3, pp. 413–422. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-413-422>
- Schaeffer, J.-M. (2010). *Konets chelovecheskoy isklyuchitel'nosti, per. S.N. Zenkina* [End of human exclusivity, trans. by S.N. Zenkin]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 392 p.
- Seidl, D. (2016). *Organisational identity and self-transformation: An autopoietic perspective*. New York: Routledge Publ., 208 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315247564>
- Sokolova, E.T. (2014). [Loss of «I»: clinic or new cultural norm?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 41, no. 3, pp. 191–209.
- Spinoza, B. (1998). [Ethics, trans. by N.A. Ivantsov]. *Spinoza B. Ob usovershenstvovaniu razuma: Sochineniya* [Spinoza B. On improvement of mind: Works]. Moscow: EKSMO-Press, pp. 587–845.
- Spitzer, M. (2000). *The mind within the net: Models of learning, thinking, and acting*. Cambridge, MA: The MIT Press, 376 p.
- Spornik, A.P. (2010). [Mechanisms of social management in global consumer society]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. Vol. 317, no. 6, pp. 174–178.
- Sudakov, K.V. (2013). [System organization of psychic activity]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 34, no. 6, pp. 72–81.
- Vnutschikh, A.Yu. (2006). *Otbor v prirode i otbor v obschestve: opyt konkretno-vseobschey teorii* [Selection in nature and society: experience of concrete-general theory]. Perm: PSU Publ., 335 p.
- Vnutschikh, A.Yu. and Gayshun, R.N. (2016). [«Culture» vs «nature»: philosophical analysis of discussion about correlation of biological and social levels of organization]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture, History, Philosophy, Law]. No. 1, pp. 23–33.
- Weber, A. and Varela, F.J. (2002). Life after Kant: Natural purposes and the autopoietic foundations of biological individuality. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 1, iss. 2, pp. 97–125.
- Wehling, P. (2010). Biology, citizenship and the government of biomedicine: Exploring the concept of biological citizenship. *U. Bröckling, S. Krasmann, T. Lemke (eds.). Governmentality: Current Issues and Future Challenges*. New York: Routledge Publ., pp. 225–246.
- Wexler, B.E. (2008). *Brain and culture: Neurobiology, ideology, and social change*. Cambridge, MA: The MIT Press, 320 p.
- Wilson, E.O. (2004). *On human nature*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 288 p.
- Yaroslavtseva, E.I. (2018). [The autopoietic person in a digital format]. *Chelovek* [Human Being]. No. 2, pp. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0236200718020104>
- Zhura, V.V. and Rudova, Yu.V. (2017). Corporeal turn in human sciences: contemporary dimensions of the body. *Bioethics*. Vol. 19, no. 1, pp. 16–20.

Received: 18.01.2022. Accepted: 02.03.2022

Об авторе

Желнин Антон Игоревич
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>
ResearcherID: AAR-2036-2021

About the author

Anton I. Zhelnin
Candidate of Philosophy, Associate professor
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>
ResearcherID: AAR-2036-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Желнин А.И. Управление природным началом в человеке: путь гуманистического аутопоэзиса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 108–125.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-108-125

For citation:

Zhelnin A.I. [Management of the natural dimension in man: the path of humanistic autopoiesis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 108–125 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-108-125

УДК 165+003.62

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-126-132

ЗНАК И СИМВОЛ

Горбачев Максим Дмитриевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

В ситуации сосуществования противоречивых трактовок понятий знака и символа рассматривается ряд подходов к их различию, чтобы выбрать наиболее удачный. Перед тем как перейти к са-мим подходам, автор обращается к понятиям знака, смысла и значения и приходит к выводу, что одной из причин неясности соотношения знака и символа является следование за пониманием знака и значения у Фреге. Чтобы представить проблему вне его теории, определяется знак как не более и не менее чем то, в чем есть смысл, а также расширяется понимание значения путем введе-ния понятия действительной ситуации. Затем указывается на то, чем знак или символ являются не могут, на основе анализа предложенных пониманий первого, а также особенностей категории смысла. В ходе рассмотрения различных подходов к различению знака и символа автор приходит к выводу, что наиболее перспективным из них является выделение особого символического смыс-ла. Несмотря на то что и знак, и символ в случае, если их все же удастся разграничить, будут оди-наковы на уровне самого наличия смысла, есть возможность выделения особого, символического смысла исходя из его глубины или возвышенности. Однако эти понятия туманны, поэтому необ-ходимо сначала определить четкий критерий, позволяющий выявлять этот символический смысл среди прочих смыслов, не прибегая при этом к сужению понятия знака для искусственного созда-ния символического в оставшемся после такого сужения пустом пространстве смысла.

Ключевые слова: знак, символ, смысл, значение, соотношение знака и символа, символическое.

A SIGN AND A SYMBOL

Maxim D. Gorbachev

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

There exist rather contradictory interpretations of the concepts of sign and symbol. The author explores a number of approaches to their distinction in order to indicate the most appropriate one. Before proceeding to the approaches, the author turns to the concepts of a sign, sense and denotation, and comes to a conclusion that one of the reasons for the ambiguity of the relationship between a sign and a symbol lies in fol-lowing the understanding of a sign and denotation provided by Frege. To study the problem outside of Frege's theory, the author defines a sign as nothing more or less than what makes sense, and also expands the denotation by introducing the concept of an actual situation. Then, based on the proposed understand-ing of a sign and also the features of the category of sense, it is indicated what a sign or a symbol cannot be. In the course of consideration of various approaches to the distinction between a sign and a symbol, the author comes to a conclusion that the most promising of them is the separation of a special symbolic meaning. Despite the fact that both the sign and the symbol, provided it becomes possible to distinguish between them, will be the same at the level of the very presence of sense, we see the possibility of distin-guishing a special, symbolic, sense based on its depth or sublimeness. However, these concepts are vague, so the first thing to do is to define a clear criterion that would make it possible to distinguish this symbol-ic sense among other senses, without narrowing the concept of a sign in order to artificially create a sym-bolic sense in the empty space left after such a narrowing.

Keywords: sign, symbol, sense, denotation, relation of a sign and a symbol, symbolic.

Введение

В философии часто выделяют и разграничивают понятия знака и символа. Однако линия разграничения проводится по-разному, что приводит к появлению не только многих вариантов обоих понятий, что может вводить в заблуждение, но и противоречивых трактовок знака и символа. В этой работе делается попытка определить знак, а затем найти то, что может служить границей между ним и символом, опираясь на опыт других исследователей. Не исключается и то, что критерий для такого различия может показаться недостаточным для введения такого различия либо быть слишком неустойчивым и зависящим от исследовательских задач, чтобы считаться тем, что показывает принципиальное различие между знаком и символом.

Перед тем как перейти к рассмотрению потенциальных способов различия, нужно провести подготовительную работу с тем, что связано со знаком: смыслом и значением. Часто при использовании понятия «знак» опираются на концепцию Фреге [Фреге Г., 1997]. И, хотя с тем, что знак выражает свой смысл и имеет свое значение, можно согласиться, стоит, во-первых, прояснить суть смысла, а во-вторых, ввести более расширенное понимание значения. Так как при использовании его во фрегевском смысле мы сталкиваемся с бессмыслицей там, где смысл явно есть, но лишь из-за отсутствия в качестве значения материальной вещи бываем вынуждены признавать и отсутствие смысла.

Смысл — это один из видов воображаемого, которое, в свою очередь, есть нечто чувственно-сверхчувственное. Воображаемое противопоставлено существу в мире, тому, что в нем есть [Гиренок Ф.И., 2012, с. 19]. Воображаемого, в отличие от воспринимаемого, в мире среди вещей нет, но оно есть для человека, и именно человек, воображая, создает воображаемое. Вообще говоря, смысл в чем бы то ни было полагает человек, в мире самом по себе нет никакого смысла. Стол в мире ничем не отличается от скалы, кроме формы, а человек, полагая и в том и в другом смысл, различает их как то, за чем сидят люди, у чего стоят стулья, и то, что, например, можно «покорить» или на что можно подняться, чтобы насладиться красотой вида. Итак, смысл — это воображаемое.

Значение мы будем понимать, в отличие от Фреге, не как вещь, но как действительную ситуацию, которая имеет место. В таком случае помимо того, что является значением у Фреге, им будет являться и то, что есть как воображаемое, а не воспринимаемое. Так, например, и стакан передо мной — действительная ситуация, и стакан, который я вообразил, — действительная ситуация. Если мы скажем, например, Шерлок Холмс не курил трубку, имея в виду того самого Холмса, то этому смыслу не будет соответствовать действительная ситуация (ведь он курил трубку); т.е. значения в этом случае не будет — лишь знак и смысл. То есть расширенное понимание значения призвано не для того, чтобы придавать его всем знакам, а избегать очевидной ошибки, которую приходится не замечать Фреге, заявлявшему о бессмыслиности выражений, где знаку не соответствовало значение в его смысле, связанное с вещественностью и телесностью.

Таким образом, знак мы определяем как то, в чем есть (положен человеком) смысл. В тех случаях, когда знак используется таким образом, что не отсылает к какой-то ситуации, как это обычно происходит с языком, он может совпадать с действительной ситуацией. Так, например, когда я вижу слона или воображаю какой-либо образ и полагаю в них смысл, они одновременно еще и знаки, так как в них есть смысл. Проблемы здесь не возникает, поскольку знаковость лишь указывает на прошедшее смыслополагание. Так, например, дорожный знак, предупреждающий об извилистой дороге, в одном случае отсылает нас к извилистой дороге впереди и мы сбрасываем скорость, а в другом — сам берется как действительная ситуация, если нас, например, интересует то, что есть дорожный знак в принципе.

Апофатика знака и символа

С учетом сказанного можно сделать первые шаги в апофатическом определении знака или символа, указав, чем они не являются. Так, например, изучить символ, в котором, хотя мы его еще не определили, исследователи, судя по всему, подразумевают смысл, не значит «расмотреть вещь так, как она есть» [Мельникова И.В., 2006, с. 22]. Дело в том, что смысл, полагаемый человеком как воображаемое, которого нет среди вещей и в вещах, делает их именно тем, что они не есть. Так, человек по-

рой берет с тарелки не тот пирожок, который ближе к нему, а тот, который на него «смотрит», делая тем самым этот пирожок скорее тем, что он не есть, расширяя его реальность как вещи посредством воображаемого — смысла. Хотя любой пирожок, являясь вместилищем смысла, уже не есть то, что он есть как вещь среди вещей. Поэтому мы бы скорее согласились с Э.М. Спировой в том, что «символ выражает несобственный, неподлинный момент бытия объекта» [Спирова Э.М., 2007, с. 113].

По схожей причине спорными кажутся слова, что символы — чувственные знаки сверхчувственного [Ильин В.В. и др., 2012, с. 313]. Во-первых, смысл может полагаться не только в чувственном. Например, в образе. Во-вторых, если сверхчувственное мы понимаем как трансцендентное, то не совсем ясно, знаками чего являются символы. Однако мы допускаем, что автор имел в виду то, что мы называем чувственно-сверхчувственным, к чему и относится смысл. Если же говорить о значении, то ранее мы уже отмечали то, что оно может быть и тем, что воображаемо.

Итак, мы указали на основания возможности для чего-либо быть знаком, а также на то, чем знак или символ являться не могут. Но цель нашей работы предполагает в первую очередь поиск возможных линий различия знака, понятие которого мы обсудили выше, и символа. Приводимые нами примеры этого различия расположены в произвольном порядке и не иерархизированы. Кроме того, вследствие нашего понимания знака мы уже отвергли линию различия, исходящую из материальной природы значения знака, в противовес отсутствию такового у символа, который имеет дело с чувственно-сверхчувственным, так как значение мы понимаем шире, чем Фреге, и оно может быть воображаемым.

Плюрализм символического

Одним из частых способов разграничения знака и символа является указание на фиксированность первого и неустойчивость второго. «Символ создает перспективу для бесконечного развертывания вещи в мысли», — пишет Спирова [Спирова Э.М., 2007, с. 111]. Или, подчеркивая спонтанность символа: «...ведь в отличие от знаков символы рождаются и умирают» [Спирова Э.М., 2009, с. 207]. Однако в таких формулировках упускается то, что делает знак

знаком, а символ символом, — смысл. А смысл полагается, как мы уже говорили, человеком, который, в свою очередь, спонтанен. То есть полагание смысла совершается человеком не по запрограммированной необходимости, а в спонтанности, что делает даже ситуацию следования правилам языковой игры, которую можно было бы упрекнуть в искусственном появлении и фиксированности за этот счет, спонтанной, так как знаки или символы могут быть использованы в другом смысле. Да, есть знаки, смысл которых яснее, или те, которые часто употребляются в одном и том же смысле, но все они одинаковы в возможности полагания иного смысла. А если знак с отличным от предыдущего смыслом мы считаем новым знаком, то рождается и умирает он спонтанно. Конечно, мы часто понимаем друг друга и можем вкладывать в знаки такие смыслы, которые разделяются обществом, но это не умаляет способности знаков содержать иные смыслы. Более того, само смыслополагание фиксирует — хотя и лишь в рамках единичной реализации этого полагания — смысл, поэтому при таком подходе символом считаться могло бы только то, в чем никакой смысл сейчас не полагается.

С.В. Никоненко подчеркивает, что «символ сотворен... чтобы интерпретироваться различными способами» [Никоненко С.В., 2016, с. 50]. Но, как показывает В.П. Руднев, реальность смысла многомерна, в ней невозможно исключить интерпретационный плюрализм, как Никоненко предполагает это для знака [Руднев В.П., 2016]. Именно в силу многомерности даже обыденных смыслов люди спрашивают друг друга, что каждый из них хотел сказать, хотя оба они уже сказали. То есть если мы последуем за определением символа как того, что предполагает различную интерпретацию, мы потеряем знак, ведь все станет символом вследствие одновременного существования различных нарративов в рамках одних и тех же знаков. Иными словами, границу между ними провести вновь не удастся, так как любой знак не исключает плюралистической интерпретации и предполагает смысловую (или, следя терминологии Руднева, нарративную) многомерность.

Синонимичность знака

Еще одна возможность отличить знак от символа иногда предполагается в принципиальной заменимости первого, в отличие от второго.

Так, Ю.М. Шилков утверждает, что «знаки можно заменять, исходя из целесообразности его использования в качестве средств общения» [Шилков Ю.М., 2010, с. 69]. Здесь мы видим две сложности. Во-первых, как мы указывали ранее, есть такие знаки, которые совпадают с действительной ситуацией, соответствующей полагаемому смыслу. Так, слон как вещь или образ является знаком, поскольку в нем есть смысл, но его замена едва ли положительно скажется на выполнении функции общения. Хотя такая замена и может быть произведена путем использования знака отсылающего. Так, например, сам Христос, которого многие, полагаем мы, назвали бы символом, может быть заменен своим именем. И хотя значение и смысл в этом случае не изменятся, знак все же будет успешно заменен. Во-вторых, указанный пример и те случаи, когда заменить знак нельзя, говорят нам не более чем о том, что у знака нет адекватных конкретной ситуации синонимов, а не то, что замена невозможна в принципе из-за внутренней особенности самого знака. А это делает такую заменимость контекстуально зависимой, что говорит скорее о разных случаях использования знака, чем о выделении на его фоне символа. Нам представляется избыточным введение понятия символа для случаев, когда у знака нет адекватного коммуникативной ситуации синонима, так как при появлении такого символа становится знаком. А это появление зависит не от внутренней особенности пока еще незаменимого знака.

В контексте этого неудачного различения можно вспомнить слова Соссюра о том, что символы не до конца произвольны и символ, например, справедливости — весы — нельзя заменить на что угодно [Соссюр Ф., 1977, с. 101]. Однако весы, конечно, не единственный и не первый символ справедливости или правосудия, и для человека, который знает об этом, заменить весы будет возможно. Другое дело — невозможность на первый взгляд сделать символом справедливости что угодно. Хотя при втором взгляде можно увидеть, как минимум, одну возможность совершать такие подстановки. Так, например, в Египетской мифологии перо — один из символов правосудия. Это объясняется наличием крыльев у богини справедливости Маат. Но история демонстрирует нам богатство и разнообразие знаков — или символов — в мифологии, что наталкивает на мысль

об отсутствии необходимой объективной связи между тем, в чем именно полагается метафорический смысл, и самим смыслом. Вместе с тем всегда можно проследить некую естественную преемственность между тем, что наделяется метафорическим смыслом, и ситуацией, соответствующей этому смыслу. Это подводит нас к метафоре и еще одной возможной линии различия знака и символа — необходимости базисного смысла для последнего.

Метафора и отсылание

Судя по всему, метафора — это использование уже существовавшего знака в ином смысле и с иным значением, но с сохранением части его интенсионала. Так, например, слово «волна» становится метафорой, если мы используем его для описания женщины. Смысл и значение изменяются, но часть смысла остается, благодаря чему можно проследить преемственность как указание на метафору: например, и волна, и женщина-волна накатывают на тебя, сбивают тебя с ног, ты можешь захлебнуться в них и т.д. То есть метафора и есть то, что требует уже бывшего смысла, а вместе с тем и знака, в котором этот смысл был положен. Но остается вопрос, можем ли мы сказать, что метафора или тот знак, который используется метафорически, и есть символ. Мы полагаем, что формулировки «метафорическое использование знака» достаточно и в качестве примера существования взгляда на символ как на то, что не требует того базисного смысла и знаковости, рассмотрим крест в христианстве.

Как пишет Н.Н. Ростова, крест — это не только кусок материи, но и то, чему «служат, кладут поклоны, молятся»; «его воспевают и целят» и даже «обращаются “на ты”» [Ростова Н.Н., 2017, с. 118]. Действительно, мы видим серьезную разницу между двумя такими смыслами, но о ней скажем позже, а сейчас обратим внимание на то, что символический смысл креста совершенно необязательно требует предварительного вкладывания в него смысла изделия из какой-то материи. Представим, что Бог явился людям в виде сияющего креста, а до этого люди крестов нигде не видели. После явления люди начинают делать кресты, но смысл креста как изделия, куска материи будет в этом случае вторичным, так как в первую очередь крест — это Бог. Таким образом, смыслового базиса не требуют ни знак, ни символ, как их понимает

Ростова. В первом случае кресты были кусками материи в форме креста и до явления Божьего, а во втором — крест стал Богом до того, как стал куском материи. В таком случае различение знака и символа исходя из наличия базисного смысла кажется нам также избыточным.

Мы уже затронули вопрос метафоры, но существует подход к разграничению знака и символа на основании не обязательно метафорической отсылки. Причем приверженцы такого подхода называют порой символом противоположные вещи. Так, например, А.Ф. Лосев пишет, что символ «ничего не обозначает такого, чем бы он сам не был» [Лосев А.Ф., 1993, с. 876]. В этом он близок уже упомянутому Соссюру, хотя идет дальше и указывает не просто на наличие некой естественной связи между означающим и означаемым в символе, о которой мы высказывались выше, но постулирует единство означаемого и означающего, накладывая тем самым на символ запрет к отсылке на нечто вне себя. Но в таком случае яблоко, взятое само по себе, а не как указание на дерево, с которого его сорвали, тоже символ. Тогда крест для религиозного человека то знак, то символ в зависимости от того, является ли он святыней сам по себе или отсылает к кресту, на котором распяли Христа. И ничто не мешает нам сказать, что есть знаки, отсылающие к чему-то вне себя, что, в свою очередь, тоже будет знаком, так как имеет смысл. А есть те, что сами являются той ситуацией, которая соответствует смыслу, который и делает эту ситуацию знаком. Как, например, стол передо мной есть и знак, и действительная ситуация. По той же причине мы не считаем оправданным использование символа как того, что, наоборот, указывает на нечто вне себя, как предлагает Спирова [Спирова Э.М., 2009, с. 205].

Здесь, в контексте отсылки, хотелось бы еще раз указать на то, что существует позиция, согласно которой знак, в отличие от символа, связан с вещью или «локалом» [Ильин В.В. и др., 2012]. Мы допускаем, что это вызвано фрегевским пониманием знака и значения, так как ранее мы продемонстрировали, что при толковании знака как содержащего смысл, без привязки к предметному значению, которая лишь приводит к ошибочным заключениям, мы будем вынуждены создать новую категорию для тех случаев, когда действительная ситуация, которая соответствует смыслу знака, находится в обла-

сти воображаемого — чувственно-сверхчувственного. Однако при предложенном нами толковании знака и значения такой необходимости не возникает. Кроме того, если следовать за Ильиным, получится, что христианский крест — знак, так как Иисус и крест предметны, а Шерлок Холмс Дойла — символ, что и нам, и, судя по рассмотренным ранее примерам, другим исследователям кажется сомнительным.

Символический смысл

Наиболее перспективным способом разграничить знак и символ, на наш взгляд, является различие знакового и символического смысла. То есть важны не различия в значениях или способах реализации смысла, которых недостаточно для введения понятия символа, как мы показали ранее, а в самих смыслах, в том, каковы они. Причем это разграничение может проводиться не необходимо между знаком и символом как не сообщающимися понятиями, но и как выделение символического смысла внутри знакового. В этом плане удачна идея, что всякий символ есть знак, но не всякий знак — символ [Ильин В.В. и др., 2012, с. 304]. Разные исследователи уже указывали на возможность выделения символа на основании особенности его смысла. Так, например, Ю.М. Шилков пишет, что «символы могут выражать предельную заинтересованность людей в чем-либо или в ком-либо, превращаясь в средства и формы их жизнедеятельности, которые начинают претендовать на уникальность, неповторимость, исключительность» [Шилков Ю.М., 2010, с. 69]. Однако такая формулировка не без некоторых сложностей. Например, в таком случае мы будем считать символом и Христа, и друга, и знамя, и любимый фрукт. Более того, предельная заинтересованность может зависеть от стремления к чему-либо, поэтому и символ может считаться символом только в те моменты, когда мы в нем действительно предельно заинтересованы. Но стоит ли ради подчеркивания заинтересованности или уникальности вводить понятие символа? Ведь знак может обладать разными смыслами; да и часто уникальность не предполагает заинтересованности и наоборот. Тем не менее предельность будто приоткрывает возможность выделения смыслов, обладающих некой духовной глубиной.

Это эксплицирует С.В. Никоненко, говоря, что «путаница между знаками и символами ис-

чезает, если делать символ обобщением не чувственного, а возвышенного, или эйдетического, опыта» [Никоненков С.В., 2016, с. 52]. Из всех приведенных ранее способов различения знаков и символов этот, построенный на отличии символического смысла от знакового, кажется нам наиболее перспективным. Но именно перспективным, так как для проведения такой границы необходимо сначала обосновать различие смыслов. Никоненко, указывая на чувственный опыт, возможно, вновь пытается сыграть на разнице в значениях — воспринимаемом и воображаемом. Но если исключить нечувственность как уникальное качество символа (если под чувственным опытом действительно понимается воспринятое), то мы должны указать на то, почему глубина смысла в какой-то момент не позволяет считать его смыслом среди других смыслов, а качественно возвышает его над ними. Важно, что сейчас глубина выглядит как некая иерархия, поэтому не хватает критерия, который позволил бы определить, насколько глубоким может быть знаковый смысл. Любимый фрукт, религия, флаг, любимая песня — в каких случаях глубина смысла достаточна, чтобы считать его символом?

Если же мы хотим сконцентрироваться не на глубине, которая подвержена градации и поэтому неудобна для искомого разграничения, а на возвышенности, то необходимо ввести критерий, позволяющий нам различать возвышенное и не возвышенное. Хотя вполне может оказаться, что возвышенность, скорее, также градационна. Конечно, часто мы интуитивно выделяем возвышенное, но это подходит лишь для повседневности.

Заключение

Действительно, иногда мы видим, что одни смыслы отличаются от других, являясь результатами разного опыта — возвышенного в одном из случаев [Ozlem Alp K., 2010, р. 1]. Но интуитивное различение совершенно не говорит нам о наличии реального разрыва, который бы уже не позволял нам считать нечто знаком с другим смыслом, но обнаруживал необходимость введения нового понятия для особых смыслов. Если и можно дать обстоятельный критерий, с помощью которого такой разрыв можно удостоверять, то, согласимся мы с Ильиным, будем выделять символы внутри знаков,

так как в символе есть смысл, а особого смысла мы знаку не приписывали.

Таким образом, судя по приведенным подходам к знаку и символу, знак часто намеренно понимают настолько узко, чтобы оставалась возможность для введения символа. Но если уйти от таких трактовок, так как они либо приводят к неверным заключениям, как в случае Фреге, либо неверны сами по себе, как в случае с мнимо полагаемой фиксированностью знака, то найти то, что как знак описать уже нельзя, будет непросто. Тем не менее, несмотря на то, что, если нам и удастся разграничить знак и символ, они будут одинаковы в самом наличии смысла в них, мы видим возможность в выделении особого, символического смысла, исходя из его глубины или возвышенности. Однако для этого необходимо сначала указать четкий критерий, позволяющий выделять этот символический смысл среди прочих смыслов, не прибегая при этом к сужению понятия знака для искусственного создания символического в оставшемся после такого сужения пустом пространстве смысла.

Список литературы

- Гиренок Ф.И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академ. проект, 2012. 237 с.
- Ильин В.В., Куренков И.О., Рамазанов С.О. Символ и знак: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 303–314.
- Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 802–880.
- Мельникова И.В. Реальность символа // Омский научный вестник. 2006. № 6(42). С. 21–24.
- Никоненко С.В. К вопросу о соотношении символа и знака // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2016. № 3. С. 47–53.
- Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект, 2017. 432 с.
- Руднев В.П. Новая модель реальности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 224 с.
- Соссюр Ф. Труды по языкоznанию / пер. с фр. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
- Спирова Э.М. Знак или символ? // Знание. Понимание. Умение. 2007. №1. С. 110–114.
- Спирова Э.М. Функции символа // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 205–211.
- Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллект. книги, 1997. С. 26–43.

Шилков Ю.М. Символ и вымысел (о функциональных возможностях символа) // Кантовский сборник. 2010. № 1(31). С. 68–74.

Ozlem Alp K. A comparison of sign and symbol (their contents and boundaries) // *Semiotica*. 2010. Vol. 2010, iss. 182. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.2010.048>

Получена: 10.06.2021. Принята к публикации: 16.10.2021

References

- Frege, G. (1997). [Sense and denotation]. *Frege G. Izbrannye raboty* [Frege G. Selected works]. Moscow: Dom Intellektual'noy Knigi Publ., pp. 26–43.
- Girenek, F.I. (2012). *Absurd i rech'. Antropologiya voobrazhaemogo* [Absurdity and speech. Anthropology of the imaginary]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 237 p.
- Il'in, V.V., Kurenkov, I.O. and Ramazanov, S.O. (2012). [Symbol and sign: comparative analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. No. 3, pp. 303–314.
- Losev, A.F. (1993). [Things and naming]. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Space]. Moscow: Mysl' Publ., P. 802–880.
- Mel'nikova, I.V. (2006). [Reality of symbol]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. No. 6(42), pp. 21–24.

Об авторе

Горбачев Максим Дмитриевич
магистрант направления «Философия»
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: mdgorbachevmsu@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8374-5889>
ResearcherID: AGD-7154-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Горбачев М.Д. Знак и символ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 126–132. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-126-132

For citation:

Gorbachev M.D. [A sign and a symbol]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 126–132 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-126-132

Nikonenko, S.V. (2016). [On the question of the relationship between sign and symbol]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. No. 3, pp. 47–53.

Ozlem Alp, K. (2010). A comparison of sign and symbol (their contents and boundaries). *Semiotica*. Vol. 2010, iss. 182, pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.2010.048>

Rostova, N.N. (2017). *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The exile of God. The problem of the sacred in human philosophy]. Moscow: Prospekt Publ., 432 p.

Rudnev, V.P. (2016). *Novaya model' real'nosti* [New model of reality]. Moscow: HSE Publ., 224 p.

Saussure, F. (1977). *Trudy po yazykoznaniju* [Works on linguistics]. Moscow: Progress Publ., 696 p.

Shilkov, Yu.M. (2010). [Symbol and fiction (about fictitious features of the symbol)]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian Journal]. No. 1(31), pp. 68–74.

Spirova, E.M. (2007). [Sign of symbol?]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 1, pp. 110–114.

Spirova, E.M. (2009). [Functions of symbol]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 2, pp. 205–211.

Received: 10.06.2021. Accepted: 16.10.2021

About the author

Maxim D. Gorbachev
Graduate student in Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: mdgorbachevmsu@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8374-5889>
ResearcherID: AGD-7154-2022

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923:316.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-133-145

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ САМОПРЕДЬЯВЛЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ахмадеева Елена Владимировна, Башкатов Сергей Александрович

Башкирский государственный университет (Уфа)

Представлены результаты обобщающей систематизации исследований феномена самопрезентации-самопредъявления, выполненных отечественными и зарубежными авторами. Подчеркивается, что общепринятое определение этого понятия отсутствует. Имеющиеся термины условно рассматриваются в разрезе мотивационного, личностного и ситуационного подходов, определяющих этот феномен. Отмечается наличие у каждого из подходов своих критерии, выдвигаемых в качестве допустимых единиц психологического измерения. Цель исследования — при помощи аспектного анализа отечественных и зарубежных исследований предложить теоретические основы изучения феномена самопредъявления как некоего психологического конструкта, проявляющегося в его разнообразных стратегиях и тактиках. Для реализации цели использован теоретический метод деконструкции содержания основных научных первоисточников зарубежной и отечественной психологии. Установлено, что отечественные и зарубежные исследователи отмечают роль самопрезентации и самопредъявления как неотъемлемых составляющих межличностных отношений. В основе значительной части зарубежных работ лежит концепция «социальной драматургии», где базовыми понятиями выступают: «образ-Я», «социальная роль», «самовыражение», «самопрезентация». В отечественной психологии самопредъявление чаще всего рассматривается как механизм или средство самовыражения субъекта, форма манипулятивного поведения, вид личностной активности, аспект коммуникативного процесса. Некоторые отечественные и зарубежные авторы считают самопредъявление проявлением осознанной манипуляции, в основе которой лежат субъект-объектные отношения, другие полагают, что это механизм регуляции собственного поведения в рамках субъект-субъектных отношений. Выделение стратегий и тактик самопредъявления представлено в разнообразных подходах зарубежных авторов. Отечественные исследователи используют зарубежные классификации для российской выборки. Авторами подчеркивается, что владение навыком продуктивного самопредъявления обусловливает умение грамотно изложить информацию о себе, сделать акцент на личностных качествах, которые соответствуют предъявляемой ситуации, а также убедить партнера по общению в совпадении целей взаимодействия. Анализ основных точек зрения по проблеме показывает, что самопредъявление в межличностных отношениях может быть представлено как психологический конструкт, характеризующийся субъективной осознаваемостью и значимостью и умением управлять им в процессе самомониторинга. Они же, в свою очередь, влияют на формирование у участников взаимодействия образа реальности, соответственно которому личность реализует стратегии самопредъявления посредством его разнообразных тактик.

Ключевые слова: отношение, межличностное взаимодействие, тактики и стратегии самопредъявления, управление впечатлением, самопрезентация.

STRATEGIES AND TACTICS OF SELF-PRESENTATION
AS A PSYCHOLOGICAL CONSTRUCT IN INTERPERSONAL INTERACTION

Elena V. Akhmadeeva, Sergey A. Bashkatov

Bashkir State University (Ufa)

The article presents the results of a generalizing systematization of studies on the phenomenon of self-presentation carried out by Russian and foreign authors. There is no generally accepted definition of this concept, the available terms are conditionally considered in the context of motivational, personal, and situational approaches that determine this phenomenon. Each of the approaches has its own criteria, which are put forward as acceptable units of psychological measurement. The aim of the study is to offer the theoretical foundations for studying the phenomenon of self-presentation as a psychological construct manifested in its various strategies and tactics; the research is based on aspect analysis of Russian and foreign studies. To achieve the goal, a theoretical method was used to deconstruct the content of the main scientific sources on foreign and domestic psychology. It has been established that Russian and foreign researchers note the role of self-presentation as an integral component of interpersonal interactions. Many of the foreign works are based on the concept of «social dramaturgy», where the basic notions are «self-image», «social role», «self-expression», and «self-presentation». In Russian psychology, self-presentation is most often considered as a mechanism or a means of a person's self-expression, a form of manipulative behavior, a type of personal activity, and an aspect of the communicative process. Some Russian and foreign authors consider self-presentation to be a manifestation of conscious manipulation based on subject-to-object relations. Other scientists believe that it is a mechanism for regulating one's own behavior as part of subject-to-subject relations. The identification of strategies and tactics of self-presentation is presented in a variety of approaches by foreign authors. Russian researchers use foreign classifications for the Russian sample. The authors emphasize that the skill of productive self-presentation determines the ability to correctly present information about oneself, to focus on personal qualities that correspond to the presented situation, and also to convince the communication partner of the congruence of the interaction goals. An analysis of the main points of view on the problem shows that self-presentation in interpersonal interactions can be represented as a psychological construct characterized by subjective awareness and significance and the ability to manage it in the process of self-monitoring. These, in their turn, influence the formation of the idea of reality in the interaction participants, according to which the person implements strategies of self-presentation through various tactics.

Keywords: relationship; interpersonal interaction; tactics and strategies of self-presentation; impression management; self-presentation.

Введение

Ведущее место в жизни личности занимает система отношений, основанная на взаимодействии и общении. Категорию «отношения» в основу своей концепции положил В.Н. Мясищев, который рассматривал ее в неразрывной диалектической взаимосвязи с категориями общения и взаимодействия. Отношениями он называл такую системообразующую связь человеческих свойств, которая избирательно и осознанно выражается личностью. Данная устойчивая позиция может выражаться разнообразно, в некоторых случаях даже противоположно, но обязательно стабильно. В.Н. Мясищев подчеркивал, что, исследуя отношения, надо учитывать: отношение человека к людям, отношение человека

к себе, его отношение к предметам внешнего мира [Мясищев В.Н., 2011]. На наш взгляд, в контексте изучения феномена самопредъявления категория отношения к людям будет иметь решающий характер, особенно в связи со значимостью характера и ситуации взаимоотношений. Согласно концепции В.Н. Мясищева, «...любые отношения человека будут оставаться потенциальными до тех пор, пока он не начинает действовать. Именно в этом действии, сталкиваясь с многочисленными социальными влияниями, личность будет видоизменяться сама» [Мясищев В.Н., 2011, с. 4]. Ученый полагал, что между отношениями, взаимодействием и общением должна существовать определенная взаимозависимость, которая не может иметь постоянно-неизменных константных характеристик. Ведь

любая коммуникативная деятельность и взаимодействие в обществе регулируется регламентированными социальными требованиями: правилами, этикетом, дисциплиной, что зачастую препятствует подлинным отношениям или скрывает их. На наш взгляд, избирательность и осознанность конструктов отношений личности как раз и может быть описана с точки зрения ее тактик и стратегий самопредъявления.

Можно также отметить, что выдающийся психолог Л.С. Выготский в культурно-исторической теории определяет коммуникативную деятельность как взаимодействие двух (и более) людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата [Выготский Л.С., 2008]. А.В. Петровский под коммуникативной деятельностью понимает деятельность, направленную на партнера по общению как на свой предмет, где познающий субъект выступает объектом отношения и познания других участников общения [Петровский А.В., Ярошевский М.Г., 2003]. Категоризируя межличностное взаимодействие, выделяя его специфику, можно говорить о его особой значимости с точки зрения формирования рефлексивной позиции личности. Связано это с тем, что именно в межличностном взаимодействии человек реализует собственные ценностно-мотивационные смыслы, антиципируя и рефлексируя весь спектр реакций другой личности на собственное поведение.

Человек самоформируется, самовыражается и самоопределяется как личность в процессе разноуровнего взаимодействия и общения. В этой связи необходимо подчеркнуть, что значимую роль в этом могут играть механизмы, формы, виды и т.п. самопредъявления, которое, по мысли ряда исследователей, является неотъемлемой составляющей межличностных отношений и указывает на эффективность самореализации личности. Так как личность, обладающая навыками квалифицированного представления себя в соответствующей ситуации (знакомства, обучения, организации совместной деятельности, профессионального роста и т.д.), и осознанно использующая их, будет в более полной мере реализовать свои ментальные потребности, расставляя акценты на сильных индивидуально-

психологических, моральных и деловых качествах с помощью различных стратегий и тактик.

В современном быстроменяющемся мире палитра ситуаций межличностного взаимодействия весьма разнообразна и все чаще и чаще опосредуется различными коммуникационными системами. Однако в проблематике психологических исследований оказывается не так много работ, которые представляли бы как специфику содержания подобного взаимодействия, так и выбираемые наиболее эффективные его механизмы и виды в различных возрастных группах. Актуальность изучаемой проблемы видится нам и в том, что сама по себе категория «самопредъявление» многогранна и часто определяется разнообразным смысловым содержанием и уточняющими терминами, такими как имидж, самоподача, самопрезентация, самовыражение, самораскрытие. Это также свидетельствует о широте и разноплановости этого явления, требующего более тщательной систематизации и изучения.

В указанной связи целью настоящего обзора явилось исследование теоретических основ проблемы изучения самопредъявления, его стратегий и тактик в межличностных взаимодействиях отечественными и зарубежными авторами.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим сущность понятия «самопредъявление» в отечественных и зарубежных исследованиях подробнее. Понятия «самопредъявление» и «самопрезентация» очень часто сложно разграничить. Распространенность употребления «самопрезентация» во многих работах сводится к прямому переводу «self-presentation».

Определяя «self-presentation», можно сказать, что наиболее популярными являются трактовки И. Гоффмана (средство организации взаимодействия с другими людьми для достижения своих целей), Г. Мида и Ч. Кули (средство формирования образа Я и самооценки), Дж. Тедеши и М. Риеса (форма социального поведения), Б. Шленкера и М. Вейгольда, М. Лири и Р. Ковальски (средство поддержания самооценки). По мысли Д. Майерса, самопрезентация определяется как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать благоприятное впечатление или впечат-

ление, соответствующее чьим-либо идеалам» [Майерс Д.Дж., 1997, с. 96].

Марк Снайдер в 1974 г. начинает употреблять понятие «self-monitoring» [Полежаева Е.А., 2006]. Предложенная автором методика его измерения достаточно быстро приобретает статус мощного диагностического инструмента с хорошими прогностическими и интерпретативными возможностями. Конструкт, предложенный М. Снайдером, гораздо шире дифференциальных черт личности, так как измеряет уровень рефлексии о ситуационной адекватности поведения человека. Сегодня все чаще его интерпретируют как способность субъекта осознанно регулировать психодинамику идентичности личности с целью контролирования поведения в ситуации взаимодействия [Snyder M., 1974; Snyder M., Gangestad S., 2000].

Проблема особенностей выбора видов и форм представления личностью собственного желаемого образа в различных ситуациях общения и взаимодействия изучается в зарубежных психологических школах уже более пятидесяти лет.

В иностранных источниках чаще всего употребляется термин в значении самоосознавания — управления впечатлением, стремления понравиться, снискать расположение других, социальной представленности, самопрезентации. В основе значительной части зарубежных работ лежит концепция социальной драматургии, где основными понятиями выступают: образ-Я, самооценка, самоуважение, социальная роль, самовыражение, самопрезентация [Arkin R.M., 1980; Гофман И., 2000; Wooten D.B., 2000; Cooley Ch.H., 1964; Mead G.H., 1913].

Одним из первых авторов, на наш взгляд, изучающих самопредъявление, считается У. Джеймс, который высказал идею о том, что люди намеренно себя ведут таким образом, чтобы у окружающих сложилось определенное впечатление о них [Джеймс У., 1991].

Проанализировав подходы к изучению специфики представления личностью собственного желаемого образа в тех или иных ситуациях общения и взаимодействия зарубежных ученых, мы сгруппировали их по принципу выделения ведущего классификационного фактора.

Первая группа исследователей считает, что виды и способы самопредъявления обусловлены

в большей степени ситуационными факторами. Например, степенью знакомства с аудиторией, объективной и субъективной значимостью ситуации, целью преподнесения себя, длительностью общения, правилами взаимодействия, принятыми в конкретной группе (Дж. Мид, Ч. Кули, Дж. Тедеши, М. Риес, М. Лири, Р. Ковальски, М. Снайдер) [Mead G.H., 1913; Cooley Ch.H., 1964; Tedeschi J.T., Riess M., 1981; Leary M.R., Kowalski R.M., 1990; Snyder M., 1974].

Остановимся на рассуждениях указанных авторов подробнее. Самопрезентацию как средство формирования образа «Я» и собственного оценивания одним из первых начал изучать Дж. Мид в рамках социологической теории символического интеракционизма [Mead G.H., 1913]. Ключевым понятием этой концепции является понятие о взаимодействии, предполагающем обмен некоторыми символами. В процессе разнообразных типов взаимодействия люди интерпретируют цели и намерения друг друга с помощью принятия роли партнера. Интересна точка зрения Ч. Кули, который умение личности раскрывать-показывать собственный образ связывает с понятием «зеркальное Я», что означает представление субъекта о себе самом, сложившееся под влиянием восприятия этого субъекта другими людьми [Cooley Ch.H., 1964]. По мнению автора, в основе данного процесса в структуре поведения человека находятся желаемые в социуме образы и паттерны поведения. Ч. Кули отмечал также, что при общении с различными людьми человек может вести себя по-разному в зависимости от того, как он выглядит в их глазах [Cooley Ch.H., 1964]. Это свидетельствует о том, что мнения людей каким-то образом отражаются на самооценке и самовосприятии индивида. Представление внешнему миру себя, с точки зрения Дж. Тедеши и М. Риесса, является осознаваемым и регулируемым процессом, который направлен на произведение нужного впечатления у аудитории для достижения собственных целей [Tedeschi J.T., Riess M., 1981].

Другие авторы (М. Лири, Р. Ковальски, Б. Шленкер) определяют самопредъявление процессом, в котором предъявляющий себя субъект может контролировать произведенное на аудиторию впечатление для подтверждения образа собственного «Я» и поддержания самооценки [Leary M.R., Kowalski R.M., 1990;

Kowalski R.M., Leary M.R., 1990; Tedeschi J.T., Riess M., 1981; Schlenker B.R., Trudeau J.V., 1990]. В частности, субъект стремится демонстрировать другим идеальный образ себя, полагая, что будет выглядеть более привлекательным.

Несколько иное представление о данном сложном феномене мы находим у Р. Викланда и Г. Глейтмана [Wicklund R.A., 1975; Gleitman H., 1991]. По мнению Р. Викланда, «self-awareness» — это специфическое состояние объективного самоосознавания, возникающее в процессе восприятия оценок окружающих людей собственного «Я» и формирования на этой основе мнения о себе (саморефлексия) [Wicklund R.A., 1975].

Продолжая исследования Р. Викланда, Г. Глейтман подчеркивает, что сосредоточенность внимания на себе способствует повышению мотивации и побуждению к действию. Иначе говоря, в результате внимания окружающих людей у субъекта появляется потребность в дополнительном конструировании мнения о себе посредством формирования оценок себя другими людьми [Gleitman H., 1991].

Сущность концепции М. Снайдера состоит в том, что люди с различным уровнем самомониторинга по-разному относятся к презентации себя. Одни, представляя себя другим, стараются контролировать свое внутреннее «Я» и ориентируются на чужие мнения относительно собственного поведения, другие уделяют внимание тому, какое впечатление они хотят произвести. Последних М. Снайдер называет саморефлексирующими [Snyder M., 1974; Snyder M., Gangestad S., 2000]. Если личность управляет впечатлениями о себе, системно отслеживая состояние внутреннего «Я», то вариант построения взаимодействия будет один. Если же самомониторинг проводится с целью управления вниманием относительно впечатления, которое они создают у окружающих, — то другим [Rose P., Kim J., 2011].

Следующая группа авторов мотивационных теорий изучения «self-presentation» включает в себя достаточно большое количество ученых, которые указывают на значимость мотивов самопрезентации-самопредъявления: стремление к власти, превосходству, уважительному отношению, избеганию неодобрения или получение одобрения и т.д. (Е. Джонс, Т. Питтман,

Р. Баумейстер, А. Стейнхилбер, Р. Аркин, А. Шутц, Д.Ж. Шнейдер, Ф.Э. Тетлок, Э.С.Р. Манстед, Д. Вутен, А. Рид, А. Пандей, Ш. Карве, А. Чопра). Понимание самопредъявления, с точки зрения Е. Джонса, Т. Питтмана, интерпретируется как сознательно выстраиваемое поведение, нацеленное на получение власти [Jones E.E., Pittman T.S., 1982]. О самоопределении как о неосознаваемом процессе самораскрытия в общении через самопредъявление своих мыслей, характера, ценностей, убеждений, направленных на реализацию потребности признания другими людьми, писали Р. Баумейстер и А. Стейнхилбер [Baumeister R.F., Tice D.M., 1984]. Исследователи Р. Аркин [Arkin R.M., 1980] и А. Шутц акцентировали внимание на самопредъявлении как средстве реализации мотивов достижений и избегания неудач. В соответствии с этим ими было выделено два типа самопредъявления: приобретающее и защитное самопредъявление. Мотивация достижения соответствует приобретающему самопредъявлению и направлена на успех. Защитное самопредъявление является следствием неадекватного представления человека о самом себе и соответствует мотивации избегания неудач. В настоящее время теории самопрезентации-самопредъявления предлагают диагностические методы, основанные на выделении стратегий деятельности активности личности, согласующихся с их общим концептом поведения в социальном и личностно значимых ситуациях.

На наш взгляд, как поведенческую стратегию, направленную на управление впечатлениями, которые люди используют для создания желаемых социальных образов или идентичностей, интерпретируют самопредъявление С. Снайдер, Д. Майерс, Д.Ж. Шнейдер, Ф.Э. Тетлок, Э.С.Р. Манстед. Согласно Ф. Тетлоку и Э. Мэнстеду, для улучшения своего социального образа человек использует так называемое «ассертивное самопредъявление», в то время как для защиты своего устоявшегося социального имиджа он использует защитные скрипты самопредъявления. Аналогичного мнения придерживаются Д. Вутен, А. Рид, А. Пандей, С. Карве, А. Чопра, исследующие самопредъявление в фокус-группах у представителей поколения миллениумов [Wooten D.B., 2000; Pandey A. et al., 2020]. По мнению Дж. Шнейдера, Б. Понтари, Э. Глейн, на выбор способа самопредъявления

влияет мотив получить социальное одобрение от окружающих или уклониться от значительных потерь [Schneider D.J., 1981; Pontari B.A., Glenn E.J., 2012]. Иными словами, данная группа ученых считает, что в основе самопредъявления лежат мотивы власти, признания, достижения, избегания неудач и стремление получить социальное одобрение.

А. Фенигстейн, М. Шейер, А. Басс, С. Снайдер полагают, что «self-presentation» зависит от личностных характеристик субъекта. По мнению ученых, в ситуациях взаимодействия склонность людей контролировать впечатление о себе зависит и от индивидуальных различий. В случае постоянного контроля над собственным поведением и оценками субъектов взаимодействия самопредъявление считается осознанным, что в результате способствует управлению впечатлением о себе [Fenigstein A. et al., 1975]. Б. Шленкер и М. Вейгольд определяют самопредъявление через контролирование образа, созданного для окружающих [Schlenker B.R., Trudeau J.V., 1990; Weigold M.F., 2001]. Б. Шленкер рекомендует понятия «управление впечатлением» и «самопредъявление» не считать синонимичными. Под самопредъявлением автор понимает манипулирование информацией о себе, а под управлением впечатлением — влияние на восприятие другого человека. О. Николс считает, что управление впечатлением относится к любому впечатлению, которое человек желает передать группе людей или одному человеку, в то время как самопредъявление относится к действиям, направленным на представление определенным образом себя (а не других) в различных ситуациях с помощью эффективных тактик и стратегий [Nichols A.L., 2020].

Значительный вклад внес в разработку теории самопредъявления И. Гоффман, который ввел термин «самопрезентация человека», что в переводе с английского языка означает «преподнесение», «представление» или «Я сам». В монографии автор описал способы предъявления себя другим в повседневных ситуациях, а также образцы допустимого и недопустимого поведения. Он полагал, что самопредъявление представляет собой проигрывание перед аудиторией конкретной роли, при этом произвольно или непроизвольно производя впечатление на других. И. Гоффман попытался обобщить различные мифы о межличностных взаимодействиях и

создать некие идеальные ситуации самопредъявления, с которыми сталкивается в течение своей жизни любой человек. Именно в работах данного автора, на наш взгляд, можно усмотреть трактовку стратегий самопредъявления как осознанное формируемое направление самопрезентации, а трактовку тактик как необходимых для этого приемов и форм реализации конкретных поведенческих актов [Гоффман И., 2000].

Представители теории когнитивного диссонанса Ф. Хайдер и Л. Фестингер относят самопредъявление к неосознаваемому процессу, направленному на нивелирование когнитивного диссонанса, который возникает у человека из-за рассогласования собственных и чужих оценок себя [Fenigstein A. et al., 1975].

Таким образом, зарубежные исследователи интерпретируют самопредъявление как осознаваемый, так и неосознаваемый процесс, в котором личность проявляет активность, раскрывается в общении, регулирует поведение, опираясь как на собственный внутренний мир, так и на мнения окружающих, а также реализует различные мотивы (достижения, избегания неудач, власти, одобрения) с целью произведения нужного впечатления на окружающих.

В трудах отечественных психологов категория «самопредъявление» рассматривается в тесной связи с понятиями «самораскрытие», «самоподача», «самопрезентация», «самовыражение». Российский психолог Н.В. Амяга считает, что «самопредъявление» шире понятия «самораскрытие», поскольку при самопредъявлении информация о себе сообщается с целью произведения определенного впечатления, в случае самораскрытия подобной цели нет [Амяга Н.В., 1991]. По мнению И.П. Шкуратовой, самопредъявление следует изучать в ракурсе самовыражения [Шкуратова И.П., 2009]. О.А. Пикулевой отмечено, что конструкты «самоподача», «самопредъявление», «самопрезентация» характеризуют внешнее выражение собственного «Я» и их можно использовать как синонимы [Пикулева О.А., 2013а, 2013б, 2017]. Аналогичного мнения придерживается Ю.А. Гоцева [Шкуратова И.П., Гоцева Ю.А., 2004], поэтому мы в данном исследовании термины «самопредъявление», «самопрезентация» и «самоподача» будем использовать как синонимы.

В отечественной психологии феномен самопредъявления рассматривают как средство са-

мовыражения образа субъекта, механизм манипулятивного поведения, форму личностной активности, коммуникативный процесс, как социальную перцепцию.

С точки зрения выражения образа субъекта рассматривают процесс самопредъявления А.А. Бодалев, Ю.П. Кошелева, И.П. Шкуратова, Е.В. Михайлова, В.А. Лабунская, Е.М. Зимачева.

А.А. Бодалев подчеркивает, что процесс самопрезентации реализуется в общении, где создается определенный образ, как положительный, так и отрицательный. Вступая в коммуникацию, можно создать собственный образ и поддерживать произведенное впечатление, нивелируя собственные особенности, противоречащие созданному образу. Ю.П. Кошелева считает, что суть процесса самопредъявления заключается в стремлении субъекта выстраивать и подкреплять соответствующим поведением требуемый собственный образ в глазах собеседника. И.П. Шкуратова под самопредъявлением понимает комплекс действий человека, нацеленный на формирование конкретного образа у партнеров по взаимодействию [Шкуратова И.П., 2009]. По мысли Е.В. Михайловой, человек, предъявляя себя окружающим, неосознанно выбирает образы социальных ролей, ориентируясь на социальные представления о них. В.А. Лабунская отмечает, что в процессе создания своего образа субъект самопредъявления ориентируется прежде всего на образ жизни и социально-психологические характеристики субъекта, для которого предназначена самопрезентация [Лабунская В.А., 1998, 2005]. Е.М. Зимачева выделила основные виды вербальной самопрезентации, где один из ее видов — согласованность образа Я [Зимачева Е.М., Пантилеев С.Р., 1998].

В.Н. Куницына, Е.Л. Доценко, Е.В. Сидоренко, Н.Е. Харламенкова относят самопредъявление к механизмам манипулятивного поведения [Куницына В.Н. и др., 2001; Доценко Е.Л., 2004; Сидоренко Е.В., 2001; Харламенкова Н.Е., 2007]. Так, В.Н. Куницына считает самопредъявление быстро протекающим, целенаправленно организованным процессом, направленным на представление о себе информации, с целью расположить к себе партнеров по взаимодействию. С точки зрения Е.Л. Доценко, самопредъявление представляет собой механизм манипуляции, психологическое воздействие для достижения

собственных целей [Доценко Е.Л., 2004]. Аналогичную точку зрения высказывает Н.Е. Харламенкова [Харламенкова Н.Е., 2007].

Самопредъявление как форму личностной активности рассматривали Н.А. Федорова, И.А. Журавлева, О.А. Пикулёва. С позиции теории деятельности описала самопрезентацию Н.А. Федорова. Автор соотнесла основные компоненты этого процесса с последовательными уровнями. Согласно мнению ученого, стратегия (отдельная деятельность) соответствует мотивационному уровню, тактика (действие) — уровню цели, техника (операция) — уровню средств [Федорова Н.А., 2007]. И.А. Журавлева полагает, что самопредъявление как одна из форм активности личности проявляется в деятельности и заключается в представлении личностных характеристик [Журавлева И.А., 2012].

В контексте личностных и возрастных особенностей исследуют самопредъявление В.Н. Куницына, Н.Е. Харламенкова, Ю.А. Гоцева, И.А. Журавлева, Е.Ю. Крылов. В.Н. Куницына выделила личностные особенности, способствующие успешному самопредъявлению: эго-компетентность, социальный интеллект, способность к мобилизации и переключению, манипулятивные умения, природное обаяние, а также качества, негативно влияющие на этот процесс: зажатость, неспособность к самораскрытию, комплексы, отсутствие коммуникативных навыков, застенчивость. Исследователь полагает, что на успешное самопредъявление влияет собственный имидж, знания о себе и эго-компетентности [Куницына В.Н. и др., 2001]. Представляется важным подход Н.Е. Харламенковой, в котором проанализированы с позиции возрастной психологии способы самопредъявления, самораскрытия, самовыражения и самоопределения [Харламенкова Н.Е., 2007]. Автор пришла к выводу о том, что в перечисленных понятиях есть общий «информационный источник» — знание человека о самом себе, который способствует саморегуляции, дает возможность раскрыть и выразить себя. Е.Ю. Крылов считает, что стратегия самопрезентации выстраивается на основе тактик, учитывающих специфику ситуации и личностные особенности предъявляющего субъекта. Ю.А. Гоцева под самопредъявлением понимает представление личностью себя согласно

индивидуальным свойствам, ситуативным факторам и личностным особенностям партнера [Шкуратова И.П., Гоцева Ю.А., 2004].

Следующая группа исследователей (Г.В. Бороздина, Ю.М. Жуков, Е.В. Михайлова, О.А. Пикулёва, Н.А. Федорова, Н.Е. Харламенкова) интерпретирует самопредъявление с точки зрения регуляции и саморегуляции собственным поведением в зависимости от того, как воспринимают его окружающие. Этот феномен в психологии определяют как социальную перцепцию. Мы считаем, что социальная перцепция и самопредъявление взаимосвязаны, так как самопредъявление коммуникатора в большей степени зависит от того, каким его воспринимают реципиенты. Ю.М. Жуков пришел к выводу, что самопредъявление — это способ создания конкретного впечатления, выражющегося в контролировании поведения. Данную точку зрения разделяет Е.В. Михайлова [Михайлова Е.В., 2007]. Г.В. Бороздина считает, что управлять впечатлением о себе можно с помощью внешнего вида, поведения, представления о ситуации. В самопредъявлении она выделяет самоподачу привлекательности, самоподачу превосходства, самоподачу отношения, а также самоподачу состояния и причин поведения. По мысли автора, с помощью перечисленных характеристик происходит управление впечатлением о себе. Ее точку зрения разделяет О.А. Пикулёва, описывая самопрезентацию «осознаваемым и непрерывно осуществляемым в межличностном взаимодействии процессом предъявления Я-информации посредством верbalных и неверbalных актов в поведении субъекта общения с учетом специфики социальной ситуации с целью самораскрытия и самовыражения» [Пикулёва О.А., 2013, с. 22].

Заключение

Анализируя содержание и соотношение понятий «самопредъявление» и «самопрезентация», можно принять в качестве исходного тезис о том, что они часто считаются версиями перевода термина «self-presentation». Контекст употребления «самопрезентация» во многих работах сводится к анализу особенностей самопредставления и управления впечатлением о себе самом. Хотя, конечно, определение «self-introduction» было бы точнее.

Подводя итог, отметим, что самопрезентация-самопредъявление в течение жизни человека является одной из основных форм саморегуляции и регуляции межличностных отношений, где необходимо создать правильное впечатление о своих намерениях и целях взаимодействия. В трудах зарубежных авторов данный феномен чаще рассматривают с позиции управления впечатлением или самопрезентации. В отечественных источниках эту категорию интерпретируют как самоподача, самовыражение, самопрезентация, самораскрытие, при этом исследуя содержательные характеристики верbalных и неверbalных средств. Все имеющиеся толкования понятия самопредъявления условно можно распределить на четыре группы подходов, определяющих эту категорию следующим образом: мотивационный подход, личностный подход, ситуационный подход и манипулятивный подход.

Первые классификации стратегий самопредъявления появились в работах зарубежных авторов, в которых выделены ассертивные, агрессивные, защитные и оправдывающие тактики. В отечественных исследованиях эти классификации используются для российской выборки.

Мы считаем, что продуктивное самопредъявление заключается в умении эффективно преподнести себя в межличностных отношениях, грамотно изложить информацию о себе, сделать акцент на собственных сильных сторонах профессиональных умений и личностных качеств, показать партнеру по общению совпадение целей сотрудничества. В этой связи не вызывает сомнений, что для глубокого осмысливания и понимания сущности поведения личности в межличностном взаимодействии крайне важно изучить существенные особенности самопредъявления как психологического конструктора. Нам представляется необходимым процессуально-содержательный подход в изучении феномена самопредъявления. Когда в качестве его стратегий более оправданным будет использование мотивационного подхода, позволяющего понять, насколько осознанно и управляемо человек понимает и принимает собственные мотивы, цели и степень возможного самораскрытия в структуре взаимодействия. А в качестве тактик можно рассматривать ситуационно-индивидуальные характеристи-

стики, дающие возможность эффективно применять разнообразные формы подачи себя в целях оказывать влияние на партнеров по взаимодействию, обеспечивающие более полную реализацию выбранной стратегии. Обобщив описания различных авторов, можно констатировать следующее: самопредъявление в межличностном взаимодействии представляет собой сложный психологический конструкт стратегий, тактик и их рефлексии относительно процессуально-содержательных характеристик ситуации взаимодействия, опосредующийся индивидуально-личностными особенностями партнеров. При этом стратегия самопредъявления будет определяться характеризующейся субъективной осознаваемостью выбираемых мотивов — ценностей взаимодействия, тактика — выбором средств и приемов поведения, а рефлексия — самооцениванием личностью вероятностной эффективности выстраиваемых взаимоотношений.

Список литературы

- Амяга Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность. Общение. Групповые процессы: Современные направления теоретических и прикладных исследований в зарубежной психологии: сб. обзоров / отв. ред. О.А. Власова. М.: ИНИОН, 1991. С. 37–74.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Лабиринт, 2008. 306 с.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.
- Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, управление и защита. СПб.: Речь, 2004. 304 с.
- Журавлева И.А. Самопрезентация как форма предъявления индивидуальных личностных характеристик // Педагогическое образование и наука. 2012. № 8. С. 20–25.
- Зимачева Е.М., Пантилеев С.Р. Способы вербальной презентации образа «Я» и самоотношения субъекта // Психологическое обозрение. 1998. № 2. С. 34–45.
- Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
- Лабунская В.А. Психология выражения и проблемы формирования экспрессивного Я личности // Психологический вестник Ростовского государственного университета. 1998. № 3. С. 350–359.
- Лабунская В.А. Бытие субъекта: самопрезентация и отношение к внешнему Я // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Инт-психологии РАН, 2005. С. 235–258.
- Майерс Д.Дж. Социальная психология: пер. с англ. СПб.: Питер, 1997. 688 с.
- Михайлова Е.В. Самопрезентация: теории, исследования, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 224 с.
- Мясищев В.Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А.А. Бодалева. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2011. 399 с.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 496 с.
- Пикулёва О.А. Психологическая многозначность понятия «самопрезентация личности» и современные научные подходы к пониманию его содержания // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 21–37.
- Пикулёва О.А. Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 37–44.
- Пикулёва О.А. Психология самопрезентации личности. М.: ИНФРА-М, 2017. 320 с.
- Полежаева Е.А. Шкала самомониторинга и возможности ее применения в отечественных исследованиях // Психологическая диагностика. 2006. № 1. С. 3–32.
- Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2001. 256 с.
- Федорова Н.А. Личностные и ситуационные факторы выбора вербальных техник самопрезентации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 29 с.
- Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ин-т психологии РАН, 2007. 384 с.
- Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении. Ростов н/Д: Изд-во Южного федер. ун-та, 2009. 192 с.
- Шкуратова И.П., Гоцева Ю.А. Самопредъявление подростков в межличностном общении // Прикладная психология: достижения и перспективы. Ростов н/Д: Фолиант, 2004. С. 267–283.
- Arkin R.M. Self-presentation // The self in social psychology / ed. by R.R. Vallacher, D.M. Wegner. N.Y.: Oxford University Press, 1980. P. 158–182.

Baumeister R.F., Tice D.M. Role of self-presentation and choice in cognitive dissonance under forced compliance: Necessary or sufficient causes? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 46, iss. 1. P. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.1.5>

Cooley Ch.H. *Human Nature and the Social Order*. N.Y.: Schocken Books, 1964. 444 p. [original — Cooley Ch.H. *The Looking-Glass Self*. 1902. 189 p.]

Fenigstein A., Scheier M.F., Buss A.H. Public and private self-consciousness: Assessment and theory // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1975. Vol. 43, iss. 4. P. 522–527. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0076760>

Gleitman H. *Psychology*. 3rd ed. N.Y.: Norton, 1991. 998 p.

Jones E.E., Pittman T.S. Toward a general theory of strategic self-presentation // *Psychological Perspectives on the Self*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1982. Vol. 1. P. 231–262.

Kowalski R.M., Leary M.R. Strategic self-presentation and the avoidance of aversive events: Antecedents and consequences of self-enhancement and self-depreciation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1990. Vol. 26, iss. 4. P. 322–336. DOI: [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(90\)90042-k](https://doi.org/10.1016/0022-1031(90)90042-k)

Leary M.R., Kowalski R.M. Impression management: A literature review and two-component model // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 107, iss. 1. P. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.1.34>

Mead G.H. The Social Self // *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. 1913. Vol. 10, iss. 14. P. 374–380. DOI: <https://doi.org/10.2307/2012910>

Nichols A.L. Self-Presentation Theory / Impression Management // *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Vol. 1: Models and Theories / ed. by B.J. Carducci, Ch.S. Nave, J.S. Mio, R.E. Riggio. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2020. P. 397–400. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119547143.ch66>

Pandey A., Karve S., Chopra A. Manipulating impressions in the «ME» culture: A study of millennial consumers // *Journal of Customer Behaviour*. 2020. Vol. 19, no. 1. P. 51–72. DOI: <https://doi.org/10.1362/147539220x15874775191976>

Pontari B.A., Glenn E.J. Engaging in Less Protective Self-Presentation: The Effects of a Friend's Presence on the Socially Anxious // *Basic and Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 34, iss. 6. P. 516–526. DOI: <https://doi.org/10.1080/01973533.2012.728112>

Rose P., Kim J. Self-Monitoring, opinion leadership and opinion seeking: A sociomotivational ap-

proach // *Current Psychology*. 2011. Vol. 30, iss. 3. P. 203–214. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-011-9114-1>

Schneider D.J. Tactical self-presentations: toward a broader conception // *Impression Management Theory and Social Psychological Research*. N.Y.: Academic Press, 1981. P. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-685180-9.50007-5>

Schlenker B.R., Trudeau J.V. Impact of self-presentations on private self-beliefs // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58, iss. 1. P. 22–32. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.58.1.22>

Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. Vol. 30, iss. 4. P. 526–537. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0037039>

Snyder M., Gangestad S. Self-monitoring: Appraisal and reappraisal // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126, iss. 4. P. 530–550. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.126.4.530>

Tedeschi J.T., Riess M. Identities, the Phenomenal Self and Laboratory Research // *Impression Management Theory and Social Psychological Research*. N.Y.: Academic Press, 1981. P. 3–22. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-685180-9.50006-3>

Weigold M.F. Communication science: A review of the literature // *Science Communication*. 2001. Vol. 23, iss. 2. P. 164–193. DOI: <https://doi.org/10.1177/1075547001023002005>

Wicklund R.A. Objective self-awareness // *Advances in Experimental Social Psychology* / ed. by L. Berkowitz. N.Y.: Academic Press, 1975. Vol. 8. P. 233–275. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60252-x](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60252-x)

Wooten D.B. Americus Reed A Conceptual Overview of the Self-Presentational Concerns and Response Tendencies of Focus Group Participants // *Journal of Consumer Psychology*. 2000. Vol. 9, iss. 3. P. 141–153. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327663jcp0903_2

Получена: 23.09.2021. Доработана после рецензирования: 31.01.2022. Принята к публикации: 05.02.2022

References

Amyaga, N.V. (1991). [Self-disclosure and self-presentation of personality in communication]. *Lichnost'. Obschenie. Gruppovye protsessy: Sovremennye napravleniya teoreticheskikh i prikladnykh issledovanii v zarubezhnoy psichologii* [Personality. Communication. Group processes: Modern directions of theoretical and applied research in foreign psychology]. Moscow: ISISS RAS Publ., pp. 37–74.

- Arkin, R.M. (1980). Self-presentation. *R.R. Vallacher, D.M. Wegner (eds.). The self in social psychology*. New York: Oxford Univ. Press, pp. 158–182.
- Baumeister, R.F., Tice, D.M. (1984). Role of self-presentation and choice in cognitive dissonance under forced compliance: Necessary or sufficient causes? *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 46, iss. 1, pp. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.1.5>
- Cooley, Ch.H. (1964). *Human nature and the social order*. New York: Schocken Books Publ., 444 p. [original — Cooley, Ch.H. (1902). The Looking-Glass Self. 189 p.]
- Dotsenko, E.L. (2004). *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, upravlenie i zaschita* [Psychology of manipulation: phenomena, control and protection]. St. Petersburg: Rech' Publ., 304 p.
- Fedorova, N.A. (2007). *Lichnostnye i situatsionnye faktory vybora verbal'nykh tekhnik samoprezentsii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal and situational factors in the choice of verbal self-presentation techniques: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 29 p.
- Fenigstein, A., Scheier, M.F. and Buss, A.H. (1975). Public and private self-consciousness: Assessment and theory. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. Vol. 43, iss. 4, pp. 522–527. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0076760>
- Gleitman, H. (1991). *Psychology*. 3ed. New York: Norton Publ., 998 p.
- Goffman, E. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnnoy zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow: Kanon-Press-C Publ., Kuchkovo pole Publ., 304 p.
- James, W. (1991). *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., 368 p.
- Jones, E.E. and Pittman, T.S. (1982). *Toward a general theory of strategic self-presentation. Psychological Perspectives on the Self*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Publ., vol. 1, pp. 231–262.
- Kharlamenkova, N.E. (2007). *Samoutverzhdenie podrostka* [Self-affirmation of a teenager]. Moscow: IP RAS Publ., 384 p.
- Kowalski, R.M. and Leary, M.R. (1990). Strategic self-presentation and the avoidance of aversive events: Antecedents and consequences of self-enhancement and self-depreciation. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 26, iss. 4, pp. 322–336. DOI: [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(90\)90042-k](https://doi.org/10.1016/0022-1031(90)90042-k)
- Kunitsyna, V.N., Kazarinova, N.V. and Pogol'sha, V.M. (2001). *Mezhlichnostnoe obschenie* [Interpersonal communication]. St. Petersburg: Piter Publ., 544 p.
- Labunskaya, V.A. (1998). [The psychology of expression and the problems of the expressive self-concept formation]. *Psichologicheskiy Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Russian State University]. No. 3, pp. 350–359.
- Labunskaya, V.A. (2005). [Entity of the subject: self-presentation and attitude to the external self-concept]. *Sub'ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Subject, personality and psychology of human existence]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 235–258.
- Leary, M.R. and Kovalsky, R.M. (1990). Impression management: A literature review and two-component model. *Psychological Bulletin*. Vol. 107, iss. 1, pp. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.1.34>
- Mead, G.H. (1913). The social self. *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. Vol. 10, iss. 14, pp. 374–380. DOI: <https://doi.org/10.2307/2012910>
- Mikhaylova, E.V. (2007). *Samoprezentsiya: teori, issledovaniya, trening* [Self-presentation: Theories, Research, Training]. St. Petersburg: Rech' Publ., 224 p.
- Myasichev, V.N. (2011). *Psikhologiya otnosheniy: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology of relations: selected psychological works]. Moscow: MPSU Publ., Voronezh: MODEK Publ., 399 p.
- Myers, D.J. (1997). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 688 p.
- Nichols, A.L. (2020). Self-presentation theory. *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences. Vol. 1: Models and Theories*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Publ., pp. 397–400. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119547143.ch66>
- Pandey, A., Karve, S. and Chopra, A. (2020). Manipulating impressions in the «ME» culture: A study of millennial consumers. *Journal of Customer Behaviour*. Vol. 19, no. 1, pp. 51–72. DOI: <https://doi.org/10.1362/147539220x15874775191976>
- Petrovskiy, A.V. and Yaroshevskiy, M.G. (2003). *Teoreticheskaya psikhologiya* [Theoretical psychology]. Moscow: Akademiya Publ., 496 p.
- Pikulyeva, O.A. (2013). [Psychological polysemy of the concept of «self-presentation of personality» and modern scientific approaches to understanding its content]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. No. 2, pp. 21–37.
- Pikulyeva, O.A. (2013). [Psychology of personality self-presentation: gender and age aspects]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 4, pp. 37–44.

- Pikulyeva, O.A. (2017). *Psikhologiya samo-prezentatsii lichnosti* [Psychology of personality self-presentation]. Moscow: INFRA-M Publ., 320 p.
- Polezhaeva, E.A. (2006). [Scale of self-monitoring and the possibility of its application in domestic research]. *Psichologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics]. No. 1, pp. 3–32.
- Pontari, B.A. and Glenn, E.J. (2012). Engaging in less protective self-presentation: The effects of a friend's presence on the socially anxious. *Basic and Applied Social Psychology*. Vol. 34, iss. 6, pp. 516–526. DOI: <https://doi.org/10.1080/01973533.2012.728112>
- Rose, P. and Kim, J. (2011). Self-monitoring, opinion leadership and opinion seeking: A socio-motivational approach. *Current Psychology*. No. 30, iss. 3, pp. 203–214. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-011-9114-1>
- Schneider, D.J. (1981). Tactical self-presentations: toward a broader conception. *Impression management theory and social psychological research*. New York: Academic Press, pp. 23–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-685180-9.50007-5>
- Schlenker, B.R. and Trudeau, J.V. (1990). Impact of self-presentations on private self-beliefs. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 58, no. 1, pp. 22–32. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.58.1.22>
- Shkuratova, I.P. (2009). *Samopred'yavlenie lichnosti v obschenii* [Self-presentation of personality in communication]. Rostov-on-Don: SFU Publ., 192 p.
- Shkuratova, I.P. and Gotseva, Yu.A. (2004). [Self-presentation of adolescents in interpersonal communication]. *Prikladnaya psichologiya: dostizheniya i perspektivy* [Applied psychology: Achievements and prospects]. Rostov-on-Don: Foliант Publ., pp. 267–283.
- Sidorenko, E.V. (2001). *Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu* [Training of influence and resistance to influence]. St. Petersburg: Rech' Publ., 256 p.
- Snyder, M. (1974). Self-monitoring of expressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 30, iss. 4, pp. 526–537. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0037039>
- Snyder, M. and Gangestad, S. (2000). Self-monitoring: Appraisal and reappraisal. *Psychological Bulletin*. Vol. 126, iss. 4, pp. 530–550. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.126.4.530>
- Tedeschi, J.T. and Riess, M. (1981). Identities, the phenomenal self and laboratory research. *Impression Management Theory and Social Psychological Research*. New York: Academic Press, pp. 3–22. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-685180-9.50006-3>
- Vygotskiy, L.S. (2008). *Razvitiye vysshikh psichicheskikh funktsiy* [Development of higher mental functions]. Moscow: Labirint Publ., 306 p.
- Weigold, M.F. (2001). Communication science: A review of the literature. *Science Communication*. Vol. 23, iss. 2, pp. 164–193. DOI: <https://doi.org/10.1177/1075547001023002005>
- Wicklund, R.A. (1975). Objective self-awareness. *L. Berkowitz (ed). Advances in Experimental Social Psychology*. New York: Academic Press, Vol. 8, pp. 233–275. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60252-x](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60252-x)
- Wooten, D.B. and Reed, A. (2000). A conceptual overview of the self-presentational concerns and response tendencies of focus group participants. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 9, iss. 3, pp. 141–153. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327663jcp0903_2
- Zhuravleva, I.A. (2012). [Self-presentation as a form of presentation of individual personal characteristics]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science]. No. 8, pp. 20–25.
- Zimacheva, E.M. and Pantileev, S.R. (1998). [Ways of verbal presentation of the image of «I» and self-attitude of the subject]. *Psichologicheskoye obozreniye* [Psychological Review]. No. 2, pp. 34–45.

Received: 23.09.2021. Revised: 31.01.22. Accepted: 05.02.2022

Об авторах

Ахмадеева Елена Владимировна
старший преподаватель кафедры
общей психологии

Башкирский государственный университет,
450076, Республика Башкортостан, Уфа,
ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: elena-ram@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>
ResearcherID: AAH-5928-2019

Башкатов Сергей Александрович
доктор биологических наук, кандидат
психологических наук, профессор,
декан Биологического факультета

Башкирский государственный университет,
450076, Республика Башкортостан, Уфа,
ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: s_bashkatov@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7181-9230>
ResearcherID: E-7229-2014

About the authors

Elena V. Akhmadeeva
Senior Lecturer of the Department
of General Psychology

Bashkir State University,
32, Zaki Validi st., Ufa, Republic of Bashkortostan,
450076, Russia;
e-mail: elena-ram@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>
ResearcherID: AAH-5928-2019

Sergey A. Bashkatov
Doctor of Biology, Candidate of Psychology, Professor,
Dean of the Biology Department

Bashkir State University,
32, Zaki Validi st., Ufa, Republic of Bashkortostan,
450076, Russia;
e-mail: s_bashkatov@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7181-9230>
ResearcherID: E-7229-2014

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ахмадеева Е.В., Башкатов С.А. Стратегии и тактики самопредъявления как факторы межличностного взаимодействия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 133–145. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-133-145

For citation:

Akhmadeeva E.V., Bashkatov S.A. [Strategies and tactics of self-presentation as a psychological construct in interpersonal interaction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 133–145 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-133-145

УДК 159.9:316.6–057.87

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-146-158

ОСОБЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Евтух Татьяна Викторовна

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Пермский филиал (Пермь)*

Харламова Татьяна Михайловна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Представлены результаты исследования толерантности к неопределенности у студентов социально-гуманитарных направлений подготовки, различающихся по году обучения (1-, 2-, 3-й курс), направлениям обучения (государственное и муниципальное управление, психология, клиническая психология, психология служебной деятельности, юриспруденция) и степени выраженности толерантности к неопределенности (низкий, средний, высокий уровень). Согласно полученным данным уровень толерантности к неопределенности у обучающихся 1–3 курсов различается — первокурсники более толерантны к неопределенности, чем студенты второго курса, которые в свою очередь более толерантны к неопределенности, чем студенты третьего курса, что можно объяснить открытостью студентов новому опыту на начальном этапе обучения и ориентацией на стабильность данного процесса и психологический комфорт на более старших курсах. Менее всего толерантны к неопределенности студенты-психологи разных направленностей. Показано, что при положительном отношении к неопределенности у всех респондентов наблюдается меньшая выраженность негативного фона настроения, чувствительности, тревожности и большая выраженная позитивного эмоционального настроения, активности, инициативности, коммуникабельности, желания быть в центре внимания и готовности к разрешению проблем социально приемлемыми способами. При этом, чем более выражена толерантность к неопределенности, тем менее нейротичны студенты государственного и муниципального управления и психологии служебной деятельности, тем менее эмоционально чувствительны студенты-юристы и клинические психологи, тем более экстравертированы студенты-психологи и клинические психологи. Установлено также, что наиболее существенный совместный вклад в исследуемый феномен вносят обобщенные показатели (факторы) акцентуаций характера, особенно в группе клинических психологов. Следовательно, в работе прослеживаются особенности толерантности к неопределенности у студентов социально-гуманитарных направлений подготовки. Данная проблема востребована в науке и практике, отвечает современным тенденциям развития профессиональной сферы, но остается недостаточно изученной. Наша работа позволяет расширить знание о толерантности к неопределенности как сложном личностном конструкте.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, толерантность к двусмысленности, копинг-стратегии, акцентуации характера, студенты, социально-гуманитарные направления подготовки.

CHARACTERISTICS OF AMBIGUITY TOLERANCE IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES STUDENTS

Tatiana V. Evtukh

*Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Perm branch (Perm)*

Tatiana M. Kharlamova

Perm State University (Perm)

The article presents the results of research on ambiguity tolerance in Social Sciences and Humanities students representing different years of study (freshmen, sophomore, junior), different programs (State and Municipal Administration, Psychology, Clinical Psychology, Employment Psychology, Law), and different levels of ambiguity tolerance (low, medium, high). The findings indicate differences in ambiguity tolerance across the different levels (years) of the education process. Freshmen are more tolerant toward ambiguity than sophomores. In turn, sophomores show more ambiguity tolerance than juniors. This can be attributed to the greater openness of students to new experiences at the initial stages of their education versus their preference for stability of the learning process and psychological comfort at the later stages. Students specializing in psychology showed the lowest levels of ambiguity tolerance. All respondents with a positive attitude toward uncertainty were found to demonstrate less prominent negativity of mood, less sensitivity, and less anxiety, all this observed alongside a greater positivity of mood, greater activity, greater initiative, greater sociability, more prominent desire to be in the center of attention, and greater readiness to solve problems in socially acceptable ways. Furthermore, higher levels of ambiguity tolerance correspond to lower neuroticism in State and Municipal Administration and Employment Psychology students, lower emotional sensitivity in Law students and Clinical Psychology students, and greater extraversion in Psychology and Clinical Psychology students. The most prominent joint contribution to the researched phenomenon is made by the generalized indicators (factors) of character accentuation, especially in the group of Clinical Psychology students. Thus, the paper reveals the characteristics of ambiguity tolerance in the students of Social Sciences and Humanities. This topic is of value to both science and practice, it follows the modern trends in the development of the professional sphere, yet remains understudied. This work expands the knowledge of ambiguity tolerance as a complex personal construct.

Keywords: ambiguity tolerance, tolerance of uncertainty, coping strategies, character accentuation, students, Social Sciences and Humanities.

Введение

Социальная ситуация на всех этапах развития общества имеет свою специфику, детерминантами которой выступают экономические, экологические, политические и тому подобные процессы и явления. Современный нам мир не исключение. Он содержит также элементы неизвестности, неопределенности и этим интересен для отечественной и зарубежной науки и практики. Подтверждение тому — активный исследовательский интерес к проблеме толерантности к неопределенности. Данный феномен разными отечественными авторами понимается как прогрессивное качество, обеспечивающее жизнеспособность и жизнестойкость человека, как психологическая характеристика, позволяющая сохранить внутреннее равновесие, как способность действовать в системе не-

ясных межличностных коммуникаций [Лифинцев Д.В. и др., 2017, с. 99], как эффективный механизм продуктивного функционирования человека в условиях неопределенности, как готовность личности принимать многозначные ситуации.

В зарубежной психологии толерантность к неопределенности определяют как способность человека принимать конфликт и напряжение, которые возникают в ситуации двойственности, противостоять несвязанности и противоречивости информации, принимать неизвестное, не чувствовать себя неуютно перед неопределенностью [Hallman R.J., 1967], при этом толерантность к неопределенности и толерантность к двусмыслиности в исследованиях иногда выступают как отдельные личностные конструкты, но поскольку демонстрируют тесное эмпирическое и концептуальное совпадение, **часто** ис-

пользуются как взаимозаменяемые [Lauriola M. et al., 2016; Jach H.K., Smillie L.D., 2019]. Толерантность к двусмыслиности представляет собой принятие или даже влечение к неоднозначным ситуациям [Arquero J.L. et al., 2017].

Учитывая множественность трактовок исследуемого конструкта, И.Н. Леонов (2014) акцентирует внимание на трех общих подходах к пониманию данного феномена: как черты личности, ситуационно-специфической установки, метакогнитивного процесса и навыка.

Мы признаем правомерность обозначенных характеристик толерантности к неопределенности и предлагаем ее рассматривать как личностную черту, связанную со многими поведенческими феноменами преодоления и порождения неопределенности и неоднозначности.

Дихотомичность восприятия неопределенности в той или иной жизненной сфере (учебной, профессиональной и др.) проявляется в выборе соответствующей поведенческой стратегии, позволяющей избежать трудностей или актуализировать личностные ресурсы для их преодоления. Так мы выходим на проблему взаимосвязи толерантности к неопределенности и копинг-стратегий личности, которая имеет свою исследовательскую историю, но сохраняет актуальность ввиду высокой мобильности социальных процессов и бесконечной вариативности траекторий развития человека. Наш интерес к изучению данной проблемы на студенческих выборках детерминирован недостаточным количеством соответствующих работ и перспективой прикладного применения результатов исследования для разработки программ психолого-педагогического сопровождения, направленных на личностное развитие студентов, формирование у них эффективных поведенческих стратегий.

Рассматривая толерантность к неопределенности как черту личности и анализируя степень разработанности проблемы связи толерантности к неопределенности с разными личностными характеристиками, мы пришли к выводу, что практически неизученной остается ее связь с акцентуациями характера. В то же время во множестве исследований делается акцент на таких свойствах личности, как экстраверсия, интроверсия и нейротизм. Например, Jach & Smillie (2019) пришли к выводу, что в целом ряде работ подтверждается следующее: экстраверты и все, кто открыт новому опыту, более

терпимы к двусмыслиности, а люди с высоким нейротизмом нетерпимы к ней. Обозначенные факты придают данному аспекту нашей работы определенную новизну, а группировка акцентуаций в личностные факторы позволяет соотнести полученные результаты с исследованиями личностных черт.

Как свойство личности толерантность к неопределенности является относительно стабильной и изменяющейся прежде всего под воздействием опыта и деятельности человека, что объясняет исследовательский интерес к ней как профессиональной характеристике личности. При этом наибольшее количество работ адресовано изучению данного феномена у менеджеров, предпринимателей и бухгалтеров [Xu H., Tracey T.J.G., 2014; Arquero J.L. et al., 2017], врачей [Yee L.M. et al., 2014; Kuhn G. et al., 2009], медицинских и социальных работников [Valutis S.A., 2015]. Например, Xu & Tracey (2014) обнаружили сильную положительную взаимосвязь между толерантностью к двусмыслиности и предпринимательской склонностью человека.

Для нашего исследования несомненный интерес представляют работы, выполненные на базе высших учебных заведений. Их авторы в разное время обращались к вопросам взаимосвязи толерантности к неопределенности с личностными характеристиками студентов [Луковицкая Е.Г., 1998; Марченко Е.Е., 2018], с их академической успешностью, с копинг-стратегиями, с другими видами толерантности [Рябинкина А.Н., 2018], с эмоциональным интеллектом, креативностью [Кондрашихина О.А., Тихомирова И.А., 2020], с общекультурными компетенциями студентов [Титова О.И., 2018]. Актуальные эмпирические акценты в изучении толерантности к неопределенности связаны также с появлением новых видов вирусных инфекций [Меньшикова Л.В., Лазюк И.В., 2020; Кузнецова А.А., 2021]. Репертуар существующих на сегодня в отечественной науке и практике исследовательских интересов обширен, но недостаточен.

Общую картину дополняют результаты эмпирических исследований зарубежных авторов, свидетельствующие о том, что студенты разных направленностей имеют разный уровень толерантности к определенности. Так, студенты, изучающие бухгалтерский учет, демонстрируют более низкий уровень толерантности

к двусмыслиности, чем студенты, изучающие право, психологию и образование [Arquero J.L., Tejero C., 2009]. Для врачей терпимость к двусмыслиности является важной, особенно при специализациях, которые требуют быстрого принятия решений в критических ситуациях [Yee L.M. et al., 2014; Kuhn G. et al., 2009]. В исследовании Sokolová & Andreánska [Sokolová L., Andreánska V., 2019], проведенном при участии студентов педагогической направленности, был выявлен более высокий уровень толерантности к неопределенности, чем сообщалось Arquero & Tejero (2009) для студентов-бухгалтеров, но немного ниже, чем средний балл студентов-юристов или психологов. Отмечается, что данный уровень существенно не изменяется на протяжении всего периода обучения. Можно предположить, что студенты разных направлений будут демонстрировать различия как в степени выраженности показателя толерантности к неопределенности, так и в структуре связей данного показателя с другими из-за специфики года обучения и содержательного наполнения образовательного процесса.

Современные реалии требуют от ученых решения множества проблем и в их числе — подготовка студентов высших образовательных учреждений к профессиональной деятельности в ситуации реформирования общества и его институтов, пересмотра ценностных ориентаций и т.д. Отправной точкой в этом вопросе может стать знание студентами своего личностного и поведенческого потенциала, в том числе готовности к принятию решений в изменяющихся условиях социальной среды. Некоторые исследователи [DeRoma V.M. et al., 2003; Geller G. et al., 1990; Weissenstein A. et al., 2014] считают, что толерантность к неопределенности можно тренировать и это должно быть частью профессионального обучения в ряде направлений подготовки. Полагаем, что, зная особенности толерантности к неопределенности студентов разных направлений подготовки, можно предложить программы психолого-педагогического сопровождения и скорректировать негативные эффекты личностных черт, выработать адаптивные копинги.

Таким образом, феномен толерантности к неопределенности и его личностные корреляты активно исследуются в отечественной и зарубежной науке и практике, но при этом нуждаются в дополнительном изучении, поскольку

имеют место различные подходы к пониманию его содержания, места в структуре личности и роли в жизнедеятельности человека.

В нашем исследовании мы попытались дополнить существующее знание о толерантности к неопределенности с акцентом на особенности данного конструкта у студентов высших учебных заведений. В частности, рассмотреть имеющиеся различия в уровне проявления показателя толерантности к неопределенности и его связях с копинг-стратегиями и акцентуациями характера у студентов разных направленностей. Некоторые данные в поддержку данной идеи были описаны выше, однако новизна работы заключается в обобщении имеющихся и рассмотрении новых фактов в отношении индивидуальных особенностей студентов разных курсов сразу нескольких групп подготовки: психологические науки, экономика и управление, юриспруденция.

Гипотезы исследования

1. Мы предполагаем, что уровень толерантности к неопределенности студентов 1–3 курсов обучения и разных направленностей будет различаться в связи со спецификой образовательного процесса.

2. В исследуемых выборках будут обнаружены различия в структуре связей толерантности к неопределенности с копинг-стратегиями и акцентуациями характера.

3. Существуют различия в копинг-стратегиях и акцентуациях в связи со степенью выраженности толерантности к неопределенности.

4. Вклад в толерантность к неопределенности показателей копинг-стратегий и акцентуаций характера специфичен, при этом факторы акцентуаций предсказывают значения толерантности к неопределенности в лучшей степени, чем копинг-стратегии.

Процедура и методики исследования

Выборка

Эмпирическая часть исследования, целью которого являлось изучение особенностей толерантности к неопределенности у студентов социально-гуманитарных направлений подготовки, проходила в период с февраля по май 2021 г. в форме интернет-опроса на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской

ской Федерации (Пермский филиал, далее — РАНХиГС) и Пермского государственного национального исследовательского университета (далее — ПГНИУ). С учетом направлений подготовки были сформированы следующие выборки: государственное и муниципальное управление (РАНХиГС, 39 чел.), юриспруденция (РАНХиГС, 25 чел.), психология (ПГНИУ, 45 чел.), клиническая психология (ПГНИУ, 71 чел.), психология служебной деятельности (ПГНИУ, 18 чел.). Всего 198 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, обучающихся с 1-го по 3-й курс.

Методики исследования

«Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна (адаптация Е.Г. Луковицкой, ревалидизация Е.Н. Осина), позволяющая измерить склонность личности к жесткой регламентации жизни и полной известности происходящего либо открытость личности новому опыту, раскрывающему ее потенциал (шкалы: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности, толерантность к неопределенности, общий балл по шкалам). Участнику исследования предлагается оценить степень согласия с каждым из 19 утверждений по семибалльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 7 (полностью согласен).

«Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана (адаптация Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского), позволяющий изучить доминирующие копинг-стратегии личности (разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание проблем). Участнику исследования предлагается оценить степень согласия с каждым из 33 утверждений по трехбалльной шкале от 1 (не согласен) до 3 (полностью согласен). Данная методика актуальна для нашего исследования, поскольку позволяет выявить у студентов наличие эффективных и неэффективных стратегий совладающего поведения и в перспективе сформулировать рекомендации для разрешения возникающих у них трудностей в учебной и иных сферах жизнедеятельности.

«Методика изучения акцентуаций личности» К. Леонгарда (модификация С. Шмишека), позволяющая диагностировать тип акцентуации личности по 10 шкалам (гипертимность, ригидность, эмотивность, педантичность, тревож-

ность, циклотимность, демонстративность, возбудимость, дикстимность, экзальтированность). Участнику исследования предлагается ответить «да» или «нет» на 88 вопросов. Данная методика позволяет измерить характеристики, которые играют существенную роль в структуре личности и, на наш взгляд, оказывают влияние на формирование паттернов поведения студентов.

Методы математической статистики

Полученные данные обработаны следующими методами математической статистики: для сравнения степени выраженности исследуемых показателей в выборках студентов применялся *t*-критерий Стьюдента; для выявления взаимосвязи исследуемых показателей — корреляционный анализ по Пирсону; для выявления предикторов толерантности к неопределенности — иерархический регрессионный анализ (метод наименьших квадратов).

Описание результатов

Толерантность к неопределенности в связи с курсом обучения и направлением подготовки

Сравнение исследуемых показателей по *t*-критерию Стьюдента у студентов разных курсов показало, что между студентами разных курсов есть различия по ряду показателей толерантности к неопределенности.

Так, студенты 1 и 2 курсов в целом более толерантны к неопределенности, чем третьекурсники ($t = 3,34$, $p < 0,01$ и $t = 3,21$, $p < 0,01$ соответственно). Обнаруженные факты позволяют предположить наличие определенной тенденции к снижению толерантности к неопределенности к третьему году обучения студентов. На наш взгляд, это можно объяснить адаптацией испытуемых к регламентированному формату деятельности, содержащему предсказуемые учебные требования и действия, ставшие привычными и комфортными.

Подчеркнем, что статистически значимое различие по одному из показателей «Отношение к новизне» (методики «Шкала толерантности к неопределенности») обнаружено между студентами 1 и 3 курсов ($t = 2,01$, $p < 0,05$): первокурсники положительнее относятся к новым ситуациям, их менее пугают конвергентные вопросы, которые не имеют однозначного ответа.

Сравнение исследуемых показателей по критерию Стьюдента у студентов разных направлений подготовки показало, что студенты направления Государственное и муниципальное управление более толерантны к неопределенности, чем обучающиеся по всем программам группы «Психологические науки»: психология ($t = 2,09$, $p < 0,05$), клиническая психология ($t = 4,14$, $p < 0,05$), психология служебной деятельности ($t = 2,32$, $p < 0,05$).

Студенты-юристы положительнее относятся к неопределенности, чем обучающиеся клинической психологии ($t = 2,28$, $p < 0,05$), в т.ч. их менее пугают новые задачи и вопросы, которые нельзя рассматривать только с одной точки зрения.

Взаимосвязи толерантности к неопределенности, копинг-стратегий и акцентуаций характера в группах различных направлений подготовки

Анализ корреляционных связей внутри групп по направлениям подготовки показал наличие достоверных связей интегрального показателя толерантности к неопределенности со следующими исследуемыми показателями:

- нейротизмом у студентов государственного и муниципального управления ($-0,525$, $p < 0,05$) и психологии служебной деятельности ($-0,587$, $p < 0,01$);
- экстраверсией у студентов направлений «Психология» ($0,419$, $p < 0,05$) и «Клиническая психология» ($0,310$, $p < 0,05$);
- эмоциональной чувствительностью ($-0,492$, $p < 0,01$) у юристов и клинических психологов ($-0,276$, $p < 0,01$);
- акцентуациями характера: гипертимностью ($0,458$, $p < 0,05$), циклотимностью ($-0,387$, $p < 0,01$), неуравновешенностью ($-0,485$, $p < 0,05$), экзальтированностью ($-0,507$, $p < 0,05$) у студентов направления подготовки «Государственное и муниципальное управление»; эмотивностью ($-0,475$, $p < 0,01$), педантичностью ($-0,412$, $p < 0,01$), тревожностью ($-0,405$, $p < 0,01$), экзальтированностью ($-0,424$, $p < 0,01$) у студентов-юристов; гипертимностью ($0,308$, $p < 0,05$), эмотивностью ($-0,346$, $p < 0,05$), педантичностью ($-0,281$, $p < 0,01$), тревожностью ($-0,286$, $p < 0,01$), демонстративностью ($0,234$, $p < 0,01$), экзальтированностью ($-0,292$, $p < 0,01$) у клинических психологов; тревожностью

($-0,538$, $p < 0,01$), неуравновешенностью ($-0,740$, $p < 0,05$), дистимностью ($-0,496$, $p < 0,01$) у студентов программы «Психология служебной деятельности»; гипертимностью ($0,447$, $p < 0,05$) у студентов-психологов. Таким образом, большую плотность связей общий показатель толерантности к неопределенности с показателями акцентуаций характера обнаруживает в группе клинических психологов (6 связей), наименьшую — в группе студентов-психологов (1 связь), при этом чаще во взаимодействие с показателем толерантности к неопределенности в разных группах испытуемых вступают показатели экзальтированности и тревожности (обратные связи) и гипертимности (прямая связь).

Необходимо отметить, что в выборке студентов, обучающихся по программам группы «Психологические науки», у показателя толерантности к неопределенности плотность корреляционных связей с другими исследуемыми показателями намного ниже (с 8 из 16 показателей), чем в выборке студентов других образовательных программ (с 14 из 16 соответственно).

Различия в копинг-стратегиях и акцентуациях в связи со степенью выраженности толерантности к неопределенности

Общая выборка респондентов была разделена на 3 группы в зависимости от уровня сформированности толерантности к неопределенности на основании кластерного анализа.

В 1-ю группу с низким уровнем выраженности показателя толерантности к неопределенности вошло 44 чел. (ср. знач. 53,71), во 2-ю группу со средним уровнем выраженности — 101 чел. (ср. знач. 73,43) и с высоким — 49 чел. (ср. знач. 98,57).

По показателям копинг-стратегий было выявлено только одно статистически значимое различие: стратегия «Разрешение проблем» более присуща группе студентов с высоким уровнем толерантности к неопределенности по сравнению с таковой со средним уровнем выраженности обозначенного показателя ($t = -3,61$, $p < 0,001$).

Студенты с низким уровнем толерантности к неопределенности более эмоционально чувствительны, эмотивны и тревожны по сравнению со студентами со средним уровнем выра-

женности данного показателя ($t = 2,7, 2,56$ и $2,478, p < 0,01$ соответственно).

Студенты с низким уровнем выраженности толерантности к неопределенности отличаются более высоким уровнем нейротизма ($t = 3,59, p < 0,001$), эмоциональной чувствительности ($t = 2,34, p < 0,05$), эмотивности ($t = 2,38, p < 0,01$), педантичности ($t = 2,83, p < 0,01$), тревожности ($t = 3,50, p < 0,001$), циклотимности ($t = 3,14, p < 0,05$), неуравновешенности ($t = 4,74, p < 0,05$), дистимности ($t = 2,48, p < 0,01$), экзальтированности ($t = 2,54, p < 0,01$) и более низким уровнем экстраверсии ($t = -3,92, p < 0,001$), гипертиимности ($t = -4,45, p < 0,001$) и демонстративности ($t = -2,49, p < 0,01$) по сравнению с обучающимися с высоким уровнем выраженности толерантности к неопределенности.

Студенты со средним уровнем выраженности толерантности к неопределенности отличаются более высоким уровнем нейротизма ($t = 0,13, p < 0,001$), циклотимности ($t = 3,13, p < 0,05$), неуравновешенности ($t = 4,47, p < 0,001$), дистимности ($t = 3,20, p < 0,05$) и менее экстравертированы ($t = -3,89, p < 0,001$), гипертиимны ($t = -3,44, p < 0,001$) и демонстративны ($t = -2,56, p < 0,01$) по сравнению с обучающимися с высоким уровнем выраженности толерантности к неопределенности.

Взаимосвязи копинг-стратегий и акцентуаций в группах с разным уровнем выраженности толерантности к неопределенности

Корреляционный анализ в группах с разным уровнем выраженности толерантности к неопределенности показал следующее:

– связь общего показателя толерантности к неопределенности с показателем гипертиимности обнаружена сразу в 2 группах студентов: с низким ($0,381, p < 0,05$) и средним ($0,345, p < 0,05$) уровнем выраженности толерантности к неопределенности. Кроме того, в группе со средним уровнем выраженности толерантности к неопределенности общий показатель толерантности к неопределенности обнаруживает связи сразу с несколькими показателями акцентуаций характера: с возбудимостью ($0,307, p < 0,05$), демонстративностью ($0,235, p < 0,01$) и экзальтированностью ($-0,226, p < 0,01$), а также с показателем экстраверсии ($0,365, p < 0,05$);

– в группе с высоким уровнем выраженности толерантности к неопределенности обнаружена только одна достоверная связь общего показателя толерантности к неопределенности с показателем копинг-стратегии «Разрешение проблем» ($0,333, p < 0,01$).

Вклад акцентуаций характера, копинг-стратегий в толерантность к неопределенности

Общий корреляционный анализ отразил наличие взаимосвязей между показателями акцентуаций характера, копинг-стратегий и толерантности к неопределенности. Для более детального анализа взаимосвязи далее была проведена оценка вклада акцентуаций характера и копинг-поведения в показатель толерантности к неопределенности с помощью иерархического регрессионного анализа методом наименьших квадратов. В качестве предикторов первоначально выступили обобщенные показатели акцентуаций характера, выраженные через факторизованные вторичные переменные, и копинг-стратегии. Зависимой переменной был выбран общий балл по опроснику «Толерантность к неопределенности».

В результате были построены четыре модели. Коэффициенты построенных моделей представлены в таблице.

Все регрессионные модели оказались достоверными при оценке с использованием F-критерия ($F > 9,79; p < 0,001$). Объяснимость моделей существенно не отличается друг от друга при достаточно различном составе предикторов (от 23,9 до 23,5 %). Четвертая модель оказалась лучшей, так как содержащиеся предикторы вносят статистически достоверный вклад в показатель «Толерантность к неопределенности (общий балл)». В данной модели предикторами выступили следующие факторы акцентуаций: «Нейротизм» ($p < 0,001$), «Экстраверсия» ($p < 0,001$) и «Эмоциональная чувствительность» ($p < 0,01$). Среди них наибольший уникальный вклад вносит «Экстраверсия» ($Beta = 0,36$), далее идут «Нейротизм» ($Beta = -0,28$) и «Эмоциональная чувствительность» ($Beta = -0,16$). В результате использования метода исключения все копинг-стратегии были удалены из анализа на основании изменения F-критерия.

В итоге применения регрессионного анализа было обнаружено, что только обобщенные показатели (факторы) акцентуаций характера вносят существенный совместный вклад в толерантность к неопределенности. Причем каждый из факторов обладает уникальностью в предсказании значений толерантности к неопределенности. Так, нейротизм и эмоциональ-

ная чувствительность характеризуют особенности эмоциональной сферы, но при этом обладают собственным независимым весом. Экстраверсия, в свою очередь, вносит положительный уникальный вклад. Как оказалось, акцентуации обладают лучшей предсказательной способностью для толерантности к неопределенности, чем копинг-стратегии.

Результаты регрессионных моделей
Results of regression modeling

<i>Модель</i>				<i>Показатель</i>	<i>Бета стд.</i>	<i>t</i>	<i>p-value</i>
<i>№ n/n</i>	<i>R-квадрат</i>	<i>F</i>	<i>p-value</i>				
1	,239	9,799	,001	Нейротизм (фактор 1)	-,258	-3,622	,001
				Экстраверсия (фактор 2)	,334	4,892	,001
				Эмоциональная чувствительность (фактор 3)	-,173	-2,661	,008
				Разрешение проблем	,054	,755	,451
				Поиск социальной поддержки	,026	,388	,698
				Избегание проблем	-,033	-,485	,629
2	,239	11,782	,001	Нейротизм (фактор 1)	-,256	-3,610	,001
				Экстраверсия (фактор 2)	,339	5,089	,001
				Эмоциональная чувствительность (фактор 3)	-,171	-2,645	,009
				Разрешение проблем	,058	,829	,408
				Избегание проблем	-,032	-,467	,641
3	,238	14,734	,001	Нейротизм (фактор 1)	-,267	-3,993	,001
				Экстраверсия (фактор 2)	,344	5,219	,001
				Эмоциональная чувствительность (фактор 3)	-,173	-2,684	,008
				Разрешение проблем	,056	,799	,425
4	,235	19,470	,001	Нейротизм (фактор 1)	-,283	-4,464	,001
				Экстраверсия (фактор 2)	,358	5,638	,001
				Эмоциональная чувствительность (фактор 3)	-,164	-2,588	,010

Примечание: зависимая переменная — «Толерантность к неопределенности (общий балл)»; использовался метод исключения с вероятностью F-исключения $\geq 0,1$; $n = 186$; нули опущены.

Note: the dependent variable is «Ambiguity tolerance (total score)»; an exclusion method was used with the probability of F-exclusion $\geq 0,1$; $n = 186$; zeros are omitted.

Таким образом, иерархический регрессионный анализ позволил нам детализировать взаимосвязи акцентуаций характера, копинг-стратегий и толерантности к неопределенности. Факторы акцентуаций предсказывают значения толерантности к неопределенности в лучшей степени, чем копинг-стратегии. Причем совместный вклад акцентуаций составил 23,5 %, что является высоким значением.

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Проведенное эмпирическое исследование дает возможность утверждать наличие особенностей толерантности к неопределенности у студентов разных социально-гуманитарных направлений подготовки. Так, было установлено, что студенты направления подготовки Государственное и

муниципальное управление более толерантны к неопределенности, чем обучающиеся по всем программам группы «Психологические науки»: психология, клиническая психология, психология служебной деятельности, а студенты-юристы положительнее относятся к неопределенности, чем обучающиеся клинической психологии. Очевидно, определенную роль в обозначенных различиях играет специфика будущих профессий и степень их консервативности. На наш взгляд, более подвержены влиянию социальных процессов управленческие и юридические направления деятельности, в то время как психологическая практика в значительной степени сохраняет свое классическое содержание. Однако для практикующих психологов, и особенно в области клинической психологии, толерантность к неопределенности может вы-

ступать как важный личностный ресурс, что частично согласуется с выводами Yee, Liu, & Grobman (2014), подчеркивающих, что данное качество особенно необходимо для врачей тех специализаций, когда требуется быстрое принятие решений в критических ситуациях.

Интересная тенденция была выявлена и в ходе сравнения общих выборок студентов разных курсов. Установлено, что первокурсники более толерантны к неопределенности, чем третьекурсники. Можно предположить, что на начальном этапе обучения в вузе студенты открыты новому, готовы адаптировать к нему свои мысли и действия, способны проявить себя в неоднозначных ситуациях. В отличие от них студенты третьего курса более ориентированы на стабильность учебного процесса, обеспечивающую им психологический комфорт.

Результаты нашего исследования позволяют также утверждать, что для всех респондентов при положительном отношении к неопределенности характерны позитивный эмоциональный фон настроения, активность, инициативность, коммуникабельность, желание быть в центре внимания и в меньшей степени — негативный фон настроения, резкие эмоциональные перепады, тревожность. Кроме того, при большей выраженности толерантности к неопределенности студенты чаще стараются использовать все имеющиеся у них личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблем и менее склонны к избеганию контакта с окружающей действительностью, в том числе через такие пассивные способы, как уход в болезнь или употребление алкоголя, наркотиков.

Несомненный интерес представляют и стабильные личностные конструкты, выявленные в ходе нашего исследования и характерные для отдельных направлений подготовки. Их наличие позволяет предположить, что чем более у испытуемых выражена терпимость к неопределенным, двусмысленным ситуациям, тем менее нейротичны студенты государственного и муниципального управления и психологии служебной деятельности, тем более экстравертированы студенты-психологи и клинические психологи, тем менее эмоционально чувствительны юристы и клинические психологи. Следует также отметить, что с показателем толерантности к неопределенности наиболее тесно взаимосвязаны показатели акцентуаций харак-

тера, особенно в группе клинических психологов. Можно предположить, что чем более готовы данные студенты принять непредсказуемые, многозначные ситуации, тем более они самостоятельны, энергичны, изобретательны, адаптивны к людям, самоуверенны, тем выше их притязания и конфликтность и тем менее клинические психологи впечатлительны, исполнительны, самокритичны, пунктуальны и усидчивы, тем менее лабильна их психика. Для сравнения в группе студентов-психологов при повышении толерантности к многозначным ситуациям повышаются только характеристики гипертимного типа акцентуаций, в том числе общительность и самостоятельность. Необходимо иметь в виду также, что чаще всего во взаимодействие с показателем толерантности к неопределенности в разных группах испытуемых с отрицательным знаком вступают показатели экзальтированности и тревожности и с положительным — гипертимности. Данные факты позволяют предположить, что склонность к принятию неопределенности в значительной степени обусловлена акцентуациями характера испытуемых.

Характер взаимосвязей показателей методики «Толерантность к неопределенности» с показателями копинг-стратегий, выявленных внутри групп различных направлений подготовки, указывает на то, что чем более терпимы к многозначности испытуемые, тем успешнее студенты государственного и муниципального управления и психологии служебной деятельности используют при решении проблем собственные личностные ресурсы и тем менее склонны к избеганию сложных ситуаций студенты-юристы и клинические психологи. Выявленные тенденции можно считать закономерными, поскольку способность ориентироваться в неопределенной, многоплановой ситуации повышает вероятность нахождения эффективного способа решения проблем.

Обобщенная характеристика студентов с разным уровнем толерантности к неопределенности может быть представлена следующим образом:

- студентам с низким уровнем выраженности толерантности к неопределенности свойственны обостренная чувствительность, зависимость настроения от внешних факторов и чрезмерное реагирование на них, неуверенность в себе, чувство долга, исполнительность, добросовестность, склонность действовать согласно плану, самокритичность, трудности

адаптации к новым ситуациям жизни и деятельности, сниженные активность, притязания и эгоцентризм;

– студенты со средним уровнем данного личностного качества во многом сохраняют черты предыдущей группы испытуемых, поскольку им также свойственны нейротические тенденции, лабильность психики, сложности приспособления к внешним неоднозначным стимулам;

– группе студентов с высоким уровнем выраженности толерантности к неопределенности свойственны склонность к рискованным начинаниям, неординарность поступков и мышления, общительность и высокая активность, сложности с дисциплиной и нормированием деятельности, опора на личностные ресурсы при решении вопросов и проблем, позитивное отношение к новизне, влечеение к ней, готовность к поиску вариантов решения сложных задач и неопределенных, неординарных ситуаций. Полученные данные согласуются с результатами диссертационного исследования Е.Г. Луковицкой (1998), отмечавшей стимулирующую роль неопределенной ситуации в жизни и деятельности человека.

В результате регрессионного анализа выявленные предикторы толерантности к неопределенности (нейротизм, экстраверсия и эмоциональная чувствительность) согласуются с исследованиями зарубежных авторов [Jach H.K., Smillie L.D., 2019] и подтверждают сложность толерантности к неопределенности как личностного конструкта.

Выводы

В исследовании выявлены следующие особенности толерантности к неопределенности у студентов социально-гуманитарных направлений подготовки.

Обнаружены статистически значимые различия в уровне толерантности к неопределенности и некоторых других личностных параметрах студентов 1–3 курсов обучения разных направлений подготовки.

В исследуемых выборках выявлены различия в структуре связей толерантности к неопределенности с копинг-стратегиями и акцентуациями характера. Так, в результате корреляционного анализа установлено, что исследуемый показатель имеет различающиеся единичные связи с копинг-стратегиями и значительное

количество специфичных связей с показателями акцентуаций характера. Наличие множественных связей с акцентуациями характера может использоваться как факт для дальнейшего изучения вопроса о рассмотрении толерантности к неопределенности как интегрального личностного образования.

В результате регрессионного анализа было обнаружено, что только обобщенные показатели (факторы) акцентуаций характера вносят существенный совместный вклад в толерантность к неопределенности.

Установлено также, что при положительном отношении к неопределенности студенты больше стараются использовать все имеющиеся у них личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы и менее склонны к избеганию контакта с окружающей действительностью, т.е. стремятся к использованию конструктивной, адаптивной стратегии поведения. Данный факт согласуется с данными Friedland, Keinan, & Tutyun [Friedland N. et al., 1999], отмечающих, что менее толерантные к неопределенности обычно реагируют более стереотипно, особенно в сложных или стрессовых ситуациях.

Учитывая значимость толерантности к неопределенности для профессий социально-гуманитарного профиля, вслед за рядом авторов [Geller G. et al., 1990; DeRoma V.M. et al., 2003; Weissenstein A. et al., 2014] поддерживаем идею о целенаправленном развитии данного свойства в период профессионального обучения, наряду с формированием у студентов эффективных стратегий совладающего поведения.

Список литературы

Кондрашихина О.А., Тихомирова И.А. Вербальная и невербальная креативность и толерантность к неопределенности студентов-психологов // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2020. № 1. С. 46–52. DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.1.46-52>

Кузнецов А.А. Толерантность к неопределенности в условиях пандемии // Обеспечение глобальной конкурентоспособности науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 12 апреля 2021 г.). Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. С. 65–68. URL: <https://apni.ru/article/2177-tolerantnost-k-neopredelennosti-v-usloviyakh> (дата обращения: 27.06.2021).

- Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А.*
Толерантность к неопределенности в контексте социальной поддержки: гендерная специфика в юности // Национальный психологический журнал. 2017. № 2(26). С. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0211>
- Луковицкая Е.Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 18 с.
- Марченко Е.Е.* Толерантность к неопределенности как значимая характеристика личности обучающихся высшей школы // Вестник Брестского университета. Серия 3: Филология. Педагогика. Психология. 2018. № 1. С. 188–196.
- Меньшикова Л.В., Лазюк И.В.* Толерантность к неопределенности у студентов вуза и ее развитие в современной информационной среде // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. Вып. 3. С. 452–458. DOI: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-18>
- Рябинкина А.Н.* Толерантность студентов к неопределенности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1(78). С. 295–297.
- Титова О.И.* Толерантность к неопределенности как фактор отношения к деловому взаимодействию в контексте развития общекультурных компетенций студентов вуза // Сибирский психологический журнал. 2018. № 68. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/68/8>
- Arquero J.L., Fernández-Polvillo C., Hassall T., Joyce J.* Relationships between communication apprehension, ambiguity tolerance and learning styles in accounting students // Revista de Contabilidad. 2017. Vol. 20, iss. 1. P. 13–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.racsar.2015.10.002>
- Arquero J.L., Tejero C.* Ambiguity tolerance levels in Spanish accounting students: a comparative study // Revista de Contabilidad. 2009. Vol. 12, iss. 1. P. 95–115. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1138-4891\(09\)70003-2](https://doi.org/10.1016/s1138-4891(09)70003-2)
- DeRoma V.M., Martin K.M., Kessler M.L.* The Relationship between Tolerance for Ambiguity and Need for Course Structure // Journal of Instructional Psychology. 2003. Vol. 30, iss. 2. P. 104–109.
- Friedland N., Keinan N., Tytun T.* The effect of psychological stress and tolerance of ambiguity on stereotypic attributions// Anxiety, Stress & Coping. 1999. Vol. 12, iss. 4. P. 397–410. DOI: <https://doi.org/10.1080/10615809908249318>
- Geller G., Faden R.R., Levine D.M.* Tolerance for ambiguity among medical students: Implications for their selection, training and practice // Social Science

- & Medicine. 1990. Vol. 31, iss. 5. P. 619–624. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(90\)90098-d](https://doi.org/10.1016/0277-9536(90)90098-d)
- Hallman R.J.* The Necessary and Sufficient Conditions of Creativity // Creativity: Its Educational Implications / ed. by J.C. Gowan, G.D. Demos, E.P. Torrance. N.Y.: John Wiley and Sons, 1967.
- Jach H.K., Smillie L.D.* To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits // Journal of Research in Personality. 2019. Vol. 79. P. 67–78. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.02.003>
- Kuhn G., Goldberg R., Compton S.* Tolerance for uncertainty, burnout, and satisfaction with the career of emergency medicine // Annals of Emergency Medicine. 2009. Vol. 54, iss. 1. P. 106–113. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annemergmed.2008.12.019>
- Lauriola M., Foschi R., Mosca O., Weller J.* Attitude toward ambiguity: Empirically robust factors in self-report personality scales // Assessment. 2016. Vol. 23, iss. 3. P. 353–373. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191115577188>
- Sokolová L., Andreánska V.* Pre-Service Teachers' Ambiguity Tolerance // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. Rezekne, LV: Rezekne Academy of Technologies, 2019. Vol. II. P. 610–618. DOI: <https://doi.org/10.17770/sie2019vol2.3676>
- Valutis S.A.* The Relationship between Tolerance of Ambiguity and Stereotyping: Implications for BSW Education // Journal of Teaching in Social Work. 2015. Vol. 35, iss. 5. P. 513–528. DOI: <https://doi.org/10.1080/08841233.2015.1088927>
- Weissenstein A., Ligges S., Brouwer B., Marshall B., Friederichs H.* Measuring the ambiguity tolerance of medical students: a cross-sectional study from the first to sixth academic // BioMedCentral Family Practice. 2014. Vol. 15, iss. 6. URL: <https://bmcprimcare.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/1471-2296-15-6.pdf> (accessed: 11.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2296-15-6>
- Xu H., Tracey T.J.G.* The role of ambiguity tolerance in career decision making // Journal of Vocational Behavior. 2014. Vol. 85, iss. 1. P. 18–26. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2014.04.001>
- Yee L.M., Liu L.Y., Grobman W.A.* The relationship between obstetricians' cognitive and affective traits and their patients' delivery outcomes // American Journal of Obstetrics & Gynecology. 2014. Vol. 211, iss. 6. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajog.2014.06.003>

Получена: 28.07.2021. Доработана после рецензирования: 26.01.2022. Принята к публикации: 05.02.2022

References

- Arquero, J.L., Fernández-Polvillo, C., Hassall, T. and Joyce, J. (2017). Relationships between communication apprehension, ambiguity tolerance and learning styles in accounting students. *Revista de Contabilidad* [Spanish Accounting Review]. Vol. 20, iss. 1, pp. 13–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resar.2015.10.002>
- Arquero, J.L. and Tejero, C. (2009). Ambiguity tolerance levels in Spanish accounting students: a comparative study. *Revista de Contabilidad* [Spanish Accounting Review]. Vol. 12, iss. 1, pp. 95–115. DOI: [https://doi.org/10.1016/s1138-4891\(09\)70003-2](https://doi.org/10.1016/s1138-4891(09)70003-2)
- DeRoma, V.M., Martin, K.M. and Kessler, M.L. (2003). The relationship between tolerance for ambiguity and need for course structure. *Journal of Instructional Psychology*. Vol. 30, iss. 2, pp. 104–109.
- Friedland, N., Keinan, N. and Tytiun, T. (1999). The effect of psychological stress and tolerance of ambiguity on stereotypic attributions. *Anxiety, Stress & Coping*. Vol. 12, iss. 4, pp. 397–410. DOI: <https://doi.org/10.1080/10615809908249318>
- Geller, G., Faden, R.R. and Levine, D.M. (1990). Tolerance for ambiguity among medical students: Implications for their selection, training and practice. *Social Science & Medicine*. Vol. 31, iss. 5, pp. 619–624. DOI: [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(90\)90098-d](https://doi.org/10.1016/0277-9536(90)90098-d)
- Hallman, R.J. (1967). The necessary and sufficient conditions of creativity. *J.C. Gowan, G.D. Demos, E.P. Torrance (eds.) Creativity: its educational implications*. New York: John Wiley and Sons Publ. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.02.003>
- Jach, H.K. and Smillie, L.D. (2019). To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits. *Journal of Research in Personality*. Vol. 79, pp. 67–78. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.02.003>
- Kondrashikhina, O.A. and Tikhomirova, I.A. (2020). [Verbal and non-verbal creativity and tolerance for uncertainty of psychological students]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psichologiya* [Herald of Omsk University. Series «Psychology»]. No. 1, pp. 46–52. DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.1.46-52>
- Kuhn, G., Goldberg, R. and Compton, S. (2009). Tolerance for uncertainty, burnout, and satisfaction with the career of emergency medicine. *Annals of Emergency Medicine*. Vol. 54, iss. 1, pp. 106–113. DOI: [10.1016/j.annemergmed.2008.12.019](https://doi.org/10.1016/j.annemergmed.2008.12.019)
- Kuznetsov, A.A. (2021). [Tolerance to uncertainty in the context of a pandemic]. *Obespechenie global'noy konkurentosposobnosti nauki i obrazovaniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Belgorod, 12 aprelya 2021 g.)* [Ensuring the global competitiveness of science and education: collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on April 12, 2021]. Belgorod: AASR Publ., pp. 65–68. Available at: <https://apni.ru/article/2177-tolerantnost-k-neopredelennosti-v-usloviyakh> (accessed 27.06.2021).
- Lauriola, M., Foschi, R., Mosca, O. and Weller, J. (2016). Attitude toward ambiguity: Empirically robust factors in self-report personality scales. *Assessment*. Vol. 23, iss. 3, pp. 353–373. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191115577188>
- Lifintsev, D.V., Serykh, A.B. and Lifintseva, A.A. (2017). [Tolerance to uncertainty in the context of social support: gender specificity in the youth environment]. *Natsional'nyy psichologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 2(26), pp. 98–105. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0211>
- Lukovitskaya, E.G. (1998). *Sotsial'no-psichologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti: avtoref. dis. ... kand. psichol. nauk* [The socio-psychological significance of tolerance to uncertainty: Abstract of Ph.D. dissertation]. St. Petersburg, 18 p.
- Marchenko, E.E. (2018). [Tolerance to uncertainty as an important students' personality trait]. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 3. Filologiya. Pedagogika. Psichologiya* [Bulletin of the Brest University. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology]. No. 1, pp. 188–196.
- Men'shikova, L.V. and Lazyuk, I.V. (2020). [Tolerance to uncertainty among university students and its development in the modern information environment]. *Gertsenovskie chteniya: psichologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [The Herzen University Studies: Psychology in Education]. St. Petersburg: Herzen SPUR Publ., iss. 3, pp. 452–458. DOI: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-18>
- Ryabinkina, A.N. (2018). [Tolerance of ambiguity as a personality variable of students]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University]. No. 1(78), pp. 295–297.
- Sokolová, L. and Andreánska, V. (2019). Pre-service teachers' ambiguity tolerance. *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference*. Rezekne, LV: Rezekne Academy of Technologies Publ., vol. 2, pp. 610–618. DOI: <https://doi.org/10.17770/sie2019vol2.3676>

Titova, O.I. (2018). [Tolerance to uncertainty as a factor of the relation to business interaction in the context of students' common cultural competences development]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 68, pp. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/68/8>

Valutis, S.A. (2015). The relationship between tolerance of ambiguity and stereotyping: implications for BSW education. *Journal of Teaching in Social Work*. Vol. 35, iss. 5, pp. 513–528. DOI: <https://doi.org/10.1080/08841233.2015.1088927>

Weissenstein, A., Ligges, S., Brouwer, B., Marschall, B. and Friederichs, H. (2014). Measuring the ambiguity tolerance of medical students: a cross-sectional study from the first to sixth academic. *Bio-MedCentral Family Practice*. Vol. 15, iss. 6. Available at: <https://bmprimcare.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/1471-2296-15-6.pdf> (accessed

11.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2296-15-6>

Yee, L.M., Liu, L.Y. and Grobman, W.A. (2014). The relationship between obstetricians' cognitive and affective traits and their patients' delivery outcomes. *American Journal of Obstetrics & Gynecology*. vol. 211, iss. 6, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ajog.2014.06.003>

Xu, H. and Tracey, T.J.G. (2014). The role of ambiguity tolerance in career decision making. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 85, iss. 1, pp. 18–26. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2014.04.001>

Received: 28.07.2021. Revised: 26.01.22. Accepted: 05.02.2022

Об авторах

Евтух Татьяна Викторовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры гуманитарно-математических
и естественно-научных дисциплин

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермский филиал,
614039, Пермь, Комсомольский пр., 61;
e-mail: evtukh-tv@ranepa.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3731-7426>
ResearcherID: AGD-7800-2022

Харламова Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной работы
и конфликтологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: tanyahar@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6689-6661>
ResearcherID: AGE-4129-2022

About the authors

Tatiana V. Evtukh

Candidate of Psychology, Associate Professor
of the Department of Humanities, Mathematics
and Natural Sciences

Institute for Social Sciences of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Perm branch,
61, Komsomolsky av., Perm, 614039, Russia;
e-mail: evtukh-tv@ranepa.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3731-7426>
ResearcherID: AGD-7800-2022

Tatiana M. Kharlamova

Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department
of Social Work and Conflictology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: tanyahar@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6689-6661>
ResearcherID: AGE-4129-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Евтух Т.В., Харламова Т.М. Особенности толерантности к неопределенности у студентов социально-гуманитарных направлений подготовки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 146–158. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-146-158

For citation:

Evtukh T.V., Kharlamova T.M. [Characteristics of ambiguity tolerance in social sciences and humanities students]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 146–158 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-146-158

УДК 159.22

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-159-166

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОЧНОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАДАННОГО ОБРАЗЦА В РАЗЛИЧНЫХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Полякова Ирина Вадимовна

Смоленский государственный университет (Смоленск)

Исследуются психологические особенности точности восприятия. Измерение перцептивной точности осуществлялось с помощью воспроизведения заданного экспериментатором образца правой и левой рукой испытуемого в разных психоэмоциональных состояниях, а именно: от состояния спокойного бодрствования до состояния психоэмоционального напряжения. Актуальность работы обусловлена необходимостью снижения перцептивной ошибки при воспроизведении образца в разных условиях обучения, в том числе стрессовых. С этой целью испытуемым предлагалось воспроизвести заданный экспериментатором образец в состоянии спокойного бодрствования, в стрессовой ситуации и непосредственно после пережитого стресса. Под стрессовой ситуацией понималась ситуация сдачи студентами экзамена до того, как он «вытянул» экзаменационный билет. Ситуация после пережитого стресса представляла собой повторение измерений в ходе воспроизведения заданного образца непосредственно после ответа студента на экзамене. Измерение точности воспроизведения заданного образца осуществлялось с помощью специально созданного прибора, позволявшего генерировать общую ошибку в течение заданного времени. В эксперименте приняли участие пятнадцать студентов Смоленского государственного университета психолого-педагогического факультета. По результатам исследования установлено, что точность воспроизведения образца зависит от психоэмоционального состояния обучающегося. Состояние спокойного бодрствования является оптимальным для точного тензометрического воспроизведения заданного образца. Психологические особенности переноса тензометрических навыков рук связаны с особенностями психоэмоциональных состояний и не являются элементарными операционными действиями. Характер распределения результатов точности воспроизведения образца правой и левой рукой испытуемым в разных психоэмоциональных состояниях оказался различным. Точность воспроизведения образца правой рукой в состоянии психоэмоционального напряжения ниже, чем в состоянии спокойного бодрствования. Погрешность воспроизведения образца левой рукой в состоянии психоэмоционального напряжения, наоборот, ниже. Полученные данные могут быть использованы в психодиагностике для уточнения особенностей переживания психоэмоциональных состояний испытуемых.

Ключевые слова: сенсорный эталон, перцепция, точность восприятия, ошибка воспроизведения, перенос навыка, сознание.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE ACCURACY OF REPRODUCTION OF A GIVEN SAMPLIN VARIOUS PSYCHOEMOTIONAL STATES

Irina V. Polyakova

Smolensk State University (Smolensk)

The article is devoted to the study of psychological features of reproduction of a given sample by the right and left hand of the subject in different psycho-emotional states. The relevance of the work is due to the need to reduce the perceptual error when reproducing a sample in different learning conditions. To this end, the subjects were asked to reproduce the sample set by the experimenter in a state of calm wakefulness, in a stressful situation, and immediately after the stress experienced. The accuracy of reproduction

of the given sample was measured using a specially designed device that allowed generating a general error within a given time. Fifteen students of the Smolensk State University took part in the experiment. The study found that the accuracy of the sample reproduction depends on the psycho-emotional state of a student. The state of calm wakefulness is optimal for accurate reproduction of a strain gauge sample. Psychological features of the transfer of tensometric skills of the hands are connected to the peculiarities of psychoemotional states and are not elementary operational actions. The pattern of the distribution of the reproduction accuracy results for the reproduction performed by the right and left hand of the subject in different psycho-emotional states turned out to be different. The accuracy of reproducing the sample with the right hand in a state of psychoemotional tension is lower than in a state of calm wakefulness. On the contrary, the error of reproducing the sample with the left hand in a state of psychoemotional tension is lower. The obtained results can be used in psychodiagnostics to clarify the features of experiencing the psychoemotional states by subjects.

Keywords: sensory standard, perception, perception accuracy, reproduction error, skill transfer, consciousness.

Введение

Усвоение учебного материала в условиях организованного обучения связано в том числе с умением воспроизводить заданный образец. При этом обучающийся должен отдавать себе отчет в степени соответствия воспроизведенного образца его аналогу, контролировать и оценивать процесс и результат. Этот процесс коррелирует с особенностями формирования и функционирования эталонов восприятия и воспроизведения перцептивных навыков. Актуальность изучения психологических особенностей переноса перцептивных навыков в обучении обусловлена необходимостью повышения качества обучения и воспитания в современных напряженных условиях жизни общества.

Цель исследования заключалась в установлении психологических особенностей перцептивной точности при воспроизведения заданного образца. В соответствии с выдвинутой гипотезой предполагалось, что точность восприятия связана с особенностями психоэмоционального состояния субъекта.

Единицей формирования и функционирования восприятия является эталон восприятия (по А.В. Запорожцу) [Запорожец А.В., 1986]. Под сенсорными эталонами традиционно понимаются системы существенных чувственно отражаемых характеристик предметов, которые используются в качестве интериоризированных социокультурных образцов, нормативов или стандартов. Любая модальность раздражителя имеет в сознании отвечающего его субъекта соответствующую категоризированную копию в виде эталона восприятия.

Многократное обследование свойств предметов приводит к редуцированию перцептивных действий и формированию системы оперативных единиц или эталонов восприятия. Сенсорные эталоны способствуют опознанию, осмысливанию, трансформации понимания отражаемого объекта и сопровождаются соответствующими эмоциональными переживаниями. Эмоциональные переживания отражаемого контента неразрывно связаны с условиями ситуации, в которых они возникают, с одной стороны, и «базовыми» (привычными, нормативными) эмоциональными состояниями личности. Взаимосвязь особенностей эмоциональных переживаний и особенностей перцепции достаточно тесная. Последние реализуются с помощью различных наборов перцептивных операций, навыков и автоматизмов [Величковский Б.М. и др., 1973; Запорожец А.В., 1986].

В формировании любого навыка выделяют три этапа: на первом этапе происходит первоначальное знакомство с движением, в процессе которого создается «калька/копия» объекта; во втором — осуществляется автоматизация движения, свидетельствующая о том, что контроль за его реализацией передается моторным зонам коры, и, наконец, на третьем, последнем этапе происходит окончательная стабилизация и стандартизация навыка [Шиффман Х.Р., 2003]. Навык не связан с устойчивой тенденцией к объективации в определенных условиях, спектр его актуализации достаточно широкий [Веккер Л.М., 1998]. Иными словами, автоматизированный навык как бы отрывается от условий, в которых он осваивался, и может быть тиражирован в принципиально иных условиях социального взаимодействия. Однако в научных

исследованиях уделяется внимание в основном содержательным и операционно-техническим особенностям формирования навыков.

Понятно, что формирование любого навыка связано со всеми сферами психической деятельности: когнитивной, эмоциональной и двигательной. Двигательную часть навыка составляют автоматизированные действия, в которые «включены» перцептивные действия. Автоматизированные чувственные отражения предметов, неоднократно воспринимавшихся ранее предметов, составляют чувственную часть навыка. Большое значение при этом имеет точность восприятия. Под точностью восприятия в данной работе понимается степень соответствия параметров отражаемого объекта или явления его образу восприятия. Представляется, что точность восприятия как одна из характеристик перцепции имеет важное значение в процессе усвоения субъектом социокультурного опыта, в том числе в процессе систематического, организованного обучения. Наконец, интеллектуальная часть навыка связана с автоматизированными приемами и способами решения систематически имевшихся в опыте когнитивных задач.

Таким образом, сформированный навык означает, что перцептивная, интеллектуальная и двигательная составляющие совершаются одновременно, автоматически, быстро, правильно, без особых усилий и психического напряжения [Величковский Б.М. и др., 1973; Запорожец А.В., 1986]. Вместе с тем легкость и точность воспроизведения навыка характерна для ситуаций спокойного бодрствования. Изменение психоэмоционального состояния, вызванного экстремальной или стрессовой ситуацией, может нарушить точность воспроизведения навыка [Березина Т.Н., 2013]. Сохранение его точности достигается благодаря развитию саморегуляции и самодетерминации [Леонтьев Д.А., 2016; Leonova A.B. et al., 2013]. Так, высокая точность воспроизведения заданного образца в условиях психоэмоционального возбуждения экспериментально установлена у спортсменов-разрядников: в ситуации физического напряжения/стресса они воспроизводили заданный образец с меньшей ошибкой, чем в состоянии спокойного бодрствования, в то время как испытуемые, не обладающие продвинутыми навыками стрессоустойчивости, в этой

ситуации частично утрачивали перцептивную точность своих навыков [Полякова И.В., 2016].

Явление переноса и интерференции навыков обнаруживается в том, что они могут оказывать про- и ретроактивное торможение или, наоборот, стимулирование репродукции действий [Москвин В.А, Москвина Н.В., 2011; Хохлова Л.А., 2017]. Иными словами, ранее сформированный навык влияет на формирование последующего [Kumar S., Mandal M.K, 2005]. В связи с этим говорить о сенсорно-перцептивной точности воспроизведения некоего действия можно условно, особенно если оно отсрочено от образца, поскольку процесс психического развития и трансформации эталонов восприятия осуществляется непрерывно.

Идея влияния ранее сформированного действия на овладение новым является распространенной [Величковский Б.М. и др., 1973; Запорожец А.В., 1986]. Тема переноса навыков на разные виды деятельности изучена разными авторами достаточно детально [Лупенко Е.А., 2009; Москвин В.А, Москвина Н.В., 2011; Шиффман Х.Р., 2003]. Исследователи указывают на сложный и неоднозначный характер переноса навыков [Kirby K.M. et al., 2019] и его измерение [Duckworth A.L., Yeager D.S., 2015]. Вместе с тем нам не известны исследования, связанные с изучением особенностей переноса тензометрических навыков испытуемым с одной руки на другую и специфических особенностей этого переноса в ситуации психоэмоционального напряжения [Полякова И.В., 2019]. Проведенное нами исследование особенностей переноса навыков испытуемым с правой руки на левую руку имело целью установить психологические особенности, влияющие на постоянство и точность восприятия [Полякова И.В., 2016; Хохлова Л.А., 2017].

Методы

Для проведения экспериментального исследования был изготовлен специальный измерительный прибор, позволяющий фиксировать силу давления рук испытуемого с одновременной фиксацией обобщенной (сгенерированной прибором) ошибки воспроизведения за установленный экспериментатором период времени. Испытуемого просили воспроизвести заданный образец и удерживать нажатие в течение трех секунд, по истечении которых вольт-

метр отключался и на дисплее появлялась цифра, соответствующая генерированной ошибке воспроизведения. Измерение силы нажатия на специальный датчик осуществлялось через специальный разъем. К нему был подключен стрелочный вольтметр, на дисплее которого была нанесена специальная метка красного цвета. Испытуемого просили надавить на клавишу прибора, чтобы совместить стрелку вольтметра с нанесенной меткой красного цвета, и запомнить это усилие. Усилие измерялось в интервале от 0 до 20 Н (ньютонов).

В исследовании приняли участие пятнадцать студентов первого курса психолого-педагогического факультета отделения ПиМДО Смоленского государственного университета. Исследование проводилось в феврале 2019 г.

Испытуемым предлагалось создать усилие с помощью нажатия на клавишу прибора, запомнить его и затем воспроизвести. Испытуемые нажимали на рычаг, совмещали стрелку вольтметра с отметкой на дисплее (нанесенной на экран стрелочного вольтметра), запоминали собственные усилия, ориентируясь на показания прибора. После того как они посчитали, что запомнили необходимое усилие, они гово-

рили, что готовы к его воспроизведению. Затем вольтметр убирали, испытуемые воспроизводили необходимое нажатие по памяти. Пробы осуществлялись три раза попаременно то правой, то левой рукой в различных психоэмоциональных состояниях. В каждой пробе испытуемым предлагалось сделать две попытки. Иными словами, было сделано двенадцать замеров. Первая проба осуществлялась на практическом занятии в аудитории в привычном для испытуемых рабочем состоянии, состоянии активного бодрствования. Вторая проба проводилась перед сдачей экзамена по общей психологии в состоянии стресса, вызванного ситуацией неопределенности получения оценки за ответ. Третья проба осуществлялась после ответа на экзамене и получения оценки, т.е. сразу после пережитого стресса. Повторим, что при воспроизведении испытуемые не имели возможности проверить свои результаты, поскольку вольтметр убирали, и они могли действовать, опираясь на собственные представления.

Обсуждение результатов

Полученные испытуемыми результаты представлены в таблице.

*Результаты воспроизведения заданного образца испытуемыми
The results of the reproduction of a given sample by the test subject*

Порядковый номер испытуемого	Проба 1		Проба 2		Проба 3	
	правая рука	левая рука	правая рука	левая рука	правая рука	левая рука
	1	2	3	4	5	6
1	10	5	15	12	45	45
2	20	25	2	60	3	5
3	12	35	80	27	60	45
4	13	10	58	80	32	32
5	5	35	20	15	80	80
6	5	0	20	35	28	15
7	10	6	80	80	30	20
8	25	20	80	55	33	30
9	35	30	80	80	80	80
10	0	11	80	80	30	55
11	25	35	50	30	25	30
12	5	28	35	50	75	70
13	0	15	7	5	80	80
14	15	22	25	30	80	80
15	15	0	50	75	80	80
Сумма	195	277	389	361	356	302
Среднее ошибки, %	13	18	26	24	24	20
					21	18
					19	40
					40	35
					596	524

Как видно из таблицы, имеются различия в средних значениях переменных во всех измерительных процедурах (строка «Среднее ошиб-

ки»). Ошибка при воспроизведении заданного образца ведущей правой рукой меньше, чем левой (столб. 1 и 2 соответственно): результаты,

полученные с использованием правой руки, оказались на 30 % точнее (в группе испытуемых не было «левшней»).

Однако статистически значимых различий в средних значениях первой и второй, третьей и четвертой шкал не было выявлено. Полученные результаты свидетельствуют о том, что субъективное представление испытуемых о том, что они демонстрируют один и тот же результат, осуществляя нажатие правой и левой рукой, не соответствуют действительности. Иными словами, эталоны восприятия, объективированные левыми и правыми руками реципиентов, оказались разными (левая рука «пережимала»).

Результаты точности воспроизведения заданного образца в стрессовой ситуации представлены в столбцах 3 и 4. Точность «правой руки» уменьшилась на 40 % (столб. 1 и 3: 13 и 24 соответственно), повторная проба оказалась более точной, ошибка составляла лишь 10 % (там же: 18 и 20 соответственно). То есть вначале точность воспроизведения испытуемыми в стрессовой ситуации была грубо искаженной, а при повторении пробы точность возрастила, однако была значительно ниже точности первой пробы, сделанной в состоянии спокойного бодрствования. Точность воспроизведения образца левой рукой, наоборот, возросла на 20 %, а при повторном воспроизведении — на 25 % (столб. 2 и 4: 26, 24 и 21, 18). Таким образом, в ходе исследования было установлено, что в ситуации стресса повторное воспроизведение образца позволяет улучшить результат при действии как правой, так и левой рукой. Причем в обоих случаях испытуемые утверждали, что точно воспроизводят образец обеими руками, т.е. они вновь не ощущали допускаемых ими искажений воспроизведения и оценивали воспроизведение как одинаковое.

В третьей пробе непосредственно после сдачи экзамена (пережитого стресса) результаты оказались наименее точными (столб. 5 и 6). В первой попытке точность воспроизведения правой рукой максимально «приближается» к воспроизведению в ситуации спокойного бодрствования (19 и 18 соответственно), а левой ухудшается на 65 % (столб. 2 и 6: 26 и 40 соответственно). Повторное воспроизведение в этой ситуации выявило значительное, на 47 %, понижение точности правой рукой (столб. 5: 19 и 40) и 13 %-ное повышение точности левой рукой (столб. 6: 40 и 35).

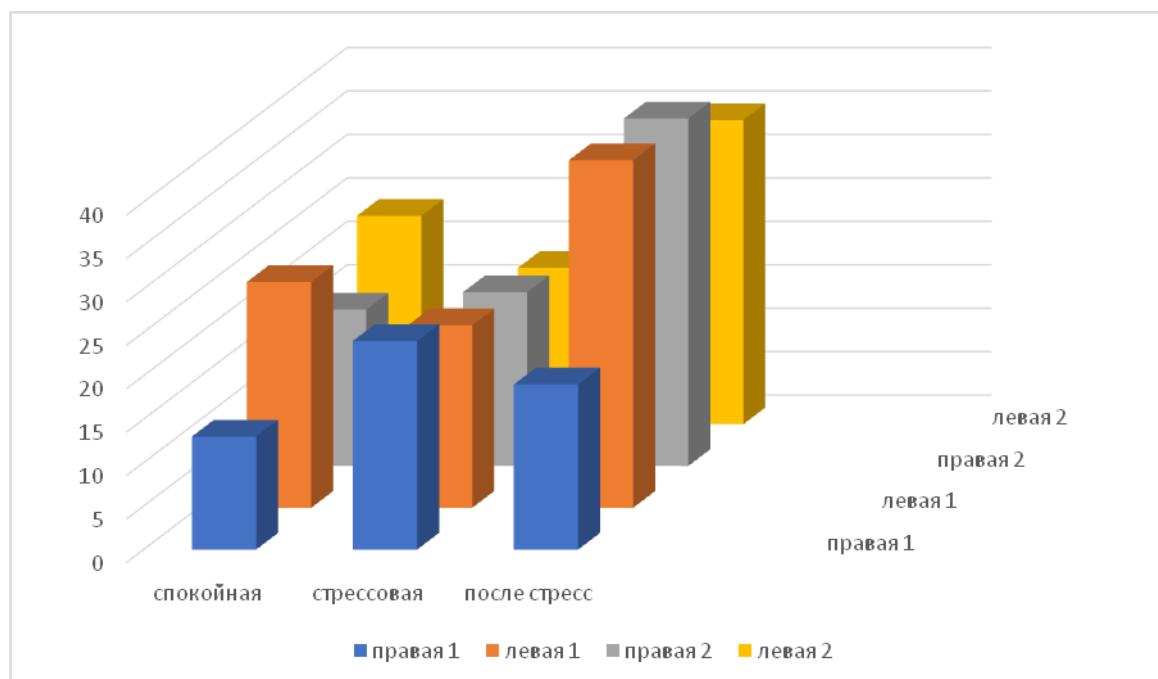
На диаграмме полученные результаты представлены в графическом виде. Результаты первой попытки представлены под цифрой 1, второй — под цифрой 2. Как видно из рисунка, высокая точность воспроизведения обеспечивается в ситуации спокойного бодрствования. В стрессовой и «послестрессовой» ситуации точность воспроизведения уменьшается, ошибка воспроизведения увеличивается. Точность воспроизведения образца левой рукой как наиболее высокая в стрессовой ситуации снижается в ситуации после пережитого стресса и, наконец, достигает своего максимума в ситуации спокойного бодрствования. Точность воспроизведения правой рукой, наоборот, в состоянии спокойного бодрствования максимальная, однако снижается в состоянии после пережитого стресса, и в состоянии психоэмоционального напряжения ошибка воспроизведения правой, ведущей, рукой максимальная.

Компаративный анализ результатов первой и второй попыток испытуемых в стрессовой ситуации выявил их унификацию в стрессовой ситуации и повторной попытке непосредственно после пережитого стресса. В ситуации спокойного бодрствования в повторной попытке точность воспроизведения ухудшается. Иными словами, точность воспроизведения в первой попытке правой рукой во всех экспериментальных ситуациях оказалась наиболее приближенной к заданному образцу.

Особенности распределения результатов использования правой и левой руки в попытках 1 и 2 оказались разными. Результаты «правой руки» были ожидаемыми: чем выше напряженность ситуации, тем выше ошибка воспроизведения образца в попытке 1. При повторном воспроизведении образца (попытка 2) в ситуации спокойного бодрствования и после психоэмоционального напряжения точность воспроизведения снижалась. В исследовании были конкретизированы «средние значения», результаты по пробам 1–3. Результаты «левой руки» оказались менее предсказуемыми. Во-первых, распределение результатов относительно левой руки в обеих попытках были сходными, в отличие от результатов относительно правой руки. Во-вторых, ошибка воспроизведения образца левой рукой значительно превышает ошибку такового правой рукой, причем испытуемые это не осознают. В-третьих, ошибки воспроизведе-

ния образца левой и правой рукой как бы сближаются при воспроизведении образца в состоянии напряжения. Иными словами, точность

воспроизведения снижается в ситуации, способствующей «активации» образной сферы обучающегося (левая рука, правое полушарие).

*Результаты испытуемых: точность воспроизведения образца
The results of the test subjects: the accuracy of reproduction of a sample*

Заключение

В ходе проведенного исследования было установлено, что ситуация обучения, сопровождаемого психоэмоциональным возбуждением обучающегося, снижает тензометрическую точность его восприятия. Обучающиеся не осознают ошибки воспроизведения и полагают, что они точно воспроизводят заданный образец.

Компаративное соотнесение результатов, полученных при действии правой и левой рукой, выявило, что характер их распределения разный. Эмоциональное напряжение снижает тензометрическую точность воспроизведения. В связи с этим закономерным является вывод о том, что снижение психоэмоционального напряжения обучающихся в ходе учебно-воспитательного процесса повышает эффективность обучения.

Перенос навыков с одной руки на другую не является «параллельным копированием». Психоэмоциональное состояние, являясь, в свою очередь, также навыком, встраивается в этот

ряд, трансформируя точность перцепции и воспроизведения образцов восприятия.

Установленные в исследовании особенности трансформации ошибки воспроизведения образца правой и левой рукой испытуемым могут быть использованы в диагностике психоэмоциональных состояний.

Список литературы

- Березина Т.Н. Эмоционально обонятельный язык бессознательных коммуникаций в процессе человеческого общения // Национальный психологический журнал. 2013. № 4(12). С. 20–30. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2013.0403>
- Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
- Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 247 с.
- Запорожец А.В. Избранные психологические труды. Т. 1: Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986. 320 с.
- Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологиче-

ский журнал. 2016. № 62. С. 18–37. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>

Лупенко Е.А. Интермодальное сходство как результат категоризации // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2, № 2. С. 84–103.

Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальное развитие человека. М.: Смысл, 2011. 368 с.

Полякова И.В. Психологические аспекты физической активности: точность восприятия // Совершенствование системы физического воспитания, спортивной тренировки, туризма и оздоровления различных категорий населения: материалы XV ЮБ. Всеросс. с междунар. участием науч. конф. / под ред. С.И. Логинова, Н.В. Пешковой. Сургут: Дефис, 2016. С. 251–253.

Полякова И.В. Тензометрическое исследование особенностей функционирования перцептивной и эмоциональной сфер обучающегося // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 188–193 DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-188-193>

Хохлова Л.А. Психофизиологические предпосылки способностей к овладению иностранными языками: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 41 с.

Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. СПб.: Питер, 2003. 928 с.

Duckworth A.L., Yeager D.S. Measurement Matters: Assessing Personal Qualities Other Than Cognitive Ability for Educational Purposes // Educational Research. 2015. Vol. 44, iss. 4. P. 237–251. DOI: <https://doi.org/10.3102/0013189x15584327>

Kirby K.M., Pillai S.R., Carmichael O.T., Van Gemmert A.W.A. Brainfunctional differences in visuo-motor task adaptation between dominant and non-dominant hand training // Experimental Brain Research. 2019. Vol. 237, iss. 12. P. 3109–3121. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00221-019-05653-5>

Kumar S., Mandal M.K. Bilateral transfer of skill in left- and right-handers // Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition. 2005. Vol. 10, iss. 4. P. 337–344. DOI: <https://doi.org/10.1080/13576500442000120>

Leonova A.B., Kuznetsova A.S., Barabanshchikova V.V. Job specificity in human functional state optimization by means of self-regulation training // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 86. P. 29–34. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.520>

Получена: 20.09.2021. Доработана после рецензирования: 25.11.2021. Принята к публикации: 29.11.2021

References

Berezina, T.N. (2013). [Social creativity and social intelligence in the structure of general abilities]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 4(12), pp. 20–30. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2013.0403>

Duckworth, A.L. and Yeager, D.S. (2015). Measurement matters: Assessing personal qualities other than cognitive ability for educational purposes. *Educational Research*. Vol. 44, no. 4, pp. 237–251. DOI: <https://doi.org/10.3102/0013189x15584327>

Khokhlova, L.A. (2017). *Psikhofiziologicheskie predposylki sposobnostey k ovladeniyu inostrannymi yazykami: avtoref. dis. ... d- ra psikhol. nauk* [Psychophysiological prerequisites for the ability to master foreign languages: Abstract of PhD. dissertation]. Moscow, 41 p.

Kirby, K.M., Pillai, S.R., Carmichael, O.T. and Van Gemmert, A.W.A. (2019). Brain functional differences in visuo-motor task adaptation between dominant and non-dominant hand training. *Experimental Brain Research*. Vol. 237, iss. 12, pp. 3109–3121. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00221-019-05653-5>

Kumar, S. and Mandal, M.K. (2005). Bilateral transfer of skill in left- and right-handers. *Laterality: Asymmetries of Body, Brain and Cognition*. 2005. Vol. 10, iss. 4, pp. 337–344. DOI: <https://doi.org/10.1080/13576500442000120>

Leonova, A.B., Kuznetsova, A.S. and Barabanshchikova, V.V. (2013). Job specificity in human functional state optimization by means of self-regulation training. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 86, pp. 29–34. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.08.520>

Leont'ev, D.A. (2016). [Autoregulation, resources, and personality potential]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 62, pp. 18–37. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>

Lupenko, E.A. (2009). [Intermodal similarity as a result of categorization]. *Eksperimental'naya psichologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 2, no. 2, pp. 84–103.

Moskvin, V.A. and Moskvina, N.V. (2011). *Mezhdopolusharnye asimmetrii i individual'noe razvitiye cheloveka* [Technologies and methods for determining the composition of the human body]. Moscow: Smysl Publ., 368 p.

Polyakova, I.V. (2016). [Psychological aspects of physical activity: perception accuracy]. *Sovershenstvovanie sistemy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoy treningovki, turizma i ozdorovleniya razlichnykh kategorii naseleniya: Materialy XV Yu-*

bileynoy Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoy konferentsii [Improving the System of Physical Education, Sports Training, Tourism and Rehabilitation of Various Categories of the Population: Proceedings of the 15th Anniversary All-Russian scientific conference with international participation]. Surgut: Defis Publ., pp. 251–253.

Polyakova, I.V. (2019). [Tensometric study of the functioning of the perceptual and emotional spheres of the student]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 19, iss. 2, pp. 188–193. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-188-193>

Schiffman, H.R. (2003). *Oschuschenie i vospriyatiye* [Sensation and perception]. St. Petersburg: Piter Publ., 928 p.

Vekker, L.M. (1998). *Psikhika i real'nost'*. *Edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov* [The psyche and reality. Unified theory of mental processes]. Moscow: Smysl Publ., 685 p.

Velichkovskiy, B.M., Zinchenko, V.P. and Luriya, A.R. (1973). *Psichologiya vospriyatiya* [Psychology of perception]. Moscow: Moscow University Publ., 247 p.

Zaporozhets, A.V. (1986). *Izbrannye psichologicheskie trudy. T. 1: Psikhicheskoe razvitiye rebenka* [Selected psychological works. Vol. 1: Mental development of the child]. Moscow: Pedagogika Publ., 320 p.

Received: 20.09.2021. Revised: 25.11.2021. Accepted: 29.11.2021

Об авторе

Полякова Ирина Вадимовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии

Смоленский государственный университет,
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4;
e-mail: alisapolyak2810@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2054-4390>
ResearcherID: AFS-5304-2022

About the author

Irina V. Polyakova

Candidate of Psychology, Associate Professor
of the Department of General Psychology

Smolensk State University,
4, Przhevalska st., Smolensk, 214000, Russia;
e-mail: alisapolyak2810@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2054-4390>
ResearcherID: AFS-5304-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Полякова И.В. Психологические особенности точности воспроизведения заданного образца в различных психоэмоциональных состояниях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 159–166. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-159-166

For citation:

Polyakova I.V. [Psychological features of the accuracy of reproduction of a given sample in various psychoemotional states]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 159–166 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-159-166

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.34:27–34

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-167-174

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЫХ МУЖЧИН МУСУЛЬМАН ИЗ СТРАН СНГ КАК ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КАЗАНЬ)

Липатова Татьяна Николаевна

Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань)

Рассматривается феномен религиозной идентичности молодых мигрантов-мусульман, проживающих в городе Казани. Автор исходит из позиции, что религиозная идентичность представляет собой трансформирующийся феномен, подверженный влиянию как личного опыта индивида, так и исторических факторов и социальных изменений. В качестве значимого фактора трансформации религиозной идентичности индивида выступает миграция. В исследовании процессов, происходящих в структуре религиозной идентичности мигрантов-мусульман, автор опирается на работу Л. Пик в контексте мусульманских общин в Северной Америке, выделяя три формы религиозной идентичности, последовательно сменяющих друг друга, — приписываемую, избранную и декларируемую, когда на каждом этапе религиозность становится более глубокой, а исполнение религиозных практик более осознанным. На основе зарубежной методологии автором проведено качественное исследование методом глубинного интервью, целью которого явилось выявление основных стадий трансформации религиозной идентичности мигрантов-мусульман, проживающих в Татарстане. В ходе исследования было установлено, что трансформация религиозной идентичности молодых мигрантов-мусульман, проживающих в Казани, также проходит следующие стадии — приписываемую, избранную и декларируемую, когда первая обеспечивается первичной социализацией в среде с подавляющим большинством населения, исповедующего ислам, и воспринимается как нечто само собой разумеющееся, не вызывая вопросов и рефлексии, вторая — по мере взросления индивида, трансформируясь из приписанной под воздействием рефлексии, влияния внешнего окружения и личного выбора, третья — в связи с эмиграцией в условиях нового принимающего общества — и может иметь как характер отрицания, так и ярко выраженного утверждения собственной религиозности, претерпевая относительно небольшие изменения в течение жизни человека.

Ключевые слова: религиозная идентичность, приписываемая религиозная идентичность, избранная религиозная идентичность, декларируемая религиозная идентичность, ислам, мусульмане, мигранты

RELIGIOUS IDENTITY OF YOUNG MUSLIM MALES FROM THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES AS A TRANSFORMING PHENOMENON (A CASE STUDY OF THE CITY OF KAZAN)

Tatyana N. Lipatova

Center of Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

The article examines the phenomenon of religious identity of young Muslim migrants in the city of Kazan. The study is based on a premise that religious identity is a transforming phenomenon influenced by personal experience, historical factors, and social changes. Among these, migration appears to be a signif-

icant factor in the transformation of religious identity of individuals. In the study of Muslim migrants' identity transformation processes the author rests upon the work of L. Peek distinguishing three forms of religious identity: ascribed, chosen, and declared. Each form of identity replaces the previous when religiosity becomes deeper and the implementation of religious practices becomes more conscious. Based on foreign methodology, the author of the article carried out qualitative research in the city of Kazan using in-depth interviews to identify key stages in the transformation of young Muslim migrants' religious identity — ascribed, chosen, and declared. The first is formed during primary socialization in an environment with the majority of the population practising Islam and is taken for granted, not causing questions and reflection; the second is formed as the individual grows up, transforming from the ascribed identity under the influence of reflection, the external environment, and personal choice; the third is formed as a result of emigration and can undergo relatively small changes during the person's life.

Keywords: religious identity, ascribed religious identity, chosen religious identity, declared religious identity, Islam, Muslims, migrants.

Религиозная идентичность как трансформирующийся феномен

Вопреки более раннему пониманию идентичности как явления фиксированного и неизменного сегодня феномен идентичности чаще признается развивающимся процессом «становления», а не просто «бытия» [Dillon M., 1999, p. 250]. Как отмечает С. Холл, «возможно, вместо того, чтобы думать об идентичности как уже о чем-то свершившемся, способном находить свое выражение в культурных практиках, мы должны думать о ней как о “производстве”, которое никогда не бывает законченным, всегда находится в процессе и формируется во внутренних структурах личности» [Hall S., 1990, p. 222]. Описывая изменчивый характер религиозной идентичности, С. Холл подчеркивает, что «мы не можем с какой-либо точностью говорить об “одном опыте, одной идентичности”, не признавая ее другой стороны — разрывов и изменений. Культурная идентичность в этом втором смысле — это вопрос как “становления”, так и “бытия”, она принадлежит как будущему, так и прошлому. Это не то, что уже существует, но и то, что преодолевает место, время, историю и культуру. Культурная идентичность откуда-то берется, у нее есть история. Но, как и все историческое, они постоянно трансформируются. Далекие от того, чтобы быть вечно закрепленными в неотъемлемом прошлом, идентичности подвержены непрерывной “игре” истории, культуры и власти» [Hall S., 1990, p. 225].

Важным элементом в понимании социальных идентичностей является вопрос преемственности, посредством которой те или иные формы идентичности связаны во времени

[Alwin D. et al., 2006, p. 534]. Большинство идентичностей, формирующихся в раннем детстве, остаются достаточно стабильными в течение всей жизни. Хотя гендерная, религиозная и политическая идентичности берут свои корни в период становления личности, считается, что данные типы идентичностей в основном формируются в подростковом и юношеском возрасте, глубоко укореняются и поэтому достаточно стабильны в течение всей человеческой жизни. Такие идентичности могут быть подвержены влиянию исторических факторов и социальных изменений. Что касается религиозной идентичности, то исследователи так называемого, «религиозного переключения» утверждают, что, однажды сформировавшись, она претерпевает относительно небольшие изменения в течение человеческой жизни [Alwin D. et al., 2006, p. 534; Sherkat D.E., 2001, p. 1466].

В работе «Идентичность и сакральность» Х. Мол высказывает точку зрения, что «семья конструирует идентичность, а религия сакрализует ее». Благодаря влиянию и примеру родителей у ребенка формируются мировоззрение и нормы социального взаимодействия, в то время как священные коды защищают идентичность от угроз, способных возникнуть при изменении структуры семьи и общества. Следовательно, такие вещи, как обряды посвящения, служат приемами, позволяющими избавиться от старой идентичности в ключевых моментах жизненного цикла, в то же время открывая и закладывая основы для новой идентичности. Таким образом, идентичность редко бывает статичным явлением, постоянно формируясь и развиваясь в непрерывном процессе самоопределения [Mol H., 1976, p. 137].

Одним из значимых факторов трансформации религиозной идентичности индивида выступает миграция. Л. Пик в работе, посвященной изучению процессов, связанных с изменениями в структуре религиозной идентичности мигрантов-мусульман во втором поколении западного происхождения в контексте мусульманских общин в Северной Америке, выделяет три формы религиозной идентичности, последовательно сменяющих друг друга — приписываемую, избранную и декларируемую. Исследование Л. Пик показало, что в течение жизни религиозная идентичность мигрантов-мусульман, проживающих в Америке, последовательно приобретает каждую из форм, при этом религиозность становится более глубокой, а исполнение религиозных практик более осознанным [Peek L., 2005, 2011].

Согласно Л. Пик, на первом этапе формирования приписываемой идентичности религия воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как аспект индивидуальной и социальной сущности — положительный или отрицательный [Peek L., 2005, р. 223]. На втором этапе в ходе развития избранной идентичности часто после долгой саморефлексии, а также при поддержке друзей и родственников индивид решает сознательно принять свою религиозную идентичность, что иногда происходит и при исключении других основных идентичностей, таких как этническая и национальная [Peek L., 2005, р. 226]. На третьем этапе, как выяснилось в исследовании Л. Пик, актуализация декларируемой религиозной идентичности является следствием трагических событий 11 сентября 2001 г., когда большинство опрошенных мусульман пришли к выводу, что в это время жизненно важно как укрепить, так и отстоять свою идентичность, чтобы сохранить позитивное самовосприятие, скорректировав общественные заблуждения [Peek L., 2005, р. 230; 2011].

Представленная Л. Пик модель формирования религиозной идентичности основана на трех общих предположениях: 1) идентичность приобретается в процессе социального развития; 2) продолжительность прохождения той или иной стадии варьируется индивидуально; 3) представленная модель может быть применима лишь к определенной группе людей в конкретном социальном и историческом контексте и не является универсальной для всех мигрантов-мусульман [Peek L., 2005, р. 223].

Цель данной статьи заключается в выявлении и описании основных стадий трансформации религиозной идентичности мигрантов-мусульман, проживающих в Татарстане, когда приписываемая религиозная идентичность формируется в ходе первичной социализации на родине, избранная религиозная идентичность актуализируется в период взросления индивида независимо от места проживания, декларируемая религиозная идентичность является результатом опыта эмиграции, и ее становление, как правило, происходит в новой среде принимающего общества.

Методология исследования

Исследование носит качественный характер с применением метода глубинного интервью, что позволило рассмотреть религиозную идентичность прежде всего как процесс, в основном осуществляющийся при определенных обстоятельствах. В качестве объекта исследования выступили мигранты-мусульмане, проживающие в Республике Татарстан, первичная социализация которых происходила на родине в таких странах СНГ, как Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан. Подавляющее большинство населения в перечисленных государствах исповедует ислам: в Казахстане мусульманами являются 71 % населения, в Кыргызстане и Таджикистане — свыше 80 %, в Туркменистане — 87 %, в Узбекистане — 96,5 %, в Азербайджане — 96 % [Гарбузарова Е.Г., 2019, с. 24]. Все они, как и мусульмане Татарстана, кроме азербайджанцев, являющихся шиитами, исповедуют суннизм ханафитского мазхаба. Высокую религиозность мигрантов подтверждают и данные исследований: согласно опросу студентов из стран Центральной Азии, обучающихся в Татарстане, «все считают себя верующими людьми и мусульманами» [Габдрахманова Г.Ф. и др., 2017, с. 61].

Данные были собраны в ходе проведения 12 глубинных интервью с мусульманами-мигрантами (мужчинами) в городе Казани в возрасте 18–30 лет. Все участники родились в странах СНГ и иммигрировали в Республику Татарстан в подростковом или молодом возрасте (15–25 лет). Выборка целевая, критерии отбора: статус мигранта, прожившего в городе Казани не более 5 лет, знание русского языка, а также высокая религиозная активность в испо-

ведении ислама, что подразумевает включение в религиозные практики на территории города Казани. В качестве таких практик были выбраны коллективные пятничные (джума-намаз) молитвы. Поскольку посещение женщинами мечетей не является доктринальной обязанностью, основной контингент прихожан мечетей Казани составляют мужчины (порядка 95 % посещающих мечети для совершения пятничной молитвы). Другим важным критерием отбора респондентов явился пятилетний период проживания в Казани, являющийся наиболее сложным для приезжих, поскольку связан с трудностями адаптации, интеграции, а также трансформационными процессами в структуре идентичности. Возрастная характеристика исследуемых обоснована наличием среди религиозно активных мусульман, прибывших из стран СНГ в Казань не более 5 лет назад, максимальной доли представителей возрастной группы 18–24 года (более 40 %)¹.

Результаты исследования

Присыпаемая религиозная идентичность развивается в ходе первичной социализации в детском и подростковом возрасте. Поскольку большинство респондентов выросли в мусульманских семьях, религия для них выступает в качестве характеристики личности и социального мира. Как правило, на этом первом этапе развития идентичности, в детстве, значение словосочетания «быть мусульманином» критикуется крайне редко, поскольку религиозная принадлежность воспринимается как должное, будучи частью повседневной жизни. В то время как большинство взрослых обладает способностью выбирать и, следовательно, отставать различные социальные и индивидуальные идентичности, дети с большей вероятностью будут придерживаться установленных идентичностей [Adams G.R., Marshall S.K., 1996, p. 431]. Действительно, большинство участников не рассматривали вопросов идентичности в детстве, поскольку были «такими же детьми, как и все», которые просто «делали то, что им говорили родители» [Peek L., 2005, p. 224].

Люди воспринимают и усваивают нормы, ценности и модели поведения, когда видят их на примере своих родителей, сверстников и

других задолго до того, как они понимают их рационально. Эта форма социализации описывается А. Свидлер в культуре как репертуар способностей, на основе которого могут быть построены различные стратегии действий. Даже если люди не принимают во внимание влияния или диктата культуры, она по-прежнему обеспечивает ритуалы и традиции, которые регулируют модели власти, сотрудничества и взаимодействия [Swidler A., 1986, p. 284]. Исходя из исследования Л. Пик, хотя молодые мигранты чаще всего сообщают о том, что на первом этапе развития идентичности они не проявляли самоанализа в отношении своего религиозного происхождения, их поведение, включая соблюдение обычаев, требуемое их родителями, как, например, ношение скромной одежды или посещение религиозных уроков в мечети, отражали их мусульманскую религиозную идентичность независимо от того, понимали ли они в детстве, почему делают такие вещи, или нет [Peek L., 2005, p. 224].

Участники исследования, проведенного автором, также отмечают неосознанный характер принятия и исполнения религиозных практик в детстве. Из интервью: *И. [интервьюер]: «Расскажите, как Вы пришли в ислам».*

Р. [респондент]: «Это у нас семейное, по крайней мере, у нас в Таджикистане такого нет, чтобы как-то прийти в религию, нет наследия. Просто видел, как родители перед едой молятся, проснулся, уснул, это для нас не просто религия, это норма воспитания, для нас это образ жизни» (таджик, 25 лет); *«Это просто и естественно как ребенок начинает ходить и говорить. Когда ты видишь, что родители молятся перед едой, перед делом обращаются к Богу, есть такие моменты, и ты потом сам начинаешь изучать, понимать, учить»* (узбек, 22 года); *«С малых лет дети знают уже суры из Корана. Ну, это как знать алфавит, и не знать хотя бы несколько сур для нас это удивительным становится»* (таджик, 21 год); *«У меня в моей семье не было такого, чтобы кто-то заставлял или кто-то принудительно к чему-то приводил. У нас в семье так было, что сам приходит со временем потихоньку, когда поймет»* (киргиз, 20 лет).

Таким образом, присыпаемая религиозная идентичность на стадии своего становления и начального развития не выделяется как элемент

¹ По данным исследований, проведенных ЦИИ АН РТ.

той или иной структуры и не осознается объектом для анализа.

Избранная религиозная идентичность актуализируется в период взросления индивида. По мере взросления у детей начинает развиваться более конкретное понимание своей религиозной идентичности [Erikson E., 1963; Parks S., 1986]. Так, участники исследования Л. Пик сообщали, что, становясь старше, они стали рассматривать религию не как бесспорную, приписываемую характеристику, а как избранную, часто упоминая те или иные факторы, которые привели к выбору в первую очередь быть идентифицированными как мусульмане, будь то поступление в новое учебное заведение, приобретение новых друзей и нового круга общения, приобщение к религиозным и социальным институтам и сообществам.

Становление интроспективности и большей осведомленности о ценностях, целях и убеждениях — нормальная часть человеческого развития. В исследовании Л. Пик некоторые из респондентов считали «вполне естественным» то, что по мере взросления они начинают задумываться о более важных жизненных вопросах и своем религиозном происхождении и, следовательно, пересматривают этот аспект своей личности [Peek L., 2005, p. 227].

В нашем исследовании респонденты также нередко заявляли, что осознанию собственной религиозности в значительной степени способствовало персональное взросление и развитие. Из интервью: «Понимание тонкостей и всей сути — это уже в зрелом возрасте, уже чуть попозже, когда ты начинаешь понимать, почему ты в это веришь. Почему ты начинаешь идти к этому, почему для тебя религия — это ислам. Потому что с детства это все с радостью принималось, и не было никакого принуждения. Это все автоматически, а потом уже ты начинаешь понимать, что, после чего идет, потом уже логическая цепочка выстраивается» (таджик, 25 лет); «Потом со временем, когда ты уже сам читаешь Коран на русском, например, или перевод, или смысловой перевод, ты понимаешь, что те вещи, которые написаны там, они тебе нужны не только для религии, для веры, а просто жить» (узбек, 22 года); «Вот элементарно, тот же самый намаз, то есть, когда ты приклоняешься, это та самая физкультура, которая заставляет двигаться все мышцы тела. То есть, если брать вещи с научной

стороны, ты понимаешь, что вот с утра ты совершаешь намаз утренний, то есть это определенный вид зарядки, в обед, потом вечером» (таджик, 20 лет); «Для меня и для моей семьи религия внутри, это не должно быть так, ты читаешь намаз или нет — ай-я-яй, это кому-то говорить, нет. Это все внутри, и это приходит со временем, да мы с детства это все приняли, мы понимаем, но полностью принять это нужно самому человеку, это происходит со временем само собой» (киргиз, 24 года).

Декларируемая религиозная идентичность. Поскольку формирование религиозной идентичности — это динамичный и непрерывный процесс, а сама религиозная идентичность не является явлением статичным, то ее декларация будет являться естественным этапом развития. Устойчивость религиозной идентичности формируется под влиянием рефлексии и самосознания и является результатом индивидуального выбора и признания других. Границы религиозной идентичности конструируются как изнутри, так и снаружи в ответ на внутренние конфликты и выбор, а также на внешнее давление и награды. Религиозная идентичность в конечном итоге — это так называемая, «достигнутая идентичность» [Warner R.S., 1993, p. 1076] , которую можно подтверждать или отрицать.

Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что декларируемая религиозная идентичность формируется скорее как результат опыта эмиграции в условиях принимающего общества и может иметь как характер отрицания, так и ярко выраженные утверждение и манифестацию.

Признание собственной религиозности молодые люди часто связывают с переездом в Казань. Этому способствует и развитая религиозная инфраструктура города, в частности, большое количество мечетей и доступность халиль-питания, т.е. отсутствие затруднений в осуществлении своей религиозной жизни, и, как следствие, актуализация религиозной идентичности.

Из интервью: И.: «Как Вы считаете, Вы стали более религиозным за время проживания в Татарстане?»

Р.: «Считаю, да, я стал более религиозным. Во-первых, я сам изменился и вырос, и мое отношение к религии стало более осознанным. Я уже совершеннолетний, более адекватный, более понимающий и принимающий» (таджик, 25

лет). В ходе принятия и декларации собственной религиозности приходит понимание, что основой религиозной веры является прежде всего нравственно-этическая составляющая, нежели обрядовая: «Религия — это внутри, сама религия внутри, каждый человек сам должен понимать и осознавать, что он нарушает, а что не нарушает. А что для меня что-то надо, надо на самом деле много, что делать, но не все получается так, как бы хотелось. Это все приходит со временем. Со временем я понимал, что каждый раз надо читать намаз, я и сейчас не все пять раз читаю намаз, но со временем приходит понимание, что надо делать, читать, соблюдать, приходит ответственность» (туркмен, 22 года). На стадии декларации религиозной идентичности происходит принятие своего жизненного пути, траекторий его развития, осознание индивидом собственной сформированной личности: «По себе, да, хотелось бы более строго соблюдать некоторые моменты, потому что каждый мусульманин, который понимает, то, что он мусульманин, он знает, что будет судный день, судное воскресенье и все встанут перед Аллахом, и там уже будут другие вопросы и другие ответы. Зная этот момент, ты испытываешь богобоязненность, и ты понимаешь, чем дальше ты идешь к тому, чтобы соблюдать все правила, тем хуже тебе станет в тот день. Потому что главная жизнь — это жизнь не в этом мире, а в том мире. То есть, каждый день ты об этом думаешь, и понимаешь, что ты сам себе хуже делаешь, и все» (таджик, 22 года); «Я не могу понять тех людей, которые говорят, что ты должен это делать, и то, ты же мусульманин. Человек должен понять, что ему мешает только он сам. Люди любят на кого-то повесить причину. Пока человек сам не поймет, что это твои же проблемы, тебе же надо, ты сам сделаешь. Если человек перекладывает свои проблемы, значит, человек еще не вырос, он в детстве, вот и все» (узбек, 19 лет).

Как отмечает Н. Аммерман, принятие религиозной идентичности в качестве основной — это вопрос выбора, а не детерминизма [Ammerman N.T., 2003, p. 207]. Религиозная идентичность в большинстве случаев пересиливает любые другие приписываемые или достигнутые статусы, которые могут ей противоречить. Кроме того, исследования подтверждают, что иерархия значимости идентичности

может меняться со временем, поскольку люди по мере взросления становятся более или менее приверженными определенной идентичности. Из интервью: И.: «Скажите, а Вы кем себя прежде всего ощущаете — мусульманином, представителем своей национальности, гражданином России [среди опрошенных были мигранты, получившие российское гражданство], как Вы себя можете охарактеризовать, кто Вы, прежде всего?»

Р.: «Очень интересный вопрос. Человек» (таджик, 25 лет).

И.: «А религия важное место занимает в Вашей жизни? Вот Вы человек, мужчина, а дальше, кто Вы будете?»

Р.: «Мусульманин, да одна из первых строчек. Потому что религия — это все, учитывая, что с детства это все закладывалось, и во взрослой жизни я это все полностью принял, осознанно я понимаю, то, что это было правильное решение, да одна из лидирующих позиций — это мусульманин» (тот же респондент).

И.: «А дальше после мусульманина, что Вы можете сказать, Вы будете таджиком или все-таки что-то другое?»

Р.: «Таджик, таджик — корни, потому что без нашего прошлого я никто» (тот же респондент).

И.: Скажите, а Вы кем себя, прежде всего, ощущаете — мусульманином, представителем своей национальности, мигрантом, как Вы себя можете охарактеризовать, кто Вы, прежде всего?

Р.: Я, прежде всего, туркмен. Потом мусульманин (туркмен, 20 лет).

Таким образом, в структуре идентичности религиозная идентичность не всегда будет занимать лидирующую позицию, это зависит не столько от факта ее формирования или неформирования (подтверждения/отрицания), сколько от значимости для индивида, а также степени ее актуализации.

Заключение

Религиозная идентичность молодых мигрантов-мусульман, проживающих в Казани, не является статичным феноменом, подвержена изменениям под воздействием личного опыта или значимых социальных изменений и проходит несколько стадий своего развития и трансформации — приписываемую, избранную и декларируемую. Приписываемая религиозная идентич-

ность развивается в ходе первичной социализации молодых мусульман на своей родине и воспринимается как нечто само собой разумеющееся, не вызывая вопросов и рефлексии. Избранная религиозная идентичность актуализируется в период взросления независимо от места проживания, трансформируясь из приписанной под воздействием рефлексии, влияния внешнего окружения и личного выбора. Декларируемая религиозная идентичность может формироваться как результат опыта эмиграции в условиях принимающего общества и иметь как характер отрицания, так и ярко выраженное утверждения собственной религиозности. Третья стадия религиозной идентичности как результат миграции является следствием кризиса идентичности, когда увеличивается напряжение между старыми и новыми ценностями и смыслами, что на начальной стадии миграции чаще всего является следствием аккультурационного стресса.

Религиозная идентичность может занимать лидирующую позицию в структуре иерархии идентичностей приезжих молодых мужчин мусульман, где ее место со временем может меняться под влиянием как личного опыта, так и социальных процессов, в том числе миграции.

Список литературы

Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Кораблева Н.И. Студенты из государств Центральной Азии в Татарстане: мотивация, адаптация, жизненные планы // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 58–63.

Гарбузарова Е.Г. Ислам в государствах Центральной Азии в современный период // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 2. С. 22–31. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-22-31>

Adams G.R., Marshall S.K. A developmental social psychology of identity: Understanding the person-in-context // Journal of Adolescence. 1996. Vol. 19, iss. 5. P. 429–442. DOI: <https://doi.org/10.1006/jado.1996.0041>

Alwin D.F., Felson J.L., Walker E.T., Tufis P.A. Measuring religious identities in surveys // International Journal of Public Opinion Quarterly. 2006. Vol. 70, iss. 4. P. 530–564. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfl024>

Ammerman N.T. Religious identities and religious institutions // Handbook of the Sociology of Religion / ed. by M. Dillon. N.Y.: Cambridge University Press,

2003. P. 207–224. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511807961.016>

Dillon M. Catholic identity: Balancing reason, faith, and power. N.Y.: Cambridge University Press, 1999. 300 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511752728>

Erikson E. Childhood and society. 2d ed. N.Y.: W.W. Norton, 1963. 445 p.

Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference / ed. by J. Rutherford. London, UK: Lawrence & Wishart, 1990. P. 222–237.

Mol H. Identity and the sacred: A sketch for a new-scientific theory of religion. Oxford, UK: Blackwell, 1976. 326 p.

Parks S. The critical years: Young adults and the search for meaning, faith, and commitment. N.Y.: Harper Collins, 1986. 245 p.

Peek L. Becoming Muslim: The development of a religious identity // Sociology of Religion. 2005. Vol. 66, iss. 3. P. 215–242. DOI: <https://doi.org/10.2307/4153097>

Peek L. Behind the backlash: Muslim Americans after 9/11. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2011. 230 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvrdf3dw>

Sherkat D.E. Tracking the restructuring of American religion: Religious affiliation and patterns of religious mobility, 1973–1998 // Social Forces. 2001. Vol. 79, iss. 4. P. 1459–1493. DOI: <https://doi.org/10.1353/sof.2001.0052>

Swidler A. Culture in action: Symbols and strategies // American Sociological Review. 1986. Vol. 51, no. 2. P. 273–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095521>

Warner R.S. Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98, no. 5. P. 1044–1093. DOI: <https://doi.org/10.1086/230139>

Получена: 24.07.2021. Доработана после рецензирования: 26.01.2022. Принята к публикации: 05.02.2022

References

Adams, G.R. and Marshall, S.K. (1996). A developmental social psychology of identity: Understanding the person-in-context. *Journal of Adolescence*. Vol. 19, iss. 5, pp. 429–442. DOI: <https://doi.org/10.1006/jado.1996.0041>

Alwin, D.F., Felson, J.L., Walker, E.T. and Tufis, A. (2006). Measuring religious identities in surveys. *International Journal of Public Opinion Quarterly*. Vol. 70, iss. 4, pp. 530–564. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfl024>

- Ammerman, N.T. (2003). Religious identities and religious institutions. *M. Dillon (ed.) Handbook of the Sociology of Religion*. New York: Cambridge University Press, pp. 207–224. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511807961.016>
- Dillon, M. (1999). *Catholic identity: Balancing reason, faith, and power*. New York: Cambridge University Press, 300 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511752728>
- Erikson, E. (1963). *Childhood and society*. 2d ed. New York: W.W. Norton Publ., 445 p.
- Gabdakhmanova, G.F., Sagdieva, E.A. and Korableva, N.I. (2017). [Students from Central Asian in Tatarstan: motivation, adaptation, life plans]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 58–63.
- Garbuzarova, E.G. (2019). Islam in the states of Central Asia nowadays. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Vol. 10, no. 2, pp. 22–31. DOI: <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-22-31>
- Mol, H. (1976). *Identity and the sacred: A sketch for a new-scientific theory of religion*. Oxford, UK: Blackwell Publ., 326 p.
- Parks, S. (1986). *The critical years: Young adults and the search for meaning, faith, and commitment*. New York: HarperCollins Publ., 245 p.
- Peek, L. (2005). Becoming Muslim: The development of a religious identity. *Sociology of Religion*.
- Vol. 66, iss. 3, pp. 215–242. DOI: <https://doi.org/10.2307/4153097>
- Peek, L. (2011). *Behind the backlash: Muslim Americans after 9/11*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 230 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvrd3dw>
- Hall, S. (1990). Cultural Identity and Diaspora. *J. Rutherford (ed.) Identity: Community, Culture, Difference*. London, UK: Lawrence & Wishart Publ., pp. 222–237.
- Sherkat, D.E. (2001). Tracking the restructuring of American religion: Religious affiliation and patterns of religious mobility, 1973–1998. *Social Forces*. Vol. 79, iss. 4, pp. 1459–1493. DOI: <https://doi.org/10.1353/sof.2001.0052>
- Swidler, A. (1986). Culture in action: Symbols and strategies. *American Sociological Review*. Vol. 51, no. 2, pp. 273–286. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095521>
- Warner, R.S. (1993). Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States. *American Journal of Sociology*. Vol. 98, no. 5, pp. 1044–1093. DOI: <https://doi.org/10.1086/230139>

Received: 24.07.2021. Revised: 26.01.22. Accepted: 05.02.2022

Об авторе

Липатова Татьяна Николаевна
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник

Центр исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан,
420111, Республика Татарстан, Казань,
ул. Лево-Булачная, 36а;
e-mail: talipatova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5755-486X>
ResearcherID: AAU-8260-2021

About the author

Tatyana N. Lipatova
Candidate of Sociology, Senior researcher
Center of Islamic Studies
of the Tatarstan Academy of Sciences,
36a, Levo-Bulachnaya st., Kazan,
Republic of Tatarstan, 420111, Russia;
e-mail: talipatova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5755-486X>
ResearcherID: AAU-8260-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Липатова Т.Н. Религиозная идентичность молодых мужчин мусульман из стран СНГ как трансформирующийся феномен (на примере города Казань) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 167–174. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-167-174

For citation:

Lipatova T.N. [Religious identity of young Muslim males from the Commonwealth of Independent States as a transforming phenomenon (a case study of the city of Kazan)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 167–174 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-167-174

УДК 316.334.56

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-175-185

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МОНОТЕРРИТОРИЙ ХАКАСИИ

Лушникова Ольга Леонидовна

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан)

Социально-экономическое развитие любой монотерритории главным образом зависит от жизни градообразующего предприятия, и именно это делает моногород уязвимым, особенно в кризисное время. В такие периоды в моногородах ухудшается социальное самочувствие населения, усиливаются протестные настроения, повышается социальная напряженность, что может привести к открытым формам конфликта. Основная проблема заключается в своевременном выявлении таких потенциально опасных очагов социального взрыва. По этой причине важно отслеживать изменения социальных настроений жителей этих территорий с целью определения и регулирования факторов социальной напряженности. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что социальные настроения жителей монотерриторий зависят от сложившейся социально-экономической ситуации: в моногородах со стабильным положением настроения более оптимистичные, в моногородах с наиболее сложной ситуацией — пессимистичные. Для оценки настроений в моногородах Хакасии был проведен опрос среди жителей этих территорий ($n = 1000$). Результаты подтвердили основную гипотезу исследования: действительно, в моногородах с наиболее сложным экономическим положением социальные настроения более упадочные. Об этом свидетельствуют негативные оценки своей жизни, низкая удовлетворенность, отсутствие перспектив улучшения, а также иждивенческая психология, которая выражается в ожидании помощи со стороны государства. В моногородах, пока только находящихся в зоне риска, несмотря на более напряженную ситуацию на рынке труда, социальные настроения оптимистичнее, что, возможно, связано с более привлекательными условиями жизни. Однако, согласно полученным результатам, более существенное влияние на социальное настроение оказывают не столько количественные показатели уровня жизни, сколько субъективные оценки своей жизни, что свидетельствует о важности не-экономических механизмов регулирования факторов социальной напряженности, которые могли бы быть более эффективными, особенно в кризисное время.

Ключевые слова: моногород, монотерритория, социальное настроение, градообразующее предприятие, Хакасия.

SOCIAL MOOD IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF KHAKASSIA

Olga L. Lushnikova

Khakass Research Institute for Language, Literature and History (Abakan)

The socio-economic development of any single-industry territory mainly depends on the prosperity of the city-forming enterprise, and this makes the city vulnerable, especially in crisis times. During such periods, social well-being of the population worsens, protest moods increase, social tension accrues, which can lead to open conflicts. The main problem lies in the timely detection of potentially dangerous hotbeds of social explosion. Therefore, it is important to monitor changes in the social moods for regulating the factors of social tension. As a hypothesis, it was suggested that the social moods of residents of single-industry territories depend on the current socio-economic situation: the mood is more optimistic in single-industry territories with a stable situation and is pessimistic in single-industry territories with a difficult situation. There was conducted a survey among the residents of single-industry territories of Khakassia

(n=1,000). The results confirmed the main hypothesis of the study. Social moods are more depressive in single-industry territories with the most difficult economic situation. This is evidenced by negative assessments given by the residents with regard to their life, low satisfaction, the lack of prospects for the situation to improve, and dependent psychology — the expectation of help from the state. Despite the tense situation on the labor market, social mood is more optimistic in single-industry territories only being at risk, which may be due to more attractive living conditions. However, the results show that subjective assessments have a more significant impact on social moods than quantitative indicators of living standards. It proves the importance of non-economic mechanisms for regulating the factors of social tension, which can be more effective, especially in times of crisis.

Keywords: single-industry town, single-industry territory, social mood, city-forming enterprise, Khakassia.

Постановка проблемы

По мнению исследователей, «многорода — *системы экономики*» [Гусев В.В., 2015, с. 8], они играют значимую роль в экономическом развитии страны. Но при этом сами территории находятся в депрессивном состоянии, что связано с безработицей, узкоспециализированным рынком труда, изношенностью социальной инфраструктуры, бедностью населения, плохой экологией и другими факторами. В кризисные периоды ухудшается социальное самочувствие населения, усиливаются протестные настроения, повышается напряженность, что может привести к открытым формам конфликта. Основная *проблема* заключается в своевременном выявлении таких потенциально опасных очагов социального взрыва. Как считают исследователи, это может проявляться в открытых акциях протеста, недовольстве существующей местной и федеральной властью, в падении доверия населения к социальным и политическим институтам страны [Маслова А.Н., 2011, с. 18]. Поэтому важно вовремя отслеживать изменения настроений жителей моногородов с целью регулирования факторов социальной напряженности. Нам представляется, что социальные настроения жителей монотерриторий зависят от сложившейся социально-экономической ситуации: в моногородах со стабильным положением настроения более оптимистичные, в моногородах с наиболее сложной ситуацией — пессимистичные. Это основная рабочая *гипотеза* исследования.

Теоретические основы исследования

Моногород представляет собой особый тип социальной организации, который характеризуется единством города и градообразующего предприятия, а также моноцентричным характером экономики, связанным с выполнением определен-

ной общественно значимой функции в макросистеме [Кашкина Л.В., 2017, с. 133]. Причем доказано, что развитие моногорода зависит от его отраслевой направленности: например, города, специализирующиеся на производстве электроэнергии, демонстрируют более высокий уровень экономического развития, чем «угольные» территории [Treller T., Kokot V., 2014, р. 18]. Особенностью моногородов является зависимость демографических показателей (например, рождаемости) от экономических факторов (например, от общего количества предприятий) [Боев В.М., 2010, с. 1960]. Иными словами, социальное развитие моногородов находится в сильной зависимости от жизни градообразующего предприятия. Именно этот фактор делает моногород социально «уязвимым», особенно в кризисные периоды. С переходом к рыночной экономике одни предприятия (и их немало) перешли в «частные руки» и постепенно избавились от социальных обязательств, передав объекты социальной сферы в муниципальное управление [Лиман И.А., Крамаренко М.В., 2014, с. 46]. Другие вследствие утраты значимых источников дохода начали сокращать социальные издержки [Мурзин А.Д., 2017, с. 15], что постепенно привело к изношенности инфраструктуры.

В зарубежной литературе существует распространенное представление о моногородах как удаленных территориях с ограниченными социальными и экономическими возможностями, которые являются уязвимыми к экономическому кризису из-за реструктуризации либо из-за истощения ресурсов [Hayter R., 2003, р. 290]. Используется специальный термин «company town», причем в негативном контексте [Stamm M., 2013, р. 264]. Исследователи подчеркивают, что такие города символизируют силу промышленного капитализма в эксплуатации

природных ресурсов и преобразовании общества как в его огромных амбициях, так и в его поразительной никчемности [Dinius O.J., Vergara A., 2011, р. 20].

В России монотерритории обеспечивают до 40 % ВВП страны, но по большей части они представляют собой *малоэффективную, индустриальную экономику* [Маслова А.Н., 2011, с. 23]. По данным исследований, уровень *реальной безработицы* в отдельных моногородах доходит до 30 %, в то время как средний уровень безработицы в России не превышает 7,0–7,5 % [Федотова Н.Е., 2009, с. 14]. Инфраструктура моногородов сильно изношена, остро стоит проблема комфортности проживания [Першина Т.А., Гоголева М.П., 2016, с. 51], на низком уровне находится благоустройство городов, характеризуемое однообразием, унылостью архитектурного облика и неразвитостью городской культуры [Булгакова С.Н., 2014, с. 350] и т.д. Ну и, конечно, самая острая проблема, блокирующая все экономические преобразования, — *бедность* населения во всех формах своего проявления [Крутник А.Б., 2010, с. 62].

Разрабатывается много программ развития моногородов, однако, по мнению исследователей, национальные проекты и федеральные целевые программы не решают наболевших проблем, а *консервируют их* [Андреев С.Ю., 2007, с. 54]. Исследователи предостерегают, что отток населения из моногородов (особенно приграничных) будет способствовать «оголению» российской территории [Гусев В.В., 2015, с. 8]. Ведь, по мнению исследователей, в отличие от жителей мегаполисов, имеющих возможности проектирования долгосрочных жизненных стратегий, представители малых монопрофильных поселений ориентированы на *защитные стратегии выживания* [Ермолов Т.С., 2018, с. 21]. Задача данного исследования — оценить социальные настроения жителей моногородов с различным социально-экономическим положением (на примере монотерриторий Хакасии).

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса 2021 г. населения моногородов Хакасии. Выборка квотная: по полу и возрасту ($n = 1000$). Метод опроса — формализованное интервью по месту жи-

тельства респондента (население в возрасте от 18 лет и старше). География опроса: города Абаза, Саяногорск, Сорск, Черногорск, поселок Вершина Тей, село Туим. Удельный вес опрошенных по отдельным монотерриториям составил: в Абазе — 10 %, в Саяногорске — 30 %, в Сорске — 10 %, в Черногорске — 45 %, в Вершине Тей — 3 %, в Туиме — 2 %. В исследовании использовался анализ корреляций по Пирсону, а также методы кластерного и регрессионного анализа. Обработка данных и вычисления осуществлялись с помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19.

Экономические проблемы моногородов

В Хакасии шесть поселений, которые входят в кризисный перечень моногородов: три — с наиболее сложным социально-экономическим положением (первая категория) и еще три — с рисками ухудшения ситуации (вторая категория). К первой категории относятся с. Туим, где функционирует одно учреждение, причем не связанное с промышленным производством, а также г. Абаза и п. Вершина Тей, специализирующиеся на добыче железной руды (хотя деятельность градообразующих предприятий в этих монотерриториях на сегодняшний день приостановлена). Ко второй категории относятся — г. Черногорск, основным направлением которого является добыча угля, г. Саяногорск, где функционирует несколько предприятий по производству алюминия, добыче мрамора и гидроэлектростанция, а также г. Сорск с предприятиями по производству медного концентратата и ферромолибдена. В целом, в монопрофильных территориях проживает 41,2 % городского населения, или 28,8 % всего населения республики (табл. 1) [Численность постоянного населения..., 2021].

Казалось бы, в монотерриториях с наиболее сложным экономическим положением безработных должно быть больше, однако результаты нашего исследования показали иное. Удельный вес неработающих респондентов оказался выше в моногородах из категории риска (рис. 1). Конечно, нужно учитывать, что среди неработающего населения определенную долю составляют пенсионеры и домохозяйки, но и удельный вес временно работающих в этих моногородах тоже выше.

Таблица 1. Численность населения монопрофильных территорий Хакасии (на 1 января 2021 г.)

Table 1. Population of single-industry territories of Khakassia (as of January 1, 2021)

№п/п	Монопрофильные территории	Численность населения, чел.	Удельный вес от городского населения, %	Удельный вес от всего населения региона, %
1	г. Абаза	14816	4,0	2,8
2	г. Саяногорск	45384	12,2	8,5
3	г. Сорск	11103	3,0	2,1
4	г. Черногорск	75348	20,2	14,2
5	рп. Вершина Тей	3271	0,9	0,6
6	с. Туйм	3270	0,9	0,6
	Итого	153192	41,2	28,8

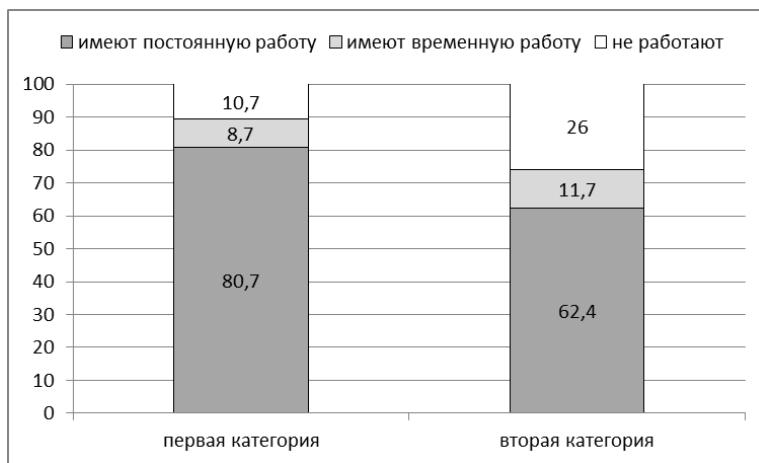

Рис. 1. Соотношение респондентов, имеющих постоянную, временную работу, и неработающих респондентов, % относительно опрошенных

Fig. 1. The ratio of respondents with permanent or temporary employment and unemployed, in % of respondents

На наш взгляд, об уровне реальной безработицы можно судить по тому, где работают жители моногородов: в месте своего проживания, ездят на работу в соседние населенные пункты или работают вахтой за пределами региона. Большинство опрошенных (как в моногородах первой, так и второй категорий) работают по месту проживания, а среди работающих в других местах превалируют маятниковые трудовые мигранты — те, кто ездит на работу в близлежащие города или крупные села (см. рис. 2). Больше маятниковых мигрантов среди опрошенных из моногородов второй категории (имеющих пока только риски ухудшения ситуации). Это объясняется территориальной близостью некоторых из них со столицей региона, благодаря чему у жителей есть возможность ездить туда на работу каждый день. Монотер-

ритории первой категории (со сложной ситуацией) расположены удаленно от крупных городских узлов, поэтому возможностей для маятниковой миграции у населения меньше, однако удельный вес работающих вахтовым методом больше.

На первый взгляд ситуация с безработицей в монотерриториях, находящихся в сложном социально-экономическом положении, кажется более благополучной. Число работающих на постоянной основе превалирует над числом имеющих временную работу, к тому же большая часть работает по месту своего проживания (т.е. в моногороде). Однако в действительности 77,3 % опрошенных — это работники бюджетных организаций (образования, здравоохранения, культуры) и сферы обслуживания (торговли, транспорта).

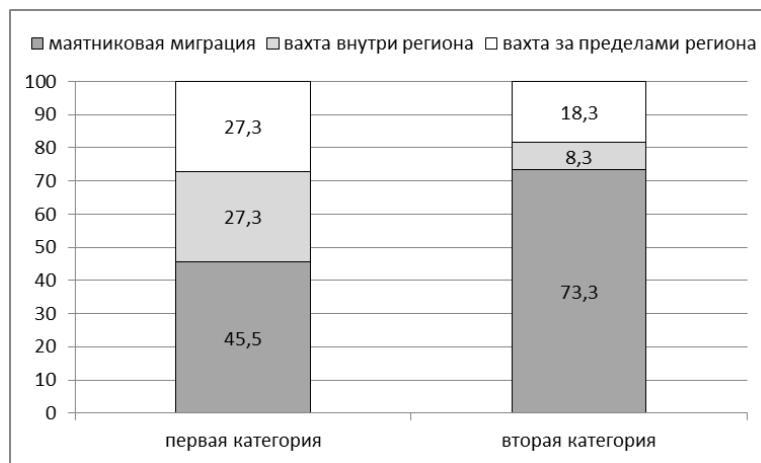

Рис. 2. Респонденты, работающие не в месте своего проживания, % относительно опрошенных, имеющих работу

Fig. 2. Employed respondents out of residence place, in % of employed respondents

В моногородах из зоны риска безработных больше, но рынок труда сам по себе более подвижный, чем и может объясняться высокий удельных вес не имеющих работу. Сферы приложения труда тоже больше, поэтому возможностей для смены сферы деятельности тоже больше. В этих моногородах помимо занятых в бюджетной сфере и сфере услуг значительную долю составляют работники промышленного сектора (37,9 %). К тому же за счет «удачного» географического расположения есть возможность для маятниковой трудовой миграции, что тоже в какой-то мере решает проблему безработицы для жителей этих монотерриторий. С одной стороны, жители этих моногородов низко оценивают свои шансы найти работу в случае ее потери: всего 15,4 % опрошенных ответили, что могут легко найти работу, равнозначную предыдущей. Но, с другой стороны, они меньше возлагают надежд на государство в восстановлении градообразующих предприятий, что в какой-то мере является свидетельством более реалистичного отношения к сложившейся ситуации. Больше половины опрошенных (52,5 %) этих моногородов более перспективным считает развитие малого и среднего предпринимательства. Население монотерриторий со сложным экономическим положением (65 %), напротив, преимущественно надеется на помочь государства, без которой развитие градообразующих предприятий им не представляется возможным.

Социальные настроения жителей монотерриторий

По мнению исследователей, кризисные явления представляют собой объективную причину для пессимистических прогнозов относительно будущего [Дитяев А.Ю., 2011, с. 100]. Логично было бы предположить, что в моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением жители настроены более пессимистично. С одной стороны, это действительно оказалось так. В монотерриториях первой категории больше половины опрошенных (53,1 %) считает, что через год жизнь будет еще хуже, чем сейчас; в моногородах второй категории таковых меньше. Но, с другой стороны, следует иметь в виду, что *социальное настроение* — достаточно емкое понятие и не сводится только к ожиданиям будущего. Поэтому для оценки настроений жителей монотерриторий мы использовали метод кластерного анализа, позволяющего учитывать несколько параметров, по которым можно судить о характере социально-го настроения. При определении направленности социального настроения мы исходили из эмоционального настроя участвующих в опросе, степени их удовлетворенности жизнью, ожиданий ближайшего будущего, а также из общей оценки своей жизни (для вычисления использовались стандартизованные значения переменных). В соответствии с этими переменными все респонденты были сгруппированы в несколько кластеров (методом k-средних). Перв-

вый кластер объединил 45 % опрошенных, второй — 34,3 % и третий — 20,8 %.

Первый кластер отличается положительным эмоциональным настроем (96,9 %), высокой степенью удовлетворенности (98,3 %), преобладанием оптимистичных ожиданий будущего

(29,9 %), а также позитивной оценкой своей жизни в целом (85,2 %), поэтому эту группу опрошенных мы определили как *оптимистов* (рис. 3).

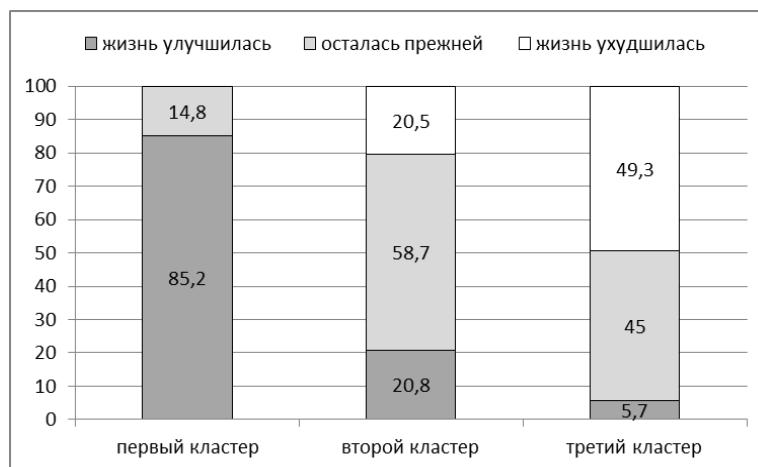

Рис. 3. Оценка изменений своей жизни, % относительно опрошенных

Fig. 3. Assessment of life's changes, in % of respondents

Второй кластер характеризуется умеренным эмоциональным настроем (72,9 %), высокой степенью удовлетворенности (95,4 %), опрошенные этого кластера не ожидают улучшений своей жизни (98,7 %), но при этом дают вполне реальную оценку своей жизни (58,7 %) — эту группу мы назвали *реалистами*. В третьем кластере преобладает напряженный эмоциональный настрой (68,6 %), низкая удовлетворенность (80 %), осознание отсутствия перспектив улучшения жизни (97,1 %), а также доминирование негативных оценок своей жизни (49,3 %). Эту группу опрошенных мы назвали *пессимистами*.

Действительно, оказалось, что в монотерриториях с наиболее сложным социально-экономическим положением (первая категория кризисного перечня) больше пессимистично настроенных людей (см. рис. 4). А среди жителей моногородов, имеющих пока только риски ухудшения экономической ситуации, больше оптимистов, причем почти в два раза. Анализ корреляций по Пирсону подтвердил наличие связи между состоянием экономической ситуации в моногороде и преобладающими там социальными настроениями ($r = 0,107^{**}$). Другими словами, чем хуже экономическое положе-

ние, тем больше в моногороде пессимистично настроенных жителей.

Подтвердилось и другое: связь социально-экономической ситуации с протестными настроениями (анализ корреляций по Пирсону $r = 0,098^{**}$). В монотерриториях, находящихся в сложном положении, почти половина (46,7 %) из ответивших на этот вопрос респондентов допускает вероятность массовых акций протеста (см. рис. 5). Больше среди них и тех, кто готов принять участие в этих акциях (25,6 % против 14,4 %).

По мнению исследователей, оптимизм и пессимизм — это не только субъективные ощущения индивида и его ожидания относительно будущего, но и своеобразное мировоззрение (жизненная философия), основа мотивации социальных поступков [Дитятев А.Ю., 2011, с. 101]. Казалось бы, настроение должно зависеть в первую очередь от социально-экономических показателей, но результаты нашего исследования показали, что социальное настроение больше связано с субъективным со-ставляющими (удовлетворенностью различными сторонами жизни, ощущением счастья, надеждой на лучшее) (см. табл. 2).

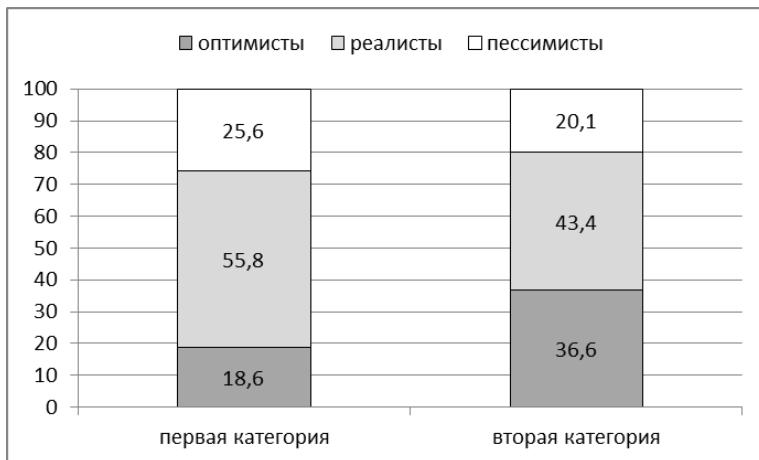

Рис. 4. Социальные настроения жителей моногородов, % относительно опрошенных

Fig. 4. Social mood of residents of single-industry towns, in % of respondents

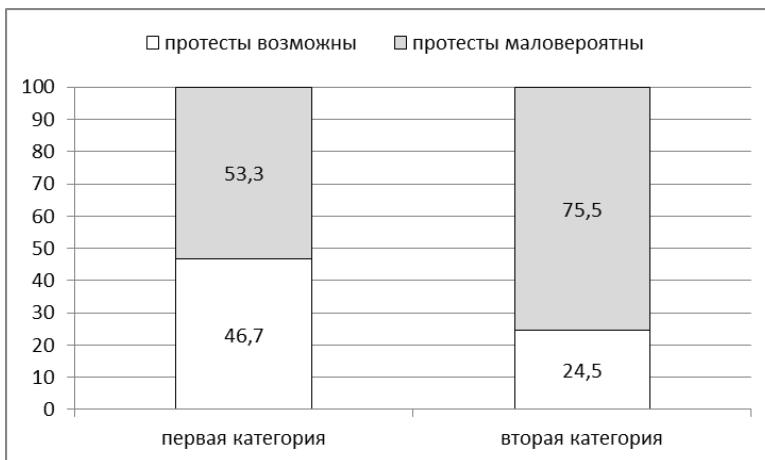

Рис. 5. Оценка вероятности массовых протестов, % относительно ответивших

Fig. 5. Estimation of the probability of mass protests, in % of respondents

Таблица 2. Регрессионная модель связи социального настроения с разными факторами

Table 2. Regression model by the connection of social mood with various factors

Фактор	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты β -коэффициент	t	p
	B-коэффициент	Стд. ошибка			
Ощущение счастья	0,429	0,047	0,401	9,094	0,000
Надежда на лучшее	0,202	0,047	0,181	4,284	0,000
Удовлетворенность	0,127	0,062	0,102	2,067	0,039
Уровень дохода	-0,030	0,025	-0,059	-1,1169	0,243
Наличие работы	0,019	0,031	0,026	0,616	0,538
Уровень материального положения	0,036	0,040	0,051	0,909	0,364

В соответствии с регрессионной моделью полученные данные могут быть содержательно интерпретированы, т.к. коэффициент множественной корреляции ($R = 0,528^{**}$) является

статистически значимым и объясняет 28 % дисперсии. Оказалось, что из выбранных независимых переменных на социальное настроение оказывают влияние всего три: ощущение

счастья (0,401**), надежда на лучшее (0,181**) и удовлетворенность разными сторонами своей жизни (0,102*). Такие индикаторы, как наличие работы, уровень дохода и материальное благополучие, не связаны прямо с социальным настроением. Другими словами, целостное восприятие на эмоциональном уровне в большей степени зависит от субъективных оценок своей жизни, нежели от количественно измеряемых параметров уровня жизни.

Выводы

В исследовании были получены неоднозначные результаты. Оказалось, что проблема безработицы актуальнее для жителей моногородов второй категории (которые только имеют риски ухудшения социально-экономического положения). Опрошенные монотерриторий первой категории (с наиболее сложной ситуацией) не выразили особого беспокойства по поводу лишения работы, высоко оценив свои шансы найти другую работу, причем равнозначную предыдущей. Рынок труда в таких поселениях небольшой, но при этом узкоспециализированный, вполне вероятно, существует дефицит специалистов «редких» профессий, тем более тех, кто готов жить и работать в городах с таким низким уровнем жизни. Нередкой для таких территорий является ситуация, когда отец семейства работает и в течение рабочей недели проживает в моногороде, а его семья постоянно проживает в другом месте. Возможно, такие специалисты понимают, что в случае потери работы они смогут найти ее в другом месте.

В моногородах из зоны риска (а в Хакасии это наиболее крупные города) более высокий уровень жизни, помимо градообразующих предприятий развит малый и средний бизнес, рынок труда сам по себе более подвижный, но и конкуренция тоже выше. Несмотря на это, значительная часть населения ездит на работу в соседние населенные пункты (маятниковая трудовая миграция), также существенна доля и работающих вахтовым методом в других регионах. Вместе с тем жители этих монотерриторий отличаются более активной жизненной позицией. У них меньше выражены протестные настроения, больше позитивных ожиданий будущего. Возможно, это связано с более привлекательными условиями жизни: наличием развитой инфраструктуры, широкими возможностя-

ми для досуга, разнообразной сферой услуг и т.д., поэтому социальные настроения в целом более оптимистичные.

В моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением социальные настроения более напряженные. Об этом можно судить по низкой удовлетворенности, негативным оценкам, отсутствию перспектив улучшения жизни. Кроме того, у жителей этих монотерриторий больше выражена так называемая иждивенческая психология, что проявляется в ожидании помощи со стороны государства. Конечно, в целом уровень протестных настроений не критически высокий, но с учетом сложного социально-экономического положения населения этих монотерриторий вероятность их усиления есть. Почти половина опрошенных в этих городах (48,4 %) находится на грани бедности (им хватает денег только на питание). Поэтому в целом можно считать, что поставленная в начале исследования гипотеза подтвердилась: действительно, в моногородах с наиболее сложным экономическим положением социальные настроения более упадочные.

Однако, как показали результаты, более существенное влияние на социальное настроение оказывают не количественные показатели уровня жизни (наличие работы, уровень дохода), а субъективные оценки своей жизни (ощущение счастья, удовлетворенность, надежда на лучшее). Этот факт свидетельствует о важности *не-экономических* механизмов регулирования факторов социальной напряженности, которые могут быть более эффективными, особенно в кризисное время.

Выражение призательности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений», грант № 19-49-190001 р_а).

Acknowledgements

The research was funded by RFBR, project No. 19-49-190001 р_а «Social problems of single-industry towns in Khakassia: factors, dynamics, search for solutions».

Список литературы

Андреев С.Ю. Анализ социального самочувствия сельских жителей Краснодарского края // Политеатический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного

университета (Научный журнал КубГАУ). 2007. № 30(6). С. 47–58. URL: <http://ej.kubagro.ru/2007/06/pdf/13.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).

Боев В.М. Количественные закономерности вклада факторов среды обитания в формирование демографических процессов в моногородах // Известия Самарского научного Центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 1(8). С. 1960–1963.

Булгакова С.Н. Особенности и проблемы развития моногородов на современном этапе // Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. 2014. № 4. С. 348–354.

Гусев В.В. Развитие российских моногородов — важнейшая задача национальной и экономической безопасности государств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2015-15-3-5-9>

Дитятеv A.Ю. Методологический потенциал концепции социального настроения в изучении феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Теория и практика общественно-го развития. 2011. № 5. С. 100–102.

Ермолаев Т.С. Социальное самочувствие населения северных моногородов (на примере Нерюнгринской городской агломерации) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-21-26>

Кашкина Л.В. Социальное самочувствие населения в моногороде Арктического региона Российской Федерации (по результатам социологических исследований в г. Новодвинске) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3(47). С. 133–136.

Крутник А.Б. Поиски решения проблем социальной сферы // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 3(5). С. 58–65.

Лиман И.А., Крамаренко М.В. Проблемы моногородов Тюменской области и пути их решения // Научный сибирский альманах. 2014. № 3–4. С. 43–48.

Маслова А.Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4, № 5. С. 16–28.

Мурзин А.Д. Социальные факторы развития моногородов // Вестник Кемеровского государ-

ственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2017-4-11-17>

Першина Т.А., Гоголева М.П. Повышение комфорtnости проживания как фактор экономического развития малых городов (моногородов) Российской Федерации (на примере города Котово) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 2(46). С. 50–59. URL: <https://eee-region.ru/article/4606/> (дата обращения: 12.10.2021).

Федотова Н.Е. Теоретические аспекты совместности гипотезы Филлипса с российским рынком труда // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 4(66). С. 12–15.

Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованием / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения: 12.10.2021).

Dinius O.J., Vergara A. Company Towns in the Americas: An introduction // Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities / ed. by O.J. Dinius, A. Vergara. Athens, GA: University of Georgia Press, 2011. P. 1–20.

Hayter R. Single Industry Resource Towns // A Companion to Economic Geography / ed. by E. Sheppard, T.J. Barnes. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2003. P. 290–307. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470693445.ch18>

Stamm M. Review: Dinius, Oliver J. and Angela Vergara, eds., Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities. Athens, GA: University of Georgia Press, 2011. 236 p. // Luso-Brazilian Review. 2013. Vol. 50, no. 1. P. 264–267. DOI: <https://doi.org/10.1353/lbr.2013.0020>

Treller T., Kokot V. Understanding the Phenomenon of Single Industry Towns // Facilitating Sustainability and Economic Prosperity Within Single Industry Municipalities: International and Ukrainian Experience. Kiev: MLED, 2014. P. 6–19.

Получена: 19.10.2021. Доработана после рецензирования: 28.12.2022. Принята к публикации: 10.03.2022

References

Andreev, S.Yu. (2007). [Analysis of social well-being of rural dwellers of Krasnodar region]. *Politematicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal*

- Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyy zhurnal KubGAU)* [Scientific Journal of KubSAU]. No. 30(6), pp. 47–58. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2007/06/pdf/13.pdf> (accessed 12.10.2021).
- Boev, V.M. (2010). [Quantitative laws of the contribution of inhabitancy factors in formation the demographic processes in monocities]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo Tsentra Rossiiskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 12, no. 1(8), pp. 1960–1963.
- Bulgakova, S.N. (2014). [Features and problems of development of single-industry towns at the present stage]. *Uchenye zapiski Instituta upravleniya, biznesa i prava. Seriya: Ekonomika* [Scientific Notes of the Institute of Management, Business and Law. Series: Economics]. No. 4, pp. 348–354.
- Chislennost' postoyannogo naseleniya Rossiyskoy Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam* [The number of permanent population of the Russian Federation by municipalities]. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (accessed 12.10.2021).
- Dinius, O.J. and Vergara A. (2011). Company Towns in the Americas: An introduction. *Company towns in the Americas: Landscape, power, and working-class communities*. Athens, GA: University of Georgia Press, pp. 1–20.
- Dityatev, A.Yu. (2011). [Methodological potential of the concept of social mood in studying of phenomena of optimism and pessimism in modern society]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 5, pp. 100–102.
- Ermolaev, T.S. (2018). [Social wellbeing of the population of Northern monotowns (the case of the Neryungri urban agglomeration)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. No. 1, pp. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-21-26>
- Fedotova, N.E. (2009). [Theoretical aspects of Phillips hypothesis' compatibility with Russian labour market]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomiceskoy akademii* [Bulletin of the Irkutsk State Economics Academy]. No. 4(66), pp. 12–15.
- Gusev, V.V. (2015). [Development of the Russian single-industry towns — important objective of national and economic security]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. Series: Sociology. Politology]. Vol. 15, iss. 3, pp. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2015-15-3-5-9>
- Hayter, R. (2003). Single industry resource towns. *E. Sheppard, T.J. Barnes (eds.) A companion to economic geography*. Oxford, UK: Blackwell Publ., pp. 290–307. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470693445.ch18>
- Kashkina, L.V. (2017). [Social well-being of the population in a company town of the Arctic region of the Russian Federation (based on the results of socio-logical research in Novodvinsk)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 3(47), pp. 133–136.
- Krutik, A.B. (2010). [Search for solutions to social problems]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economy, Social Sphere, Technology]. No. 3(5), pp. 58–65.
- Luyman, I.A. and Kramarenko, M.V. (2014). [Problems monocities Tyumen region and solutions]. *Nauchnyy sibirskiy al'manakh* [Scientific Siberian Almanac]. No. 3–4, pp. 43–48.
- Maslova, A.N. (2011). [Monocities in Russia: problems and solutions]. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovaniye* [Problem Analysis and Public Administration Projection Theory Practice Methodology]. Vol. 4, no. 5, pp. 16–28.
- Murzin, A.D. (2017). [Social factors of monotown development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. No. 4, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2017-4-11-17>
- Pershina, T.A. and Gogoleva, M.P. (2016). [Improving comfortable living as factor of economic development of small towns (one-company towns) Russian federation (on the example of Kotovo)]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal]. No. 2(46), pp. 50–59. Available at: <https://eee-region.ru/article/4606/> (accessed 12.10.2021).
- Stamm, M. (2013). Review: Dinius, Oliver J. and Angela Vergara, eds., *Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities*. Athens, GA: University of Georgia Press,

2011. 236 p. *Luso-Brazilian Review*. Vol. 50, no. 1, pp. 264–267. DOI: <https://doi.org/10.1353/lbr.2013.0020>

Treller, T. and Kokot, V. (2014). Understanding the phenomenon of single industry towns. *Facilitating Sustainability and Economic Prosperity Within*

Single Industry Municipalities: International and Ukrainian Experience. Kiev, MLED Publ., pp. 6–19.

Received: 19.10.2021. Revised: 28.12.2022. Accepted: 10.03.2022

Об авторе

Лушникова Ольга Леонидовна

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
655017, Республика Хакасия, Абакан,
ул. Щетинкина, 23;
e-mail: oltolt@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>
ResearcherID: M-8777-2016

About the author

Olga L. Lushnikova

Candidate of Sociology, Senior Researcher of the Department of Economics and Sociology

Khakass Research Institute for Language, Literature and History,
23, Schetinkin st., Abakan, Republic of Khakassia,
655017, Russia;
e-mail: oltolt@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>
ResearcherID: M-8777-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лушникова О.Л. Социальные настроения жителей монотерриторий Хакасии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 175–185. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-175-185

For citation:

Lushnikova O.L. [Social mood in single-industry towns of Khakassia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 1, pp. 175–185 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-175-185

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «**Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология**» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постстраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел **Выражение признательности** на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в алфавитном (русском языке) порядке без нумерации. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страницы точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037/2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами Гарвардского стиля оформления и содержать все источники в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учились в базе данных. Используйте союз *and* для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «» и «». Знаки «», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференций и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если такой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ъ э ю я

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitonline.com/nastrojki> настройки транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agafstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме artikelей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частичек).

Шаблон для оформления книг:

Шаблон для оформления книги:
Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия), Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

[Название русскоязычной книги](#) приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). [Для англоязычных книг](#) приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otrassei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия занятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. Заглавие книги: сведения, относящиеся к заглавию. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psichologicheskiy analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие: *Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenochnoi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие: *Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrayiny: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. **Название журнала**. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постстраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК**;
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ реестров организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в следующие реестры:

- Реестр иностранных средств массовой информации и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>
- Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>
- Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента — <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья никогда ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2022 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	31 марта
в № 2 — до 01 мая	30 июня
в № 3 — до 01 августа	30 сентября
в № 4 — до 01 октября	30 ноября

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receives original papers in Russian and in English according to study fields as follows:

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there are no distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...»»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdividing the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented according to Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented according to Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037/2Fh0070765>.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2022

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 31
No 2 May 1	June 30
No 3 August 1	September 30
No 4 October 1	November 30

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2022
Выпуск 1

Редактор *Л.А. Богданова*
Корректор *Л.И. Семицветова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.03.2022
Дата выхода в свет 31.03.2022
Формат 60Х84/8. Усл. печ. л. 22,3
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке